В.Н. Томилин

Наша крепость

Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг.

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»

Объединенная редакция «АИРО-XXI – НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»

Леонид ЯНОВИЧ – главный редактор
Андрей МАКАРОВ – исполнительный директор
Сергей ЩЕРБИНА – арт-директор

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Роберт ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Андрей МАКАРОВ	АИРО-XXI
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	АИРО-XXI
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Сергей ЩЕРБИНА	АИРО-XXI
Леонид ЯНОВИЧ	«Новый хронограф»

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА
Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук
ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (АИРО-XXI)

В.Н. Томилин

НАША КРЕПОСТЬ

Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг.

Москва
2009

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Научный редактор
О.И. Митяева, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова

Рецензенты:
З.С. Бочарова, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова
Д.А. Сафонов, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России
Оренбургского государственного педагогического университета

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Томилин, В.Н.
Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. / В.Н. Томилин. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 400 с. – (Серия «АИРО – Монография»). – ISBN ISBN 978-5-91022-108-0.

Монография посвящена изучению машинно-тракторных станций послевоенного времени по материалам Центрального Черноземья Российской Федерации. МТС на протяжении почти трех десятилетий являлись базовой структурой колхозного производства в СССР, они во многом определяли характер и направленность модернизации аграрного строя в нашей стране. Через машинно-тракторные станции в сельское хозяйство внедрялись система машин и индустриальные методы производства, что позволило государству перераспределять огромные материальные и трудовые ресурсы из деревни в город.

Исследование выполнено на основе привлечения широкого круга архивных документов, впервые вводимых в научный оборот. Оно ориентировано на научных работников, преподавателей истории России высших и средних учебных заведений, студентов, всех, кто интересуется отечественной историей.

ISBN 978-5-91022-108-0

© Томилин В.Н., 2009
© АИРО-XXI, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

Глава I
МАШИННО-ТРАКТОРНЫЕ СТАНЦИИ И СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ (1930-е – 1940-е гг.)
МТС в условиях раскрестьянивания деревни в 1930-е годы и их послевоенное состояние 45
Центрально-черноземная деревня в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания 70

Глава II
МТС КАК ИНСТРУМЕНТ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
МТС – механизм реализации сталинской политики в деревне (1946–1952 гг.) 97
Зигзаги аграрного курса Н.С. Хрущева (1953–1958 гг.): от абсолютизации МТС до их ликвидации 115

Глава III
МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ 141
Производственная база МТС в восстановительный период (1946–1950 гг.) 141
Машинно-тракторные станции в 1950-е годы 160

Глава IV
«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ!»
Руководители и специалисты МТС 189
Механизаторы – «рабочая аристократия» на селе? 210

Глава V
ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СИСТЕМА «КОЛХОЗЫ – МТС»
МТС и колхозы: неравноправное партнерство 246
Работа на пределе возможностей (1946–1950 гг.) 273
МТС – основа колхозного производства (1951–1957 гг.) 296

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 339
БИБЛИОГРАФИЯ 345
ИСТОЧНИКИ 345
ПРИЛОЖЕНИЯ 361
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 392

Машинно-тракторная станция должна быть нашей крепостью.

Н.С. Хрущев

ВВЕДЕНИЕ

Сбалансированное развитие различных секторов экономики, достижение социально-экономической стабильности в обществе, рост уровня жизни, в конечном счете, зависят от обеспечения населения продуктами питания, решением проблемы продовольственной безопасности. Состояние аграрного сектора экономики во многом определяет положение государства на мировом уровне. Не случайно, США и Канада, страны Евросоюза, решившие проблему собственной продовольственной безопасности, возглавляют список наиболее развитых стран мира.

Каждая историческая эпоха предъявляет обществу свои вызовы. В настоящее время одной из глобальных проблем человечества является обеспечение продовольственной безопасности. Эта проблема имеет тенденцию к обострению. В XXI веке мир вплотную подошел к тому состоянию, когда явно прослеживается ограниченность природных ресурсов, ощущается их нехватка.

В создавшейся ситуации многие страны начинают поиск альтернативных вариантов, в том числе для получения горюче-смазочных материалов. Все больший размах приобретает процесс производства моторного биотоплива, для чего используется продукция сельского хозяйства. Развитие технологий по его производству ведет к росту спроса и цены на сельскохозяйственные товары. Для России вопрос производства биотоплива не актуален, она обладает энергетическими ресурсами в размерах, позволяющих в обозримой перспективе удовлетворить все свои потребности. Но Россия в начале XXI века находится в зависимости от импорта продовольственных товаров.

Проблема продовольственной безопасности является одной из самых актуальных в современной России. Создание высокоэффектив-

ного аграрного сектора, способного обеспечить и гарантировать продовольственную безопасность страны невозможно без основательного анализа уроков прошлого. До сих пор в обществе ведутся дискуссии о путях развития аграрного сектора, о роли и соотношении крупного хозяйства и фермерского, о модернизации аграрной экономики и т. д. Для лучшего понимания современного состояния сельского хозяйства, причин его отставания необходимо более тщательное изучение советской истории, именно там корни многих нынешних проблем.

Советская деревня с середины 1930-х годов стала преимущественно колхозной. Становление колхозного строя в нашей стране неразрывно связано с деятельностью машинно-тракторных станций (МТС). При организации МТС советское правительство руководствовалось как экономическими, так и политическими соображениями. МТС были призваны показать эффективность внедрения новых технологий, использование системы машин в аграрном производстве, улучшение качества обработки земли и повышение ее плодородия. При этом политотделы МТС, существовавшие в 1933–1934 гг., непосредственно занимались вопросами создания колхозов и организацией их работы.

В политике правительства можно выделить две составляющие: во-первых, стремление насытить колхозное производство техникой посредством МТС, поднять производительность труда в земледелии, увеличить производство сельскохозяйственной продукции; во-вторых, превратить машинно-тракторные станции в важнейший механизм перераспределения средств из деревни в город. Достигалось это путем изменения принципов организации государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов: в объеме заготовок и закупок зерна возрастает удельный вес натуроплаты, которая начислялась колхозам за работы, производимые на их полях техникой МТС. В конце 1930-х годов натуроплата составляла большую часть государственных заготовок и закупок зерна.

На протяжении почти трех десятилетий стержнем аграрного сектора советской экономики являлись машинно-тракторные станции. Фактически в середине 1930-х гг. в СССР была сформирована производственная система «колхозы – МТС», в рамках которой в основном шел процесс развития аграрного строя. МТС являлись системо-

образующей структурой колхозного производства, его основой. Создание крупных сельскохозяйственных предприятий позволило внедрить индустриальные методы работы в деревне, поднять производительность труда и, в конечном итоге, перераспределить десятки миллионов людей из сельского хозяйства в промышленность. Удельный вес населения, занятого в сельском и лесном хозяйстве СССР, уменьшился с 80 % в 1928 г. до 56 % в 1937 г. (1). МТС несли на себе не только организаторские функции, но и выполняли большую часть работ в колхозах. В 1956 г. в колхозах Российской Федерации тракторные бригады МТС выполнили более 80 % всего объема работ (2).

Развитие машинно-тракторных станций традиционных районов земледелия в 1950-е годы сдерживала грандиозная кампания освоения целинных земель. В последний период своей деятельности МТС (как и прежде) не имели ресурсов для проведения всего комплекса работ в колхозах в агротехнические сроки. Пытаясь скрыть неудачу политики освоения целинных земель, Н.С. Хрущев стал манипулировать общественным сознанием, введя в пропагандистский оборот тезис о «двух хозяевах» (колхозах и МТС) на одной земле, о плохом использовании техники в МТС. В 1958 г. произошла реорганизация, а практически, ликвидация МТС, которая до сих пор вызывает среди ученых острые споры.

В 1990-е годы в российском обществе активно обсуждалась проблема низкой эффективности колхозов и совхозов, в виде альтернативы рассматривались фермерские хозяйства, а образцом для подражания стал американский опыт. Иллюзорность таких настроений отмечали даже западные ученые (3). Крупные сельскохозяйственные предприятия в экономическом плане оказываются более устойчивыми.

Важность изучения истории МТС определяется не только научным интересом и необходимостью формирования социальной памяти, но и тем, что МТС (машинно-технологические станции) стали вновь создаваться в России с 90-х годов XX века уже на рыночной основе. В настоящее время они успешно работают во многих районах России. Научная значимость данной проблемы определяется еще и необходимостью более тщательного изучения эволюции аграрного строя России в XX веке. В последнее время были опубликованы работы, в которых ставятся вопросы модернизации аграрного строя

в России в XX веке. Многие из поставленных вопросов, по сути, остаются открытыми, они требуют научного обоснования, проведения конкретных исследований, привлечения обширной документальной базы. Данная работа позволяет уточнить ряд проблем.

Территориальные рамки исследования охватывают Центрально-Черноземный экономический район России, который составляют Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская и Тамбовская области. Работа не носит локальный характер, она позволяет увидеть сквозь призму деятельности МТС Черноземного Центра России состояние колхозного производства традиционных районов земледелия в Европейской части страны. Территориальные рамки работы определяются не только стремлением рассмотреть аграрную историю конкретного региона, но и большим разнообразием и спецификой сельскохозяйственного производства в различных районах России в силу почвенно-климатических особенностей, различий в обеспеченности трудовыми ресурсами, расселения и т. д.

На необходимость учета региональных особенностей в развитии сельского хозяйства неоднократно обращали внимание ученые-аграрники. А. Челинцев выделяет региональность как экономическую категорию и центральный вопрос сельского хозяйства. Пространственная разница в строе и состоянии сельского хозяйства оказывается настолько прочной, отмечает он, что заставляет приписывать разную степень производительности труда в народно-хозяйственном масштабе «не воле и сознательному усмотрению индивидуальных хозяев, а каким-то общим стихийно действующим факторам». К числу общих факторов ученый относил средства производства, землю, плотность сельского населения, степень его профессиональной и социальной дифференциации и т. д. (4). На определяющий характер региональных различий в сельском хозяйстве (природно-географический фактор) обращает внимание Л.В. Милов, который выделяет в умеренном поясе территории России 12 различных природно-климатических областей (5).

Цель исследования состоит в изучении машинно-тракторных станций Черноземного Центра России и показе их ведущей роли в организации колхозного производства в послевоенный период. Ее достижение предполагает рассмотрение следующего круга вопросов:

- МТС как важнейший инструмент аграрной политики советского государства в послевоенные годы;
- производственная и социальная инфраструктура;
- кадры специалистов и механизаторов, условия и оплата их труда, причины их текучести;
- взаимоотношения машинно-тракторных станций и колхозов;
- роль МТС в функционировании колхозного производства.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в историографии поставлен и в основном решен вопрос комплексного изучения машинно-тракторных станций Центрально-Черноземного района применительно к послевоенному периоду их деятельности. Это исследование потребовало привлечения дополнительных источников и новых подходов к их изучению. В работе выявлены и впервые проанализированы материалы, которые позволяют скорректировать вывод ученых о восстановлении материально-технической базы колхозного производства Центрального Черноземья к концу четвертой пятилетки. В действительности к началу 1950-х годов в колхозах региона не удалось восстановить не только посевные площади, но и машинно-тракторный парк, его энергетические мощности, наличие сельскохозяйственного инвентаря и т.д.

В работе впервые на материалах одного из важнейших аграрных районов страны показано нарастание разбалансировки в структуре основных фондов производственного назначения, когда рост тракторов значительно опережал поступление почвообрабатывающих орудий, что делало невозможным полное использование имеющихся технических возможностей. В исследовании показаны степень обеспеченности машинно-тракторных станций кадрами специалистов и механизаторов, условия и оплата их труда. Проанализирована в условиях конкретного региона массовая кампания по перемещению специалистов инженерно-технического профиля из промышленности в МТС. Показано, как много было «наломано дров», когда в деревню направлялись и неподготовленные для работы в сельском хозяйстве специалисты, и откровенные карьеристы и проходимцы.

Фактические данные о формировании контингента сельских механизаторов, их работа в полевых условиях и во время проведения ремонта сельскохозяйственной техники не подтверждают вывод некоторых западных и отечественных историков об этой категории

работников как представителях «голубых воротничков» и «рабочей аристократии». Оплата труда механизаторов была ниже средней оплаты в промышленности, наблюдался постоянный их отток (и не только в город), против механизаторов руководство станций применяло меры принудительно-карательного характера вплоть до 1954 г.

Впервые в отечественной историографии проанализировано влияние кампании освоения целинных и залежных земель на состояние машинно-тракторной базы такого традиционного земледельческого района как Черноземный Центр Российский Федерации. Фактически на протяжении первых трех лет целинного штурма сельскохозяйственная техника в старопахотных районах не только не пополнялась, но даже и не обновлялась. В период 1954–1956 гг. МТС центральных районов страны в основном использовали машинно-тракторный парк и инвентарь, имевшиеся на начало 1954 г.

В работе показаны зигзаги аграрной политики Н.С. Хрущева по наращиванию производственной и социальной инфраструктуры МТС центрально-черноземных областей. Пик производственного строительства в МТС пришелся на 1954 г., затем происходит постепенное сокращение инвестиций вплоть до прекращения. Отказ от строительства объектов МТС в 1957 г. означал большие потери государства, чем расходы на завершение уже начатого строительства.

Новизна работы определяется и ее источниковой базой. С конца XX века расширились возможности для изучения данной проблемы. Работа построена в основном на использовании архивных документов, многие из которых стали доступны совсем недавно и впервые вводятся в научный оборот.

* * *

Осмысление значимости машинно-тракторных станций, их роли в развитии сельского хозяйства и в утверждении нового строя началось с момента их становления. Исходной теоретической установкой для обществоведов стало положение К. Маркса и Ф. Энгельса о соединении земледелия с промышленностью и устранении различий между городом и деревней (6).

Эта проблема оказалась в центре внимания Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в 1929 г. Важнейшее направление изживания противоположности между городом и деревней, по

мнению обществоведов, – это превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Оно связывалось с ростом энерговооруженности труда и внедрением в сельское хозяйство системы машин (7). Среди историков не было единого понимания того, каким образом произойдет полная механизация аграрной сферы экономики. М. Азарин видел историческую роль МТС в том, чтобы механизировать всё колхозное производство, «превратив сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального» (8). По мнению Я. Никулихина, МТС не завершают механизацию всех производственных процессов в сельском хозяйстве, и их следует рассматривать как переходную, промежуточную форму. Со временем МТС, а также совхозы, «обрастая сетью перерабатывающих предприятий, связываясь с колхозами по линии общего использования энергетических установок, сельскохозяйственной индустрии, машин, транспорта, мелиоративных сооружений и единого плана использования рабочей силы, будут в недалеком будущем становиться костяком возникающих агроиндустриальных комбинатов» (9).

В конце 1920-х – 1930-х годах появляются публикации об основании и деятельности первых машинно-тракторных станций и тракторных колонн, статистические материалы, отмечается успешная работа станций по производственному обслуживанию сельских обществ и сельскохозяйственных артелей, их роль в создании колхозного строя (10).

В годы Великой Отечественной войны еще более возросла значимость машинно-тракторных станций для сельского хозяйства. Первые труды о МТС военного времени были написаны по горячим следам. Работы военных лет сообщали о напряженной трудовой жизни села, о патриотическом движении помощи фронту, о восстановлении разрушенного захватчиками хозяйства, о работе тракторных бригад (11).

Изучение истории МТС по существу начинается лишь в послевоенное время. Историография данной проблемы делится на 3 больших этапа, каждый из которых определяется изменением общественно-политической ситуации в стране и, соответственно, смещением акцентов в рассмотрении этого феномена. Первый этап охватывает 1946–1957 гг. Он характеризуется отображением в исследованиях главных установок аграрной политики советского государства, в которой упор делался на развитие сети машинно-тракторных станций

и повышение их роли в колхозном производстве. Под таким углом зрения историки, экономисты, философы, партийно-пропагандистские работники освещали историю МТС в первые послевоенные годы. Второй этап пришелся на конец 1950-х – 1980-е годы. Для исследований данного времени характерно стремление разобраться в природе МТС, выявить его инфраструктуру, изучить вопросы подготовки руководителей и специалистов, кадров массовых профессий и т. д. Для третьего современного этапа отечественной историографии, охватывающего 1990-е – 2000-е годы, характерен поиск новой макрообъяснительной теории. Одновременно для исследователей открылись прежде засекреченные фонды центральных и местных архивов, появились дополнительные возможности не только для вовлечения в научный оборот новых документов и материалов, но и для переосмысления многих сюжетов прошлого и понимания развития общих процессов.

В период 1946–1957 гг. большая часть публикаций, посвященных деятельности машинно-тракторных станций, была выполнена работниками партийно-государственных структур, экономистами, руководителями и специалистами сельского хозяйства. Эти работы носили пропагандистский характер. В первую очередь они разъясняли и комментировали суть партийно-государственных решений, являлись своеобразным руководством к действию для практических работников. Целая серия подобных публикаций вышла после февральского (1947 г.) пленума ЦК ВКП(б). Их авторы подчеркивали возрастание роли МТС в развитии сельскохозяйственного производства, отмечали рост государственных ассигнований на укрепление материально-технической базы колхозного строя, новые моменты в оплате труда механизаторов, необходимость соблюдения агротехники, использование системы машин и т. д. (12).

В трудах экономистов и специалистов-практиков вопрос эффективности использования тракторов и комбайнов занимал центральное место. Авторы обсуждали проблемы улучшения планирования тракторных работ, использования диспетчерской службы в организации работы тракторных бригад, равномерности использования сельскохозяйственной техники в МТС, снабжения запчастями, горючим, взимания натуроплаты за работы МТС и т. д. (13).

На рубеже 1940-х – 1950-х годов важнейшее место в аграрной политике советского правительства отводилось «сталинскому плану

преобразования природы». Практическое осуществление этого проекта в основном возлагалось на машинно-тракторные и специализированные лесозащитные станции. Опыт машинно-тракторных и специализированных станций по закладке лесозащитных полос, строительству прудов и водоемов нашел свое отражение в ряде работ (14). Еще одним крупным событием в жизни советской деревни стала кампания по укрупнению колхозов, которая также нашла свое отражение в публикациях как позитивное мероприятие, способствовавшее созданию условий для более эффективной работы МТС (15).

Основной производственной ячейкой МТС являлись тракторные бригады. Анализу производственной деятельности тракторных бригад было посвящено значительное количество работ, в которых рассматривались вопросы учета и оплаты труда, перевода их на хозяйственный расчет. При этом ученые давали положительный ответ на вопрос: возможен ли хозяйственный расчет в тракторной бригаде, если нет полного хозрасчета в самой МТС (16)? Одновременно в экономической науке обсуждалась проблема целесообразности объединения тракторной бригады МТС и полеводческой бригады колхоза. Такие эксперименты проводились в начале 1950-х годов в Краснодарском крае. Но подобный подход был признан тогда ошибочным (17).

Новый импульс развитию сельского хозяйства и всех отраслей аграрной науки придал сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС. Перевод механизаторов в штат постоянных работников МТС, организация труда постоянных рабочих, оплата их труда, укрепление материально-технической базы станций, формирование качественно иной производственной и социально-культурной инфраструктуры МТС – все это обусловило появление большого количества трудов по осмыслению и изучению указанных процессов (18).

В ряде работ комментировалось решение партии о ликвидации районных управлений сельского хозяйства. Наделение МТС функциями планирования, агротехнического и зооветеринарного обслуживания колхозов рассматривалось как превращение их в решающую силу колхозного производства (19). В работах ученых, посвященных изучению сельского хозяйства середины 1950-х годов, первостепенное внимание уделялось проблеме освоения целинных и залежных земель, изменению практики планирования в колхозах, организации

социалистического соревнования, перераспределению кадров и т. д. Деятельность же машинно-тракторных станций анализировалась преимущественно с точки зрения механизации сельского хозяйства (20).

Среди экономистов оживленно обсуждалась проблема перевода машинно-тракторных станций на хозрасчет (21). Т. Митюшкин предложил осуществить такой порядок финансирования, при котором затраты МТС будут покрываться стоимостью натуроплаты и денежными платежами колхозов за тракторные работы. Автор обнажил самую болевую точку аграрной политики советского государства. Он указал на чрезмерно низкие заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию (22). Обсуждение проблемы перевода МТС на хозрасчет вывело ученых на постановку вопроса об изменении порядка финансирования, о выработке методики определения себестоимости сельскохозяйственной продукции, получаемой в виде натуроплаты работы МТС. Авторы высказывали идеи о более полной финансово-экономической интеграции машинно-тракторных станций и колхозов (23).

Заметным событием в экономической мысли середины 1950-х годов стала монография В.Г. Венжера (24). В ней анализировались проблемы перевода колхозного производства на промышленную основу, уделялось внимание особенностям формирования системы машин в сельском хозяйстве, технологии сельскохозяйственного производства. Автор обосновывает построение системы машин в сельском хозяйстве по четырем важнейшим производственным циклам: подготовка земли к посеву, сев, уход за растениями, уборка. В работе была высказана идея организации поточной формы производства в сельском хозяйстве.

В последние годы функционирования производственной системы «колхозы – МТС» на правительственном уровне было преодолено предубеждение прошлых лет о невозможности объединения тракторных бригад МТС и полеводческих бригад колхозов. Тракторно-полеводческие бригады стали создаваться с 1956 г. в порядке эксперимента. Успешный опыт их работы обобщался и анализировался (25).

Развитие советского обществоведения, его концептуальные построения находились в тесной зависимости от господствующих настроений в руководстве страны. Вплоть до 1958 г. издавались статьи, в которых машинно-тракторные станции назывались решающей силой колхоз-

ного производства, подчеркивалась их значимость в аграрной политике КПСС (26). После февральского (1958 г.) пленума ЦК КПСС, принявшего постановление о реорганизации МТС, ситуация изменилась. Представители общественных наук стали развивать тезис о том, что МТС свою историческую роль выполнили. Колхозы окрепли, и продажа техники колхозам позволит укрепить колхозную собственность (27).

Определяя причины реорганизации МТС, обществоведы не выходили за рамки положений доклада Н.С. Хрущева, прочитанного в феврале 1958 г. на пленуме ЦК КПСС. М.А. Ильин их сформулировал следующим образом. Во-первых, это разрыв между средствами производства, сконцентрированными в МТС, и рабочей силой колхозов. Указанное обстоятельство рассматривалось как помеха эффективного использования рабочей силы и техники. Во-вторых, на одной и той же земле было два хозяина – МТС и колхозы. Колхозы и МТС содержали два аппарата управления для выполнения одних и тех же задач, что значительно повышало себестоимость сельскохозяйственной продукции. В-третьих, снабжение МТС тракторами, машинами и сельскохозяйственными орудиями происходило независимо от потребностей колхозов. Вследствие этого в МТС скапливалось много техники, которая не могла быть использована в колхозах. В-четвертых, советское государство вкладывало огромные средства на содержание МТС, но натуральная и денежная оплата их работ не покрывала расходов (28).

Вплоть до конца 1950-х годов изучением МТС, их взаимоотношений с колхозами занимались преимущественно экономисты. Они исследовали производственную деятельность станций и определяли пути повышения эффективности колхозного производства. После реорганизации МТС интерес к ним со стороны экономистов стал угасать в связи с утратой актуальности проблемы. Второй этап изучения рассматриваемой проблемы (конец 1950-х – 1980-е годы) прошел под знаком доминирования работ историков.

В 1958 г. увидела свет первая монографическая работа, охватывающая всю 30-летнюю историю деятельности МТС. Ее авторы Ю.В. Арутюнян и М.А. Вылцан выявили и систематизировали большой фактический материал, обозначили подходы в исследовании этого феномена, показали роль МТС в реконструкции сельского хо-

зяйства (29). Особое внимание уделяется МТС как центрам коллективизации крестьянских хозяйств. При этом акцент был сделан на показ деятельности политотделов МТС. Центральное место в работе занимает раздел, в котором освещается роль МТС в развитии колхозного производства в послевоенные годы. Ю.В. Арутюнян и М.А. Вылцан развитие сельского хозяйство СССР после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС определяют в виде «крутого подъема», в котором важную роль сыграли «инструкторские группы райкомов партии по зонам МТС». С их созданием, заключают авторы, руководство колхозами и МТС со стороны партийных организаций значительно улучшилось. В книге отмечается также укрепление МТС постоянными кадрами механизаторов, привлечение в сельское хозяйство специалистов и руководителей из промышленности.

В конце 1950-х – 1980-х годах большинство работ, в которых, так или иначе, затрагивалась деятельность МТС, было посвящено изучению аграрной политики Коммунистической партии. В концептуальном отношении исследования не отличались разнообразием подходов и критическим восприятием действительности. В рамках разработки концепции аграрно-крестьянского вопроса публиковались труды, характеризующие политику КПСС в области сельского хозяйства в целом, а также исследовались аспекты данной темы, построенные на использовании материалов местных партийных организаций (30).

Среди советских ученых-аграрников господствовало положение о МТС как структуре, полностью выполнившей свои исторические задачи к концу 1950-х годов, и форма производственно-технического обслуживания колхозов через МТС перестала соответствовать потребностям развития производительных сил сельского хозяйства. Обезличка в организации сельскохозяйственного производства, ненужные расходы на содержание параллельно действующего аппарата управления в МТС и колхозах устранялись реформой 1958 г. (31). Реорганизацию МТС и продажу техники колхозам ученые оценивали как крупное событие, позволившее укрепить колхозно-кооперативную форму социалистического сельского хозяйства и раскрыть ее огромные производственные и социальные возможности (32).

В качестве основного аргумента реорганизации МТС большинство историков и экономистов приводили «теорию двух хозяев». Против такого подхода возражал П.А. Игнатовский. Он назвал «теорию

двух хозяев» методологически несостоятельной, так как устранение одного из «двух хозяев» – государства из сферы колхозного производства – «затея теоретически надуманная». Роль государства в колхозном производстве продолжала оставаться решающей (33).

На рассматриваемом этапе развития историографии изучаемой проблемы появились работы с осторожной критикой аграрной политики Н.С. Хрущева. В.М. Растяпин пишет о том, что первый год работы в новых условиях «подтвердил правильность решения партии и правительства», сельскохозяйственные артели стали более рационально использовать технику. И в то же время он ссылается на «большие финансовые трудности» колхозов после приобретения техники МТС, на серьезные проблемы с использованием машинно-тракторного парка и обеспечением своевременного технического ухода, ремонта. Автор подчеркивает остроту вопроса обеспечения колхозов кадрами трактористов, комбайнеров, слесарей по ремонту, механиков (34).

Не подвергая сомнению саму акцию по реорганизации МТС, М.А. Чинчиков отмечает упрощенное восприятие большинством ученых этого мероприятия как факта возросшего уровня экономики колхозов. Ошибки и поспешность в решении этих задач, указывает он, поставили колхозы в трудное финансовое положение. Отсутствие ремонтной базы и кадров механизаторов в колхозах в конечном итоге отрицательно сказалось на производительности машин (35).

В течение 3-х лет колхозы должны были оплатить более 86 % стоимости полученной от МТС техники. На взгляд Г.К. Ольшевской, правительство установило для колхозов чрезмерно короткие сроки оплаты техники. М.П. Губенко и Г.К. Ольшевская убедительно показали увеличение масштабов изъятия финансовых средств из колхозов после реорганизации МТС. (36) Указанные наблюдения подкрепляют выводы В.С. Долгова. Колхозы в 1950-е годы, считает он, не вкладывали больших средств в приобретение машин, так государство осуществляло бюджетное финансирование сельского хозяйства преимущественно через МТС. Теперь колхозы должны были производить капиталовложения в полную стоимость приобретаемых или сооружаемых средств производства, в 50-е годы колхозы были в этом отношении в лучших условиях (37).

Отличная от других ученых точка зрения на реформу 1958 г. у экономиста В.Г. Венжера. В свое время он, в соавторстве с супругой

А.В. Саниной, предложил И.В. Сталину идею о продаже в собственность колхозам основных средств производства. Предложение было категорически отвергнуто главой правительства СССР (38). В монографии «Колхозный строй на современном этапе» В.Г. Венжер вновь поднимает проблему реорганизации МТС (39). Необходимость в продаже современных машин колхозам, рассуждает он, назревала неотвратимо. Без осуществления этого мероприятия нельзя было перейти от экстенсивных методов расширения сельскохозяйственного производства к интенсивным. МТС как тип хозяйственных предприятий не является обязательным при осуществлении кооперирования мелких производителей там, где кооперативы сами в состоянии применить современные машины и где машин таких имеется в достатке. Но если таких условий нет, подчеркивает автор, и они не могут быть быстро созданы, использование машин через организации типа машинно-тракторных или машинно-прокатных станций «не только возможно, но желательно и целесообразно».

После реорганизации машинно-тракторных станций эта проблема утрачивает свою актуальность для советских обществоведов. За последующий 30-летний период в СССР не было издано ни одной монографии, посвященной непосредственно изучению истории МТС. Но без исследования истории МТС невозможно представить советское сельское хозяйство и советскую деревню 1930-х – 1950-х годов. Поэтому многие аспекты истории МТС, развития ее производственной и социальной инфраструктуры, кадрового обеспечения, роли в организации колхозного производства нашли свое отражение в работах ученых сквозь призму выявления тех или иных сторон жизни колхозной деревни.

Особую роль в исследовании темы сыграли труды М.А. Вылцана. Он опубликовал целый ряд работ, в которых рассматриваются вопросы формирования материально-технической базы колхозного производства в СССР в 1930-е годы, её восстановления и развития в послевоенное время, материального положения колхозников и т. д. (40). В центре внимания автора оказались вопросы истории МТС. Отмечая создание МТС как базовой структуры колхозного производства, он подчеркивает роль внедрения в земледелие трактора в качестве исходного момента технической реконструкции сельского хозяйства.

При изучении процессов восстановления и развития материально-технической базы колхозного строя в послевоенное время автор,

подчеркивая беспрецедентные темпы роста тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, отмечает низкое качество техники. Указанное обстоятельство усугублялось несоответствием ремонтной базы МТС их численности и оснащенности. Проблему повышения качества ремонта вплоть до начала 1950-х годов решить не удалось. М.А. Вылцан сделал смелый вывод о негативных последствиях политики освоения целинных и залежных земель для развития машинно-тракторной базы традиционных районов земледелия: хозяйственное освоение новых земель происходило в ущерб механизации в ряде старопахотных районов зернового производства.

Интересна эволюция отношения М.А. Вылцана к реформе 1958 г. Как уже отмечалось, в ранних работах ученый приветствовал это мероприятие, комментировал и разъяснял его своевременность и значимость. Но в труде, увидевшем свет в 1976 г., высказывается сожаление об упразднении машинно-тракторных станций.

В рассматриваемое время советские историки активно занимались изучением проблемы сельскохозяйственных кадров. В 1960 г. по данной теме были опубликованы обстоятельные монографии Ю.В. Арутюняна и Ю.С. Борисова (41). В исследовании Ю.С. Борисова показаны основные пути формирования производственных кадров сельского хозяйства в годы первых пятилеток: перераспределение их из промышленности, выдвижение снизу и обучение. При этом особое место отводится роли города в социалистическом преобразовании деревни. В соответствии с решением ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) в деревню были посланы индустриальные рабочие-двадцатипятитысячники, из них более полутора тысяч занимались организацией машинно-тракторных станций. Эту помощь автор характеризует как чрезвычайно эффективную. В 1933 г. из города в деревню направляются еще 25 тыс. партийных активистов для работы в политотделах МТС и совхозов. Ю.С. Борисов различает решаемые в первом и втором случаях задачи: двадцатипятитысячники были посланы для победы колхозного строя, политотделы создавались для закрепления победы социализма в деревне.

Ю.В. Арутюнян основное место уделяет изучению механизаторских кадров МТС на протяжении всей истории их существования. В центре внимания автора наряду с подготовкой и обучением оказались также вопросы материально-бытового положения механизато-

ров, оплаты и организации их труда, массово-политической работы. Для придания большей конкретности Ю.В. Арутюнян построил свое исследование на привлечении фактического материала по Краснодарскому, Алтайскому краям и Московской области. Основной формой подготовки механизаторов стала курсовая система при МТС. Школы механизации сельского хозяйства более качественно готовили механизаторов, но война и послевоенные трудности не позволили на соответствующем уровне наладить учебу и быт курсантов. В 1946–1951 гг. в школах механизации было подготовлено лишь 15 % нового пополнения трактористов, в 1952–1953 гг. – одна треть. В конце 1953 г. школы механизации были преобразованы в училища. Центр тяжести подготовки механизаторов, по мнению Ю.В. Арутюняна, окончательно переместился в специальные учебные заведения. Однако по данным П.Н. Шаровой, и в 1954–1958 гг. подавляющее большинство механизаторов было подготовлено на курсах при МТС (42).

Позднее Ю. В. Арутюнян издал книгу, в которой рассматривается труд советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны как подвиг во имя победы. Немало места в ней уделено изучению деятельности МТС, их разукрупнению, роли политотделов в годы войны и т. д. Особое внимание в работе уделяется решению проблемы механизаторских кадров в военное время (43).

Весомый вклад в освещение истории советской послевоенной колхозной деревни внесла А.П. Тюрина (44). Ее монография о формировании кадров специалистов и организаторов колхозного производства в 1946–1958 гг. логически дополняет указанные ранее работы Ю.В. Арутюняна и Ю.С. Борисова. Поскольку в послевоенный период своей деятельности машинно-тракторные станции играли определяющую роль в колхозном производстве, то именно поэтому проблема становления кадров руководителей и специалистов МТС стала центральной в исследовании А.П. Тюриной. Процесс формирования сельскохозяйственной производственной интеллигенции не был завершен в стране к началу Великой Отечественной войны. Наличие агрономов, зоотехников, ветврачей, инженеров и техников не могло удовлетворить даже минимальных потребностей колхозного производства. Война еще более обострила проблему кадров.

В первые послевоенные годы руководство страны предпринимало неоднократные попытки решить проблему нехватки специалистов

в МТС и колхозах за счет их перераспределения из управленческого аппарата и учебных заведений. У руководства МТС в большинстве своем стояли практики, лица, имевшие лишь начальное образование. Благодаря привлечению промышленных кадров, а также специалистов из областного и районного аппарата, к 1950 г. были достигнуты некоторые успехи.

Перемены в аграрной политике советского государства, связанные с решениями сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, самым непосредственным образом касались сельскохозяйственных производственных кадров. Реорганизацию участковой системы агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов, передачу этой функции в ведение МТС ученый рассматривает в качестве положительной меры, способствовавшей повышению роли сельскохозяйственных специалистов в развитии общественного хозяйства. И логичным стал их перевод в 1955 г. в колхозы, этот вопрос объективно решило «развитие колхозного производства». Масштабное мероприятие по перераспределению городских кадров на работу в деревню в 1953–1954 гг. А.П. Тюрина называет тщательно продуманным мероприятием. Это позволило, считает исследователь, перейти качественный рубеж в обеспечении МТС инженерно-техническими кадрами, во главе предприятий стояли в основном работники с высшим и средним образованием.

Проблема подготовки сельскохозяйственных кадров нашла свое отражение в ряде брошюр, статей и диссертаций, часть из них была выполнена по материалам Центрального Черноземья (45).

Изучение функционирования МТС в первые послевоенные годы невозможно представить без привлечения трудов И.М. Волкова (46). Автор обращает внимание на повышение роли МТС в колхозном производстве после войны в связи с резким сокращением поголовья всех видов рабочего скота. Признавая несомненные успехи в укреплении машинно-тракторного парка в восстановительный период, он подчеркивает очень высокую нагрузку посевной площади на трактор, которая «не обеспечивала необходимой механизации сельского хозяйства». И.М. Волков привлекает внимание к культуре землепользования, к вопросам введения и освоения севооборотов, значимости чистых паров. Итоги развернувшегося в 1950 г. массового укрупнения колхозов он оценивает двояко. С одной стороны, это создавало

лучшие условия для использования техники МТС, с другой стороны, заставило изменить систему землепользования, в результате большинство колхозов до конца пятилетки так и не имели устойчивых севооборотов

В выстраивании производственной системы «колхозы – МТС» важную роль сыграли политотделы МТС. Роль политотделов МТС в утверждении колхозного строя, их общественно-политическая деятельность нашли свое отражение в публикациях И.Е. Зеленина и Т.С. Донгаровой (47). Создание политотделов МТС рассматривается авторами как необходимое мероприятие, вызванное объективным состоянием сельского хозяйства в конце 1932 г., слабостью организаторских сил деревни и ожесточением классовой борьбы. Основная масса работников политотделов МТС, отмечает И.Е. Зеленин, перенесла центр тяжести на оперативную деятельность в каждом отдельном колхозе, помогала им организовать производство.

Если И.Е. Зеленин лишь обозначил тему репрессий в деятельности политотделов МТС, то у Т.С. Донгаровой аспект классовой борьбы и подавление сопротивления кулачества выходят на первый план. Политотделы МТС, пишет она, решительно боролись с расхищением общественной собственности, находили колхозное зерно в частных «черных амбарах» и скрытых «черных ямах». Важной стороной работы политотделов МТС стала «проверка кадров» и создание колхозного партактива, чистка аппарата МТС и правлений колхозов «от кулацкого охвостья». Книга Т.С. Донгаровой написана с апологетических позиций.

Деятельность политотделов МТС в годы колхозного строительства в качестве сюжета рассматривается в ряде других работ. М.А. Вылцан обращает внимание на то, что именно политотделы МТС привнесли новые формы массово-политической работы на селе: политчасы, техчасы, соцсоревнование, массовая проверка соцдоговоров, конкурсы на лучшего тракториста, на лучшую бригаду, красные и черные флажки, красные и черные доски и т. д. Политотделы внедряли в колхозах звеньевую организацию труда, боролись с уравниловкой и «с разбазариванием хлеба при распределении» (48). О.И. Митяева выделяет позитивную роль политотделов МТС в создании сети районных газет. Начало этому процессу положили политотделы МТС и совхозов, которые издавали в 1934 г. свыше 2 700 газет (49).

Изучение деятельности машинно-тракторных станций занимает важное место в научных трудах, посвященных исследованию сельского хозяйства и деревни на региональном уровне. Среди них следует выделить работы Р.П. Толмачевой, Г.Е. Корнилова, В.П. Мотревич по истории деревни Урала в военное и послевоенное время (50). В них не только отражена специфика данного региона, но и содержатся новые подходы и наблюдения, имеющие значение для осмысления истории советской деревни в целом. Г.Е. Корнилов, В.П. Мотревич выделяют особую значимость сельского хозяйства Урала в годы Великой Отечественной войны по обеспечению городов региона продовольствием, отмечают ослабление материально-технической базы сельскохозяйственного производства в этот период, изношенность машинно-тракторного парка, что предопределило начало электрификации МТС, совхозов и колхозов этого края уже в годы войны.

Р.П. Толмачева рассматривает агрономическое и зоотехническое обслуживание колхозов Урала через сеть районных отделов и МТС в послевоенные годы, отмечает параллелизм в их работе, отсутствие личной ответственности специалистов за развитие колхозного производства. Параллелизм в работе приводил к тому, что советы и консультации одного специалиста часто расходились с советами другого, что подрывало их авторитет в глазах колхозников. Ликвидация системы участкового агрозоотехнического обслуживания в 1953 г. не устранила всех противоречий. Поэтому перевод агрономов и зоотехников из штатов МТС в колхозы в 1955 г. она считает логичным и необходимым мероприятием.

В 1960-е – 1980-е годы активно изучалась деревня Центрального Черноземья послевоенного времени (51). Аграрная тематика нашла свое отражение в трудах по истории партийных организаций и комсомола центрально-черноземных областей (52), в юбилейных изданиях (53). Итоги изучения деревни Черноземного Центра России подводились в обобщающих трудах (54). В исследованиях нашла свое отражение история машинно-тракторных станций. В них приводятся краткие сведения о работе МТС областей, их роли в колхозном производстве, даются оценки осуществлявшимся мероприятиям правительства, не выходящие, как правило, за рамки общепринятых на тот момент.

Самым значительным трудом по истории послевоенной деревни Центрального Черноземья является монография А.В. Лосева (55). Она базируется на привлечении широкого пласта материалов областных партийных архивов, статистических данных, что позволяет ее оценить не только как историко-партийное, но одновременно как социально-экономическое исследование. При историко-партийном подходе в работе А.В. Лосева затушевываются некоторые проблемы развития аграрного сектора в целом и машинно-тракторных станций в частности. Автор не акцентирует внимание на слабость материально-технической базы колхозного производства, тяжелые условия труда механизаторов и низкую его оплату в первые послевоенные годы. Он отмечает более низкий, в сравнении с другими регионами РСФСР, уровень оснащения колхозного производства Центрального Черноземья современной техникой.

А.В. Лосев, констатируя недостаточный уровень механизации полевых работ в колхозах в начале 1950-х годов, объясняет его плохим использованием машинно-тракторного парка, недогрузкой тракторов и комбайнов. Одной из основных причин такого положения дел в МТС «явилась слабая материальная заинтересованность механизаторских кадров, их недостаточная квалификация». Успехи в развитии колхозного производства в 1954–1957 гг. ученый связывает и с перестройкой работы и структуры партийного аппарата, с деятельностью инструкторских групп по зонам МТС. Укрепление экономики колхозов, заключает А.В. Лосев, предопределило реформу 1958 г. по реорганизации МТС (56).

Советские ученые-аграрники проделали огромную работу по изучению истории крестьянства и колхозной деревни 1930-х – 1950-х годов, важное место в которой занимает освещение деятельности машинно-тракторных станций, их роли в становлении и развитии колхозного строя. Многочисленные публикации по аграрной тематике послужили основой для создания фундаментальных обобщающих трудов по истории советского крестьянства (57).

На современном этапе историографии, начавшемся в 1990-е годы, происходит преодоление многих стереотипов прошлого, появляются новые оценки, иначе расставляются акценты при анализе известных фактов и событий. В конце прошлого – начале нынешнего веков значительно расширилась документальная база для выполне-

ния аграрных исследований. Ученые получили доступ к ранее закрытым фондам центральных и местных архивов, в первую очередь это относится к архивам КПСС.

Большой вклад в переосмысление многих сюжетов аграрной истории внес И.Е. Зеленин (58). В первую очередь это касается аграрной политики советского государства в 1930-е годы. В центре внимания ученого оказались политотделы МТС, которые характеризуются как важнейшее звено в системе антикризисных мероприятий. Политотделы оказались «на высоте» при очищении колхозов и МТС от «антиобщественных и классово-чуждых элементов». Механизм чистки был продуман заранее. Свои полномочия политотделы употребили главным образом на то, чтобы провести глобальную карательную чистку в колхозах и МТС. Разрушительные последствия этой акции, подчеркивает ученый, невозможно было восполнить никакими «выдвижениями» и перетасовками людей.

Политотделы МТС 1933–1934 гг. в последние годы стали объектом изучения в ряде публикаций, из которых следует выделить работу В.В. Наухацкого. Автор рассматривает деятельность политотделов МТС в рамках политики раскрестьянивания, разрушения привычного уклада деревенской жизни, традиций и опыта сельского мира. На взгляд В.В. Наухацкого, политотделы были вызваны к жизни экстремальными условиями модернизации аграрной экономики и функционирования колхозов, переходным характером экономики сельского хозяйства начала 1930-х годов. Создав колхозы как форму хозяйствования, государство через политотделы обеспечило превращение рыхлой формы в структуру – колхозную систему (59).

В работах, посвященных изучению аграрной политики Н.С. Хрущева, И.Е. Зеленин не мог обойти вниманием самые главные проекты – освоение целинных и залежных земель и реорганизацию МТС. У него неоднозначное отношение к реформе 1958 г. Он по-прежнему разделяет положение о «двух хозяевах на одной земле», называет реорганизацию МТС «одной из самых прогрессивных, антитоталитарных реформ». Но из-за предельно сжатых сроков осуществления реорганизация МТС привела к крайне негативным последствиям, делает вывод ученый, была подорвана ремонтная база МТС, колхозы понесли большие убытки при покупке техники, произошла «утечка» кадров механизаторов (60).

В новейших исследованиях по аграрной тематике послевоенного времени в качестве узлового момента неизменно выделяется реформа 1958 г. Единого мнения на этот счет нет. А.А. Никонов отстаивает позиции аграрников 1960-х – 1980-х годов, согласно которым машинно-тракторные станции к 1958 г. свою историческую роль исчерпали (61).

Большинство отечественных ученых критично воспринимают реорганизацию МТС. Создание собственного машинно-тракторного парка не могло не отразиться на экономике колхозов, считает Г.Е. Корнилов, существенно возросли расходы колхозов, поспешность, с которой прошла реорганизация МТС, сопровождалась огромным количеством финансовых, технических и организационных проблем (62). Реорганизация МТС изменила жизнь деревни, колхозы получили возможность обладать и распоряжаться средствами производства. Но это еще не означало уничтожение их зависимости от центральных директивных органов, констатирует О.М. Вербицкая. Государство сохранило монопольное право на материально-техническое снабжение колхозов и на закупку производимой ими продукции, что давало ему возможность «распоряжаться колхозной продукцией и диктовать им свои условия и цены» (63).

Существуют и более жесткие оценки реформы 1958 г. По мнению Н.С. Иванова, государство, сосредоточив в своих руках снабжение колхозов и заказ на колхозную продукцию, «усилило неэквивалентный обмен» (64). В.Б. Чистяков идет еще дальше. Неудачи проведения реорганизации МТС он связывает с поведением советской бюрократии, которая оказывала нажим на колхозы и вынуждала их чрезмерно быстро выкупать технику. В этих условиях реорганизация МТС по своим последствиям стала «очередной насильственной коллективизацией». С реорганизацией МТС, заключает автор, государство вернуло средства, вложенные в деревню, «но потеряло саму деревню» (65).

В современной исторической науке доминируют сдержанные оценки реформы 1958 г. Ученые не отрицают необходимости изменения отношений между государством и колхозами. Но целесообразность реорганизации МТС была нейтрализована поспешностью при ее проведении и неоправданно высокими ценами на устаревшую технику. Поэтому она не дала ожидаемых результатов: расходы для

многих колхозов оказались непосильными, ремонтная база в сельском хозяйстве была подорвана, значительная часть механизаторов и специалистов МТС не захотела превращаться в колхозников и отправилась в города (66).

Тема реорганизации МТС, ее роли в советском сельском хозяйстве нашла свое отражение и в зарубежной литературе. Оценки реформы 1958 г., сделанные по горячим следам, близки к восторженным. Реорганизация МТС и продажа техники колхозам сделали последних полноправными хозяевами всех основных средств производства, пишет французский историк А. Пейре, «это была поистине маленькая аграрная революция» (67). Негативная оценка роли МТС содержится в работе американского ученого Г. Шварца. С ликвидацией МТС, пишет он, «наконец в СССР была открыта перспектива реформировать громоздкую и запутанную систему закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию» (68).

Постепенно характер суждений западных исследователей стал меняться. А. Ноув позитивно оценивает работу МТС, а недостатки он объясняет вмешательством в их деятельность политических чиновников в роли комиссаров, директивным управлением аграрным процессом, когда «партия командовала природными циклами» (69).

Итальянский историк Дж. Боффа характеризует реорганизацию МТС как отказ от сталинской догмы, в соответствии с которой все важнейшие средства производства должны быть государственными. При реализации реформы 1958 г., по мнению автора, колхозы не имели выбора, государственные капитальные вложения в сельское хозяйство были урезаны в сравнении с предшествующим периодом. Результаты реформы он называет «разочаровывающими», а методы проведения «поспешными» (70).

Негативные оценки результатов реформы 1958 г. доминируют в зарубежной историографии (71). Вместе с тем некоторые историки выделяют позитивные моменты. Американский исследователь Р. Миллер делает акцент на то, что при определенных издержках колхозы получили многочисленные выгоды в долгосрочной перспективе, а руководители хозяйств приобрели «так необходимый им опыт в управлении производственным процессом». Этот опыт усиливал возможности развития колхозной системы (72). В западной историографии обосновывается положение о том, что реорганизация МТС

привела к системным изменениям в аграрном секторе экономики. В результате осуществления реформы произошел отказ от сталинской модели социалистического сельского хозяйства. Она сравнивается с реформой П.А. Столыпина (73). Но результативность реформ, подчеркивает британский историк М. Макколей, во многом зависит от фактора личной заинтересованности, от материальных стимулов. Однако Н.С. Хрущев, отмечает он, этого так и не смог понять (74).

У. Таубман в фундаментальной работе о Н.С. Хрущеве не мог пройти мимо оценки его реформ в области сельского хозяйства. По его мнению, МТС были созданы в то время, когда только что организованные колхозы «еще не твердо стояли на ногах». Они служили своеобразными «цитаделями партии и НКВД в сельской местности». Со временем многие колхозы укрепились и могли содержать собственную технику. Однако многие другие были еще не готовы к этому. Реформа 1958 г., пишет У. Таубман, была навязана колхозам. Последствия оказались «ужасающими». Выплатив стоимость техники, даже самые крепкие колхозы потеряли возможность инвестировать средства в другие мероприятия. Техника в колхозах использовалась менее эффективно, чем в МТС. Для рабочих МТС переход в колхозы означал «понижение в статусе и зарплате, и многие из них, бросив работу, разъехались по городам» (75).

При различии оценок аграрной политики Н.С. Хрущева зарубежные исследователи единодушны в том, что она открывала перед советским сельским хозяйством новые возможности. Только позитивный потенциал административных реформ был очень ограничен, в итоге все реорганизации и новации оказывались неэффективными (76).

На современном этапе развития отечественной исторической науки происходит активно изучение аграрной тематики на региональном уровне. В последние годы стали крупными исследовательскими центрами по аграрной истории Екатеринбург, Вологда, Самара, Новосибирск, Оренбург, Тамбов и некоторые др. Появилась новая генерация историков, сформировались научные школы и направления. В начале 2000-х годов была опубликована серия монографий и статей по истории сельского хозяйства и послевоенной деревни, в которых нашла свое отражение и деятельность машинно-тракторных станций.

Новый взгляд в оценке деятельности МТС присущ вологодским ученым М.А. Безнину и Т.М. Димони. Они рассматривают процесс

становления и функционирования МТС в контексте модернизации аграрной подсистемы (77). Модернизационный курс сельского хозяйства, оформившийся в начале 1930-х годов, был ориентирован на колхозную систему, её взаимоотношения с МТС. Модернизация аграрной подсистемы развивается неравномерно, и глубокое изучение точек бифуркации и периодов флуктуации еще впереди, полагает Т.М. Димони (78). Первую точку бифуркации она относит к концу 1920-х – началу 1930-х годов. Далее наступает период развития аграрной подсистемы. Точка очередной бифуркации определяется постановлением февральского (1958 г.) пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

По мере развития инфраструктуры МТС она все более проникает в колхозное производство, увеличивает возможности придания колхозам модернизационных импульсов. Т.М. Димони подчеркивает роль МТС как «экономических и технических агентов модернизации колхозного производства». Через МТС в деревне происходит товаризация труда, связанная с промышленным капиталом. М.А. Безнин и Т.М. Димони и реформу 1958 г. рассматривают сквозь призму аграрной модернизации. Реорганизация МТС, по их мнению, дала новый импульс «товаризации средств производства». Социальная трансформация в модернизировавшемся сельском хозяйстве происходила в ходе раскрестьянивания и привела к формированию новых социальных категорий сельского населения. Исследователи выделяют пять основных социальных групп. Это – протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия, сельский полупролетариат и пролетариат. В разряде протобуржуазии оказались директора МТС, а к рабочей аристократии были отнесены механизаторы, трактористы и комбайнеры (79).

Среди новейших монографических работ следует выделить исследование Д.В. Милохина и А.Ф. Сметанина, посвященное изучению Коми колхозной деревни (80). Авторы показывают позитивные изменения в материально-технической базе сельского хозяйства республики, фиксируют улучшение экономических показателей работы МТС по обслуживанию колхозов. Реорганизацию МТС авторы расценивают как крупнейшую контрреформу по отношению ко всем предшествующим мерам, направленным на оказание помощи колхозному производству.

Р.Р. Хисамутдинова исследовала направленность и результативность аграрной политики советского государства в 1945–1953 гг. применительно к Уралу. Достоинством работы автора является вовлечение в научный оборот обширного документального материала по республикам и областям региона. В ней показано общее и особенное в их развитии: состояние материально-технической базы сельского хозяйства, МТС, специализация, обеспеченность трудовыми ресурсами, производительность труда и т. д. (81).

На примере Ярославской области очень обстоятельное исследование социально-демографических процессов в послевоенной деревне провела Л.Д. Руденко. В нем содержится немало ценных наблюдений, касающихся функционирования производственной системы «колхозы – МТС». В работе выявляется специфика Ярославской области как нечерноземной, ее отставание от других регионов по насыщенности сельскохозяйственной техникой, состоянию ремонтной базы (82).

Крестьянство Северной Осетии в первое послевоенное десятилетие стало объектом изучения И.А. Сланова. Автор отмечает успешное восстановление сельского хозяйства республики к концу четвертой пятилетки, восстановление машинно-тракторного парка МТС. Произвести дальнейшее наращивание средств производства, по его мнению, не позволила кампания освоения целинных земель (83).

Изучение послевоенной советской деревни ведется и на диссертационном уровне. Кандидатская диссертация О.В. Соколовой посвящена изучению истории МТС Центрального Черноземья. Она производит весьма противоречивое впечатление. В состав Центрального Черноземья автор включает только Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую области, проигнорировав тем самым Белгородскую и Липецкую. Работа не выглядит цельной и логичной по своей структуре. Рассматривая процесс возникновения и развития МТС, автор ни словом не обмолвился о деятельности политотделов МТС. В содержательном плане в нем много нестыковок. К примеру, указывается, «через тракторные станции органы управления Центрального Черноземья контролировали размеры посевных площадей и урожаев» (84). В действительности этими вопросами занималась созданная при СНК СССР в декабре 1932 г. Центральная государственная комиссия по определению урожайности, имевшая своих пред-

ставителей во всех районах страны. В работе сообщаются неверные сведения. Автор пишет о том, что в годы войны в Центральном Черноземье было уничтожено свыше 1 тыс. МТС (85). Такого количества МТС в регионе до войны просто не существовало.

Более удачную попытку в исследовании Амурской деревни предприняла Т.П. Стрельцова. Проблемы обеспеченности сельского хозяйства материально-техническими ресурсами, эффективности колхозного производства она проанализировала сквозь призму проведения кампании освоения целинных и залежных земель. Неумеренные масштабы освоения целинных земель, отмечает автор, вскоре привели эти земли в непригодное состояние, превратить Амурскую область в фабрику по производству зерна на Дальнем Востоке не удалось (86).

Таким образом, в изучении машинно-тракторных станций как исторического феномена, их роли в становлении и развитии колхозного строя обществоведами была проведена серьезная работа по выявлению и систематизации фактического материала, его обобщению. Многие стороны деятельности МТС получили свое отражение в трудах, главным образом, историков советского периода. Они составляют точку отсчета для проведения дальнейших исследований.

* * *

Источниковая база изучения истории машинно-тракторных станций обширна. Ее составляют документы партии и правительства, законодательные и нормативные акты, материалы совещаний, воспоминания, мемуары, статистические издания, периодическая печать, архивные документы.

Значительная часть партийно-правительственных документов была опубликована еще в советское время в различных тематических сборниках (87), в отдельных изданиях выходили стенографические отчеты некоторых пленумов ЦК КПСС (88). К числу ценных публикаций документов по истории послевоенного времени относятся сборники документов политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР, изданные в конце прошлого века. В них отражается не только механизм принятия различных решений, но и механизм взаимодействия высших партийных и региональных организаций (89).

Для выявления сущности аграрной политики коммунистической партии и советского государства важны публикации и выступления

«первых лиц» – И.В. Сталина (90) и Н.С. Хрущева (91). Эти материалы дают возможность уяснить некоторые акценты в политике партии, понимании перспектив развития машинно-тракторных станций и всего колхозного строя. К данной группе источников следует отнести и выступления руководителей партии и государства на съездах, пленумах, совещаниях (92). Их не следует персонифицировать, так как материалы готовились аппаратом ЦК, проходили неоднократную «экспертизу» со стороны «первых лиц».

В период политического лидерства Н.С. Хрущева проводилось большое количество различного рода совещаний по сельскому хозяйству в центре и на местах. В них принимали участие руководители партии и советского государства, секретари обкомов партии и председатели облисполкомов, директора МТС, совхозов, председатели колхозов и рядовые работники – передовики производства. Материалы совещаний частично опубликованы (93).

Важным источником по рассматриваемой проблеме являются сборники законодательных актов (94). В них представлены документы, регулирующие организационно-правовые основы взаимоотношений машинно-тракторных станций и колхозов.

При изучении истории колхозной деревни, истории МТС невозможно обойтись без таких источников, как воспоминания. Эта группа источников многочисленна, сюда входят воспоминания государственных и партийных деятелей (95), руководителей машинно-тракторных станций, колхозов и рядовых тружеников (96).

Со второй половины 1950-х годов в СССР стали регулярно публиковаться различные статистические сборники, отражающие параметры развития народного хозяйства страны в целом, а также отдельных отраслей и регионов (97). С точки зрения информативности, статистические издания 1950-х годов страдают некоторыми недостатками. Далеко не все интересующие сведения можно почерпнуть из статистических сборников, но по сравнению с предшествующим периодом был сделан огромный шаг вперед в плане формирования базы источников.

Немало полезных сведений исследователь может извлечь из материалов центральной и местной прессы. В качестве своеобразного источника в работе использованы публикации производственно-технического ежемесячного журнала Министерства сельского хозяйства СССР «МТС».

Современный уровень развития исторической науки требует тщательной проработки архивного материала, тем более что к началу XXI века снята завеса секретности с большей части фондов центральных и местных архивов. Ценнейшие источники по изучению истории машинно-тракторных станций хранятся в фонде Министерства сельского хозяйства СССР Российского государственного архива экономики (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1, 14, 15). Это делопроизводство, приказы по Министерству сельского хозяйства СССР, различные справки, аналитические записки, инструкции, нормативные документы и т. д. Очень большой информативностью отличаются сводные годовые отчеты МТС. Они составлялись ежегодно на уровне областей, республик и в целом по Министерству сельского хозяйства СССР. Их форма и позиции отчетности неоднократно менялись, не все данные можно выстроить в единый ряд для проведения сравнительно-исторического анализа. Но указанные факторы нисколько не снижают значимости данного вида источника.

Новизну и оригинальность работе придает вовлечение в научный оборот комплекса документов ЦК КПСС. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123, 138, 165; Ф. 556. Оп. 22), в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1; Ф. 5. Оп. 24, 45, 46; Ф. 13. Оп. 1; Ф. 89) находится огромный массив документов по проблемам развития сельского хозяйства послевоенного времени. Сюда вошли материалы пленумов ЦК КПСС, аналитические записки о состоянии сельского хозяйства страны, республик, краев и областей, статистические сведения о состоянии посевов, наличии техники, заготовках продукции сельского хозяйства, оперативные данные о проведении сельскохозяйственных кампаний и мн. др.

Огромные пласты документов сосредоточены в областных архивах КПСС. В работе использованы материалы государственных архивов общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО) и Курской области (ГАОПИКО), центров документации новейшей истории Белгородской области (ЦДНИБО), Липецкой (ЦДНИЛО), Тамбовской (ЦДНИТО), фонды КПСС государственного архива Орловской области (ГАОО). Среди документов КПСС наибольший интерес представляют стенографические отчеты пленумов и конференций областных партийных организаций, переписка, под-

готовительные материалы пленумов, конференций, заседаний бюро, справки инструкторских групп.

Весьма содержательными материалами располагают фонды Бюро Совета Министров РСФСР по сельскому хозяйству за 1953–1958 гг. государственный архив Российской Федерации (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7). В них представлены документы, характеризующие реализацию государственных программ в сфере сельского хозяйства в регионах.

Государственные архивы Белгородской (ГАБО), Воронежской (ГАВО), Курской (ГАКО), Липецкой (ГАЛО), Орловской (ГАОО) и Тамбовской (ГАТО) областей предоставляют широкий комплекс документов для изучения истории машинно-тракторных станций Черноземного Центра России. В них находится огромный массив документов областных управлений сельского хозяйства. Материал здесь, в отличие от партийных архивов, не очень хорошо систематизирован, сведения часто носят оперативный характер, их невозможно выстроить в логический ряд, много документов утеряно или ликвидировано по истечении времени. Но при обработке документов шести архивов указанных фондов многие сюжеты удается проследить, отсутствие документов в одних архивах покрывается их наличием в других. Прекрасно сохранились приказы по управлениям, различные инструктивные письма, материалы совещаний руководителей предприятий, специалистов и передовиков производства. Они позволяют почувствовать «нерв» и пульс жизни, уловить важнейшие проблемы деревни и машинно-тракторных станций на тот или иной промежуток времени.

В государственных архивах центрально-черноземных областей сохранились фонды некоторых МТС (а в нескольких архивах они выделены в отдельный фонд). Они содержать книги приказов директоров МТС, годовые статистические отчеты по итогам работы МТС за год, объяснительные записки к ним, лицевые счета работников, протоколы заседаний советов МТС, а иногда протоколы заседаний товарищеских судов. Сохранность документов МТС очень плохая, никакой системы отбора и хранения нет, представлена случайная выборка, чаще всего отрывочные сведения. Значимость этого вида документов в том, что они дают возможность изучить работу МТС на первичном, низовом уровне: почувствовать настроение работни-

ков, определить организацию, условия и дисциплину труда, оплату труда ремонтников и механизаторов в зимний период и т. д.

Таким образом, комплекс опубликованных и архивных источников дает возможность исследовать деятельность машинно-тракторных станций Центрального Черноземья как целостный социально-экономический феномен, проследить их развитие на протяжении всего послевоенного периода. На современном этапе развития исторической науки перед исследователями-аграрниками открываются новые возможности по изучению истории российской деревни. Это дает основание для переосмысления многих сюжетов прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сенявский С.Л.* Рост рабочего класса в СССР, 1951–1965. – М., 1966. – С. 51.

2. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 201. – Л. 9.

3. *Шанин Т.* Четыре модели развития сельского хозяйства // Великий незнакомец. Крестьянс и фермеры в современном мире. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 424.

4. *Челинцев А.* Региональность как центральный вопрос России // Великий незнакомец. Крестьянс и фермеры в современном мире. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 168, 170.

5. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – 2-е изд., доп. – М., 2006. – С. 10.

6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Соч. Т. 4. – С. 447.

7. См.: *Никулихин Я.* К вопросу о соединении промышленности с сельским хозяйством // Большевик. – 1930. – № 6. – С. 30–31; *Он же.* Индустриализация сельского хозяйства в СССР. – М.; Л., 1931. – С. 466; *Он же.* О системе машин в социалистическом земледелии // На аграрном фронте. – 1932. – № 2. – С. 62–64.

8. *Азарин М.Ф.* Энгельс об уничтожении противоположности между городом и деревней // Под знаменем марксизма. – 1935. – № 5. – С. 102.

9. *Никулихин Я.* Индустриализация сельского хозяйства // Тр. Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. – Т. – 2. – Ч. 1. – М., 1930. – С. 458.

10. См.: *Вайнер М.Т., Твардовский В.П.* Машино-тракторные станции к XV годовщине Октября. – М., 1932; *Ларионов А., Фраер С.* МТС – основной рычаг укрепления колхозов. – Л., 1933; *Гальперин И., Ларионов А., Фраер С.* МТС за работой. – Л., 1934; МТС и колхозы в 1936 г. – М., 1937; МТС во второй пятилетке. – М.; Л., 1939; *Горшков М.П. и др.* Организация работы в тракторной бригаде МТС. – Воронеж, 1938 и др.

11. См.: Как женщины работают на тракторах и комбайнах. (Опыт Шишовской МТС Бобровского района). – Воронеж, 1941; *Волков И.* Благородный почин тамбовских колхозников. – М., 1943; Поможем восстановить Орловскую область! – Пенза, 1943; *Тюхов П.* В МТС Орловской области // МТС. – 1943. – 12; *Горшков М.П.* Организация работ в тракторной бригаде МТС. – М., 1944 и др.

12. См.: *Халтурин В.* О роли машинно-тракторных станций в подъеме сельского хозяйства в послевоенный период // МТС. – 1947. – № 3; *Малышев И.* МТС и послевоенный подъем сельского хозяйства // Плановое хозяйство. – 1947. – № 4; *Кучумов П.С.* Механизация сельского хозяйства СССР. Машинно-тракторные станции и их роль в организации колхозного производства. – М., 1949 и др.

13. См.: *Кикин Б.* Вопросы управления МТС. – М., 1948; *Кучумов П.С.* Механизация сельского хозяйства СССР. Машинно-тракторные станции и их роль в организации колхозного производства. – М., 1949; *Алтайский И.* Планирование тракторных работ // Социалистическое сельское хозяйство. – 1949. – № 12; *Тимашова М.* За дальнейшее улучшение работы МТС // МТС. – 1952. – № 3 и др.

14. См.: *Удачин С.* Вопросы теории социалистического землеустройства // Социалистическое сельское хозяйство. – 1949. – № 1; *Канцеляристов П.* Сталинский план преобразования природы в действии // МТС. – 1949. – № 12; *Бенедиктов И.* За дальнейший подъем социалистического сельского хозяйства // Социалистическое сельское хозяйство. – 1952. – № 11 и др.

15. См., напр.: *Еремеев К.И., Лапаев П.С.* МТС и укрупнение колхозов: Из опыта работы МТС Московской области. – М., 1951.

16. См.: *Митюшкин Т.* Учет и оплата труда в тракторной бригаде // МТС. – 1949. – № 3; *Шрабштейн Г.* Внедрение элементов хозяйственного расчета в работу тракторных бригад // МТС. – 1952. – № 7; *Кузнецов И.* Внедрить хозяйственный расчет в тракторных бригадах // МТС. – 1953. – № 9 и др.

17. *Лапаев П.* О резервах использования сельскохозяйственной техники // Социалистическое сельское хозяйство. – 1953. – № 3. - С. 20–21.

18. См.: *Басюк Т.Л.* МТС – решающая сила в развитии колхозного производства. – М., 1954; *Кучумов П.С.* Машинно-тракторные станции – индустриальная материально-техническая база колхозного строя. – М., 1954; *Трофимов Н.П.* Оплата труда в машинно-тракторных станциях // В помощь директору МТС. Сб. статей. Вып. I. – М., 1954; *Булочникова Л.А.* МТС на современном этапе развития сельского хозяйства. – М., 1956 и др.

19. См., напр.: *Объедков Г.* За крутой подъем сельского хозяйства. – М., 1955. – С. 80–81.

20. См.: *Карташов Р.Н.* Развитие сельского хозяйства СССР после сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953 г.) // Вопросы истории. – 1957. – № 11; *Конюшков С.В.* Мероприятия Коммунистической партии по подготовке, подбору и расстановке сельскохозяйственных кадров в послевоенный период. – М., 1955 и др.

21. См.: *Никитин Н.* Хозяйственный расчет – важный стимул роста и укрепления экономики МТС // МТС. – 1956. – № 3; *Ростиславский В.* Внедряем элементы хозяйственного расчета // МТС. – 1956. – № 8; *Маров В.* Хозяйственный расчет и перестройка учета // МТС. – 1956. – № 11 и др.

22. *Митюшкин Т.* О хозрасчете в МТС // Социалистическое сельское хозяйство. – 1954. – № 11. – С. 73–74.

23. См.: *Красюков П.* Финансирование и оценка хозяйственной деятельности МТС // Социалистическое сельское хозяйство. – 1955. – № 5; *Измайлов К.* О системе снабжения МТС // Социалистическое сельское хозяйство. – 1956. – № 7; *Клюев А.* Финансы и себестоимость в МТС // Экономика сельского хозяйства. – 1957. – № 1; *Синюков М.* Снижение себестоимости тракторных работ // Экономика сельского хозяйства. 1957. – № 8 и др.

24. *Венжер В.Г.* Вопросы комплексной механизации колхозного производства. – М., 1955.

25. См.: *Рогов А.* О новой форме организации труда // Социалистическое сельское хозяйство. – 1956. – № 6; *Василенко И.* Назревшие вопросы работы МТС // Экономика сель-

ского хозяйства. – 1957. – № 2; *Бугаев И.* О взаимоотношениях колхозов и МТС // Экономика сельского хозяйства. – 1957. – № 6; *Ватипко Б.* Тракторно-полеводческие бригады Привольнянской МТС // МТС. – 1958. – № 1 и др.

26. См.: *Кошкин В.Н.* Борьба Коммунистической партии Советского Союза за повышение организующей роли МТС в развитии колхозного производства (1946–1955). – М., 1956; *Мацкевич В.* К дальнейшему подъему сельскохозяйственного производства // Экономика сельского хозяйства. - 1957. – № 1; *Ловков Я.* МТС – решающая сила колхозного производства // Социалистическое сельское хозяйство. – 1956. – № 7; *Ильин И.* Роль машинно-тракторных станций в развитии сельского хозяйства страны // МТС. – 1957. – № 11 и др.

27. См.: О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС. (Редакционная статья) // Экономика сельского хозяйства. – 1958. – № 2; *Тулупников А.* Величественные перспективы развития колхозной экономики // Экономика сельского хозяйства. – 1958. – № 2; *Абрамов В.А.* Роль МТС в создании и укреплении колхозного строя // Новый этап в развитии колхозного строя / Ред. колл.: П.С. Буянов. А.А. Каравaев, Н.А. Кулагин. – М., 1959; *Климов П.И.* Колхозная деревня после сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953–1958 гг.) // История СССР. – 1959. – № 2 и др.

28. *Ильин М.А.* Колхозный строй на пути дальнейшего развития // Новый этап в развитии колхозного строя / Ред. колл.: П.С. Буянов. А.А. Каравaев, Н.А. Кулагин. – М., 1959. – С. 16–17.

29. *Арутюнян Ю.В.*, *Вылцан М.А.* Историческая роль МТС и их реорганизация. – М., 1958.

30. См.: *Коркоценко Д.И.*, *Куликов В.И.* Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства (1946–1958 гг.). – М., 1974; История Коммунистической партии Советского Союза. – В 6 т. – Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1959 гг.). – Кн. I. (1938–1945 гг.). – М., 1970; Кн. II. (1945–1959 гг.). – М., 1980; *Юров А.Т.* КПСС в борьбе за развитие материально-технической базы сельского хозяйства (50-е годы). - Ростов-н/Д, 1982; *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. – В 2 т. – Изд. 3-е, доп. – Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. – М., 1983; *Криводед В.В.* КПСС и колхозное крестьянство в 1945–1959 гг. – Ростов-н/Д, 1984; Аграрная политика Коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939): Сб. статей / Под ред. Н.В. Королькова. – Владимир, 1985; *Резванов В.М.* Партийная работа на селе (1945–1959 гг.). – М., 1986 и др.

31. См.: *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. – Саратов, 1967; Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР, конец 30-х – начало 60-х годов. – В 2 т. / Под общ. ред. Ю.А. Полякова. – Т. 2. К развитому социализму (1951 – начало 1960-х годов). – М., 1984. – С. 37; *Милосердов В.В.* Аграрная политика и проблемы развития АПК. – М., 1990. – С. 68 и др.

32. См.: *Чинчиков А.М.* Историография трудового подвига советского крестьянства (1941–1976 годы). – Саратов, 1977. – С. 138.

33. *Игнатовский П.А.* Социально-экономические изменения в советской деревне. – М., 1966. – С. 212.

34. *Растяпин В.М.* Реорганизация МТС Тамбовской области // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973. – М., 1975. – С. 321–322.

35. *Чинчаков М.А.* Указ. соч. – С. 141.

36. См.: *Губенко М.П.*, *Ольшевская Г.К.* Некоторые проблемы развития сельского хозяйства РСФСР в годы семилетки // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные

годы (1946–1970 гг.). Сб. статей / Отв. ред. И.М. Волков. – М., 1972. – С. 334; *Ольшевская Г.К.* К истории реорганизации МТС // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973. – М., 1975. – С. 190–191.

37. *Долгов В.С.* Колхозный строй СССР в 50-е годы // Исторические записки. – Т. 111. – М., 1984. – С. 41–42.

38. См.: *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. – М., 1952. – С. 207–219.

39. *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. – М., 1966.

40. *Вылцан М.А.* Колхозный строй накануне Великой Отечественной войны // История СССР. – 1962. – № 1; *Он же.* Этапы развития материально-технической базы сельского хозяйства СССР // Вопросы истории. – 1975. – № 9; *Он же.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя, 1945–1958. – М., 1976; *Он же.* Завершающий этап создания колхозного строя, 1936–1937. – М., 1978 и др.

41. См.: *Арутюнян Ю.В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. – М., 1960; *Борисов Ю.С.* Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. – М., 1960.

42. *Шарова П.Н.* Колхозы РСФСР в 1953–1958 гг. // Исторические записки. – Т. 110. – М., 1984. – С. 300.

43. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – Изд. 2-е доп. – М., 1970. – С. 112.

44. См.: *Тюрина А.П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства (1946–1958 гг.). – М., 1973; Она же. К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. – 1983. – № 5; *Тюрина А.П.* Противоречия и трудности развития агропромышленного комплекса // Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления. / Под общ. ред. В.В. Журавлева. – М., 1988 и др.

45. См.: *Мещерина М.К.* Подготовка и повышение квалификации рабочих МТС в послевоенный период // Записки Воронеж. с.-х. ин-та. – Т. XXVII. – Вып. 3. – Воронеж, 1958; *Негодяев Н.Е.* Деятельность КПСС по укреплению сельского хозяйства руководящими кадрами в 1953–1958 гг. (Из опыта работы партийных организаций Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей). – Тамбов, 1966; *Паневин А.С.* Об укреплении сельского хозяйства квалифицированными кадрами. Деятельность Воронежской областной партийной организации по выполнению решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. – Воронеж, 1961; *Худяков П.Т.* Подготовка сельскохозяйственных специалистов в пятой пятилетке // Записки Воронеж. с.-х. ин-та. – Т. XXVII. – Вып. 3. – Воронеж, 1958 и др.

46. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы: Колхозы СССР в 1946–1950 гг. – М., 1972; *Он же.* Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы // История СССР. – 1973. – № 1; *Он же.* Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. – М., 1975 и др.

47. См.: *Зеленин И.Е.* Политотделы МТС (1933–1934 гг.) // Исторические записки. – Т. 76. – М., 1965; *Донгарова Т.С.* Чрезвычайные органы партии: (о политотделах МТС). – М., 1976.

48. *Вылцан М.А.* Историческая роль МТС в создании и развитии колхозного строя // История СССР. – 1978. – № 2. – С. 71.

49. *Митяева О.И.* Коммунистическая партия – организатор культурного преобразования деревни в годы социалистической реконструкции сельского хозяйства (1927–1937 гг.). – М., 1976. – С. 75.

50. *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Свердловск, 1990; *Мотревич В.П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечествен-

ной войны. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990; *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). – Томск, 1979; Она же. Колхозы Урала в 50-е годы. – Томск, 1981.

51. *Аврех Л.И.* Тамбовская партийная организация в борьбе за послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства (1945–1953 гг.). – Тамбов, 1961; *Бураков М.Е.* Партия и творческая активность масс на селе. (На материалах областей Центрального Черноземья между 20 и 23 съездами КПСС). – Воронеж, 1970; *Полякова Е.М.* Некоторые вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов Курской области в 1943–1958 гг. // Научн. труды Курск. с.-х. ин-та. – Т. III. – Вып. 5. – Воронеж, 1965; *Малышев И.С.* Партийные организации Российской Федерации в борьбе за развитие сельского хозяйства (1950–1958 гг.) // Некоторые вопросы деятельности КПСС по развитию сельского хозяйства. Сб. статей / Ред. колл.: *Михалев Г.М.* (отв. ред.) и др. – Орел, 1973 и др.

52. См.: Очерки истории Белгородской организации КПСС. – Воронеж, 1983; Очерки истории Воронежской области. – В 2 т. – Т. 2. Эпоха социализма / Под ред. Е.Г. Шуляковского. – Воронеж, 1967; Очерки истории Воронежской организации КПСС / Отв. ред. А.В. Лосев. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Воронеж, 1979; Очерки истории комсомольских организаций Центрального Черноземья / Под ред. В.И. Логунова. – Воронеж, 1978; Очерки истории Курской организации КПСС. – Воронеж, 1980; Очерки истории Липецкой организации КПСС. – Воронеж, 1982; Очерки истории Орловской партийной организации. – Тула, 1967; Очерки истории Тамбовской организации КПСС. – Воронеж, 1984; Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за социалистическое преобразование и развитие сельского хозяйства (1917–1977 гг.). – Воронеж, 1977 и др.

53. Социально-экономические преобразования в воронежской деревне (1917–1967) / Отв. ред. А.В. Лосев. – Воронеж, 1967; Центральное Черноземье за годы Советской власти. (Краткий историко-экономический очерк) / Под ред. проф. А.А. Глухова. – Воронеж, 1967; *Глухов А.А., Логунов В.И.* Сельское хозяйство Воронежской области за 50 лет. – Воронеж, 1967 и др.

54. См.: Историография крестьянства Центрального Черноземья (1917–1980 гг.) / Под ред. А.В. Лосева. – Воронеж, 1980.

55. *Лосев А.В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). – Воронеж, 1965.

56. Там же. – С. 76, 81, 104.

57. История советского крестьянства. – В 5 т. – Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. – М., 1986; Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945) / Отв. ред. М.А. Вылцан. – М., 1987; Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / Отв. ред. И.М. Волков. – М.: Наука, 1988.

58. *Зеленин И.Е.* Политотделы МТС — продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история. – 1992. – № 6; *Он же.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. – М., 2001; *Он же.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: Политика, осуществление, результаты. – М., 2006 и др.

59. *Наухацкий В.В.* Политотделы МТС: проблемы историографии и методологии // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. – М., 2008.

60. *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. – М., 2001.

61. *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII – XX вв.). – М., 1995. – С. 317.

62. *Корнилов Г.Е.* Аграрная модернизации России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 2(19). – С. 8.

63. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. – М., 1992. – С. 34.

64. *Иванов Н.С.* Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996. – С. 419.

65. *Чистяков В.Б.* Производственные кадры сельского хозяйства Российской Федерации, 1945–1965. – М., 2000. – С. 143, 147.

66. История России XX — начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. – М., 2006. – С. 650; История России / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. – М., 2008. – С. 572.

67. Цит. по: *Магомедов А.К., Полищук В.Д.* Диалог об актуальном. Анализ западных концепций советской аграрной политики в 50-е годы / Под ред. В.Б. Островского. – Саратов, 1992. – С. 52.

68. *Schwartz H.* The Soviet Economy Since Stalin. – Philadelphia, 1965. – P. 118.

69. *Nove A.* The Soviet Economic System. – London, 1977. – P. 121.

70. Боффа Дж. История Советского Союза: [Пер. с итал.]. – В 2 т. – Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964. – М., 1996. – С. 490.

71. *Smith G.A.* E. Agriculture // Khrushchev and Khrushchevism / Ed. by M. McCauley. – London; Basingstoke: Macmillan press: L.: School of Slavonic a. East Europ. studies, 1987. – P. 101.

72. *Miller R.F.* One Hundred Thousand Tractors. The MTS and the Development of Controls in Soviet Agriculture. – Cambridge (Mass), Harvard univ. press, 1970. – P. 341.

73. *Millar J.R.* Post-Stalin Agriculture and its Future // The Soviet Union since Stalin / Ed. by S.F. Cohen et al. – Bloomington, 1980. – P. 139; *Yanov A.* In the Grip of the Adversarial Paradigm: the case of Nikita Sergeevich Khrushchev in Retrospect // Reform in Russia and the U. S. S.R. Past and Prospects / Ed. by R.O. Crummey. – Urbana, Chicago, 1989. – P. 163.

74. *Макколей М.* Хрущев и его политика. Какие выводы можно сделать из хрущевской эпохи (1953–1964 гг.)? // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М., 1994. – С. 550.

75. *Таубман У.* Хрущев. – М., 2005. – С. 412–413.

76. *Дроздов В.В.* Экономические реформы в СССР (1953–1985). Взгляды зарубежных исследователей. – М., 1988. – С. 41.

77. См.: *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России в 1930-х – 1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. – 2005. – № 7; *Они же.* Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930-х – 1980-х годов // Отечественная история. – 2005. – № 6 и др.

78. *Димони Т.М.* Политика экономической модернизации сельского хозяйства России в 1930-е – первой половине 1960-х годы // Государственная аграрная политики в России XX века в контексте модернизационного процесса. – Вологда, 2006. – С. 45.

79. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Российская аграрная модернизация 1930-х – начала XXI века // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. – М., 2008. – С. 156–157.

80. *Милохин Д.В., Сметанин А.Ф.* Коми колхозная деревня в послевоенные годы. 1946–1958: Социально-экономические аспекты развития. – М., 2005.

81. *Хисамутдинова Р.Р.* Аграрная политика Советского государства после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 г.). – Оренбург, 2003.

82. *Руденко Л.В.* Социально-демографические процессы в деревне: 1946–1951 гг. (по материалам Ярославской области). – Ярославль: ЯрГУ, 2005.

83. *Сланов И.А.* Крестьянство Северной Осетии в первое послевоенное десятилетие (1946-1955 гг.). – Владикавказ, 1997.

84. *Соколова О.В.* Становление и деятельность машинно-тракторных станций Центрального Черноземья: 1930–1958 годы. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – М., 2004. – С. 17.

85. *Соколова О.В.* Становление и деятельность машинно-тракторных станций Центрального Черноземья: 1930–1958 годы. Дисс. ...канд. ист. наук. – М., 2004. – С. 102.

86. *Стрельцова Т.П.* Амурская деревня: противоречия и трудности послевоенного развития (1946–1965 гг.). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Владивосток, 2006.

87. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. – Т. 3. 1946–1952. – Т. 4. 1953–1957. – М., 1958; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд. – Т. 8. 1946–1955. – Т. 9. 1956–1960. – Т. 10. 1961–1965. – М., 1985–1986; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – В 5 Т. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. – Т. 3. 1941–1952. – Т. 4. 1953–1961. – М., 1968; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. Сб. документов. – М., 1948 и др.

88. См.: Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза. 15–19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. – М., 1958; Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 1999; Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигаев, А. Степанов. – М., 1998.

89. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг. / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, Л.А. Роговая. – М., 2003; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 гг. / Сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко, Л.И. Минюк, О.В. Хлевнюк. – М., 2004; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. – Т. 1. Черновые протокольные записи. Стенограммы / Под ред. А.А. Фурсенко. – М., 2003.

90. *Сталин И.В.* Речь на предвыборном собрании избирателей сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. // Социалистическое сельское хозяйство. 1946. № 1–2; *Он же.* Экономические проблемы социализма в СССР. – М., 1952.

91. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. В 5 т. – М., 1962. – Т. 1. Сентябрь 1953 г. – январь 1955 г.; – Т. 2. Февраль 1955 г. – январь 1958 г.; – Т. 3. Январь 1958 г. – май 1959 г.

92. См.: *Андреев А.А.* О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б). – М., 1947; *Маленков Г.М.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 5 октября 1952 г. – М., 1952; *Он же.* Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. – М., 1953 и др.

93. Всесоюзное совещание работников МТС, созванное ЦК КПСС и Советом Министров СССР. Материалы совещания. – М., 1954; Совещания работников сельского хозяйства Юго-Востока, центрально-черноземной полосы и Северо-Запада // Социалистическое сельское хозяйство. – 1955. – № 3; Передовики сельского хозяйства о своем опыте. Материалы совещания передовиков сельского хозяйства Центрально-Черноземной зоны в г. Воронеже. – М., 1961 и др.

94. Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. – М., 1948; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958. - М., 1959; Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству. – М., 1957; Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. За 1946–1958 гг.; История колхозного права: Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958. – В 2 т. – Т. II. – М., 1958 и др.

95. См. напр.: *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть (Воспоминания): в 4 кн. – М., 1999; *Микоян А.И.* Так было: Размышления о минувшем. – М., 1999; *Гришин В.В.* От Хрущева до Горбачева: Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина: Мемуары. – М., 1996; *Бенедиктов И.А.* О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. – 1989. – № 4. и др.

96. См.: *Баранов П.П.* Двадцать семь лет на посту директора МТС // 1917–1957. Статьи, воспоминания, очерки / Отв. Ред. Т.И. Архипова. – Курск, 1957; *Гармаш Д.М.* Побеждает Любовь. – М., 1973; *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 г. – март 1953 г.). Сб. документов. – М., 1993; Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. и обраб. Е.М. Ковалев. – М., 1996 и др.

97. См.: Народное хозяйство РСФСР. Стат. сб. – М., 1957; Сельское хозяйство РСФСР. – М., 1959; Посевные площади СССР. Стат. сб. – М., 1957; Численность скота в СССР. Стат. сб. – М., 1957; Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. – М., 1960; Народное хозяйство Белгородской области. Стат. сб. – Орел, 1959; Народное хозяйство Курской области. Стат. сб. – Орел, 1960; Народное хозяйство Орловской области. Стат. сб. – Орел, 1957 и др.

Глава I

МАШИННО-ТРАКТОРНЫЕ СТАНЦИИ И СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ (1930-е – 1940-е гг.)

В аграрном секторе советской экономики в послевоенные годы основную роль играли колхозы. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов в Центральном Черноземье на их долю приходилось более 90 % площади земель сельскохозяйственного назначения. Производственную деятельность колхозы осуществляли в тесном взаимодействии с машинно-тракторными станциями. Для выяснения роли МТС в сельском хозяйстве страны необходимо выявить сущность производственной системы «колхозы – МТС», показать основные этапы её становления. При этом следует учесть колоссальный ущерб, который был нанесен деревне Черноземного Центра России в период Великой Отечественной войны.

МТС В УСЛОВИЯХ РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЯ ДЕРЕВНИ В 1930-е ГОДЫ И ИХ ПОСЛЕВОЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Становление и развитие колхозного строя в СССР неразрывно связано с расширением сети машинно-тракторных станций, эти процессы развиваются во взаимодействии. 1928 г. стал отправной датой в создании структуры МТС, а в следующем году началась массовая коллективизация. Параллельное развитие указанных процессов – не случайность. Для утверждения новых общественных отношений в деревне правительство использовало самые разнообразные методы: идеологические, политические и экономические. В ряду государст-

венных мероприятий по формированию нового общественного строя важнейшее место отводилось развитию сети МТС.

Прообразом будущих машинно-тракторных станций являлись тракторные колонны. Первая в стране тракторная колонна была организована осенью 1927 г. на базе совхоза им. Шевченко Березовского района Одесского округа. В ноябре 1928 г. она была преобразована в первую в стране машинно-тракторную станцию (1). Организация тракторных колонн проходила по инициативе центральной власти. Общественная обработка земли с помощью трактора рассматривалась государством, прежде всего, как политическая акция, способная стимулировать процесс создания коллективных хозяйств. В 1928 г. были организованы тракторные колонны уже при 73 совхозах, которые выделили в общей сложности 700 тракторов для обслуживания крестьянских хозяйств (2).

Одновременно стали создаваться тракторные колонны в системе хлебной кооперации. В 1928 г. в Российской Федерации было организовано 13 тракторных колонн с 78 машинами, крупнейшей из них являлась Охочевская тракторная колонна Курского округа Центрально-Черноземной области (3). В это время складывались и кустовые объединения тракторовладельцев, формировавших единый машинно-тракторный парк (или колонну). Таким образом, в конце 1920-х годов процесс создания крупных центров механизации сельскохозяйственного производства приобретает устойчивую тенденцию.

В феврале 1929 г. на Северном Кавказе при совхозе «Хуторок» была основана вторая в СССР и первая в Российской Федерации машинно-тракторная станция. Процесс организации МТС набирает высокие темпы: осенью 1929 г. в стране действовало уже 98 МТС, из них более половины приходилось на Северный Кавказ, Центрально-Черноземную область и Поволжье (4). Накануне массовой коллективизации 5 июня 1929 г. Совет Труда и Обороны принимает постановление «Об организации машинно-тракторных станций». В нем указывалось: «1. Признать своевременный приступ к широкому строительству машинно-тракторных станций, как одному из основных путей к переустройству индивидуальных крестьянский хозяйств в крупные коллективные хозяйства... 5. Организацию машинно-тракторных станций тесно увязать с планом строительства советских и коллективных хозяйств и производить в первую очередь в тех районах, где

намечается значительное расширение посевной площади... При этом машинно-тракторные станции должны быть организованы, в первую очередь, в районах наиболее развитого строительства коллективных хозяйств». По решению правительства предстояло уже в 1930 г. организовать еще 100 МТС (5).

Для централизованного руководства МТС Совет Труда и Обороны решением от 8 мая 1929 г. признал целесообразным создать Всесоюзный центр по организации и руководству машинно-тракторными станциями (ВЦМТС), который впоследствии стали именовать Трактороцентром. Он был образован по принципу акционерного общества. В состав его учредителей входили Народные Комиссариаты земледелия союзных республик, Высший Совет Народного Хозяйства СССР, Наркомат внешней и внутренней торговли СССР, Всесоюзный совет и республиканские центры колхозов, Всесоюзный совет сельскохозяйственной кооперации, Сельскосоюз, Хлебоцентр, Сахароцентр и другие организации (6).

Основная задача Трактороцентра состояла в том, чтобы, наряду с обработкой земли, проводить необходимые мероприятия для поднятия общего уровня агрономической культуры в районах действия МТС, а главное – способствовать объединению индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные обобществленные механизированные хозяйства.

В результате проведения массовой коллективизации в основных зернопроизводящих районах страны в 1929–1932 гг. было организовано свыше 200 тыс. сельскохозяйственных артелей, они объединяли более 60 % крестьянских хозяйств и около 75 % крестьянских посевных площадей. Причем за это время произошло расширение посевных площадей на 21 млн га (7). Создание огромного количества маломощных сельскохозяйственных артелей с очень слабой материально-технической базой ставило перед правительством вопрос об организации колхозного производства и подведении под него машинной базы. Несмотря на общее увеличение посевных площадей, вследствие снижения урожайности сельскохозяйственных культур, валовой сбор зерна по СССР упал с рекордных 835 449,3 тыс. ц в 1930 г. до 694 839,9 тыс. ц в 1932 г. (8).

На урожайности зерновых культур сказались неблагоприятные климатические условия. Но главная причина ее снижения заключа-

лась в том, что не соблюдалась агротехника, хуже обрабатывались поля, затягивались сроки выполнения полевых работ, посевы забивали сорняки. Ситуация усугублялась еще тем, что подавляющее большинство крестьян-единоличников вступали в колхозы под давлением властей, колхозы не имели внутренней самоорганизации и стимуляции в осуществлении производственной деятельности.

Параллельно с форсированным созданием колхозного строя происходит быстрое расширение сети машинно-тракторных станций. До конца 1932 г. численность МТС по СССР увеличилась до 2446, а их тракторный парк составил 74,8 тыс. машин (9). В аграрной политике советского правительства машинно-тракторным станциям отводилась исключительно важная роль: они должны были стать проводником государственной политики в деревне и одновременно привнести организующее начало в колхозное производство. При таких обстоятельствах происходит постепенное выстраивание производственной системы «колхозы – МТС».

Главная экономическая задача правительства в отношении деревни сводилась преимущественно к решению зерновой проблемы, то есть к созданию запасов хлеба, необходимых для внутреннего потребления в стране и реализации их на внешнем рынке. После завершения коллективизации в основных зернопроизводящих районах страны правительство коренным образом перестраивает существовавший порядок хлебозаготовок. В конце 1920-х – начале 1930-х годах решающую роль в заготовках хлеба играла контрактация, которая представляла собой систему массовых договоров государственных и кооперативных организаций с отдельными крестьянами или крестьянскими объединениями. Стороны брали на себя взаимные обязательства: крестьяне должны были произвести и сдать государству определенное количество зерна по фиксированным ценам, а государственные и кооперативные организации авансировали сельскохозяйственное производство, помогали хозяйствам инвентарем, машинами, семенами, удобрениями. В 1930 г. контрактацией была охвачена площадь яровых и озимых посевов в 49200 тыс. га, или 50,2 % площади зерновых в стране. Через контрактацию поступало более половины всех хлебных ресурсов. В 1932 г. была законтрактована подавляющая часть посевов хлебов у колхозов и единоличников – 73957 тыс. га, то есть около 82 % всех засеянных под хлеб площадей у колхозов и единоличников (10).

По существу контрактационная система представляла собой компромисс между производителями хлеба и государством: первые мирились с твердыми, более низкими ценами, в сравнении с рыночными заготовительными ценами, а государство, тем не менее, вынуждено было расходовать значительные средства. Так, на финансирование посевной кампании 1930 г. правительство выделило 814 млн руб., в том числе 247 млн руб. на контрактацию (11).

В начале 1930-х годов происходит ужесточение хлебозаготовительной политики правительства. В 1931–1932 гг. заготовительные организации платили за 1 центнер ржи 4,5–6,1 руб., что было значительно ниже себестоимости продукции, производимой колхозами. Даже в специализированных зерносовхозах себестоимость зерна в это время достигала 22,9 руб., то есть была в несколько раз выше заготовительных цен. Рыночные цены на хлеб находились на уровне государственных коммерческих цен: 1 кг ржаного хлеба стоил 2–2,5 руб., пшеничного – 3,5–4 руб. (12). При этом в 1932 г. государство прекратило авансирование контрактации по зерновым культурам. Разрешение хлебной торговли только усилило стремление колхозников и единоличников избежать сдачи хлеба государству. В итоге складывается крайне противоречивая ситуация: при сокращении производства зерна в 1931–1932 гг. руководство страны проводит политику, направленную на увеличение объемов хлебозаготовок. Беспощадное изъятие хлеба урожая 1932 г. у колхозов и единоличников в главных зернопроизводящих районах страны привело к массовому голоду и гибели огромного количества людей (13).

К началу 1933 г. аграрный сектор советской экономики оказался в кризисном состоянии: были разрушены производительные силы деревни, произошла массовая гибель основных производителей сельскохозяйственной продукции, отсутствовала сколько-нибудь внятная организация труда в колхозах. Вот главный итог завершения сплошной коллективизации. Перед руководством страны встает задача поиска выхода из тупика.

В этом плане исключительно важную роль сыграли решения январского (1933 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), положившие начало выстраивания новой структуры управления производственной сферы деревни. На пленуме не обошлось без традиционной партийной риторики: все трудности и беды объяснялись происками

врагов народа, которые «стремятся организовать вредительство, портят машины, сеют с огрехами, расхищают колхозное добро, подрывают трудовую дисциплину, организуют воровство семян, тайные амбары, саботаж хлебозаготовок» (14).

Фактически руководство страны признало кризисную обстановку в сельском хозяйстве. После проведения коллективизации хозяйственная жизнь деревни оказалась дезорганизована, крестьянство лишилось стимулов к труду, а главное – перспективы развития. Первостепенная задача правительственной политики в деревне заключалась в том, чтобы наладить производственную деятельность недавно образованных колхозов. В разработке правительственной политики в деревне центральное место отводилось машинно-тракторным станциям. МТС, наряду с совхозами, были названы «главнейшим рычагом переустройства сельского хозяйства на социалистический лад и непрерывного усиления советского влияния на колхозников» (15). Отмечая организационно-хозяйственную роль МТС в деле технического перевооружения и социалистического переустройства сельского хозяйства, пленум подчеркнул их совершенно недостаточное политическое влияние на широкие массы колхозников: «МТС зачастую не имеют политического лица» (16).

Исходя из целей политического укрепления МТС и совхозов, повышения их политической роли и влияния на селе, пленум принял решение организовать во всех машинно-тракторных станциях и совхозах политотделы во главе с заместителями директоров МТС и совхозов по политической части. Политотделы МТС и совхозов наделялись особым статусом и чрезвычайно широкими полномочиями. Они должны были содействовать повышению урожайности полей, лучшему уходу за скотом, своевременной организации осеннего и весеннего сева, уборки и обмолота выращенного хлеба, своевременному и полному выполнению колхозниками и совхозами своих обязательств перед государством. Перед ними стояла задача – обеспечить партийный контроль во всех областях работы и жизни как самих МТС и совхозов, так и обслуживаемых машинно-тракторными станциями колхозов (17).

Политотделы МТС и совхозов должны были предотвращать хищение семян и обмолоченного зерна, вести борьбу с невыходами на работу, обеспечивать «изгнание из колхозов и совхозов всех вреди-

тельских противосоветских и противоколхозных элементов» и вести «подбор лучших, проверенных кадров для колхозов и совхозов». Им вменялось в обязанность «обеспечить настойчивое, правильное и своевременное применение законов Советского правительства об административных и карательных мерах в отношении организаторов расхищения общественной собственности и саботаже мероприятий правительства в области сельского хозяйства» (18).

Главное внимание политотделы МТС и совхозов должны были сосредоточить на выполнении двух основных задач: во-первых, обеспечить «своевременное и полное» выполнение заготовительных планов; а во-вторых, очистить колхозы и машинно-тракторные станции от классово-враждебных и вредительских элементов. Политотделы создавались в составе начальника, двух его заместителей по общепартийной работе и одного помощника по комсомольской работе (19).

Начальник политотдела МТС наделялся очень высоким статусом, он подчинялся непосредственно политсектору МТС краевого (областного) земельного управления или наркомату земледелия в национальных республиках. С отступлением от существующих принципов выстраивались взаимоотношения политотделов МТС с местными райкомами партии. Начальник политотдела МТС автоматически входил в состав райкома партии и периодически информировал его о своей работе, но в то же время он райкому не подчинялся. Начальники политотделов МТС назначались и смещались ЦК ВКП(б) по представлению первых секретарей крайкомов, обкомов и ЦК национальных компартий. Общую координацию работы политотделов МТС осуществляло Политуправление МТС Наркомата Земледелия СССР (20).

В постановлении январского (1933 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) отмечалось, что начальник политотдела МТС и совхоза имеет двух заместителей по общепартийной работе. На самом деле одним из его заместителей являлся сотрудник ОГПУ. Главная задача этого заместителя заключалась в том, чтобы «...выявлять и освещать деятельность контрреволюционных, антисоветских и кулацких группировок, организаций и отдельных лиц, как в составе МТС, так и на территории (колхозов) обслуживаемой МТС, и совхозов» (21).

Решения январского пленума определили новый вектор в деятельности машинно-тракторных станций. Политическая составляю-

щая в деятельности МТС выдвигалась на первый план, руководство МТС в лице директора и начальника политотдела решало фактически все вопросы, связанные с жизнью колхозной деревни. При этом политотделы не подчинялись ни сельским райкомам, ни районным земельным органам. В сельских районах образовались два партийных центра. Указанное обстоятельство приводило к возникновению противоречий между политотделами МТС и райкомами партии.

Уже весной 1933 г. политотделы потребовали передачи в свое ведение некоторых функций райкомов партии: права перемещения коммунистов и комсомольцев в пределах зоны МТС без согласования с райкомом, непосредственного подчинения всех работающих в массиве МТС уполномоченных райкомов и райисполкомов, предоставления права налагать взыскания на коммунистов. Между райкомами и политотделами возникали конфликты. Так, Добровский райком ВКП(б) Центрально-Черноземной области попытался направить работников политотдела МТС в качестве своих уполномоченных в колхозы. Но начальник политотдела МТС Шедеркин отказался выполнить это указание. В ответ секретарь райкома Пчелкин распорядился отобрать у МТС земли, выделенные для обеспечения лошадей фуражом. Только вмешательство областного начальства помогло уладить конфликт (22). Это был далеко не единичный случай во взаимоотношениях политотделов МТС и райкомов партии.

Для разрешения возникшей ситуации, 15 июня 1933 г. ЦК ВКП(б) принимает специальное постановление «О работе политотделов МТС, о колхозной ячейке и о взаимоотношениях политотделов и райкомов». В нем производится четкое разделение полномочий политотделов и райкомов. Колхозные ячейки, указывается в постановлении, работают под руководством политотделов МТС и выполняют директивы политотдела МТС, в пределах вопросов деятельности МТС. По всем остальным вопросам жизни села (советское строительство, финансы, просвещение, пропаганда и пр.), отмечается в документе, ячейками колхозов руководят райкомы партии (23). Таким образом, политотделы МТС по своему положению были поставлены выше сельских райкомов. Именно политотделы решали на местах основной круг вопросов жизни колхозной деревни. Указанное постановление обязывало организовать в течение 1933 г. в каждом политотделе МТС по небольшой газете. В штат политотдела МТС дополнительно

вводились новые должности – редактора газеты и по работе среди женщин (женорганизатора) (24).

Всего было создано 3 368 политотделов МТС и 2 021 – в совхозах. Политотделы МТС, наделенные функциями партийно-политических, хозяйственных и карательных органов, во-первых, являлись неконституционными и, во-вторых, противоречили принципам построения коммунистической партии. Они стали чрезвычайными органами партии в деревне. Только спустя год, на XVII съезде ВКП(б) был внесен специальный пункт, предоставлявший право ЦК партии в целях усиления политической работы создавать такие органы (25).

С завершением «в основном» сплошной коллективизации в аграрном секторе экономики страны стала формироваться новая производственная система «колхозы – МТС». Было необходимо эту производственную систему запустить в работу, вот для чего и создавались чрезвычайные органы управления в деревне. Обстановка в деревне осложнялась еще и тем, что процесс создания машинно-тракторных станций и колхозов протекал параллельно, и те, и другие находились в стадии становления. Вопрос организационно-хозяйственного укрепления был в равной мере актуален, как для МТС, так и для колхозов. Прежде всего следовало организовать работу МТС. Между тем во многих МТС сложилась обстановка бесхозяйственности, тракторы, сельскохозяйственные машины и инвентарь непроизводительно использовались, плохо обслуживались и хранились (26).

В подавляющем большинстве колхозов отсутствовала организация земледельческого труда, а главное, – люди утратили интерес к работе. Политотдел Морецкой МТС Еланского района Ниже-Волжского края докладывал о положении дел в колхозе «Пятилетка»: «Сев происходил безобразно. Трудовой дисциплины не было. Только 60 % колхозников выходили на работу, начинали в 10 утра. Глубина пахоты во 2-й бригаде составила от 2 до 4 см. ...Контрреволюционное охвостье хозяйничало в колхозе. ...Под руководством политотдела вся эта шайка была разоблачена: колхоз был очищен от враждебных элементов» (27). У политотделов МТС было широкое поле деятельности: они устанавливали дисциплину, следили за соблюдением агротехники, но решительнее всего вели борьбу с «контрреволюционным охвостьем». При этом применялись многократно испытанные карательные методы. В результате администра-

тивно-карательных мероприятий политотделов МТС и совхозов Ниже-Волжского края уже к концу 1933 г. было снято с работы свыше 20 тыс. человек (28).

Аналогичным образом действовали политотделы МТС и в других регионах. В Северо-Кавказском крае в 1933 г. они «вычистили» из МТС 5 846 человек. Так же энергично изгонялись «классово-чуждые элементы» из колхозов, в которых было выявлено 24 643 «антиколхозных элементов» (29). Карательно-репрессивные акции политотделов МТС приняли такой размах, что стали вызывать серьезные опасения у руководства страны. «Я вот знаю по материалам и из расспросов товарищей, что в некоторых районах сотнями лупят и не считаются с тем, что значит выгнать человека из колхоза.., – говорил И.В. Сталин 2 июля 1934 г. на закрытом совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации. – А это значит обречь его на голодное существование или толкнуть на воровство...» (30).

Летом 1934 г. ЦК ВКП(б) принял несколько постановлений, в которых осуждались факты «грубого нарушения революционной законности» в отношении колхозников и единоличников (исключение людей из колхозов, массовые репрессии против единоличников и др.). В создавшейся ситуации политотделы были вынуждены вести работу по заполнению открывшихся «вакансий» в колхозах. Всего они выдвинули на руководящую работу более 250 тыс. колхозников, в том числе около 30 тыс. председателей колхозов (31).

Политотделы несли прямую ответственность за выполнение хозяйственных планов колхозами, в зоне обслуживания МТС. Поэтому неслучайно, с 1933 г. для колхозов вводятся обязательные поставки сельскохозяйственной продукции, которые имели силу налога. Также государство устанавливает хлебозакуп на «добровольных началах». Для каждого района определялись обязательные нормы сдачи многих культур. Политотделы МТС играли решающую роль в выполнении колхозами планов хлебозаготовок. Осенью 1933 г. политотделы МТС Центрально-Черноземной области каждые 5 дней отчитывались о хлебозаготовках в колхозах. При этом колхозы должны были выполнять не только план хлебозаготовок, но и хлебозакупок. План выполнялся «любой ценой» даже за счет семенного и фуражного фонда (32).

Политотделы МТС действовали два года. Ноябрьский (1934 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение о преобразовании политотделов МТС в обычные партийные организации и их слиянии с районными комитетами партии. В документах пленума приводятся данные, свидетельствующие, во-первых, о росте общественного сектора экономики в деревне – в конце 1934 г. 240 тыс. колхозов объединяли ¾ крестьянских хозяйств и около 90 % посевных площадей; во-вторых, об улучшении управляемости колхозным производством. В 1933–1934 гг., в сравнении с 1932 г., быстрее прошли весенний сев и уборка, «хлебозаготовительный план 1933 г. выполнен на полтора месяца раньше 1932 г., а хлебозаготовительный план 1934 г. выполнен на полтора месяца раньше 1933 г.» (33).

Таким образом, политотделы МТС являлись важнейшим элементом в системе антикризисных мероприятий правительства в сельском хозяйстве. Они были вызваны к жизни экстремальными условиями модернизации аграрной экономики. Переходный характер экономики подталкивал к применению административных мер регулирования, а характер политического режима делал такой вариант стабилизации наиболее вероятным (34). Через политотделы МТС партия сумела обеспечить нормализацию обстановки в деревне в условиях распада старых структур жизни, преодолеть наиболее острые проявления аграрного кризиса, положить начало выстраивания производственной системы «колхозы – МТС».

Не подлежит сомнению тот факт, что политотделы МТС сыграли важнейшую роль в выстраивании системы управления колхозной деревней. Они существенно дополняли ресурс власти на местах. При оценке роли политотделов МТС необходимо учитывать еще одно обстоятельство. В начале 1930-х годов в стране проводилась административно-территориальная реформа. Ликвидировалась такая структура управления, как округ, и шло становление районного звена управления (35). Часто районные территориальные образования были очень крупными, возникал своего рода вакуум власти на местах. И политотделы МТС, таким образом, являлись дополнительным проводником политики центральной власти.

В СССР в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) происходит в основном завершение процесса развертывания сети МТС, за это время их число увеличилось с 2916 до 5818, в том числе в Россий-

ской Федерации – с 1857 до 3937. Основная часть машинно-тракторных станций концентрировалась в районах земледельческого Центра, Юга и Юго-востока страны. В конце 1937 г. в Центрально-Черноземной полосе насчитывалось 595 МТС, что составляет 15,1 % от их общего количества по РСФСР. Удельный вес посевных площадей колхозов, обслуживаемых машинно-тракторными станциями, достиг к концу пятилетки в целом по Советскому Союзу 91,2 %, по Российской Федерации – 90,9 %, а в зерновых районах – 96–98 %. В Центральном Черноземье МТС обслуживали 92,7 % колхозов, которые располагали 96,9 % всех посевных площадей колхозов (36).

Внедрение в земледелие машинной техники, создание крупных центров механизации сельского хозяйства создавали предпосылки для реконструкции промышленности. Модернизация отечественной промышленности, развернувшаяся во второй половине 1920-х – 1930-х годах, требовала не только огромных финансовых, но и трудовых ресурсов. Главным источником пополнения рабочего класса стала деревня. Значительная часть деревенского населения в те годы переходила в промышленность и превращалась из производителей сельскохозяйственных продуктов в потребителей. Только за 1928–1935 гг. в города прибыло около 17,7 млн человек сельского населения (37). Без внедрения индустриальных методов в сельскохозяйственное производство, роста механизации работ в земледелии такое перераспределение трудовых ресурсов было бы невозможно.

За годы второй пятилетки значительно окрепла материально-техническая база машинно-тракторных станций: численность тракторного парка и его мощность удвоились. Вступившие в строй новые тракторные заводы производили более совершенные машины. При этом обращает на себя внимание следующий факт: тракторный парк МТС к концу второй пятилетки состоял преимущественно из новых машин отечественного производства – колесных тракторов «СТЗ» и «ХТЗ» 15/30. Советская промышленность освоила производство гусеничных тракторов («ЧТЗ С-48/60», «СТЗ-НАТИ 32/48», «ЧТЗ С-50/65»), которые составляли почти 12 % тракторного парка. К концу второй пятилетки в машинно-тракторных станциях сложилось благоприятное положение в плане обеспеченности сельскохозяйственной техникой. Особенно следует подчеркнуть еще одно обстоятельство: основная часть тракторного парка работала менее пяти лет,

причем свыше половины тракторов (52 %) – не более двух лет (38). Такого положения с обеспеченностью новыми тракторами в истории МТС больше не будет никогда.

В первые годы второй пятилетки активно протекал процесс формирования производственной системы «колхозы – МТС». Взаимоотношения между МТС и колхозами приобретали конкретные формы и юридическое обоснование. Важнейшим документом, определившим характер взаимодействия МТС и колхозов, стало постановление СНК СССР от 5 февраля 1933 г. «О примерном договоре машинно-тракторных станций с колхозами». Первый пункт примерного договора составлен весьма корректно, с позиции партнерства. В нем указывается: «Машинно-тракторные станции обязуются со своими тракторами, сельскохозяйственными машинами и орудиями производить в колхозе работы по обработке почвы, посеву, междурядной обработке, уборке и молотьбе в размерах, установленных на основе специального соглашения МТС с колхозом и производственного плана колхоза» (39).

Однако следующие положения Примерного договора устанавливают разную степень взаимной ответственности. МТС определялись как ведущие предприятия, колхозам же отводилось подчиненное положение. МТС брала на себя ответственность снабжать за свой счет трактора горючим и смазочными материалами, производить необходимый ремонт тракторов и машин, а также оплачивать агрономический и технический персонал. Согласно п. 3, машинно-тракторная станция должна была оказывать колхозу постоянную помощь путем агрономического обслуживания, составления производственно-финансовых планов, установления правильного севооборота, организации труда и распределения доходов, подготовки колхозных кадров и постановки учета (40).

Следующие пункты договора усиливают зависимое положение колхоза, который «в целях повышения урожайности и доходности» обязуется проводить агрономические правила, установленные райисполкомом, и по требованию МТС «все другие необходимые агрикультурные мероприятия». Для того чтобы максимально привязать колхоз к МТС и повысить уровень технической оснащенности МТС, постановление правительства предписывало им выкупать у колхозов

все сложные молотилки и локомобили «в целях наиболее полного использования сельскохозяйственных машин» (41).

Машинно-тракторные станции являлись государственными предприятиями, но в штате числились лишь работники аппарата. Все полевые работы, в том числе и на тракторах МТС, выполняли колхозники (42). Данный порядок позволял государству максимально «экономить» средства на оплате труда механизаторов, не выплачивать им отпускные, больничные и т. п. Постановление Совета Труда и Обороны СССР от 21 сентября 1933 г. «Об организации использования тракторного парка» юридически оформило порядок оплаты труда механизаторов МТС. Начиная с 1934 г. все расчеты с трактористами производились непосредственно МТС. Для этого колхозы передавали МТС зерно и деньги в соответствии с количеством трудодней, выработанных трактористами в данном колхозе. Устанавливался гарантированный минимум оплаты трудодня в денежной и натуральной форме: не менее 2 руб. 50 коп. и 3-х кг зерна. Трудодни начислялись в соответствии с нормами выработки и квалификацией тракториста, простои трактора не оплачивались (43).

С 1933 г. принципиально меняется система оплаты колхозами работ, производимых МТС на их полях. Прежний порядок оплаты работ МТС по твердым расценкам отменялся, теперь она становилась подвижной и выражалась в определенных процентах от урожая сельскохозяйственных культур. Одновременно отменялась оплата колхозами работ МТС деньгами и вводилась оплата натурой (зерном, свеклой, картофелем, льном и т. п.). За выполнение машинно-тракторной станцией на полях колхоза всех основных сельскохозяйственных работ она получала от колхоза в оплату своих расходов натурой 20 % урожая по зерну, кукурузе, подсолнуху, хлопку и льну, 17 % – по свекле и 16 % – по картофелю. Примерный договор определял полный перечень всех основных работ: по зерну – вспашка, посев, косьба, молотьба или уборка комбайнами. В том случае, когда тракторные бригады производила не все основные сельскохозяйственные работы, колхоз оплачивал МТС каждую произведенную работу в фиксированных процентах от урожая. По зерновым колосовым культурам устанавливались следующие размеры натуроплаты: за весновспашку и подъем паров – 10 % урожая, зяблевую пахоту – 9 %, посев – 3 %, косьбу – 4 %, молотьбу – 8 % (44).

Постановление правительства устанавливало ответственность за нарушение договора: машинно-тракторная станция должна была возместить колхозу понесенные им убытки, в результате плохой работы МТС или невыполнения обязательств по договору, деньгами в полуторном размере. В случае, если колхоз, не рассчитался с МТС за произведенную работу в виде натуроплаты, то она должна взыскаться с начислением денежного штрафа в размере половины стоимости (45).

В дальнейшем вопрос определения объема натуроплаты, порядок ее начисления и взимания неизменно находился в центре внимания правительства, по существу тем самым создавался и совершенствовался важнейший механизм перераспределения средств из сельского хозяйства в государственную казну. В этом отношении показательно постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 июня 1933 г. «Об оплате колхозами натурой работ, производимых машинно-тракторными станциями по договорам с колхозами». В постановлении указывается: Примерный договор между МТС и колхозом от 5 февраля 1933 г. и заключение на его основе договоров МТС с колхозами «имеет твердую силу закона, обязательного к точному и безусловному исполнению как колхозами, так и машинно-тракторными станциями» (46).

Общая направленность постановления заключается в том, чтобы обеспечить безусловное выполнение обязательств по натуроплате работ МТС: «Зерно должно быть сдано колхозами полностью и безоговорочно, в точном соответствии с размерами произведенных МТС в колхозах работ и установленных норм оплаты» (47). На первый взгляд, закон преимущественно отстаивает интересы машинно-тракторных станций. На деле МТС выступают лишь как инструмент государственной политики, ведь сами машинно-тракторные станции могли использовать только 5 % полученного по натуроплате зерна для снабжения и премирования рабочих (48).

Правительственная работа по выстраиванию производственной системы «колхозы – МТС» продолжалась и в последующие годы. 17 февраля 1934 г. постановлением СНК СССР утверждается новая редакция Типового договора МТС с колхозами. Наибольшие изменения затронули прежнее положение договора касательно исчисления натуроплаты за работы МТС в колхозах: устанавливались дифференцированные ставки натуроплаты в зависимости от урожайности

сельскохозяйственных культур. По зерновым культурам и подсолнечнику было введено 7 групп урожайности, по картофелю – 6, по сахарной свекле – 4 и т. д. (49). Ставки исчисления натуроплаты за работы МТС оставались примерно на прежнем уровне, но только в том случае, если для колхоза объективно определялась группа урожайности. Именно здесь открывался широкий простор для организации властью различного рода манипуляций. Ведь стоило механически отнести хозяйство к более высокой группе урожайности сельскохозяйственных культур, и тогда автоматически увеличивалась натуроплата работ МТС (50).

Примерный договор МТС с колхозом, принятый в 1933 г. и дополненный в 1934 г., придавал взаимоотношениям колхозов и МТС обязательный характер. Объем работ МТС на колхозных полях определялся не запросами и потребностями колхозов, а возможностями их машинно-тракторного парка. Правительственная политика жесткой увязки колхозов и МТС в единую производственную систему нашла свое выражение также и в Примерном уставе сельхозартели, принятом на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников и утвержденном СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г.

Примерный устав сельхозартели юридически оформил положение коллективного хозяйства в качестве одного из элементов плановой системы экономики страны. Закон предписывал сельхозартели вести хозяйство, «точно соблюдая установленные рабоче-крестьянским правительством планы сельскохозяйственного производства», планы посева, подъема паров, междурядной обработки, молотьбы и зяблевой пахоты, «а также государственный план развития животноводства» (51).

Особого внимания заслуживает положение Примерного устава, определяющее отношения между колхозами и МТС. В соответствии с ним колхоз был обязан полностью использовать не только собственные средства сельскохозяйственного производства, но и «все тракторы, двигатели, молотилки, комбайны и другие машины, предоставляемые рабоче-крестьянским правительством через МТС» (52). Закон не допускал саму возможность отказа колхозов от предлагаемой помощи МТС.

В 1939 г. советское правительство принимает серию постановлений, окончательно оформивших производственную систему «колхо-

зы – МТС». Важнейшее место среди них занимает утвержденный 13 января 1939 г. «Типовой договор машинотракторной станции с колхозом». В этом документе были отражены изменения, произошедшие во взаимоотношениях колхозов и МТС на протяжении последних пяти лет. Дополнения вылились в конкретизацию и детализацию взаимных обязательств. При заключении договора с колхозом МТС брала на себя обязательства по агротехнике. Указывались виды работ (вспашка, культивация, боронование и другая предпосевная обработка, посев, уход за посевами, уход за парами, уборка, пожнивное лущение стерни, молотьба и первичная обработка зерна). Определялись объем работ в гектарах, качественные показатели (глубина, количество следов обработки и др.), сроки проведения работ.

Типовой договор МТС с колхозом 1939 г. по существу регулировал не столько вопрос производственного обслуживания колхозов МТС, сколько вопрос совместной обработки земли. На колхоз возлагались дополнительные обязательства по созданию благоприятных условий для производственной деятельности МТС. Колхоз был обязан охранять сельскохозяйственные машины и инвентарь, горючее, производить прокосы при уборке урожая комбайнами, обеспечивать бесперебойную отвозку зерна из-под комбайнов, своевременно очищать поля от соломы и т. д. Кроме того, закон требовал от колхоза проведения комплекса агротехнических мероприятий – введения и соблюдения севооборотов, обеспечения посевов сортовыми семенами, проведения междурядной обработки пропашных культур и прополки посевов, внесения органических и минеральных удобрений и др. (53)

В условиях становления производственной системы «колхозы – МТС» первостепенное значение приобретает вопрос определения урожайности и валового сбора сельскохозяйственных культур, ведь данные параметры служили базовыми показателями для начисления натуроплаты за работы МТС. Колхозы преимущественно занимались производством зерна, поэтому в центре внимания правительства были вопросы организации хлебозаготовок. С 1933 г. перестраивается вся хлебозаготовительная политика советского государства.

17 декабря 1932 г. Совет Народных Комиссаров СССР принимает постановление «Об организации при СНК СССР Государственной комиссии по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур» (54). С целью установления «точных данных об

урожайности и валовом сборе всех зерновых культур и подсолнуха» при СНК СССР создавалась постоянная Центральная Государственная Комиссия (ЦГК). На местах формировались соответствующие государственные межрайонные комиссии в количестве от 280 до 300. ЦГК, на основе предоставляемых государственными межрайонными комиссиями материалов, устанавливала размеры урожайности, посевные площади и валовой сбор зерновых культур и подсолнечника для республик, краев, областей и районов.

Центральные власти считали, что на местах пытаются скрыть часть выращенного урожая и уменьшить государственные поставки. Поэтому председатели межрайонных государственных комиссий были наделены правом привлечения к судебной ответственности работников совхозов, колхозов, МТС, сельских советов, органов народных комиссариатов земледелия «за попытки обмана государства предоставлением неверных сведений об урожайности, посевных площадях и валовом сборе» (55).

В январе 1933 г. правительством было утверждено положение о ЦГК по определению урожайности, согласно которому ЦГК наделялась исключительным правом по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур. Все существовавшие до сих пор комиссии и экспертные совещания Центрального управления народно-хозяйственного учета и других ведомств по оценке посевных площадей, урожайности и валового сбора ликвидировались. Практическая работа по определению урожайности сельскохозяйственных культур производилась государственными межрайонными комиссиями посредством организации контрольно-наблюдательных пунктов в колхозах, совхозах и сельсоветах. Они обрабатывали районные учетные материалы по посевным площадям, урожайности и валовому сбору, а также материалы, характеризующие метеорологические, агротехнические и хозяйственно-организационные условия, в которых проходила сельскохозяйственная кампания. Все сводки, материалы и заключения направлялись затем в ЦГК при СНК СССР (56).

Урожайность зерновых культур определялась за неделю до начала уборки путем срезания колосков с намеченных квадратов и их ручным обмолотом. Преследовалась главная цель – предотвратить попытку скрыть от государства действительный размер урожая, мобилизовать колхозы и совхозы на борьбу с потерями, чтобы собрать

весь созревший хлеб. Основной порок нового метода исчисления урожайности и валового сбора сельскохозяйственных культур состоял в том, что данные видовой (биологической) урожайности стали выдавать за фактическую (амбарную) урожайность, на основе которой начислялась натуроплата МТС (57).

Государственные чиновники всех уровней осознавали разницу между видовой урожайностью (на корню) и фактической (амбарной), а также неизбежность потерь во время уборки. Однако потери при уборке урожая относились ими на счет непосредственного производителя – колхозов. В докладной записке заместителя председателя ЦГК по определению урожайности при СНК СССР Н.П. Брюханова Л.М. Кагановичу от 12 сентября 1933 г. отмечается: «Мы не можем и не должны при определении урожайности считать нормой те потери при косовице, возке, обмолоте, которые являются результатом нашей бесхозяйственности, а подчас и вредительства. Потери на уборку в среднем мы исчисляем примерно в 10 %» (58). При таком подходе разница между видовой и амбарной урожайностью зерновых не должна была превышать 10 %, на практике же потери зерна в колхозах при уборке достигали 20–40 % (59). В результате натуроплата за работу МТС взималась по существенно завышенным нормам.

ЦГК по определению урожайности и размеров валового сбора зерна, действовавшая методами примитивных измерений урожаев на корню, была ликвидирована решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 марта 1937 г. Теперь эта функция передавалась Центральному управлению народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР. Измерение биологической урожайности сохранилось, но качественно иным стал учет всех условий и факторов, определявших валовой сбор зерновых культур (60).

Вскоре ЦУНХУ подготовило письмо об организации работ по определению средней урожайности и валовых сборов. Главное внимание в нем уделялось определению видовой урожайности. Вначале участковые инспекторы составляли карточки о видах на урожай для отправки областным (краевым), республиканским УНХУ и ЦУНХУ. Одновременно «районная инспектура» посылала в вышестоящие инстанции телеграфное донесение о видах на урожай в целом по району по оценке земельных органов. Краевое (областное) УНХУ направляло в ЦУНХУ данные районных земельных органов на каждый

срок по каждому административному району и в среднем по всему краю (области) в целом. Указанная сводка сопровождалась таблицей со сводными данными по видам на урожай в колхозах, контролируемых участковыми инспекторами, и обоснованием принятых краевым (областным) УНХУ оценок видов на урожай (61).

Таким образом, при определении видовой урожайности создавалась система дублированного контроля, когда первичные материалы, представляемые колхозами и районными земельными органами, контролировались и корректировались органами народно-хозяйственного учета. Правительственная деятельность по «правильному» определению урожайности и валового сбора сельскохозяйственных культур в конечном итоге преследовала одну цель: максимально поднять базовые показатели видов на урожай, служившие основой для исчисления обязательств по хлебозаготовкам и натуроплаты за работы МТС. В работах зарубежных и отечественных историков обоснованно высказывалось недоверие относительно достоверности данных советской статистики урожайности. Урожай зерновых культур в СССР с 1933 г. определялся на корню, до сбора. Но если до 1937 г. еще разрешалась поправка на 10 % с учетом возможных последующих потерь, то в дальнейшем эти скидки были отменены. В исторической науке в настоящее время утвердилось положение, согласно которому в довоенный период официальные данные преувеличивали действительные цифры сборов зерновых на 25 % (62).

Значимость видовой (биологической) оценки урожая заключается в том, что она служила важнейшим средством контроля результатов производственной деятельности колхозами, давала представление о максимуме возможных сборов зерна и именно поэтому позволяла выжать из деревни все ресурсы (63). В данных условиях совершенно логичным выглядит стремление хозяйств к занижению видов на урожай. На это политбюро ЦК ВКП(б) отреагировало постановлением от 31 июля 1937 г., ужесточившем порядок взимания натуроплаты за работы МТС. В новой редакции п.15 Примерного договора МТС с колхозом появилось положение, в соответствии с которым несданная колхозом натуроплата за работы МТС взыскивается по решению народного суда (64).

Новая редакция п.15 Примерного договора МТС с колхозом от прежней отличалась тем, что определялся механизм взимания дол-

гов по натуроплате – суд и прокуратура, и устанавливается судебная ответственность членов правления колхоза за невыполнение обязательств по сдаче натуроплаты. Чрезвычайно пристальное внимание правительства к взиманию натуроплаты за работы МТС объясняется тем, что уже в конце второй пятилетки она представляла собой важнейший канал хлебозаготовок. По данным Наркомата заготовок СССР, с 1 июля 1937 г. по 1 июля 1938 г. поступило 1 724 732 тыс. пудов хлеба, из них 1 303 668 тыс. пудов, или 76 %, приходятся на обязательные поставки колхозов и натуроплату работ МТС. При этом через натуроплату колхозами работ МТС было заготовлено хлеба больше, чем по обязательным поставкам. Удельный вес натуроплаты в объеме хлебозаготовок в конце второй пятилетки в целом по Советскому Союзу составил 40 %, по Российской Федерации – 41 %, в Центральном Черноземье – от 38 % (в Тамбовской области) до 41 % (в Орловской области) (65).

В исторической науке при рассмотрении общего объема хлебозаготовок отмечалось снижение доли обязательных поставок при одновременном увеличении удельного веса натуроплаты МТС. В основе этих изменений лежало как возрастание объема тракторных работ в колхозах, так и некоторое понижение погектарных норм обязательных поставок (66). Принципиальное значение во взаимоотношениях МТС и колхозов приобретает порядок начисления натуроплаты за работы МТС по зерновым культурам. Он не оставался неизменным. 13 января 1939 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О порядке начисления натуроплаты за работы МТС по зерновым культурам». Оно упраздняло районные комиссии по отнесению колхозов к группам урожайности для начисления натуроплаты за работы МТС. Теперь эта функция возлагалась на областные и краевые исполкомы и совнаркомы республик, не имеющих областного деления (67).

На первый взгляд, изменение порядка отнесения колхозов к группам урожайности для начисления натуроплаты за работы МТС имеет техническую, процедурную направленность. Однако в реальности перемены затрагивали содержательную сторону взаимоотношений колхозов и МТС. Видовая оценка урожайности была всегда выше фактической, так как потери части продукции при уборке урожая неизбежны. Районные власти, находясь ближе к колхозной жизни, острее,

нежели областное руководство, воспринимали завышенные требования государства при проведении хлебозаготовок. Именно поэтому постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) краевые и областные исполкомы наделялись правом отнесения колхозов к группам урожайности, так как на них ложилась основная ответственность за проведение хлебозаготовительной кампании.

Постановление правительства фактически повышало ставки натуроплаты за работы МТС: колхозы одного района для начисления натуроплаты по зерновым культурам стали относиться к одной группе урожайности. И только в случае крайней пестроты урожая в районе, в виде исключения, допускалось отнесение отдельных колхозов к другим группам урожайности (68). В конкретной обстановке конца 1930-х годов указанное положение ставило в один ряд колхозы с различной урожайностью. Все они должны были нести одинаковую нагрузку по натуроплате за работы МТС. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что власти в работе по отнесению колхозов к той или иной группе урожайности ориентировались на передовые хозяйства, тем самым усиливался процесс перекачки средств из сельского хозяйства в пользу государства.

С 1933 г. оплата колхозами работ МТС осуществлялась в порядке комплекса, т. е. проведение всего комплекса сельскохозяйственных работ (для зерновых – это вспашка, посев, уборка и молотьба) оплачивалось с небольшой скидкой. Начиная с урожая 1939 г., прежний порядок отменялся, и натуроплата работ МТС производилась по ставкам на отдельные виды работ. С целью увеличения поступления натуроплаты устанавливалась дополнительная группа урожайности зерновых культур – «15 и выше центнеров с га» и одновременно упразднялась группа урожайности – «до 3 центнеров с га». В итоге устанавливалась низшая группа урожайности – «3 – меньше 5 центнеров с га», прежняя высшая группа урожайности «13 и выше центнеров с га» теперь приобретала другую конфигурацию – «13 – меньше 15 центнеров с га» (69). Это означает, что при отнесении колхоза в высшую группу урожайности возрастали начисления за работы МТС.

Натуроплата работ МТС является концентрированным выражением сути взаимоотношений государства и колхозов. Для того чтобы максимально увеличить поступление хлеба в закрома государства, поднять уровень натуроплаты, и принимались завышенные видовые

оценки урожайности. Колхозы распределялись по группам урожайности без серьезного учета природно-климатических условий и экономики хозяйства, и тем самым создавались условия для директивного повышения объема натуроплаты. Средний разряд урожайности определялся для каждой области, края, республики, утверждался правительством и получал силу закона (70). Нередко размеры натуроплаты устанавливались из простой необходимости покрытия государственного дефицита в продуктах сельского хозяйства (71).

Часто фактический урожай настолько отличался от видового урожая, что колхозы не имели возможности рассчитаться по хлебозаготовкам. Государство, однако, отстаивало свои интересы: колхозы, не выполнившие задание по натуроплате, заносились в разряд недоимщиков, долги переносились на следующий год.

Вопрос начисления натуроплаты за работы МТС находился в центре внимания руководства страны на протяжении всего периода существования системы «колхозы – МТС», по большому счету это был вопрос планирования и проведения хлебозаготовок. Государство ставило перед колхозным производством максимальные задачи, что грозило обернуться полным разорением хозяйств. В итоге складывается противоречивая ситуация в отношениях центральных и местных органов власти. Невыполнение плановых заданий по хлебозаготовкам расценивалось как государственное преступление, поэтому местные органы власти, руководство МТС и колхозов стремились найти способы снижения налогового гнета. Самый распространенный из них – искажение отчетности о посевных площадях зерновых и видовой урожайности. В целях борьбы с данным явлением 25 мая 1939 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление «О порядке отнесения колхозов к разрядам урожайности для начисления натуроплаты за работы МТС». Оно обязывало уполномоченных по заготовкам немедленно привлекать к судебной ответственности всех должностных лиц (включая работников колхозов, МТС, земельных и статистических органов) за попытки обмана государства предоставлением неверных сведений об урожайности (72).

К концу 1930-х годов окончательно сложилась производственная структура МТС. В 1940 г. в целом по СССР действовали 7069 машинно-тракторных станций, из них 4532 – в Российской Федерации, в том числе 559 – в Центральном Черноземье (73). В главных земледельческих центрах страны МТС обслуживали почти все колхозы.

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству страны, подорвала его материально-техническую базу. Основную часть техники машинно-тракторные станции, колхозы и совхозы передали действующей армии. Из села были изъяты практически все гусеничные тракторы, 75 % автомобилей, 60 % рабочих лошадей (74). Оставшаяся техника работала на полях на износ, резко сократился, а в иных случаях и вовсе прекратился, выпуск запасных частей. Положение в деревне усугублялось еще одним обстоятельством: произошло значительное сокращение численности трудоспособного населения. В колхозах к началу 1945 г. количество трудоспособных уменьшилось на 13471,5 тыс. человек, или на 38 % по сравнению с довоенным временем. В армию было призвано до 90 % механизаторских кадров (75).

Большой урон производительным силам сельского хозяйства нанесли захватчики: они вывезли в Германию или уничтожили 139 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, около 4 млн плугов, борон и других почвообрабатывающих орудий, 265 тыс. посевных и посадочных машин, 885 тыс. уборочных и сортировочных машин и механизмов (76).

Материально-техническая база сельского хозяйства в годы войны была сильно подорвана: в 1945 г. тракторный парк составлял 72 % от уровня 1940 г., парк комбайнов – 81 % (77). Вследствие резкого сокращения количества тракторов соответственно снизился уровень механизации сельского хозяйства. На земледельческих работах колхозы были вынуждены широко использовать живое тягло: лошадей, волов и даже коров (78).

Во время войны и в первые послевоенные годы из-за нехватки сельскохозяйственной техники колхозники значительные площади зерновых культур засевали вручную, «вразброс» (79). Посевные площади СССР в 1945 г. составляли 76 % от довоенного уровня (80). Это означает, что часть старопахотных земель не обрабатывалась и зарастала сорняком. Из-за несоблюдения агротехники упала урожайность культур, и значительно сократился валовой объем сельскохозяйственного производства. Так, фактический (амбарный) валовой сбор зерновых культур в колхозах сократился с 76,2 млн т в 1940 г. до 33,3 млн т в 1945 г. (81). Основная причина сокращения сельскохозяйственного производства колхозов заключается в том, что умень-

шение тракторных работ не могло быть компенсировано соответствующим увеличением работ на живом тягле. С января 1941 г. по 1 июня 1945 г. число тракторов в МТС уменьшилось на 111,1 тыс. единиц (с 435,2 до 324,1 тыс.), или на 25,6 %, а их мощность – на 30 % (82).

Ослабление материально-технической базы МТС обусловило сокращение объемов выполнения тракторных работ в колхозах более чем в два раза. Они уменьшились с 217,9 млн га условной пахоты в 1940 г. до 112,0 млн га – в 1945 г. Уменьшение объема тракторных работ МТС привело не только к сокращению посевных площадей в колхозах, но и к ухудшению агротехники, а вследствие этого к снижению урожайности сельскохозяйственных культур. Уровень механизации основных работ в колхозах в указанное время значительно снизился: по весновспашке – с 67 до 64 %, посеву яровых – с 52 до 33 %, уборке зерновых – с 43 до 23 % (83).

* * *

Таким образом, в 1930-е годы произошло становление производственной системы «колхозы – МТС». Колхозная система, как справедливо отмечает В.П. Попов, позволяла государству наладить постоянный и бесперебойный механизм перекачки ресурсов из деревни, бесконтрольно использовать по собственному усмотрению невиданные материальные богатства (84). Машинно-тракторные станции являлись системообразующей структурой колхозного производства, в них была сосредоточена основная часть машинно-тракторного парка. МТС осуществляли агротехническое обслуживание и определяли уровень механизации основных земледельческих работ в колхозах, служили важнейшим проводником аграрной политики советского государства, являлись организатором колхозного производства. Посредством МТС были созданы необходимые материально-технические предпосылки функционирования колхозного строя. Великая Отечественная война нанесла огромный урон «производственной системе колхозы – МТС». Предстояла длительная и кропотливая работа по восстановлению материально-технической базы машинно-тракторных станций, их кадрового потенциала. Без этого было невозможно обеспечить подъем сельского хозяйства в послевоенное время.

Центрально-черноземная деревня в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания

Самые суровые испытания в годы Великой Отечественной войны выпали на долю деревни Центрального Черноземья. Уже к концу 1941 г. немецко-фашистские войска захватили большую часть европейской территории нашей страны, в том числе и западные районы Центрального Черноземья. Из 66 районов и 23 городов Орловской области только г. Задонск, Задонский и Краснинский районы не подвергались оккупации. Частично оккупирована была и Курская область, летом 1942 г. фашистские войска ее полностью оккупировали, а также 32 района Воронежской области. Таким образом, в Центральном Черноземье три области из четырех подверглись вражеской оккупации. Оккупация Воронежской области продолжалась до января 1943 г., а Курской и Орловской (85) областей – до осени 1943 г.

Кровавыми злодеяниями и преступлениями против мирного гражданского населения отмечен путь гитлеровцев по Центральному Черноземью. Только в сельских районах Воронежской области от рук фашистов погибло 4911 мирных граждан, Курской – 18099, Орловской – более 17 тыс. (86) Гитлеровцы уничтожали жилища колхозников, а нередко и целые деревни. В Воронежской области фашисты сравняли с землей десятки придонских сел. В одном только Землянском районе они уничтожили 25 сел (87).

В докладной записке секретаря обкома ВКП(б) А.П. Матвеева в СНК РСФСР от 4 сентября 1943 г. содержатся обобщенные сведения о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Орловской области. Ими было сожжено и взорвано в сельской местности более 88 тыс. домов. При этом в ряде районов была уничтожена бóльшая часть домов. Так, в Урицком районе захватчики уничтожили почти 6 тыс. домов, или 80 % их численности. В районе проживало более 25 тыс. человек, из них 12 тыс. – ютились в землянках и шалашах (88).

Захватчики полностью ликвидировали общественное хозяйство колхозов. В Орловской области немцы уничтожили в колхозах 114911 различных строений, в том числе более 33 тыс. животноводческих построек, почти 31 тыс. зернохранилищ. Они изъяли более 266 тыс. го-

лов крупного рогатого скота, более 322 тыс. лошадей, более 151 тыс. свиньи, около 485 тыс. овец и коз, почти 891 тыс. голов различной птицы. Было уничтожено и вывезено в Германию большое количество сельскохозяйственных машин и орудий. Ущерб, причиненный немецкими захватчиками колхозам Орловской области, составил 15,75 млрд. руб. (89)

Во время вражеской оккупации был нанесен колоссальный ущерб машинно-тракторным станциям и совхозам. Так, в МТС Орловской области было уничтожено 3 907 тракторов, 1 573 комбайна, 4 695 плугов, 432 лущильника, свыше 600 тракторных борон, 1 500 культиваторов, свыше 1 500 сеялок, 900 молотилок, 108 двигателей, 283 различных станка, 149 автомобилей (90). Абсолютное большинство МТС области захватчики уничтожили до основания. В первой половине 1943 г., когда была освобождена половина Орловской области, только в 5 из 40 МТС сохранились кое-какие строения, в остальных все здания были сожжены и взорваны (91).

Очень сильно пострадала курская деревня. По сравнению с довоенным 1940-м годом после освобождения Курской области в ней осталось 3 % голов крупного рогатого скота, 3,1 % коз и овец, 9,8 % лошадей (92). МТС, колхозы и совхозы Курской области лишились 66 % тракторов и 80,3 % комбайнов (93).

Особое место среди злодеяний оккупационных властей занимал угон мирного населения на принудительные работы в Германию, к которому гитлеровцы приступили с начала 1942 г. Для работы в промышленности и сельском хозяйстве отбирали главным образом крепких и здоровых людей в возрасте от 15 до 50 лет. Из Воронежской, Орловской и Курской областей на каторжные работы в Германию было угнано около 150 тыс. человек (94).

Ущерб и разрушения, причиненные немецко-фашистскими оккупантами народному хозяйству Центрального Черноземья, весьма велики. Только колхозы, совхозы и МТС оккупированных районов Курской, Орловской и Воронежской областей понесли ущерб в размере около 50 млрд. руб. (в ценах тех лет). Без крова осталось свыше одного миллиона человек. После освобождения районов, подвергавшихся оккупации, скота и птицы в колхозах осталось менее 10 % от довоенного уровня (95).

Даже в таких условиях селяне изыскивали возможности для оказания помощи Красной Армии. В результате зимнего наступления советских войск 1942/43 гг. были освобождены Воронежская и, частично, Курская области. После своего освобождения курские колхозники внесли на вооружение Красной Армии 31 млн руб. деньгами и облигациями займов, 498 720 пудов зерна, 134 238 пудов мяса, много молока, масла и яиц (96).

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, на Верхнем Дону, Северном Кавказе гитлеровское командование готовилось взять реванш, с тем, чтобы вернуть стратегическую инициативу и в конечном итоге решить судьбу всей кампании. С этой целью оно разработало операцию «Цитадель». Местом ее проведения стал Курский выступ. В подготовке к предстоящим сражениям в районе Курской дуги принимали участие не только войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов, но и население прифронтовых областей. В апреле 1943 г. на строительстве оборонительных рубежей в полосе Центрального и Воронежского фронтов работало 105 тыс. курян, в основном колхозников, в июне – 300 тыс. Вместе с курянами на строительстве оборонительных сооружений в полосе Центрального фронта работали трудящиеся Орловской и Воронежской областей. За три месяца трудящиеся прифронтовых районов вырыли по всему Курскому выступу одних только траншей более 5 тыс. км, с их помощью было восстановлено около 250 мостов и более 3 тыс. км шоссейных и грунтовых дорог (97).

Население освобожденных областей оказало неоценимую помощь в восстановлении и строительстве железных дорог. Меньше чем через месяц была восстановлена железная дорога Воронеж – Касторное – Курск (98). На долю гражданского населения выпала самая трудоемкая часть работ – земляное полотно. Начальник управления военно-восстановительных работ Воронежского фронта П.А. Кабанов писал впоследствии: «Люди копали землю, таскали ее на себе – на носилках, в тачках, фартуках. Лошадей и автомашин не хватало. О тракторах и механизмах не было и речи» (99). Сооружение железной дороги Старый Оскол – Ржава позволило успешно провести операцию по разгрому белгородско-харьковской группировки противника. Таким образом, трудящиеся Курской, Орловской и Воро-

нежской областей внесли весомый вклад в победу советских войск под Курском.

Первейшая задача сельского хозяйства освобожденных районов Центрального Черноземья – в кратчайший срок возобновить производство. Небольшое количество рабочего и продуктивного скота колхозы получили из эвакуации. Так, в Курскую область было возвращено 1182 лошади, 2529 голов крупного рогатого скота и 5492 овцы. Основной вклад в восстановление общественного хозяйства внесли сами колхозники. Они поставили на животноводческие фермы 79 тыс. голов молодняка крупного рогатого скота, 23 тыс. овец и коз, 120 тыс. голов птицы (100).

Вся страна помогала пострадавшим от немецко-фашистской оккупации областям восстанавливать разрушенное хозяйство. Курской области оказывали помощь Азербайджанская, Грузинская, Узбекская, Киргизская ССР, Башкирская, Бурят-Монгольская, Чувашская АССР, Алтайский и Хабаровский края, Архангельская, Ивановская, Иркутская, Калининская, Омская, Пермская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Ульяновская, Читинская, Чкаловская, Ярославская области. Они присылали скот, строительные материалы, машины и оборудование, школьные пособия. Особенно большую помощь курянам оказали трудящиеся Челябинской области, направив 7 эшелонов. Там было все, начиная от станков и оборудования до предметов домашнего обихода и детских игрушек. Всего в порядке государственных закупок и социальной помощи Курская область получила из восточных районов страны лошадей – 30871, голов крупного рогатого скота – 83716, свиней – 5564, овец – 49086, голов птицы – 222274 (101).

Вся страна, особенно Татария и Пензенская область, оказывали помощь освобожденным районам Орловской области. В октябре 1943 г. в Орел прибыло из Казани 33 вагона со станочным оборудованием для МТС и колхозов. Все колхозы Татарской АССР отправляли для колхозов Орловщины по 4–6 голов крупного рогатого скота, много свиней, овец, птицы. Пензенская область направила в Орел эшелон промышленных и хозяйственных товаров в составе 73 вагонов. По решению правительства в порядке возврата эвакуированного скота Орловская область получила 8375 лошадей, 21399 голов КРС, 39668 овец и 98,7 тыс. голов птицы (102).

В освобожденных районах Воронежской области хозяйство также было совершенно разрушено. Помощь в восстановлении народного хозяйства Воронежской области оказывали Новосибирская, Куйбышевская, Тамбовская и Читинская области. Особенно следует выделить помощь Новосибирской области, которая внесла наибольший вклад в возрождение разоренной экономики Воронежской области. Только в 1943 г. для развития животноводства воронежские колхозы и совхозы получили 88,3 тыс. голов КРС, 58 тыс. овец и коз, более 12 тыс. свиней (103).

Тамбовская область – единственная в Центральном Черноземье, которая не подверглась вражеской оккупации. Она оказывала большую помощь освобожденным районам соседних областей по налаживанию мирной жизни. Тамбовские колхозники приняли и сохранили эвакуированный скот соседних областей. Они передали колхозам других областей 12 759 голов КРС, 25 125 овец и коз, 4 772 лошадей. Немало сельскохозяйственной техники было направлено в освобожденные районы из Тамбовской области: только орловские МТС получили 300 тракторов, 300 тракторных плугов, 100 сеялок (104).

Во время Великой Отечественной войны общим для всей страны стал лозунг «Все для фронта, все для победы». Труженики деревни досрочно сдавали государству хлеб и продукты животноводства, производили сверхплановые посевы в фонд обороны. По почину тамбовских колхозников в колхозах развернулось движение за сбор средств на постройку боевых самолетов и танковых колонн. Осенью 1942 г. в сельхозартели «Красный выборжец» Избердеевского района родилась мысль собрать средства на строительство танковой колонны. В течение двух недель колхозники Тамбовской области собрали 40 млн руб. на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник» (105).

Во время передачи танков в войска Красной Армии делегации колхозников решили обратиться к колхозникам Тамбовской области дать фронту из своих запасов не менее 300 тыс. пудов хлеба и собрать средства на строительство 25 эскадрилий боевых самолетов «Тамбовский колхозник». К 1 января 1943 г. в фонд обороны поступило 41,5 млн руб., 214 тыс. пудов хлеба, 59,4 тыс. пудов картофеля и овощей, 4,7 тыс. пудов мяса, 6,5 тыс. штук овчин, 3 600 кг шерсти (106).

Почин тамбовских колхозников был поддержан в других областях Черноземного Центра России. По инициативе колхозников Таловского района Воронежской области развернулся сбор средств на строительство танковой колонны «Воронежский колхозник». На 9 января 1943 г. по Воронежской области было собрано на танковую колонну 37 млн 348 тыс. руб. и 38 100 пудов хлеба. Вслед за этим в январе 1943 г. начался сбор средств на постройку боевых самолетов. С ноября 1942 г. по март 1943 г. воронежцы собрали на танки и самолеты 78 млн 902 тыс. руб. и 108 100 пудов хлеба (107).

На Орловщине шел сбор на танковую колонну «Орловский партизан». Об активности сельского населения свидетельствуют следующие факты. Население Краснинского района внесло 906 тыс. руб., Елецкого – 607 тыс., Чибисовского – 141 465 руб. Колхозник сельхозартели «Верный путь» Елецкого района В.Я. Каверин из личных сбережений внес на строительство самолета 100 тыс. руб. Д.И. Пономарев из сельхозартели «Луч свободы» Долгоруковского района – 101,5 тыс. руб. (108) Таких поступков было много.

В годы Великой Отечественной войны серьезно ослабла материально-техническая база сельского хозяйства, в особенности в районах, подвергавшихся оккупации. Все это привело к снижению объемов сельскохозяйственного производства. В Центральном Черноземье из-за нехватки тракторов и живого тягла произошло значительное сокращение посевных площадей. В колхозах и совхозах Орловской области в 1944 г. посевные площади составляли – 41 % (109), Курской – 59 % (110), Воронежской – 70 % (111) от довоенного уровня. В хозяйствах Тамбовской области, не подвергавшейся оккупации, даже спустя два года после окончания войны, посевные площади зерновых культур составляли всего лишь 82,2 % от уровня 1940 г. (112) В еще большей степени, чем растениеводство, пострадало животноводство региона. Так, к концу 1944 г. поголовье коров в колхозах Воронежской области было восстановлено на 47,7 % от довоенного уровня, овец – на 40,6 %, свиней – на 38,9 %, лошадей – на 22 % (113).

Поэтому на селе стремились максимально использовать имеющиеся ресурсы. О том, как происходило восстановление машинно-тракторных станций Курской области, свидетельствует корреспонденция старшего механика Лукашевской МТС А. Пральникова в га-

зету «Курская правда» (3 апреля 1943 г.). «Нашу МТС немцы сожгли при отступлении. Пришлось много работать, чтобы ее восстановить. Круглые сутки, не выходя из мастерской, работали трактористы Н. Гриценко, М. Ванин и другие. Теперь мастерская восстановлена. В то же время трактористы организовали сбор частей для тракторов и сельскохозяйственных машин, к мастерской свезли тракторы, сеялки, и другие сельхозмашины. Через неделю наша мастерская приняла в ремонт первые машины. 12 тракторов и 10 плугов уже готовы к полевым работам» (114). В таких условиях подготовить технику к весеннему севу – это настоящий трудовой подвиг, именно так следует воспринимать сообщение областной газеты.

В невероятно тяжелых условиях проходил в 1943 г. весенний сев в освобожденных районах Курской области. Накануне войны только в МТС области насчитывалось около 10,4 тыс. тракторов (115), теперь их осталось немногим более 2 тыс., для которых к тому же не хватало горючего. Не могли решить проблему тягловой силы и лошади, так как их осталось всего 16 тыс. голов, из которых многие были истощены (116). Для сравнения: в 1940 г. только в колхозах Курской области насчитывалось 215 тыс. рабочих лошадей (117). При таких обстоятельствах основной тягловой силой становились коровы колхозников. Основную нагрузку при проведении полевых работ несли на себе женщины, старики и подростки. В 77 колхозах Воловского района Курской области в 1944 г. работало всего 460 мужчин, в основном престарелого возраста. Выращенный хлеб (более 41 тыс. центнеров) был доставлен колхозницами на пункты «Заготзерна» главным образом на коровах и вручную с помощью тележек (118).

Аналогичная обстановка наблюдается и в других местах. В постановлении собрания колхозного актива Ленинского района Курской области об итогах весенне-летних работ 1943 г. отмечается: «Районный актив гордится передовиками. Тов. Кашаринский Н.А., 65 лет, из колхоза им. Димитрова на своей корове вспахал 4 га пара, посеял 5 га озимых, поднял зяби 3 га. Тов. Малыхина М.Я., из колхоза "9 января", скосила хлебов 4 га, вспахала на своей корове 4 га и посеяла озимых 4,1 га. Подросток Агарков Н.А., член колхоза «Советская родина», на паре лошадей вспахал пара 25 га и посеял озимых 24 га». В 1943 г. Курская область сдала государству 8 млн пудов, 783 т мяса, 132 тыс. центнеров молока (119).

Программным документом по восстановлению разрушенных городов и сел явилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». По решению правительства только в Курскую область было отгружено в 1943 г. 650 тракторов, 1 700 тракторных плугов, 240 сенокосилок, 250 сортировок (120). Воронежская область получила 88,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 58 тыс. овец и коз, более 12 тыс. свиней (121). Это не могло компенсировать потери продуктивного и рабочего скота. В 1941 г. из западных районов Воронежской области было эвакуировано более 82 тыс. лошадей, более 153 тыс. голов КРС, более 366 тыс. овец (122). Таким образом, хозяйства освобожденных районов Воронежской области получили менее 60 % голов от общего количества эвакуированного крупного рогатого скота и менее 20 % овец. Возможности правительства были весьма ограничены.

Линия фронта, проходившая по Орловской, Курской и Воронежской областям, смещалась то на восток, то на запад. Боевые действия неоднократно разворачивались на одних и тех же территориях, в результате поля были изрыты противотанковыми рвами, окопами, блиндажами, завалены разбитой военной техникой, напичканы минами и неразорвавшимися бомбами и артиллерийскими снарядами. Предстояла большая работа по очистке полей от разбитой техники, по засыпке траншей, землянок, противотанковых рвов. Перед началом сельскохозяйственных работ поля обследовали саперы, извлекая смертоносные заряды. Но все мины и снаряды было невозможно сразу обнаружить. При проведении земледельческих работ боеприпасы взрывались, уничтожалась техника, гибли люди.

Восстановление сельского хозяйства началось сразу же после прекращения боевых действий. В 1944 г. в Курской области были засеяны 802,8 тыс. га, что составило 59 % довоенного уровня. Такого результата удалось достичь ценой колоссальных усилий колхозников и огромных затрат ручного труда. На колхозных полях приходилось использовать в качестве тягловой силы коров: на коровах в Курской области было посеяно 440 тыс. га, или 41 % площади, на тракторах – соответственно 513 тыс. га, или 48 %, на лошадях – 116 тыс. га, или 11 % (123). В таком же положении оказалось сельское хозяйство Орловской и Воронежской областей. Сельскохозяй-

ственные работы в Воронежской области были механизированы всего на 28 %, в 1943–1944 гг. на полях Воронежской области работало около 100 тыс. коров (124).

Колхозники, в основном женщины, старики и подростки, совершили трудовой подвиг, восстанавливая разрушенное хозяйство. В некоторых районах во время сева выработка на 1 корову равнялась выработке на лошади. В 1944 г. в Чернянском районе Курской области она составила 6,3 га, Сажновском – 5,9, Поныровском – 5,7. По многим районам колхозникам приходилось вскапывать землю вручную: в Белгородском районе – 1 043 га, Поныровском – 751, Глазуновском – 430, Верхне-Любажском – 583, Сажновском – 713 (125).

Имеющаяся сельскохозяйственная техника была сильно изношена, часто выходила из строя, запчастей не хватало. Трактористы и механики своими силами изготовляли новые и реставрировали старые детали. В период зимнего ремонта тракторов 1943/44 гг. в МТС и МТМ Орловской области было изготовлено запасных частей стоимостью 90 тыс. руб., реставрировано деталей – 215 тыс. (126). Мастерских для капитального ремонта тракторов и сельскохозяйственной техники катастрофически не хватало, ремонт осуществлялся в приспособленных помещениях, под навесами, часто под открытым небом. В 1945 г. в Орловской области на 90 МТС приходилось 4 мастерских капитального ремонта, в Тамбовской области из 86 МТС имели мастерские капитального ремонта – 14 (127). И все же в трудных условиях войны с ремонтом техники механизаторы справлялись. Эти успехи они закрепляли на севе и последующих работах. Так, в 1944 г. уже на 1 августа годовой план тракторных работ орловские МТС выполнили на 83 %, а 15 МТС на тот момент завершили годовое задание (128).

Выполнение годового объема тракторных работ за 3–4 месяца – это результат самоотверженной работы трактористов и ремонтников, среди которых значительную часть составляли женщины. На 1 января 1946 г. удельный вес женщин среди трактористов МТС Орловской области составлял 32 %, Тамбовской – 46 %, среди комбайнеров – соответственно 26 % и 43 % и ремонтников – 11 % и 26 % (129). Во время Великой Отечественной войны женщины и подростки стали главной силой в колхозном производстве. В воронеж-

ских колхозах в 1944 г. они выработали 85 % от общего количества трудодней. В 1944 г. в МТС Воронежской области трактористами и комбайнерами работало около 10 тыс. женщин, или 60 % общего состава механизаторов (130).

Интенсивное использование имеющейся техники (при ее нехватке) и выполнение большого объема работ на один трактор достигалось за счет растягивания сроков работ, ухудшения агротехники, в итоге снижалась урожайность полей. В 1944 г. урожайность зерновых культур в Курской области составила 4–6 центнеров с гектара, сахарной свеклы – 71,5 (131). Ресурса изношенной техники не хватало на весь цикл сельскохозяйственных работ: к концу года большая ее часть выходила из строя. В МТС Воронежской области по техническим неисправностям осенью 1944 г. простаивало 45 % тракторов (132).

Во многих МТС остро не хватало прицепного инвентаря, тракторы не использовались в полной мере из-за отсутствия плугов. К примеру, в 1945 г. в МТС Тамбовской области на 4424 трактора приходилось 3 329 плугов, или на 1,3 трактора один плуг. Кроме того, остро не хватало лущильников, сеялок, культиваторов и другого инвентаря. Об этом свидетельствуют данные сводных годовых отчетов МТС Орловской и Тамбовской областей за 1940 и 1945 гг. Так, в МТС Тамбовской области в 1945 г. тракторных плугов имелось лишь 53 % от довоенного уровня, лущильников – 82 %, сеялок – 64 %, Орловской – соответственно 29 %, 27 % и 28 % (133).

Для мобилизации ресурсов правительство использовало различные методы – идеологические, политические, экономические, административно-принудительные. 13 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней», согласно которому повышался обязательный минимум трудодней до 100–150 в год в зависимости от района. Для третьей группы районов СССР, в которую вошли области Центрального Черноземья, обязательный минимум составил 120 трудодней. Подростки и члены семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет должны были выработать не менее 50 % трудодней. При этом для каждого периода работ устанавливалось определенное количество трудодней, которые необходимо было отработать колхозни-

ку (до 15 июня – не менее 30 трудодней, с 15 июня до 15 августа – 30, с 15 августа по 15 октября – 40, остальные – после 15 октября) (134).

Трудоспособные колхозники, не выполнившие в течение года обязательного минимума трудодней, предавались суду и по приговору народного суда карались исправительно-трудовыми работами в колхозах до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25 % в пользу колхоза. Более того, указанные лица считались выбывшими из колхоза и лишались приусадебного участка (135).

Колхозники работали на пределе своих возможностей. Так, среднегодовая выработка на одного трудоспособного колхозника в Тамбовской области в 1945 г. составила 180 трудодней, на треть превысив обязательный минимум. Но были и такие, которые по каким-либо причинам не вырабатывали обязательный минимум трудодней. В отношении их применялись принудительно-карательные меры. За первый период полевых работ в колхозах Тамбовской области было передано в суд дел на 5 155 человек, из них осуждено 1 079; за второй – соответственно 4 559 и 1 035; за третий – 4 367 и 950 (136). Таким образом, в 1945 г. в Тамбовской области было передано в суд дел на 14 081 колхозника, из которых было осуждено – 3 064.

Вместе с взрослыми на колхозных полях трудились их дети. В докладной записке Курского обкома комсомола в ЦК ВЛКСМ отмечается: «Из 265 учащихся Иванчиковской школы Льговского района – 167 работают в колхозах “Свой труд” и “Шаг вперед”. Около 3 000 трудодней выработали эти школьники. Учащиеся Ново-Мелавской НСШ Ясеневского района работают в колхозе “Победа”. Каждый ученик в день пропалывает по 0,04–0,05 га проса, при норме 0,04 га. А такие учащиеся, как Пашкова Надя (5-й класс), Шипилова Катя (6-й класс), Кистирева Тамара (4-й класс), Коротких Настя (6-й класс), выпалывали по 0,06 га» (137). Таким образом, школьники трудились наравне с взрослыми, выполняя и перевыполняя установленные нормы выработки.

Центрально-Черноземная деревня внесла свой весомый трудовой вклад в дело победы в Великой Отечественной войне, снабжая фронт и тыл продовольствием. Только труженики сельского хозяйства Воронежской области сдали государству в 1941–1945 гг. 1 787 017 т зерна, почти 300 тыс. т картофеля, почти 70 тыс. т мяса (138).

За годы войны сельское хозяйство Центрального Черноземья было отброшено далеко назад. В агрономическом отчете Тамбовского областного земельного отдела за 1945 г. содержатся сведения о том, в каком тяжелейшем положении оказалось сельское хозяйство одной из областей региона к концу войны. В годы войны машинно-тракторный парк в области сократился в результате амортизации техники, передачи машин и сельскохозяйственного инвентаря районам, пострадавшим от немецкой оккупации. Произошло сокращение живой тягловой силы, к тому же остро не хватало конного инвентаря – плугов, сеялок, культиваторов, борон. В итоге значительная часть сельскохозяйственных работ производилась вручную. Из общего количества посевов яровых и зернобобовых культур только 70 % посевов в области произведено с помощью сеялок, а остальные 30 % – вразброс (вручную) (139). Проведение посева зерновых культур вразброс потребовало огромного напряжения сил колхозников, и при этом такой способ посева приводил к снижению урожайности на 1–1,5 центнера с гектара (140).

Из-за ослабления материально-технической базы сельского хозяйства Тамбовской области весновспашка в 1945 г. затянулась на недопустимый с агротехнической точки зрения срок, она продолжалась до 20 июня, т. е. 55–60 дней. Установленная глубина вспашки во многих колхозах не соблюдалась, особенно на живом тягле. Края полей не опахивались. За плугом не всегда следовала борона. Значительные площади зяби оставались не культивированными. Чрезмерная засоренность полей (главным образом, пырей) в сильной степени отражалась на качестве обработки почвы. Сев ранних и поздних культур длился 60–65 дней (до 20–25 июля). Из-за отсутствия во многих колхозах сортировочных машин некондиционными семенами было посеяно 36 % площади, сортовыми – 53 %. Уборка зерновых длилась по сентябрь, потери хлеба достигали 30–35 %. Средний урожай зерновых составил 3–4 центнера с гектара, но многие колхозы получили 1,5 центнера (141).

В годы войны повсеместно были нарушены севообороты, пахотные земли использовались бессистемно. В Тамбовской области в 1945 г. были произведены землеустроительные работы в 926 колхозах с площадью пашни 669 тыс. га, что составило 30,3 % общей па-

хотных земель. Во многих колхозах севообороты отсутствовали, сохранялось типичное трехполье с традиционным посевом хлеба по хлебу, поздним паром. Площадь под залежами и перелогами за войну значительно увеличилась, под ними стали оставлять без всякой системы целые поля, а чаще всего отдельные части полей – «лоскуты». Посевы культур резко сместились в ограниченное число близких к населенным пунктам (142).

Такое тяжелое положение сложилось в относительно благополучной области Центрального Черноземья; Тамбовская область не испытала эвакуации, германской оккупации, разграблений и разрушений, на ее территории не велось боевых действий. Низкий уровень агротехники возделывания культур ставил сельское хозяйство региона в сильную зависимость от природно-климатических условий. Центральное Черноземье располагается в зоне лесостепи и степи и относится к числу засушливых регионов страны. Регион периодически переживает засухи, повторяющиеся не реже одного раза в 3–4 года (143). Сельское хозяйство Центрального Черноземья после окончания войны оказалось в кризисном положении, которое при неблагоприятных природно-климатических условиях грозило обернуться большой бедой.

За время войны ослабла материально-техническая база сельского хозяйства Центрального Черноземья. По этой причине огромные площади сельскохозяйственных угодий не возделывались. В Курской области посевная площадь в 1945 г. составляла 1 495 тыс. гектаров, или 62 % довоенного уровня, неосвоенными оставались более одного миллиона гектаров (144). В МТС произошло резкое сокращение количества тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных орудий и инвентаря, ухудшилась ремонтная база. Об этом можно судить по состоянию дел в Курской области. После ее освобождения была проведена колоссальная работа по восстановлению народного хозяйства. С 1943 г. по 1945 г. в МТС число тракторов всех марок увеличилось в 1,9 раза, комбайнов – в 2,3 раза, возводились ремонтные мастерские. Но если брать за точку отсчета предвоенный 1940 год, то картина складывается не такая уж радужная. За 1941–1945 гг. число тракторов в курских МТС уменьшилось на 5 261, или на 51 %, а их суммарная мощность – на 101 550 л. с., или на 52 %. Еще боль-

ше пострадал парк зерновых комбайнов, он составлял чуть более 20 % от довоенного уровня (145). Фактически машинно-тракторный парк сократился до показателей начала 1930-х годов.

Тракторный парк МТС в годы войны не только сократился, но и произошло его ухудшение вследствие амортизации. Половина тракторов курских МТС была собрана и восстановлена из сохранившихся и реставрированных деталей после освобождения области от немецкой оккупации. Ситуация усугублялась еще и тем, что даже имевшиеся тракторы не были обеспечены сельскохозяйственным инвентарем и орудиями. За годы войны в МТС Курской области вдвое сократилось количество тракторных плугов, и втрое тракторных сеялок и культиваторов. В мае 1946 г. тракторных плугов в курских МТС имелось 3 300 и недоставало против физических тракторов на 1480 единиц (146).

В письме секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину секретарь Курского обкома партии П.И. Доронин приводил факты, свидетельствующие о почти полном отсутствии некоторых типов почвообрабатывающей и уборочной техники во многих МТС области. В частности, Дерюгинская МТС на 25 физических тракторов имела 3 культиватора и 1 сеялку, Кореневская МТС на 25 тракторов – 1 сеялку. Косовицу и молотьбу хлеба в 1945 г. колхозы Курской области проводили, в основном, вручную. Из общей площади зерновых культур 1 266 тыс. га машинами было убрано 136 тыс. га, или 11 %, обмолочено молотилками 515 тыс. га, или 40 % (147).

В период Великой Отечественной войны в сельском хозяйстве Центрального Черноземья резко сократилась численность не только машин, но и рабочих лошадей. В Курской области в 1945 г., по сравнению с 1940 г., численность рабочих лошадей уменьшилась почти в 7 раз и составила 33,5 тыс. голов, или в среднем 6 лошадей на колхоз. Лошади после войны в основном использовались колхозами для обслуживания тракторов, подвозки семян и удобрений. Если до войны часть колхозов располагала грузовыми автомобилями, то в 1945 г. их не было совершенно (148).

В результате нагрузка при проведении сельскохозяйственных работ на одну лошадиную силу механического и живого тягла в Курской области достигла в 1945 г. 45 гектаров условной пахоты, то

есть в два раза превысила довоенный уровень. Все это отразилось на снижении уровня механизации основных сельскохозяйственных работ в колхозах. В 1945 г. механизация основных сельскохозяйственных работ в колхозах Курской области составляла всего 48 %, в то время как до войны – 85–95 %. Особенно сильно сократилась механизация работ при посеве яровых и озимых зерновых культур – до 20–26 % (149). Из-за нарушения агротехники сократилось и производство сельскохозяйственных продуктов. «Трехлетняя практика показала, – отмечает П. И. Доронин в письме к И.В. Сталину, – что обработка земли на коровах с мелкой вспашкой приводит к резкому снижению урожая и фактический сбор зерна с одного гектара не превышает 5–6 центнеров» (150).

После окончания Великой Отечественной войны центрально-черноземная деревня оказалась в тяжелейшем положении: она понесла огромные человеческие жертвы, резко сократилось количество трудоспособного населения, значительно ухудшилась материально-техническая база сельского хозяйства, далеко назад было отброшено сельскохозяйственное производство.

В 1945–1950 гг. было принято более 40 правительственных постановлений по сельскому хозяйству. Но все они не меняли сути экономических отношений в стране. Сохранялся прежний курс на первоочередное развитие тяжелой промышленности за счет других отраслей и, прежде всего, за счет сельского хозяйства (151). Для государства приоритетное значение имело восстановление городов и промышленных предприятий. В качестве резерва рабочей силы правительством рассматривалась деревня. Наборы рабочей силы для восстановления промышленности проходили по всей стране. Так, в 1946 г. Елецкий район Орловской области организовал набор рабочей силы для текстильной промышленности (152), Добровский район Рязанской области – для торфопредприятий (153). Задонский районный совет депутатов трудящихся Орловской области принял решение, чтобы каждый сельсовет выделил 1–2 рабочих на восстановление разрушенных городов (154).

Нехватка механического и живого тягла стала причиной того, что и после окончания войны на сельскохозяйственных работах широко использовались коровы. Накануне весеннего сева 1946 г. Чернавский

райисполком Орловской области принимает постановление: «Обязать председателей сельсоветов Никольского т. Белавцева и Пятницкого т. Степанкова и председателей колхозов обеспечить полностью использование на полевых работах коров колхозников» (155).

Проведение земледельческих работ осложнялось еще и тем, что на полях оставалось немало мин, неразорвавшихся снарядов и авиационных бомб. Несчастья случались и после окончания войны. Так, в 1946 г. только в Тербунском районе Курской области в Солдатском сельсовете подорвались три человека и корова, в Святошенском – 8 детей (156). Смертоносные взрывы на колхозных полях продолжали греметь и позже. В 1947 г. на полях Курской области подорвались на минах и сгорели 2 трактора «У–2», 4 – «СТЗ–НАТИ», 7 – «ХТЗ» и 1 комбайн «Коммунар» (157).

Измученная войной деревня приступала к посевной кампании 1946 г. в тяжелейших условиях, сказывалось перенапряжение предшествующих лет. Некомпенсированное изъятие продукции, оправданное в военное время, стало нормой взаимоотношений между государством и колхозами и в мирных условиях. Такая практика привела к тому, что в колхозах не только не могли обеспечить минимальную оплату трудодней колхозников, но и засыпать семенной фонд. В материалах пленумов райкомов партии приводятся данные о критическом состоянии дел в колхозах Центрального Черноземья накануне весеннего сева 1946 г. «Подготовка к весеннему севу в колхозах ведется крайне медленно, – отмечается в постановлении Усманского райкома ВКП(б) Воронежской области. – Посевная площадь посевным материалом не обеспечивается. Семян зерновых культур имеется только на 71 %, подсолнечника на 26 %, картофеля на 40 %, овощных на 20 %» (158). Аналогичная информация содержится в документах Грязинского райкома партии Воронежской области: «Подготовка к весеннему севу в колхозах Средне-Лукавского сельсовета проходит крайне неудовлетворительно. Обеспеченность семенами по колхозам составляет: им. Сталина – 34 %, им. Буденного – 26 %, ОСО – 48 %, XVIII партсъезда – 60 %» (159). Между тем государственный план развития сельского хозяйства на 1946 г. предусматривал увеличение посевной площади в целом по стране на 8,2 млн га (160).

В 1946 г. на страну обрушилась страшная засуха, которая захватила почти все зерновые районы – Украину, Молдавию, Правобережье Нижней и Средней Волги, Ростовскую область, Центральное Черноземье. По данным Института земледелия Центрально-Черноземной зоны (Таловский район Воронежской области), с момента посева ранних зерновых и весь май здесь не было ни одного дождя. Первый эффективный дождь выпал только 29 июня. Так как осень была сухой, а зима малоснежной, то и запасы влаги от таяния снега были невелики (161). Сельское хозяйство Центрального Черноземья пострадало от засухи самым жестоким образом. Так, на территории Елецкого района Орловской области в течение 84 дней, до 23 июня, не выпало ни капли осадков (162).

Засуха для Центрального Черноземья не такое уж редкое явление. Тяжесть последствий зависит не только от размеров и остроты засухи, но и от уровня агротехники возделывания сельскохозяйственных культур, от культуры земледелия. Ослабленные войной и обезлюдившие колхозы при недостатке техники, живого тягла не могли соблюдать необходимые агротехнические требования: сроки и качество вспашки, посева, качество посевного материала, обработки почвы и т. д. Огромные площади различных культур, особенно засеянных с большим опозданием, по весновспашке, погибли.

Области Центрального Черноземья являлись эпицентром засухи. Видовая урожайность зерновых в колхозах Воронежской области была определена госинспекторами в 2,7 центнера с гектара, Курской – 3, Орловской – 2,8, Тамбовской – 2,4 (163). Но не удалось собрать даже этого. В Орловской области погибли посевы зерновых на площади 60 тыс. гектаров, в Тамбовской – на 40 тыс. Из областей Центрального Черноземья особенно пострадало от засухи сельское хозяйство Воронежской области. В колхозах Воронежской области погибли 250 тыс. гектаров зерновых, или 25 % площади посева, средняя урожайность зерновых составила 2,4 центнера с гектара. Общий сбор зерновых в стране в 1946 г. в сравнении с предыдущим годом сократился до 83,6 %, а в центрально-черноземных областях – до 46,5 % (164).

Летом 1946 г. правительством был разработан план строгого режима экономии хлеба. Руководители областей, сильно пострадавших от засухи, надеялись на то, что их освободят от хлебопоставок. Од-

нако этого не произошло. 4 июля 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О годовом плане заготовок зерна и других сельскохозяйственных продуктов из урожая 1946 г. по Воронежской области», которое увеличивало план сдачи зерна государству по сравнению с проектом на 8 тыс. тонн и доводило его до 128 тыс. т. Вместе с тем, колхозам области был отсрочен возврат зерна по семенной ссуде, задолженность по натуральной оплате за работы МТС, по обязательным поставкам – всего в количестве 192 тыс. т, а совхозам – более 11 тыс. т семенной ссуды. Одновременно с колхозов было списано 112 тыс. т зерна, подлежавшего погашению в 1946 г. и отменена сдача зерна в хлебный фонд Красной Армии, включая задолженность прошлых лет. При этом от руководства Воронежской области требовалось полное выполнение плана заготовок зерна и других сельскохозяйственных продуктов в установленные сроки. Подобный расчет был предложен и другим областям Центрального Черноземья. По справедливому замечанию В.Ф. Зимы, такой план был невыполним даже при условии сдачи всего продовольственного и семенного зерна (165).

10 ноября 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «Об обязательном плане закупок ржи, пшеницы из урожая 1946 г.», в соответствии с которым предполагалось дополнительно заготовить 1,12 млн т зерна. Несмотря на категорический отказ многих районов от участия в закупках хлеба, план получили почти все. Исключение составили лишь области Центрального Черноземья, а также Молдавская и Карело-Финская ССР (166).

В результате проведения хлебозаготовок колхозно-совхозные амбары были вычищены: государство получило большую часть собранного урожая. Многие колхозы оказались не только без семян и фуража, но и без хлеба, предназначавшегося для выдачи колхозникам на трудодни. В колхозах Центрального Черноземья по итогам 1946 г. на один наличный двор в среднем было распределено 0,5 ц зерна, 0,1 ц картофеля, 44 руб. денег (167). В хозяйствах, выдававших колхозникам зерно на трудодни, его хватило всего на 2–3 месяца. Во многих колхозах зерно на трудодни вообще не выдавалось. Таких колхозов в 1946 г. в Российской Федерации насчитывалось 13,2 % от их общего количества. В Центральном Черноземье удельный вес колхозов, не производивших оплату трудодней, намного

превысил республиканский уровень: в Воронежской области он составил 45,9 %, Орловской – 51,4 %, Курской – 64,4 %, Тамбовской – 72 % (168).

В конце 1946 г. – начале 1947 г. в стране начинается массовый голод. Городское население находилось несколько в лучшем положении, потому что оно получало по карточкам небольшие нормы хлеба. К тому же горожане могли получить немного хлеба в системе общественного питания на предприятиях или купить на рынке. На почве недоедания и голода наблюдались многочисленные случаи истощения и дистрофии, особенно среди детей. В докладной записке министра здравоохранения СССР Е.И. Смирнова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову указывается: на 23 апреля 1947 г. количество больных алиментарной дистрофией (169) по Российской Федерации составило 372 351, а на 25 мая – уже 507 784, из них умерли 706 человек. Наибольшее число больных выявлено в следующих областях: Воронежской – 73 741, Курской – 85 482, Молотовской – 33 615, Тамбовской – 67 515, Ульяновской – 104 689, Читинской – 12 314, Башкирской АССР – 35 045, Краснодарском крае – 23 000 (170). Приведенные данные о количестве заболеваний не в полной мере соответствуют масштабу голода, они занижены. Но они позволяют примерно определить очаги массового голода в России. По данным В.Ф. Зимы, весной 1947 г. только в Воронежской области число больных дистрофией достигало 250 тыс. человек, многие из них умирали (171).

Органы государственной безопасности, осуществлявшие негласный контроль корреспонденции, зарегистрировали по Воронежской области 4 616 писем с жалобами населения на тяжелое продовольственное положение и сообщениями о случаях опухания на почве голода. Выдержки из писем были направлены И.В. Сталину 31 декабря 1946 г. Вот содержание одного из них – жительницы хутора Вязовый Подгоренского района А.И. Ендовицкой. В нем передается трагизм переживаемой ситуации: «Жить нам нечем: нет ни хлеба, ни картошки, мы начали отекать от голода и погибаем» (172). Таким образом, руководство страны было информировано о надвигающейся трагедии, однако, своевременных и эффективных мер по спасению голодающих принято не было.

В медицинской статистике за 1946–1947 гг. настоящая причина роста смертности (голод) скрывалась за такими диагнозами, как же-

лудочно-кишечные заболевания (дизентерия, токсическая диспепсия), септическая ангина. Лишь в исключительных случаях называется дистрофия, алиментарная дистрофия, авитаминоз. Весной 1947 г. голодные люди собирали перезимовавшее на полях зерно, содержавшее токсичные вещества. Люди ели продукты из перезимовавшего зерна, несмотря на санитарно-разъяснительную работу среди населения. На мельницах запрещался размол зерна без справки колхоза о том, что зерно не является перезимовавшим под снегом. С начала таяния снега устанавливалось наблюдение за населенными пунктами, рядом с которыми находились поля с неубранными посевами зерновых (173). Но голодающих это не останавливало, начались массовые отравления. Причиной летальности в таких случаях записывали септическую ангину, поскольку больные жаловались на боли в горле. Под септической ангиной скрывали лейкопению – заболевание, связанное с отравлением кроветворной системы.

Из-за подтасовки и тщательного сокрытия фактов голода в России нет возможности привести точные обобщенные данные численности погибших. По оценке В.Ф. Зимы, в 1946–1947 гг. в СССР жертвами голода и связанных с ним болезней стали около миллиона человек, в том числе в России – не менее 0,5 миллиона (174). Государство могло оказать действенную помощь голодающим, но не сделало этого. Из урожая зерновых культур 1946 г. было заготовлено 17,5 млн т, из них 11,6 млн т направлено на внутренние нужды государства, 4,8 млн т – в госрезерв и 1,1 млн т – на экспорт. На 1 февраля 1947 г. в госрезерве хранилось 10 млн т зерна, т. е. на 1,9 млн т больше, чем в то же время 1946 г. Несмотря на свирепствующий голод, правительство страны не использовало даже ту часть хлеба, которая была первоначально выделена для внутреннего потребления. На 1 июня 1947 г. от 11,6 млн т зерна преходящий, т. е. неиспользованный остаток составлял 3,6 млн т (175).

Таким образом, засуха 1946 г. и последовавший массовый голод предельно обострили проблемы советской послевоенной деревни. После окончания Великой Отечественной войны произошло резкое сокращение трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, многие колхозы обезлюдели. Восстановление и дальнейшее развитие аграрного сектора экономики страны становились в полную зависимость от материально-технической базы колхозного строя. В такой ситуации

советское правительство делает ставку на укрепление базовых предприятий в сельском хозяйстве – машинно-тракторных станций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История советского крестьянства. – Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. 1927–1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. – М., 1986. – С. 49.
2. Там же. – С. 52.
3. Сельское хозяйство России. 1917–1967 / Под ред. Л.Я. Флоренсьева. – М., 1967. – С. 38.
4. История советского крестьянства. – Т. 2. – С. 52.
5. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917–1958. – Т. 1. – М., 1959. – С. 137.
6. *Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А.* Историческая роль МТС и их реорганизация. – М.,1958. – С. 15–17.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. – Изд. 9-е, доп. и испр. – Т. 6. 1933–1937. – М., 1985. – С. 11–12.
8. *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР / Отв. ред. М.П. Ким. – М., 1963. – С. 261, 267.
9. История советского крестьянства. – Т. 2. – С. 241.
10. *Мошков Ю.А.* Указ. соч. – С. 264.
11. Там же. – С. 260.
12. История советского крестьянства. – Т. 2. – С. 428.
13. Голод 1932–1933 гг. поразил главным образом важнейшие зерновые районы страны и прежде всего Украину, Северный Кавказ, Поволжье, а также Казахстан. Бедствие переживали Южный и Средний Урал, Центральное Черноземье, Западная Сибирь и некоторые другие районы. Жертвами этой беспрецедентной трагедии стали от 7 до 8 млн. человек // *Данилов В.П., Зеленин И.* Е. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. – 2004. – № 5. – С. 109.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 6. – С. 22.
15. Там же. – С. 23.
16. Там же.
17. Там же. – С. 24.
18. Там же. – С. 25.
19. Там же. – С. 28.
20. Там же. – С. 30–31.
21. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. – В 5-ти тт. – Т. 3. Конец 1930–1933. – М., 2001. – С. 678–679.
22. *Алексеев В.А.* Политотделы машинно-тракторных станций Центрально-Черноземной области и их роль в проведении политики «чрезвычайшины» // Вехи минувшего. Ученые записки исторического факультета ЛГПИ. – Вып. 1. – Липецк, 1999. – С. 127.

23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 6. – С. 57.

24. Там же. – С. 58.

25. *Зеленин И.Е.* Введение. (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. – Т. 3. – С. 41.

26. Трагедия советской деревни. – Т. 3. – С. 685.

27. Там же.

28. Там же.

29. Там же. – С. 696–697.

30. Цит. по: *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. – М., 2006. – С. 148.

31. Там же.

32. *Алексеев В.А.* Указ. соч. – С. 128–130.

33. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 6. – С. 187.

34. *Наухацкий В.В.* Политотделы МТС: проблемы историографии и методологии // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. – М., 2008. – С. 164.

35. В СССР переход от трехзвенной административно-территориальной структуры управления (область – округ – район) к двухзвенной (область – район) осуществлялся с 1930 г. до конца 1932 г. С 1934 г. районы стали разукрупняться и формироваться вокруг новых МТС, к концу 1940 г. их количество в стране увеличилось с 2500 до 3500.

36. История советского крестьянства. – Т. 2. – С. 337.

37. *Мошков Ю.А.* Указ. соч. – С. 271.

38. Там же. – С. 338.

39. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). – 1933. – № 9. – Ст. 47.

40. Там же.

41. Там же.

42. Исключение составляли комбайнеры. Согласно постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе комбайнов и об оплате комбайнеров в совхозах и МТС», принятом в апреле 1935 г., комбайнеры зачислялись в штат МТС и получали статус государственных рабочих // СЗ СССР. – 1935. – № 21. – Ст. 164.

43. История советского крестьянства. – Т. 2. - С. 308.

44. СЗ СССР. – 1933. – № 9. – Ст. 47.

45. Там же.

46. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 6. – С. 64.

47. Там же.

48. Там же.

49. СЗ СССР. – 1934. – № 11. – Ст. 68.

50. В 1930-е гг. сложились следующие виды государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов в колхозах: 1) обязательные поставки; 2) натуроплата за работы МТС; 3) контрактация; 4) государственные закупки; 5) децентрализованные заготовки; 6) гарнцевый сбор. Вначале центр тяжести заготовок ложился на обязательные поставки, с уси-

лением роли МТС в колхозном производстве стал преобладать удельный вес натуроплаты // История советского крестьянства. – Т. 2. – С. 358.

51. Примерный устав сельскохозяйственной артели. Принят Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. – М., 1950. – С. 9–11.

52. Там же. – С. 11.

53. СЗ СССР. – 1939. – № 4. – Ст. 15.

54. СЗ СССР. – 1932. – № 84. – Ст. 520–521.

55. Там же.

56. СЗ СССР. – 1933. – № 17. – Ст. 976.

57. *Зеленин И.Е.* Введение. (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. – Т. 3. – С. 42.

58. Трагедия советской деревни. – Т. 3. – С. 720.

59. *Мошков Ю.А.* Указ. соч. – С. 267.

60. *Данилов В.П.* Введение. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. – Т. 5. 1937–1939. – Кн. 1. 1937 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. – М., 2004. – С. 22.

61. Трагедия советской деревни. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 237.

62. См.: *Попов В.П.* Государство и заготовительно-распределительная система зерновой продукции в советском обществе 40-х годов // Власть и общество России. XX век: Сб. научных. трудов. – М.; Тамбов, 1999. – С. 296. В статистическом сборнике, изданном в 1939 г., на основе «биологической урожайности» приводится завышенная цифра валового сбора зерновых культур в колхозах для 1937 г. – 1071565 тыс. ц, тогда как, по подсчетам М.А. Вылцана, фактический валовой сбор зерна в колхозах должен быть определен в 870164,7 тыс. ц // См.: *Вылцан М.* А. Завершающий этап создания колхозного строя. (1935–1937 гг.). – М., 1978. – С. 18.

63. *Попов В.П.* Указ. соч. – С. 297.

64. Трагедия советской деревни. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 280.

65. Рассчитано по: Трагедия советской деревни. – Т. 5. – Кн. 1. Приложение № 4. – С. 575–578.

66. История советского крестьянства. – Т. 2. С. 359. В данном труде приводятся несколько завышенные цифры удельного веса натуроплаты в общем объеме хлебозаготовок в конце второй пятилетки – 49,8 %. Это противоречит источникам, опубликованным в последнее время // См.: Трагедия советского крестьянства. – Т. 5. – Кн. 1. Приложение № 4. – С. 575–578.

67. СЗ СССР. – 1939. – № 4. – Ст. 13.

68. Там же.

69. Там же.

70. *Попов В.П.* Указ. соч. – С. 298.

71. История советского крестьянства. – Т. 2. – С. 358.

72. *Попов В.П.* Указ. соч. – С. 298.

73. Сельское хозяйство СССР. Ст. сб. – М., 1960. – С. 75.

74. История советского крестьянства. – Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. – М., 1987. – С. 175.

75. Там же. – С. 176–177.

76. Там же. – С. 303.

77. История социалистической экономики СССР. – Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. – М., 1980. – С. 110.

78. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4411. – Л. 251.

79. Там же. – Ед. хр. 4438. – Л. 112.

80. История социалистической экономики СССР. – Т. 6. – С. 110.

81. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 годах. – М., 1972. – С. 149.

82. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4079. – Л. 32.

83. Там же. Л. 29, 26.

84. *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. – М.; Тамбов, 2000. – С. 5.

85. В результате наступления советских войск в декабре 1941 – январе 1942 гг. были освобождены Становлянский, Елецкий, Долгоруковский, Волынский, Измалковский, Корсаковский, Краснозоренский, Новодеревеньковский районы и г. Елец. Зимой 1943 г. Красная Армия освободила Мценский, Новосильский, Верховский, Русско-Бродский, Ливенский, Никольский, Должанский, Колпнянский, Дросковский и Покровский районы // Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сб. документов и материалов. – Орел, 1960. – С. 11.

86. *Карпенко Ю.М.* Крах политики фашистских захватчиков на временно оккупированной территории (По материалам Воронежской, Курской, Орловской областей) // Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. – Ярославль, 1976. – С. 100.

87. История советского крестьянства. – Т. 3. – С. 303.

88. Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сб. документов и материалов. – Орел, 1960. – С. 372.

89. Там же. – С. 135.

90. Там же.

91. *Тюхов В.* В МТС Орловской области // МТС. – 1943. – № 12. – С. 14.

92. *Полякова Е.М.* Некоторые вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов Курской области в 1943–1958 гг. // Научные труды Курского СХИ. – Т. III. – Вып. 5. – Воронеж, 1965. – С. 3.

93. *Губенко М.П.* К экономической характеристике районов РСФСР, освобожденных от фашистской оккупации в 1943 г. // История СССР. – 1962. – № 1. – С. 117.

94. *Карпенко Ю.М.* Указ. соч. – С. 101-102.

95. *Лосев А.В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). – Воронеж, 1965. – С. 13.

96. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Сб. материалов и документов. – В 2 т. – Курск, 1962. – Т. 2. – С. 364.

97. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. – В 6 т. – Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). – М., 1964. – С. 252–253.

98. Там же. – С. 254.

99. *Кабанов П.А.* Стальные перегоны. – М., 1973. – С. 191.

100. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. 2. – С. 427.

101. *Губенко М.П.* Указ. соч. – С. 121.

102. Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – С. 377, 387, 400.

103. Очерки истории Воронежской области. – В 2 т. / Под ред. Е.Г. Шуляковского. – Т. 2. Эпоха социализма. – Воронеж, 1967. – С. 303.

104. Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сб. документов и материалов. – Орел, 1960. – С. 372.

105. Очерки истории Тамбовской организации КПСС. – Воронеж, 1970. – С. 281–283.

106. Там же. С. 284.

107. Очерки истории Воронежской области. – Т. 2. – С. 276–277.

108. Очерки истории Липецкой организации КПСС. – С. 135.

109. Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – С. 135.

110. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. 2. – С. 447.

111. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4079. – Л. 31.

112. Там же. – Ед. хр. 4474. – Л. 32.

113. Там же. – Ед. хр. 3913. – Л. 357.

114. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. 2. – С. 370.

115. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 209. – Л. 41.

116. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. 2. – С. 371.

117. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 209. – Л. 26–27.

118. *Зубков И.А.* Партийные организации Липецкого края в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Липецк, 1970. – С. 19.

119. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. 2. – С. 390, 393.

120. Там же. – С. 371.

121. Очерки истории Воронежской области. – Т. 2. – С. 303.

122. Очерки истории Воронежской организации КПСС. – Изд. 2-е, доп., перераб. / Отв. ред. А.В. Лосев. – Воронеж, 1979. – С. 370.

123. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. 2. – Курск, 1962. – С. 422.

124. Очерки истории Воронежской области. – Т. 2. – С. 303.

125. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. 2. – С. 423.

126. Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – С. 420

127. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 355. – Л. 1; Ед. хр. 357. – Л. 145.

128. Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – С. 420.

129. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 355. – Л. 7; Ед. хр. 357. – Л. 150.

130. Очерки истории Воронежской области. – Т. 2. – С. 315.

131. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. 2. – С. 447.

132. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 3913. – Л. 356.

133. Подсчитано по сводным годовым отчетам МТС Орловской и Тамбовской областей за 1940 и 1945 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 206. – Л. 233; Ед. хр. 355. – Л. 14 об.; Ед. хр. 357. – Л. 122об.; Оп. 14. – Ед. хр. 116. – Л. 41.

134. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР (СП СССР). – 1942. – № 4. – Ст. 61.

135. Там же.

136. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 141. – Л. 84.

137. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. 2. – С. 431.

138. Очерки истории Воронежской организации КПСС. – С. 391.

139. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 141. – Л. 28.

140. Там же. – Оп. 1. – Ед. хр. 4079. – Л. 24.

141. Там же. – Оп. 14. – Ед. хр. 141. – Л. 28–29.

142. Там же. – Л. 13.

143. Там же. – Ед. хр. 115. – Л. 4об.

144. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 64. – Л. 34.

145. Рассчитано по сводному годовому отчету МТС Курской области за 1940 г. и по данным объяснительной записки к сводному годовому отчету МТС Курской области за 1947 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 209. – Л. 41; Оп. 15. – Ед. хр. 29. – Л. 281.

146. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 64. – Л. 125.

147. Там же. Л. 127.

148. Там же.

149. Там же. Л. 35.

150. Там же.

151. *Волков И.М.* Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков // Отечественная история. – 2000. – № 6. – С. 118.

152. ГАЛО. – Ф. Р–1229. – Оп. 1. – Ед. хр. 70. – Л. 50.

153. Там же. – Ф. Р–294. – Оп. 1. – Ед. хр. 18. – Л. 5.

154. Там же. – Ф. Р–208. – Оп. 1. – Ед. хр. 12. – Л. 16.

155. Там же. – Ф. Р–1405. – Оп. 1. – Ед. хр. 1. – Л. 18.

156. Там же. – Ф. Р–324. – Оп. 1. – Ед. хр. 18. – Л. 14.

157. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 29. – Л. 277.

158. ЦДНИЛО. – Ф. 64. – Оп. 1. – Ед. хр. 335. – Л. 40.

159. Там же. – Ф. 18. – Оп. 1. – Ед. хр. 333. – Л. 37.

160. Правда. 9 февраля 1946 г.

161. *Волков И.М.* Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 4.

162. ЦДНИЛО. – Ф. 36. – Оп. 1. – Ед. хр. 267. – Л. 56.

163. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. – М., 1996. – С. 20.

164. История советского крестьянства. – Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 50-х годов / Отв. ред. И.М. Волков. – М., 1988. – С. 100; *Волков И.М.* Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 5.

165. *Зима В.Ф.* Указ. соч. – С. 21.

166. Там же. – С. 27.

167. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. – М., 1992. – С. 136.

168. Там же. – С. 137.

169. Алиментарная дистрофия – болезнь длительного недостаточного и неполноценного питания, проявляющаяся общим истощением, прогрессирующим расстройством всех видов обмена веществ, дистрофией тканей и органов с нарушением их функций, значительным снижением физической и психической активности, отеками // Малая медицинская энциклопедия: В 6 т. – Т. 1. – М., 1991. – С. 52.

170. *Попов В.П.* Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. – 1992. – № 6. – С. 57.

171. *Зима В.Ф.* Указ. соч. – С. 70.

172. Еще раз о послевоенном голоде. Подборка документов В.П. Попова // Отечественные архивы. – 1994. – № 4. – С. 85.

173. ГАЛО. – Ф. Р–743. – Оп. 1. – Ед. хр. 15. – Л. 10.

174. *Зима В.Ф.* Голод в России 1946–1947 гг. // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 43. По данным В.П. Попова, прямые потери от голода в 1947 г. составили 770,7 тыс. человек // *Попов В.П.* Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 73.

175. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. – С. 29.

Глава II

МТС КАК ИНСТРУМЕНТ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Аграрная политика советского государства в послевоенные годы осуществлялась таким образом, чтобы обеспечить развитие сельского хозяйства при максимальном перераспределении ресурсов деревни. Главным инструментом ее реализации являлись машинно-тракторные станции. Вложение государственных средств в колхозное производство производилось опосредованно: путем поставок техники для МТС, укрепления их ремонтной базы, создания бытовых условий для рабочих и служащих и т. д. Государство возложило на машинно-тракторные станции полную ответственность за развитие колхозов – от планирования хозяйства до распределения готовой продукции. При этом не были задействованы материальные стимулы в работе колхозов. В итоге основные элементы производственной системы «колхозы – МТС» оказались несбалансированными, что снижало эффективность ее работы.

МТС – МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕРЕВНЕ (1946–1952 ГГ.)

Великая Отечественная война имела разрушительные последствия для экономики страны. Она тяжело сказалась на положении сельского хозяйства: на треть по сравнению с довоенным временем уменьшились мощности тракторного парка, значительная часть его состояла из изношенных машин, огромные площади сельскохозяйственных угодий оставались невозделанными.

Определяя программу мероприятий по восстановлению народного хозяйства, правительство первостепенное значение придавало внешнеполитическому фактору – укреплению позиций Советского Союза на международной арене как военной сверхдержавы. Данная ситуация накладывала отпечаток при выработке экономической политики советского правительства.

Выступая перед избирателями г. Москвы 9 февраля 1946 г., И.В. Сталин наметил задачи нового пятилетнего плана на 1946–1950 гг.: восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и превзойти его, расширить производство предметов потребления, обеспечить подъем жизненного уровня трудящихся. Касательно планов на более длительный период он высказался вполне определенно. Следует организовать такой подъем народного хозяйства, который дал бы возможность поднять уровень промышленности втрое по сравнению с довоенным периодом, и производить до 50 млн т чугуна, до 60 млн т стали, до 500 млн т угля, до 60 млн тонн нефти. «Только при этом условии, – заключил И.В. Сталин под бурные аплодисменты, – можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше» (1).

Такой подход означал, как потом выяснилось, решение основной экономической задачи, содержание которой определялось производством промышленной продукции на душу населения. «Никто не выражал недоумения, – замечает И.Е. Зеленин, – почему только промышленной, разве не менее важно, сколько будет производиться мяса, молока, масла?» (2). Таким образом, в выступлении главы советского правительства были сформулированы концептуальные положения экономической политики советского государства на послевоенный период. Ее суть оставалась неизменной – создание условий для форсированного развития тяжелой промышленности.

Экономическая политика правительства нашла свое конкретное выражение в «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», который предусматривал опережающий рост промышленного производства. К концу пятилетки промышленность должна была превзойти довоенный уровень на 48 %. На эти цели государство выделяло 157,7 млрд. руб. (3). Правительство планировало восстановить сельское хозяйство и пре-

взойти довоенный объем его производства на 27 %. Капиталовложения государства в сельское хозяйство определялись в размере 19,9 млрд. руб., а капиталовложения самих колхозов – 38 млрд. (4).

Таким образом, в четвертом пятилетнем плане соотношение капиталовложений государства в промышленность и сельское хозяйство составляет 8 к 1, что само по себе является ярким свидетельством приоритета в экономической политике правительства в пользу промышленности. В аграрной политике советского государства упор делался на машинно-тракторные станции, на их восстановление и развитие планировалось выделить почти половину всех средств, предназначенных селу, – 8,8 млрд. руб. (5).

Восстановительный процесс в сельском хозяйстве протекал особенно болезненно. Ослабленная материально-техническая база, резкое уменьшение живого тягла и сокращение трудоспособного населения обусловили его сильную зависимость от природно-климатических условий. В 1946 г. сильная засуха охватила важнейшие сельскохозяйственные районы страны: Центральное Черноземье, Правобережье Нижней и Средней Волги, Ростовскую область, Украину, Молдавию. Общий сбор зерна в стране сократился в сравнении с предыдущим годом до 83,6 % (6).

Сельское хозяйство страны оказалось в состоянии глубочайшего кризиса. В феврале 1947 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) встал вопрос о том, кому делать доклад. За сельское хозяйство персонально отвечал Г.М. Маленков. Но эту кандидатуру И.В. Сталин сразу же отверг, ссылаясь на некомпетентность своего соратника: «Какой же он сделает доклад, – сказал он, – если даже терминов сельского хозяйства не знает» (7). Первоначально И.В. Сталин предложил сделать доклад Н.С. Хрущеву, но тот отказался, сославшись на незнание ситуации в сельском хозяйстве страны в целом. В итоге доклад поручили подготовить заместителю Председателя Совета Министров СССР А.А. Андрееву, который к тому же возглавлял Совет по делам колхозов. «Андреев когда-то занимался сельским хозяйством и создал себе в партии славу знатока деревни, – вспоминал Н.С. Хрущев. – В сравнении с другими членами политбюро, он, конечно, лучше знал сельское хозяйство, хотя я был не особенно высокого мнения о его познаниях. Этот довольно сухой человек и формалист обычно поль-

зовался различными бюрократическими записками, строил свои сообщения на основе записок других таких же знатоков сельского хозяйства. Во всяком случае, я был доволен, что меня миновала чаша сия» (8).

Доклад А.А. Андреева «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» на февральском (1947 г.) пленуме ЦК ВКП(б) отражал не столько взгляды автора, сколько общее понимание ситуации, сложившееся в высшем руководстве страны. Для подготовки доклада привлекались специалисты Министерства сельского хозяйства СССР, научно-исследовательские институты, Сельскохозяйственная академия, сельскохозяйственный отдел ЦК партии. «Андреев и его помощники, – замечает Н.С. Хрущев, – не поднимая новых проблем, хорошо проработали официальный материал, и он последовательно и логично изложил его пленуму...» (9). В итоге доклад всех устроил.

В докладе основное внимание уделялось зерновой проблеме – «одной из главнейших задач в сельском хозяйстве» (10). Определяя пути достижения поставленной цели, руководство страны делало ставку на машинно-тракторные станции, которые выполняли в колхозах основную часть полевых работ. А.А. Андреев отметил: «...Машины МТС решают в значительной мере дело, и задача по расширению посевных площадей и повышению урожайности в огромной степени падает на МТС. Эта решающая роль МТС будет возрастать все больше – по мере увеличения тракторов и сельскохозяйственных машин» (11).

При этом сами МТС рассматриваются не только как центры механизации сельского хозяйства, но и как центры организации всего колхозного производства. На машинно-тракторные станции возлагается ответственность за выполнение планов урожайности в обслуживаемых колхозах. «Надо, чтобы МТС дрались за урожай, отвечали бы перед государством за выполнение планов урожайности в обслуживаемых колхозах.., – отмечалось в докладе. – МТС должны брать на себя самые тяжелые работы» (12).

В постановлении февральского пленума указывается, что основная задача машинно-тракторных станций заключается в повышении урожайности в обслуживаемых колхозах, улучшении тракторного парка, проведении тракторных работ качественно и в агротехниче-

ские сроки, своевременной уборки урожая и выполнении планов сдачи натуроплаты (13). На МТС возлагается ответственность за проведение всего комплекса механизированных работ в обслуживаемых колхозах. Фактически машинно-тракторные станции и колхозы несли равную ответственность за судьбу урожая.

В работе пленума серьезное внимание уделяется вопросу создания стимулов для работников тракторных бригад МТС. «Действующая система гарантийной оплаты труда трактористов натурой, – отмечал А.А. Андреев, – ...не заинтересовывает их в выполнении плана урожайности на обрабатываемых ими полях колхозов. Часто не потому, что трактористы плохие люди, а потому, что плоха система оплаты, они стремятся побольше выполнить гектаров за счет мягкой пахоты, сэкономить горючее за счет более легких работ...» (14).

Пленум принял решение выдавать работникам тракторных бригад гарантийный минимум в размере 3 кг зерна на трудодень при условии выполнения плана урожайности, а при невыполнении – 2 кг (15).

МТС являлись центрами механизации колхозного производства. После войны из-за слабости материально-технической базы МТС и колхозов, сокращения трудовых ресурсов деревни обрабатывать поля на прежнем агротехническом уровне было невозможно: запланированные объемы полевых работ не выполнялись, и их сроки не соблюдались. Накануне февральского (1947 г.) пленума ЦК ВКП(б) Министерством государственного контроля была проведена проверка работы 69 МТС Российской Федерации и Украины. В результате выяснилось: 13 % колхозов, обслуживаемых этими машинно-тракторными станциями, совсем не имеют договоров с МТС, 71 % колхозов заключал договора с опозданием от 2 до 9 месяцев. Вот почему в решениях пленума появилось положение – «восстановить в полной мере значение договоров между МТС и обслуживаемыми колхозами, определяющих взаимные обязательства МТС и колхозов» (16).

Центральное место в работе февральского пленума заняли вопросы, связанные с укреплением материально-технической базы сельского хозяйства, которые рассматривались преимущественно в плане укрепления машинно-тракторного парка и ремонтной базы МТС. Ремонтная база МТС в первые послевоенные годы нуждалась в обновлении и расширении не только потому, что длительное время не

пополнялась станками и оборудованием, но и потому, что машинно-тракторный парк состоял преимущественно из старых и изношенных машин и агрегатов, которые требовали частого ремонта. Пленум принял беспрецедентное решение: выделить для сельского хозяйства 25 тыс. металлорежущих станков, из них 20 тыс. – снять с машиностроительных предприятий, а 5 тыс. – за счет нового производства. Кроме того, в течение 1947–1949 гг. предстояло построить 631 мастерскую текущего ремонта, 194 межрайонных мастерских капитального ремонта и 32 ремонтных завода (17).

В докладе А.А. Андреева и в постановлении пленума значительное место занимает проблема квалифицированных кадров сельского хозяйства. Ведь даже в составе директоров МТС 82 % не имели сельскохозяйственного образования. Из общего количества агрономов МТС имели высшее образование 2,3 тыс., среднее – 9 тыс., а 9,8 тыс. агрономов – это практики, получившие краткосрочную подготовку (18). При этом в МТС ощущалась острая нехватка агрономов, инженеров и механиков: оставались вакантными 29 % ставок агрономов и 71 % – инженеров (19).

Февральский (1947 г.) пленум ЦК ВКП(б) разработал целую систему мероприятий по подготовке кадров для МТС. При сельскохозяйственных институтах расширялись постоянно действующие годичные курсы по повышению квалификации директоров и механиков МТС, создавались новые 25 техникумов механизации сельского хозяйства и 13 отделений механизации при существующих сельскохозяйственных техникумах. При ведущих сельскохозяйственных вузах открывались курсы усовершенствования агрономов МТС. С 1947 г. в школах механизации сельского хозяйства восстанавливались довоенные сроки обучения: для механиков – 18 месяцев, бригадиров тракторных бригад – 10, комбайнеров – 6 и трактористов – 5 (20).

Подготовка специалистов в учебных заведениях требовала времени, а необходимость в них ощущалась очень остро. По решению февральского пленума для работы в МТС и колхозах направлялись агрономы из ведомств, учреждений и учебных заведений. С тем, чтобы подчеркнуть значимость труда агрономов, зоотехников, ветврачей, инженеров, механиков и других специалистов, работающих непосредственно на производстве, им была установлена зарплата на 25 % выше, чем специалистам, занятым в аппарате (21).

Засуха и неурожай 1946 г. обострили проблему заготовок сельскохозяйственной продукции. Органы власти на местах широко использовали административно-карательные методы. В 1946 г. по Костромской области снято с работы 1 304 председателя колхозов, или 46 % к общему составу. Из них 204 – осуждены, 145 – исключены из партии и на 220 человек наложены партийные взыскания. Многие председатели колхозов уходили с должности по личной просьбе. По этим мотивам в 1946 г. в Костромской области ушло с работы 320 председателей (22).

Райкомы партии в качестве способа воздействия на сельское население встали на путь массового исключения людей из колхозов. В Жиздринском районе Калужской области за октябрь–ноябрь 1946 г. «огулом исключено из колхозов 794 колхозника, или 11,7 % от общего количества» (23). При этом большинство сельских коммунистов избегало работы в колхозах. Из 1 714 тыс. коммунистов села непосредственно в колхозах было занято только 759 тыс., многие из них – на второстепенных работах, а не в полеводческих и животноводческих бригадах (24). Для улучшения работы с сельскими коммунистами пленум постановил ввести в МТС должность заместителя директора по политической части (25).

В выработке аграрной политики советского государства в послевоенное время февральский (1947 г.) пленум ЦК ВКП(б) сыграл очень важную роль. На нем был принят ряд принципиальных положений, во многом определявших состояние дел в сельском хозяйстве страны. Советская послевоенная деревня являлась преимущественно колхозной, но упор в правительственной политике делался на улучшение работы МТС. Структура МТС по решению пленума получает законченное оформление. В системе Министерства сельского хозяйства СССР создается Главное управление машинно-тракторных станций (26). По справедливой оценке А.П. Тюриной, февральский пленум разработал конкретную программу «повышения роли машинно-тракторных станций в развитии колхозного производства в послевоенные годы», охватывающую все стороны производственной деятельности МТС, материально-техническую базу, использование кадров, организацию и оплату труда (27).

Ставка в управлении сельским хозяйством делалась исключительно на директивные методы, в документах пленума отсутствуют эко-

номические мероприятия. «Во время длительных прений, – отмечает А.И. Микоян, – больше внимания уделяли агротехнике, организационным вопросам о советах и бригадах, но ни одного экономического вопроса не обсуждалось. А главными тогда были вопросы политики цен, производства тракторов и сельхозмашин, удобрений» (28). Переход от войны к миру требовал переосмысления аграрной политики правительства, коренных изменений в экономических отношениях между государством и колхозами, отказа от чрезвычайных мер военного времени. Но этот поворот не был осуществлен.

Засуха 1946 г. и ее трагические последствия заставили руководство страны заняться разработкой мероприятий, которые могли бы, если не предотвратить, то хотя бы минимизировать неблагоприятные природно-климатические последствия. Февральский (1947 г.) пленум ЦК ВКП(б) постановил: закончить в течение пятилетки во всех колхозах и совхозах введение травопольных севооборотов, обеспечить соблюдение необходимой глубины пахоты, широко применять лущение полей, удобрения и т. д. (29).

В целях создания участков гарантированного урожая зерновых, технических и других сельскохозяйственных культур Министерство сельского хозяйство СССР представило в правительство проекты постановлений по дальнейшему развитию орошения, защитного лесонасаждения, полезащитного лесоразведения в областях Центрально-Черноземной зоны (30). В 1947 г. Совет Министров СССР принимает постановления о развитии орошения и полезащитного лесонасаждения в центрально-черноземных областях. Через год, 20 октября 1948 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли более масштабное постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» (31), в печати его стали называть «Сталинским планом преобразования природы». Такого грандиозного проекта мировая история не знала. На площади 120 млн га, равной территориям Англии, Франции, Италии, Бельгии и Нидерландов вместе взятых, предстояло посадить лесные полосы, чтобы преградить дорогу суховеям и изменить климат. В осуществлении «плана преобразования природы» должны были принять участие 80 тыс. колхозов, 2 тыс. совхозов и более 5 тыс. МТС (32).

Центральное место в плане занимало полезащитное лесоразведение и орошение. Проект, рассчитанный на период 1949–1965 гг., предусматривал создание 8 крупных лесных государственных полос в степных и лесостепных районах общей протяженностью свыше 5 300 км. Их создание возлагалось на Министерство лесного хозяйства СССР. Помимо этого намечались полезащитные лесонасаждения в колхозах и совхозах на площади 5 709 тыс. га, в том числе силами и средствами колхозов – 3 592,5 тыс. Для руководства всеми работами было образовано Главное управление полезащитного лесоразведения при Совете Министров СССР. Также планировалось построить в 1949–1955 гг. 44 228 прудов и водоемов, из них в колхозах – 41 300 и в совхозах – 2 928 (33). Реализация основных элементов этого плана, по утверждению И.М. Волкова, могла бы обеспечить получение устойчивых урожаев в степной и лесостепной зонах даже в засушливые годы (34).

При изучении «плана преобразования природы» следует обратить внимание на тот факт, что значительная часть всех работ возлагается на колхозы: им предстояло посадить 63 % всех полезащитных лесонасаждений и построить 93 % прудов и водоемов. Но колхозы не имели для этого материальных ресурсов. Фактически выполнение постановления партии и правительства зависело от машинно-тракторных станций (35). Для руководства работами по защитному лесоразведению в штат МТС вводилась должность агролесомелиоратора, при МТС создавались машинно-мелиоративные отряды. В рамках Министерства сельского хозяйства СССР и Министерства лесного хозяйства СССР в период 1949–1951 гг. намечалось образовать 570 специализированных лесозащитных станций (ЛЗС), из них 270 – по Министерству сельского хозяйства (36). Контрольные цифры плана не были выполнены. Всего за 1949–1952 гг. Министерство сельского хозяйства СССР организовало 165 ЛЗС. Нехватка специализированных лесозащитных станций частично компенсировалась тем, что лесопосадочными работами занимались многие МТС. В 1951–1952 гг. таких МТС по стране насчитывалось 3 422 (37). Работа по созданию лесозащитных станций и машинно-мелиоративных отрядов МТС активно велась в областях Центрального Черноземья. В 1950 г. в Воронежской области действовали 8 ЛЗС и 153 машинно-мелиоратив-

ных отряда МТС, в Курской области – соответственно 9 и 155, в Тамбовской области – 8 и 76 (38).

Одним из составляющих «плана преобразования природы» являлось положение по введению и освоению травопольных севооборотов в колхозах и совхозах. Намечалось осуществить переход к севооборотам в хозяйствах степной и лесостепной зоны европейской части СССР в 1949–1950 гг., а в целом по стране – к 1955 г. В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. основная доля ответственности за осуществление данного положения возлагалась на директоров и агрономов МТС (39).

Реализация «плана преобразования природы» проходила в основном в 1948–1953 гг. После смерти И.В. Сталина работы по этому проекту прекратились, страна оказалась к нему неготовой. С 1948 по 1953 гг. в стране посадили деревьев в два с половиной раза больше, чем за 250 предыдущих лет. Но из них к 1956 г. осталось лишь 15,6 %, в том числе полноценных лесов – 4,3 % (40). Аналогичная картина наблюдается и в мелиорации, наспех сооруженные плотины прудов и водоемов разрушались весенним паводком. «План преобразования природы» был экономически не обоснован, условия для его осуществления отсутствовали. Отпущенные государством денежные ссуды на капитальное строительство, мелиорацию, сооружение оросительных систем, прудов, водоемов и т. п. ложились на колхозы тяжелым бременем, из года в год росла их задолженность (41).

В дальнейшем акцент правительственной политики в деревне делается на развитие животноводства. 18 апреля 1949 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949–1951 гг.)» (42). В 1948 г. колхозы превзошли уровень довоенного 1940 г. по численности поголовья крупного рогатого скота, овец и коз. Но животноводство в колхозах и совхозах не было развито и в довоенное время. К тому же значительный рост поголовья колхозного стада не сопровождался соответствующим увеличением его продуктивности. Основная масса животноводческой продукции производилась в подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих. В 1948 г они произвели 68 % всего мяса, 81 % молока, 92 % яиц (43). Обеспечение страны продуктами животно-

водства во многом зависело от личного подсобного хозяйства колхозников.

Постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) по развитию общественного животноводства обязывало партийные, советские, хозяйственные центральные и местные органы обеспечить такой рост поголовья и продуктивности общественного скота в колхозах и совхозах, чтобы общественное животноводство стало преобладающим в стране как по удельному весу, так и по производству высококачественной продукции. За 3 года предстояло увеличить не менее чем в полтора раза производство мяса, масла, яиц и других продуктов. Для этого уже в 1949 г. в каждом колхозе требовалось организовать 4 фермы – крупного рогатого скота, овцеводческую, свиноводческую и птицеводческую (44).

Решение проблемы развития общественного животноводства в колхозах и совхозах требовало системного подхода. Необходимо было создать прочную кормовую базу в колхозах. В создании кормовой базы для общественного животноводства основная роль отводилась МТС. Постановление партии и правительства обязывало МТС проводить работу по заготовке кормов и улучшению лугов и пастбищ в колхозах и т. д. (45). В трехлетнем плане развития общественного животноводства особо оговаривается порядок механизации трудоемких работ в животноводстве колхозов. Для этого в районах развитого животноводства предстояло организовать специализированные машинно-тракторные станции, а существующие МТС – оснастить машинами для сеноуборки, силосования кормов, возделывания кормовых корнеплодов и силосных культур, по улучшению лугов и пастбищ, электрической стрижки овец. Машинно-тракторные станции должны были оказывать колхозам техническую помощь в монтаже машин, энергетических установок и осуществлять технический надзор за эксплуатацией машин (46).

В 1951 г. в стране работало 118 машинно-животноводческих станций (МЖС) и 66 лугомелиоративных станций (ЛМС). В МТС общего назначения создавались специализированные тракторные отряды по заготовке кормов (47). В производстве продукции животноводства наметки трехлетнего плана были выполнены. Производство мяса и сала в 1951 г. по сравнению с 1948 г. возросло в 1,8 раза, в том числе свинины – в 2 раза, производство молока – в 1,65 раза, яиц – в

3,4 раза, шерсти – в 1,5 раза. В результате заметно увеличилась доля общественного животноводства колхозов и совхозов в производстве животноводческой продукции: в 1950 г. она составила 33 % по мясу, 25 % – по молоку, 11 % – по яйцам (48). Немалая заслуга в этом принадлежит МТС.

В первой послевоенной пятилетке ведущая роль в подъеме производительных сил деревни отводилась машинно-тракторным станциям, которые являлись основной формой развития материально-технической базы сельского хозяйства. Централизованные капиталовложения в оснащение и строительство МТС возросли с 767,7 млн руб. в 1946 г. до 6135 млн руб. в 1950 г., или в 8 раз, и составили за пятилетие 16 254,4 млн руб. Они почти вдвое превысили контрольные цифры плана. Доля средств, выделенных МТС за пять лет, достигла 64 % государственных и 28,7 % всех (вместе с колхозами) капиталовложений в сельское хозяйство (49).

Восстановительные процессы в сельском хозяйстве в первые послевоенные годы протекали очень медленно. Материально-техническая база не позволяла проводить агротехнические мероприятия на должном уровне. Сталинский «зажим» деревни довел колхозников до полного обнищания, они были лишены стимулов к повышению производительности труда (50).

В данной ситуации руководство страны делает ставку на максимально эффективное использование ресурсов МТС. В пропагандистский оборот был пущен тезис о том, что серьезным препятствием в деле дальнейшего развития сельского хозяйства является наличие мелких колхозов, которые не могут развивать общественное хозяйство вследствие ограниченных размеров закрепленных за ними земель. 30 мая 1950 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле». Данное постановление в момент его принятия носило закрытый характер, оно не публиковалось (51). В нем отмечается: в мелких колхозах нет возможности использовать с высокой производительностью тракторы, комбайны, сложные молотилки и другие сельскохозяйственные машины. Мелким колхозам трудно создавать крупное высокотоварное общественное животноводство, вести своими силами строительство благоустроенных колхозных сел, иметь специалистов сельского хозяйства, всесторонне развивать обществен-

ное колхозное производство и обеспечивать быстрый рост общественных доходов и повышение материального и культурного уровня колхозников (52).

Укрупнение мелких колхозов определяется ЦК ВКП(б) в качестве одного из важнейших мероприятий в деле дальнейшего подъема сельского хозяйства и организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Государственный интерес при проведении данной акции не скрывается: в постановлении подчеркивается важность создания благоприятных условий для работы машинно-тракторных станций. «Объединение мелких колхозов должно проводиться таким образом, чтобы в укрупненном колхозе были созданы необходимые условия для производительного использования тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин МТС, успешного развития всех отраслей общественного хозяйства» (53).

Установки партии были законодательно закреплены в постановлениях Совета Министров СССР «Об укрупнении мелких колхозов» и «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов». Реализация постановлений партии и правительства началась немедленно, акция приняла широкомасштабный и всеобщий характер, вызвав в жизни огромной массы сельского населения настоящее потрясение. В 1950 г. произошло массовое укрупнение колхозов: по стране было объединено 199,8 тыс. (79,3 %) сельскохозяйственных артелей, вместо них образовалось 64,3 тыс. укрупненных колхозов (54). В результате число колхозов за год сократилось более чем вдвое. В 1949 г. в стране насчитывалось 254 тыс. колхозов, а к концу 1950 г. – 121 тыс. (55) В центрально-черноземных областях в это время количество колхозов сократилось еще более радикально – с 16 609 до 5 740, то есть почти в 3 раза (56). Объединение мелких колхозов продолжалось и в последующие годы.

В советской исторической науке процесс массового укрупнения колхозов в целом получил положительную оценку, его называют «весьма важным, революционным шагом в развитии колхозного производства» (57), в результате которого улучшилось использование машинно-тракторного парка МТС и стало более качественным агрономическое обслуживание колхозов со стороны машинно-тракторных станций (58).

В новейших исследованиях процесс укрупнения колхозов получил иные оценки. А.А. Никонов ставит под сомнение положение о том, что мелкие колхозы не могут успешно развиваться и применять современную машинную технику (59). Некоторые историки характеризуют процесс укрупнения колхозов как меру, приведшую к развалу колхозов и окончательному разорению села, сравнивают ее по размерам вреда, нанесенному сельскому хозяйству, с коллективизацией начала 30-х годов (60).

Административные мероприятия, конечно же, не могли восполнить недостаток техники на колхозных полях, а укрупнение колхозов, проведенное с таким размахом, это еще один удар по деревне. Фактически это послужило началом политики ликвидации так называемых «неперспективных деревень».

К концу четвертой пятилетки сельское хозяйство страны почти достигло довоенного уровня по размерам посевных площадей, но далеко отставало от него по объему валового сбора зерна. Даже в благоприятном для многих областей по погодным условиям 1950 г. было собрано зерна на 14,4 млн т меньше, чем перед войной (61). Одним из узких мест увеличения производства зерна являлось семеноводство. По этому вопросу 28 июля 1947 г. было принято постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об обеспечении колхозов собственными семенами» (62). На практике оно не выполнялось. Для проведения сева колхозы ежегодно, в массовом порядке, получали от государства семенную ссуду. Посев завезенными из других мест семенами, неприспособленными к местным условиям сортов, приводил к снижению урожайности. Неблагоприятное положение с семенами усугублялось заготовительной политикой государства. В то время действовал закон о «первой заповеди»: сначала выполнить обязательства по поставкам государству, потом засыпку семян и фондов. Часто колхозы сдавали государству весь хлеб, даже семена. Создавался порочный замкнутый круг. 29 июня 1950 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) принимают еще одно постановление по развитию семеноводства в стране. В нем была поставлена задача, чтобы каждый колхоз ежегодно обеспечивал себя собственными семенами районированных и лучших местных сортов. Ответственность за воплощение в жизнь данного решения возлагалась на МТС (63).

Задания четвертого пятилетнего плана в области сельского хозяйства выполнены не были. Поскольку реализация аграрной политики государства строилась через МТС, то, в понимании правительства, для повышения эффективности сельского хозяйства следовало улучшить работу самих машинно-тракторных станций. 29 сентября 1951 г. выходит постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы машинно-тракторных станций». Улучшение работы МТС рассматривается правительством преимущественно в плане повышения уровня квалификации руководящих кадров и специалистов. В постановлении правительства содержится требование выдвигать «на работу в качестве директоров МТС, главных инженеров, главных агрономов, лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование, обладающих необходимыми знаниями и организаторскими навыками, способных обеспечить выполнение задач, поставленных перед машинно-тракторными станциями» (64).

Одновременно постановление требует от местных партийных и советских органов улучшения качества подготовки механизаторских кадров. Оплата механизаторов устанавливается в зависимости от выполнения планов по урожайности сельскохозяйственных культур, определяемой по фактически собранному урожаю (65). Местные органы власти усилили работу по подбору руководящих кадров МТС, привлекая лиц с высшим и средним специальным образованием. В 1951 г. на должности директоров МТС было назначено 1058 специалистов, из них 79,4 % составляли агрономы, зоотехники, инженеры, ветеринары (66).

В начале 1950-х годов обострилась проблема обеспеченности МТС инженерно-техническими кадрами. Чтобы привлечь инженерно-технические кадры в МТС, правительство пошло на перераспределение их из промышленности в сельское хозяйство. Постановление Совета Министров СССР от 11 января 1952 г. «О мерах по дальнейшему укреплению состава директоров и главных инженеров МТС» предоставляло право облисполкомам, крайисполкомам и советам министров республик направлять с промышленных предприятий, из научно-исследовательских учреждений и других организаций инженеров-механиков для использования их в качестве директоров и главных инженеров МТС (67).

В 1952 г. партийные и советские органы направили для работы в МТС 1 157 инженеров, техников-механиков из промышленности и других ведомств. Большие изменения произошли и в директорском корпусе. На эту должность было назначено в 1952 г. 1 664 человека, из них 97 % являлись специалистами высшей и средней квалификации (68).

В первые послевоенные годы рост сельскохозяйственной продукции происходил в основном за счет восстановления посевных площадей. В начале 1950-х годов посевные площади были восстановлены, рост валовой продукции сельского хозяйства почти прекратился. В 1952 г. валовая продукция сельского хозяйства выросла по сравнению с 1940 г. всего на 1 % (69). Вопрос экономического стимулирования колхозов правительством не обсуждался. «Политика перекачки средств из деревни в город всех созданных тяжелым крестьянским трудом ресурсов, продовольствия и сырья, – замечает И.Е. Зеленин, – продолжалась вплоть до смерти Сталина» (70).

Повышение эффективности сельскохозяйственного производства рассматривалось в рамках проведения различных организационных мероприятий. Экономисты А.В. Санина и В.Г. Венжер обратились к Председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину с предложением: продать в собственность колхозам основные средства производства, сосредоточенные в МТС, и разгрузить таким образом государство от капитальных вложений в сельское хозяйство. «Было бы неправильно полагать, – заключали авторы, – что колхозные вложения должны будут главным образом направляться на нужды культуры колхозной деревни, а на нужды сельскохозяйственного производства по-прежнему основную массу вложений должно производить государство. А не верней ли будет освободить государство от этого бремени, ввиду полной способности колхозов принять это бремя всецело на себя» (71).

И.В. Сталин категорически отверг саму идею передачи в собственность колхозам сложной техники. «...Сосредоточение основных орудий сельскохозяйственного производства в руках государства, в руках машинно-тракторных станций, является, – по его мнению, – единственным средством обеспечения высоких темпов колхозного производства» (72). Глава правительства обосновал свой довод тем, что колхозы не могут нести миллиардные расходы по приобретению

техники, которые могут окупиться лишь через много лет. «Это значит вогнать в большие убытки и разорить колхозы, – указывал Сталин, – подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства» (73). И.В. Сталин не допускал и тени сомнения относительно будущего машинно-тракторных станций: они и впредь должны оставаться материально-технической базой колхозного производства.

Своеобразный итог развития СССР в послевоенное семилетие подвел XIX съезд ВКП(б), состоявшийся в октябре 1952 г. С отчетным докладом о работе ЦК ВКП(б) выступал Г.М. Маленков. В нем перечислялись заслуги партии в осуществлении аграрной политики. Разумеется, правдивой оценки состояния дел в сельском хозяйстве страны дано не было. Докладчик в очередной раз озвучил тезис о решении зерновой проблемы в СССР уже «на третий год после окончания войны» (74). Успехи в развитии сельского хозяйства страны напрямую увязывались с улучшением работы машинно-тракторных и специализированных станций.

По докладу председателя Госплана СССР М.З. Сабурова (75) XIX съезд ВКП(б) принял директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг. И доклад М.З. Сабурова, и директивы носят формальный характер, к этому времени уже заканчивался второй год пятой пятилетки. Но они позволяют выявить основные направления аграрной политики правительства. За пятилетие намечалось увеличить валовой урожай зерновых культур на 40–50 %, хлопка-сырца – на 55–65 %, льна–волокна – на 40–50 %, сахарной свеклы – на 65–70 %, подсолнечника – на 50–60 %. Высокие темпы роста устанавливались по животноводству. Производство мяса и сала планировалось увеличить – на 80–90 %, молока – на 45–50 %, шерсти – в 2–2,5 раза, яиц (в колхозах и совхозах) в 6–7 раз (76). Для обеспечения запланированного роста сельскохозяйственного производства объем государственных капиталовложений в сельское хозяйство увеличивался примерно в 2,1 раза по сравнению с четвертой пятилеткой (77).

В документах съезда был определен основной путь развития сельского хозяйства – это интенсификация производства. Правда, сам термин «интенсификация» не употреблялся. Интенсивные методы ведения хозяйства в первую очередь предстояло внедрить в зем-

леделие. «Теперь, когда восстановлен и превзойден довоенный уровень посевных площадей, – отмечалось в отчетном докладе ЦК ВКП(б), – единственно правильной линией в деле увеличения продукции земледелия является дальнейшее всемерное повышение урожайности. Повышение урожайности – главная задача в земледелии» (78). Развитие животноводства предполагалось осуществлять также преимущественно интенсивным путем: увеличение поголовья общественного колхозного и совхозного скота должно происходить «при одновременном значительном повышении его продуктивности», товарности и доходности (79).

Для того чтобы повысить эффективность базовой отрасли сельского хозяйства – земледелия, XIX съезд партии потребовал завершить механизацию основных полевых работ в колхозах. Намечалось в 1955 г. довести уровень механизации пахоты, посева зерновых, технических и кормовых культур – до 90–95 %, уборки зерновых культур и подсолнечника – до 80–90 %, уборки сахарной свеклы до 90–95 % и т. д. В решении поставленной задачи первостепенная роль отводилась МТС. Мощность тракторного парка предстояло увеличить на 50 % при быстром росте пропашных тракторов с навесными орудиями для междурядной обработки сельскохозяйственных культур (80). Заявления XIX съезда ВКП(б) о повышении эффективности сельскохозяйственного производства по сути носили декларативный характер: они не увязывались с соответствующим ростом поставок удобрений, техники, объемом капиталовложений и т. д. (81)

Машинно-тракторные станции в послевоенный период являлись центрами механизации и организации колхозного производства, многочисленные партийно-правительственные постановления закрепляли их лидирующую роль в сельскохозяйственном производстве на законодательном уровне. На XIX съезде ВКП(б) положение МТС как стержневой структуры колхозного производства было подтверждено. Более того, улучшение работы МТС в директивах съезда рассматривалось с точки зрения повышения их ответственности «за выполнение планов по урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства» (82).

Таким образом, аграрная политика советского государства в первые послевоенные годы выстраивалась преимущественно в расчете на МТС, которым отводилась основная роль в управлении колхозами

и функционировании колхозного производства. Машинно-тракторные станции выступали одновременно в качестве механизма перераспределения ресурсов деревни в пользу города. Отношение государства к колхозной деревне определялось с точки зрения ее донорских возможностей. Изъятие у колхозов большей части заработанных средств лишало их возможности для ведения расширенного производства. В этом суть кризиса сельскохозяйственного производства СССР начала 1950-х годов. Жизнь показала: развивать сельское хозяйство одними директивными методами, не создавая материальных стимулов для тружеников деревни, было невозможно.

Зигзаги аграрного курса Н.С. Хрущева (1953–1958 гг.): от абсолютизации МТС до их ликвидации

Борьба Советского Союза с США за мировое лидерство, развернувшаяся после окончания Великой Отечественной войны, требовала огромных расходов на развитие промышленности, в первую очередь на развитие военно-промышленного комплекса. В промышленность вкладывались средства, полученные за счет сельского хозяйства и налогов с населения. Перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность превышала все допустимые пределы. В экономике по-прежнему сохранялись черты чрезвычайшины, характерные для периода индустриального рывка и военного времени (83). В 1946–1953 гг. на основе неэквивалентного обмена из разоренного села и колхозов на нужды других отраслей народного хозяйства были изъяты огромные средства в сумме 105 млрд. руб. (84)

Между тем И.В. Сталин считал, что изъятие из деревни можно увеличить без особого ущерба для населения. «Достаточно колхознику курицу продать, чтобы утешить Министерство финансов, – говорил он министру финансов СССР А.Г. Звереву. – К сожалению, товарищ Сталин, это далеко не так, – возражал министр, – некоторым колхозникам, чтобы уплатить налог, не хватило бы и коровы» (85).

Люди, лишенные каких бы то ни было стимулов, не хотели работать в колхозах и быть колхозниками. Председатель Верховного Со-

вета СССР К.Е. Ворошилов, во время посещения Смоленской области в начале 1950-х годов, в одном колхозе попросил всех не колхозников сделать два шага назад, отошли почти все, за исключением тех, что стояли на костылях. «То, что я видел в колхозах, – рассказывал потрясенный "первый маршал", – это невообразимо, самого Карла Маркса председателем колхоза назначить, все равно ничего не сделать» (86).

А.М. Пузанов, занимавший в 1952–1956 гг. пост Председателя Совета Министров РСФСР, позднее характеризовал положение деревни ко времени смерти И.В. Сталина как катастрофическое: «Взрослые мужчины и женщины уходили из колхозов в города и промышленные центры, в колхозах оставались только престарелые и дети. Почти все уборочные работы проводились только силами МТС, рабочих предприятий, студентов и учащихся городов. Не говоря о мясе, молоке и масле, недоставало хлеба даже в крупнейших городах и промышленных центрах. Кто не помнит до сих пор те тысячные очереди, которые очень часто образовывались с вечера!» (87). Подход к селу как к донору, источнику развития других отраслей перестал давать желаемый эффект. В аграрном секторе экономики назревал очередной кризис (88).

Перемены в экономической политике советского правительства стали возможны лишь после смерти И.В. Сталина. И связаны они с деятельностью Г.М. Маленкова, ставшего в марте 1953 г. Председателем Совета Министров СССР. О реформаторских планах правительства Г.М. Маленков заявил на пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. В центре внимания находился государственный бюджет на 1953 г. Речь шла о смещении акцентов в экономической политике советского государства, которая в течение длительного времени была направлена, главным образом, на развитие тяжелой индустрии. «...С 1929 года по 1952 год, – пояснил Г.М. Маленков, – на капитальное строительство и приобретение оборудования вложено государственных средств, в пересчете на современные цены: в тяжелую промышленность – 638 миллиардов рублей, в легкую промышленность – 72 миллиарда рублей и в сельское хозяйство 94 миллиарда рублей. Правительство и Центральный Комитет партии считают необходимым значительно увеличить вложения средств на развитие легкой, пищевой и в частности рыбной промышленности,

на развитие сельского хозяйства и направить в сторону значительного увеличения задания по производству предметов народного потребления» (89).

Правительство предполагало в течение двух-трех лет резко повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами. Г.М. Маленков еще раз повторил тезис об обеспеченности страны хлебом, выделив неблагополучное положение дел в животноводстве, в производстве картофеля и овощей. Тем не менее, он вновь подчеркнул необходимость ускоренного роста производства зерна, чтобы удовлетворить не только растущие потребности населения в хлебе, но и для быстрого подъема животноводства. При этом Председатель Совета Министров СССР призвал покончить с такой «практикой, когда результаты работы колхозов в деле производства зерна и другой продукции оцениваются не по фактическому сбору, а только по видовой урожайности. Нельзя забывать, что наша страна, наши колхозы могут быть богаты урожаем, собранным в амбары, а не урожаем на корню» (90).

Председателем Совета Министров СССР была поставлена задача: в кратчайший срок покончить с запущенностью сельского хозяйства, повысить экономическую заинтересованность колхозов в развитии производства и на этой основе значительно увеличить выдачу колхозникам денег и натуры на трудодни. В связи с этим планировалось уже в 1953 г. значительно повысить заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, сдаваемые колхозами и колхозниками в порядке обязательных поставок. Одновременно повышались государственные закупочные цены на зерно, овощи, картофель и животноводческую продукцию. Кроме того, снижались нормы обязательных поставок с личных подсобных хозяйств, уменьшался примерно в 2 раза денежный налог с каждого колхозного двора, и подлежали списанию недоимки по сельскохозяйственному налогу за предыдущие годы. В результате проведения в жизнь мероприятий по экономическому поощрению колхозов и колхозников, а также мер в области налоговой политики уже в 1953 г. изъятия ресурсов из деревни сокращались на 13 млрд. руб. (91)

Перемены в экономической политике правительства нашли свое отражение в бюджете страны. Изменения затронули аграрную сферу. Предусматривались ассигнования для осуществления дополни-

тельных мер по повышению механизации и электрификации сельского хозяйства, по увеличению производства минеральных удобрений и по усилению агрономической и зоотехнической помощи колхозам (92). Реализация нового курса в аграрной политике советского государства должна была достигаться преимущественно посредством развития базовой структуры колхозного производства – машинно-тракторных станций. Программа включала в себя следующие меры:

создание в МТС постоянных кадров трактористов, машинистов и рабочих других специальностей;

повышение оснащенности сельского хозяйства машинами и тракторами;

укрепление ремонтной базы МТС;

расширение работ по электрификации сельского хозяйства, как за счет строительства новых сельских электростанций, так и путем присоединения МТС, колхозов и совхозов к государственным энергосистемам;

увеличение поставок колхозам и совхозам минеральных удобрений;

закрепление за каждым колхозом для постоянной работы одного – двух специалистов сельского хозяйства с содержанием их в штатах МТС (93).

В сентябре 1953 г. состоялся пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Доклад «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» делал Н.С. Хрущев, который во многом воспроизвел основные положения речи Маленкова, произнесенной месяц тому назад на сессии Верховного Совета СССР. Вместе с тем Н.С. Хрущев ряд моментов конкретизировал и развил. Это касается работы машинно-тракторных станций. Неудовлетворительное использование техники в МТС было названо главной причиной отставания ряда жизненно важных отраслей сельского хозяйства. Сложная техника, пояснял Н.С. Хрущев, находится в руках сезонных работников, которых выделяют колхозы на время полевых работ, отсюда низкая производственная дисциплина и большая текучесть кадров (94).

В постановлении пленума МТС были названы «решающей силой» колхозного производства и «важнейшими опорными пунктами» государства в руководстве колхозами. Повышался статус механизаторов МТС. Трактористы, бригадиры тракторных бригад и их по-

мощники, машинисты экскаваторов и их помощники, а также учетчики-заправщики переводились в разряд постоянных работников и зачислялись в штаты МТС, а прицепщики, помощники комбайнеров включались в штаты МТС в качестве сезонных рабочих (95).

Денежная часть оплаты труда механизаторов была невысокой, колхозы часто задерживали выдачу натуроплаты на трудодни, а некоторые из них не имели возможности ее выдать. Сентябрьский пленум постановил поднять денежную оплату труда работников тракторных бригад. Гарантийная оплата трудодня, в зависимости от территориальной зоны, составляла для трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников – от 5 до 8 руб.; учетчиков-заправщиков – от 3 до 4 руб.; помощников комбайнеров – от 4 до 6 руб.; прицепщиков – 2 руб. 50 коп. (96)

21 сентября 1953 г. Совет Министров СССР и ЦК КПСС приняли постановление «О мерах по дальнейшему улучшению работы машинно-тракторных станций». В нем конкретизируются решения сентябрьского пленума по МТС, в том числе и по вопросу оплаты труда механизаторов. В частности, устанавливаются фиксированные сроки выдачи зерна механизаторам: за первое полугодие – до 1 октября текущего года, а за второе полугодие – до конца календарного года. По желанию работников тракторных бригад машинно-тракторные и специализированные станции могли выдавать им деньги, исходя из государственных закупочных цен на зерно (97).

В работе сентябрьского пленума ЦК КПСС было уделено серьезное внимание вопросу подготовки механизаторских кадров МТС. Существовавшая система имела серьезные недостатки. Количество школ механизации не обеспечивало потребности, вследствие чего МТС были вынуждены обучать механизаторов на краткосрочных курсах, наспех. Пленум постановил перейти на систему обучения механизаторских кадров, применяемую в ремесленных училищах промышленности, и реорганизовать существующие школы механизации в училища механизации сельского хозяйства. Училища механизации сельского хозяйства должны были заниматься подготовкой кадров следующих специальностей: трактористов-машинистов широкого профиля с годичным сроком обучения для работы на дизельных тракторах, комбайнах и сложных сельскохозяйственных машинах с квалификацией слесаря; трактористов с 6-месячным сроком

обучения для работы на гусеничных, колесных тракторах и сельскохозяйственных машинах с квалификацией слесаря и механизаторов-комбайнеров с 6-месячным сроком обучения для работы на самоходных и прицепных комбайнах, а также слесарно-монтажных работах по механизации трудоемких работ в животноводстве. Курсанты училищ механизации сельского хозяйства обеспечивались одеждой, обувью, бельем и постельными принадлежностями, питанием (98). Выпускники училищ и школ механизации сельского хозяйства должны были проработать в МТС и совхозах не менее двух лет. На это время они освобождались от призыва на военную службу (99).

Эффективность работы МТС во многом определялась качеством подготовки специалистов. Между тем, уровень инженерно-технической и агрономической подготовки большинства руководящих работников машинно-тракторных станций не соответствовал предъявляемым требованиям. Более 30 % директоров МТС, свыше 64 % главных инженеров, почти 90 % заведующих ремонтными мастерскими составляли лица, не имевшие специального образования. В докладе Н.С. Хрущева на сентябрьском пленуме ЦК партии ставилась задача: в МТС на должность директоров назначать инженеров-механиков или агрономов с высшим образованием, равно как и на должности главных инженеров и главных агрономов (100). Но где взять таких специалистов? Здесь пригодился опыт периода коллективизации. Пленум принял решение о перераспределении инженерно-технических кадров из города в деревню (101).

В работе пленума значительное место занял вопрос усиления агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов. В сельском хозяйстве сложилась ситуация, когда специалисты – агрономы и зоотехники – не хотели работать в колхозном производстве. Так, в 1953 г. из 350 тыс. специалистов сельского хозяйства с высшим и средним образованием непосредственно в колхозах работало 18,5 тыс., или 5 %, в МТС – 50 тыс., или 14 % (102).

Было принято решение перестроить всю систему участкового агрозоотехнического обслуживания: участки ликвидировать, агрономов и зоотехников зачислить в штаты МТС для постоянной работы в колхозах. Предстояло направить в МТС к весне 1954 г. более 100 тыс. агрономов и зоотехников, освобождающихся в результате реорганизации сельскохозяйственных министерств и их местных органов, уп-

разднения сети участковых агрономов и зоотехников и агрономов в районных управлениях сельского хозяйства и заготовок (103).

В аграрной политике советского государства ставка делается на машинно-тракторные станции, районные управления сельского хозяйства упразднялись, а все их функции передавались МТС. «В связи с повышением организующей роли МТС в колхозном производстве, – говорил Н.С. Хрущев, – теперь, видимо, отпадет необходимость в районных управлениях сельского хозяйства и заготовок. Достаточно иметь в составе райисполкома несколько работников для планирования и учета, а основные кадры надо использовать в МТС и колхозах» (104).

Машинно-тракторным станциям передавались районные контрольно-семенные лаборатории с оборудованием и специалистами, ветеринарные участки и ветеринарные пункты (105). В итоге роль МТС была доведена до абсолюта. Фактически государство переложило на МТС все функции по организации и управлению колхозным производством, в том числе и не свойственные им вопросы ветеринарии и зоотехники. Это была безмерная нагрузка на машинно-тракторные станции.

В МТС находилась основная часть сельскохозяйственной техники, работавшей на колхозных полях. Однако они не располагали условиями для проведения качественного ремонта и хранения техники. Создалось несоответствие между уровнем оснащения МТС сложной сельскохозяйственной техникой и производственно-технической базой для ее ремонта и хранения. Была сделана попытка изменить эту ситуацию. В решениях пленума было записано: каждая МТС должна иметь типовую ремонтную мастерскую, не менее 2-х–3-х гаражей для хранения тракторов, 2-х–3-х сараев для хранения комбайнов, необходимое количество навесов и открытых бетонных площадок для хранения сельскохозяйственных машин, нефтебазу, гараж, склад запасных частей, контору, водоснабжение и простейшую канализацию (106).

Ничего подобного прежде советская деревня не видела. За 3 года в МТС предстояло построить 4,2 тыс. ремонтных мастерских, 8,4 тыс. гаражей для тракторов, 8,4 тыс. сараев для комбайнов, 2 880 нефтебаз, 3,6 тыс. гаражей для автомобилей, 3,6 тыс. складов для запасных частей и мн. др. (107). Планировалось кардинально изменить социаль-

но-бытовую инфраструктуру МТС. Жилищно-строительная программа предусматривала возведение в 1954–1956 гг. 10,8 тыс. жилых домов, 3 тыс. общежитий. Всячески поощрялось индивидуальное жилищное строительство, для этого выделялся кредит (108).

После кончины И.В. Сталина в аграрной политике советского государства происходят очень серьезные перемены, суть их заключается в осознании непомерности масштабов изъятия ресурсов из сельского хозяйства. Осенью 1953 г. были приняты меры по снижению налогового бремени колхозов и сельского населения, повышены заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Но при этом неизменным оставалось понимание сути взаимоотношений государства и колхозов, ведущей роли машинно-тракторных станций в колхозном производстве.

С 1953 г. перестраивалась вся партийно-политическая работа в деревне. В сельских районах создавались группы инструкторов во главе с секретарем райкома партии – по одной группе на каждую МТС. В МТС в связи с этим упразднялась должность заместителя директора по политической части (109). Тоталитарное мышление продолжало исходить из того, что нельзя обойтись без партийных надсмотрщиков, специально подобранных и отправленных в деревню. А такой опыт был давно наработан. В 1929 г. посылали в колхозы двадцатипятитысячников, в 1933 г. в политотделы МТС и совхозов – еще 25 тыс. партийных активистов. Теперь масштаб увеличивался: потребовалось не менее 50 тыс. партработников-горожан для работы в инструкторских группах райкомов партии, которые, как и посланцы 1929 и 1933 гг., не разбирались в вопросах сельского хозяйства (110).

Многие руководители машинно-тракторных станций с недоумением воспринимали создавшееся положение, когда МТС передавались все функции по обслуживанию и управлению колхозами. Для разъяснения решений сентябрьского пленума ЦК КПСС в январе 1954 г. было созвано Всесоюзное совещание работников МТС. «Если раньше машинно-тракторная станция ... исходила из позиции подрядчика, – разъяснял Н.С. Хрущев, – то сейчас задачи МТС усложнились. ...МТС придали также функции руководящие, то есть те функции, которые раньше были в руках отдела сельского хозяйства райисполкома. Теперь каждая машинно-тракторная станция непосред-

ственно отвечает перед райисполкомом за деятельность колхозов, за обслуживание колхозов своей зоны» (111). Отвечая на вопрос, какими должны быть взаимоотношения директора МТС с колхозами, лидер КПСС говорил: «Он отвечает за колхозы своей зоны, отвечает за урожай, за продуктивность скота в этих колхозах, за положение дел в сельском хозяйстве своей зоны» (112). Первый секретарь ЦК партии так и не смог объяснить необходимость сосредоточения всех функций по организации колхозного производства в МТС, да это и не поддается логике.

Сентябрьский пленум ЦК КПСС провозгласил курс на интенсификацию сельского хозяйства, при этом, в отличие от партийно-государственных решений прошлых лет, политические решения подкреплялись значительными материальными и финансовыми ресурсами. Для того чтобы повысить эффективность сельскохозяйственного производства в новых экономических условиях требовалось время. Однако Н.С. Хрущев, ставший в сентябре 1953 г. Первым секретарем ЦК партии, хотел немедленных успехов. Под его давлением принимаются законы и постановления в аграрной сфере, которые шли вразрез с решениями сентябрьского пленума и, в определенной степени, блокировали их. В первую очередь это относится к грандиозной программе освоения целинных и залежных земель на Востоке страны.

В январе 1954 г. Н.С. Хрущев направил в президиум ЦК КПСС записку «Пути решения зерновой проблемы». В ней зерновая проблема выделяется как первостепенная проблема сельского хозяйства, требующая скорейшего разрешения. «Производство зерна в настоящее время, – признает автор, – еще не обеспечивает потребности и не покрывает всех нужд народного хозяйства, а государственные резервы зерна не позволяют проводить повсеместно и в достаточном количестве торговлю хлебопродуктами...» (113).

В 1953 г., подчеркивал Н.С. Хрущев, сложилось критическое несоответствие между производством зерна и ростом его потребностей: было заготовлено 1 850 млн пудов, а израсходовано на снабжение населения – 1 926 млн пудов. Покрытие разницы, а также расход на экспорт вынудили правительство использовать 160 млн пудов зерна из государственного резерва (114). Реальный источник увеличения производства зерна Н.С. Хрущев видел в расширении посевов зер-

новых культур на залежных и целинных землях в Казахстане, Западной Сибири, также частично в районах Поволжья и Северного Кавказа. Увеличение посева зерновых культур в районах освоения новых земель на 13 млн. гектаров при урожайности 10–11 центнеров с гектара, по расчетам Хрущева, позволит получить 800–900 млн пудов хлеба, из них товарного (по обязательным поставкам, натуроплате, закупкам и сдаче хлеба совхозами) – 500–600 млн пудов. Автор записки уверял членов президиума ЦК партии в том, что вновь освоенные земли могут дать зерна не менее 14–15 центнеров с гектара и тогда валовой сбор зерна достигнет 1 100–1 200 млн пудов, а товарная часть – 800–900 млн (115).

В постановлении февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» основные положения записки Н.С. Хрущева получили директивный характер. Была поставлена задача: расширить посевы зерновых культур в 1954–1955 гг. за счет освоения новых земель не менее чем на 13 млн гектаров и получить уже в 1955 г. дополнительно 1 100–1 200 млн пудов зерна (116).

Программа освоения целинных и залежных земель не вписывалась в систему мероприятий, разработанных сентябрьским пленумом. В постановлении пленума даже намека не было на расширение посевных площадей, ставилась задача развития зернового хозяйства за счет повышения урожайности. Освоение новых земель на огромной территории (сначала предполагалось распахать не менее 13 млн гектаров, а потом замахнулись на 40 и более млн) привело к отвлечению основных средств от других земледельческих районов. В результате курс на интенсификацию, объявленный сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПСС, был пересмотрен (117).

Мало кто отважился открыто возражать набиравшему силу Н.С. Хрущеву в его стремлении распахать миллионы гектаров целинных и залежных земель. Наиболее серьезными оппонентами этой «сверхпрограммы» оказались, по разным причинам, член президиума ЦК КПСС, министр иностранных дел В.М. Молотов и руководство компартии Казахстана во главе с Ж. Шаяхметовым. Первый секретарь ЦК компартии Казахстана Ж. Шаяхметов ссылался на отсутствие транспортных путей для вывоза хлеба, острую нехватку складских помещений для зерна и специалистов. Руководство Казахстана от-

стаивало интересы коренного населения, считая, что распашка степей лишит выпасов скота. Н.С. Хрущев не стал тратить время на дискуссию: по его настоянию в кратчайший срок руководство компартии Казахстана было заменено. Должность первого секретаря ЦК КП Казахстана вскоре занял П.К. Пономаренко, до этого министр культуры СССР, а вторым секретарем стал Л.И. Брежнев, служивший тогда первым заместителем начальника Главного политического управления Министерства обороны СССР (118).

Суть возражений В.М. Молотова против освоения целины заключалась не только в том, что он был против попытки Н.С. Хрущева волевым путем пересмотреть решения сентябрьского пленума ЦК КПСС: традиционные районы земледелия отодвигались на периферию аграрной политики партии и государства. «Вы выступали против подъема целины, – обличал В.М. Молотова на июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС министр заготовок СССР Л.Р. Корниец. – Вы говорили, стоит ли рисковать, оттягивать средства с районов, где уже получаем хлеб, а в новых районах – там никогда не было хлеба и будет ли он. Надо поднимать производство зерна в старых районах. А что на деле вышло? И целину подняли.., и в старых районах производства зерна увеличили» (119).

О спорах, которые разгорелись в президиуме ЦК КПСС вокруг целины, говорится и в воспоминаниях Н.С. Хрущева. Среди сомневающихся он особо выделяет В.М. Молотова, который «совершенно не понимал сельского хозяйства», но «пускал пузыри»: без конца выдвигал вопросы, требовал разъяснений. И все они сводились к одному: берется слишком большой размах, «затраты себя не оправдают». «Осваивая целинные земли, мы обрекали себя на экстенсивное хозяйство, брать то, что дает природа. Наши оппоненты стояли за интенсивное хозяйствование, оно требует вложения больших денег, увеличения выпуска минеральных удобрений и прочих материальных средств, необходимых для продуктивного ведения сельского хозяйства» (120).

Вопрос освоения целины приобретал значение вопроса эффективности использования имеющихся ресурсов и, в конечном итоге, – результативности аграрной политики государства. Освоение целинных и залежных земель требовало огромных средств: для приобретения сельскохозяйственной техники, строительства производствен-

ных сооружений, жилья, дорог и т. д. Возник вопрос о сельскохозяйственной технике, где ее взять. Немедленно увеличить ее производство было невозможно, все заводы и так работали на полную мощность. «И тогда мы решили на два-три года задержать выделение тракторов, комбайнов и другого сельскохозяйственного инвентаря в обжитые районы, а эту технику двинуть в Казахстан», – вспоминал Н.С. Хрущев (121). В 1954 г. на целину была направлена бóльшая часть производимых в стране тракторов и более четверти – комбайнов, которые первоначально предназначались для пополнения машинно-тракторного парка старых земледельческих районов.

Целинная эпопея захватила Н.С. Хрущева. Не дождавшись первых результатов, на июньском (1954 г.) пленуме ЦК КПСС он ставит вопрос о дополнительном освоении еще 15 млн га целинных земель. Оппоненты Н.С. Хрущева считали, что это оттянет технику от старопахотных районов. Первый секретарь ЦК КПСС отвечал очень жестко: «Оттянет. Сомнения правильны. Правильно ли будет, что мы так делаем? Абсолютно правильно. Мы, товарищи, должны выиграть время, не только хлеб получить, но и время для получения этого хлеба. Для того чтобы этот хлеб получить в Центральных областях, нужно десять лет. ...Там мы (на целине. – *В.Т.*) вспахали и посеяли, при хорошей вспашке получим хлеба 20–30 центнеров» (122).

В январе 1955 г. состоялся очередной пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству, на котором обсуждалась проблема развития животноводческой отрасли сельского хозяйства. Руководство страны оптимистично рассматривало перспективы развития производства зерна: планировалось обеспечить к 1960 г. валовой сбор зерна не менее 10 млрд. пудов в год и на этой основе увеличить производство мяса, сала и молока в 2 раза, яиц – в 2,2 раза, шерсти – в 1,8 раза (123).

Подъем общественного животноводства в государственной политике напрямую увязывался с деятельностью МТС. Они должны были стать «решающей силой в производстве мяса, молока, шерсти и других продуктов животноводства» (124). Н.С. Хрущев ставил вопрос таким образом, чтобы работники МТС в самом производстве создавали условия для выполнения плана заготовок. На январском (1955 г.) пленуме партии в очередной раз поднимался вопрос об ответственности МТС за судьбу колхозного производства. Только

теперь речь шла еще и том, чтобы возложить на МТС функции по заготовке сельскохозяйственной продукции. «...За заготовки сельскохозяйственных продуктов по колхозному сектору должны нести ответственность, прежде всего, те, – отмечал в докладе Н.С. Хрущев, – кто оказывает решающее воздействие на создание этих продуктов, то есть машинно-тракторные станции» (125). Первый секретарь ЦК партии абсолютизировал роль МТС в развитии сельского хозяйства: «...Машинно-тракторная станция должна быть нашей крепостью, – подчеркивал он. – МТС и колхозы являются основными создателями материальных ценностей в сельском хозяйстве» (126).

Среди мероприятий по сельскому хозяйству, принятых в русле решений сентябрьского пленума, следует выделить постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». Оно вносило серьезные коррективы в практику планирования сельского хозяйства: централизованное государственное планирование должно было учитывать хозяйственную инициативу непосредственных производителей – колхозов и совхозов (127). Колхозы переводились на новые условия планирования, при котором определяющее значение приобретал объем товарной продукции. Планирование сельскохозяйственного производства должно начинаться «непосредственно в колхозах совместно с МТС». При новом порядке райисполкомы доводили до колхозов задания на предстоящий год по объему заготовок продуктов полеводства и животноводства, натуроплате за работы МТС, контрактации и закупкам. Колхозы и МТС могли определять размер посевных площадей по культурам, продуктивность животноводства и количество скота по видам (128). Участие машинно-тракторных станций в колхозном производстве теперь приобретало всеохватный характер: оно начиналось уже на стадии планирования и заканчивалось сдачей государству готовой продукции.

В середине 1950-х годов происходят значительные изменения в экономической политике советского правительства, которые были связаны в определенной степени с соперничеством Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева в борьбе за реальную власть. Указанное обстоятельство отражалось и на аграрной политике государства. Г.М. Маленков, став в марте 1953 г. Председателем Совета Министров СССР, проводил коррекцию экономического курса правительства, стремясь

несколько ограничить объемы вложений средств в тяжелую промышленность для увеличения инвестиций в производство товаров народного потребления и в сельское хозяйство. Однако эта политика встретила сильное сопротивление Н.С. Хрущева и его сторонников. На январском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев назвал такой подход глубоко ошибочным, чуждым духу марксизма-ленинизма, отрыжками правого уклона. Выступление Г.М. Маленкова в августе 1953 г. было названо дешевкой, рассчитанной на приобретение популярности (129).

Г.М. Маленков отказался от борьбы и капитулировал. В феврале 1955 г. на сессии Верховного Совета СССР он публично признал свои ошибки в экономической политике и подал прошение об отставке с поста главы правительства. Председателем Совета Министров СССР становится близкий тогда к Н.С. Хрущеву Н.А. Булганин. Г.М Маленков не сумел изменить общую стратегию экономической политики советского государства. По-прежнему основным приоритетом для правительства оставалась тяжелая промышленность (130).

Знаковым событием периода «оттепели» стал XX съезд КПСС (1956 г.). Это был первый съезд партии, на котором Н.С. Хрущев выступал в качестве безусловного лидера. В отчетном докладе ЦК КПСС съезду Н.С. Хрущев уделил немало места перечислению успехов в экономике, в том числе в сельском хозяйстве. Особую гордость у него вызывали результаты освоения целины: за два года по всей стране было распахано 33 млн гектаров целинных и залежных земель. В районы освоения целины направлено более 200 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), тысячи других машин и орудий. На освоение целины выехало 350 тыс. человек (131). В итоге Н.С. Хрущев делает вывод о том, «что курс, взятый партией на освоение новых земель, является правильным» (132).

Разумеется, в отчетном докладе нет упоминания о том, что из-за нехватки материально-технических ресурсов перестали обрабатываться огромные площади старопахотных земель. В Российской Федерации за 1954–1956 гг. было распахано 14,9 млн га целинных и залежных земель, но площадь пашни увеличилась лишь на 11,4 млн га (с 120,3 млн гектаров до 131,7 млн), из обработки было выведено 3,5 млн га пашни (133). Не оправдались надежды на высокие целинные урожаи. Средняя урожайность зерновых в Казахстане составила

в 1954–1958 гг. 7,3 центнера с гектара. При таком положении дел, подсчитал И.В. Русинов, прирост урожайности в стране примерно на 1 центнер с гектара был фактически равен по своему результату освоению целины (134).

И.А. Бенедиктов, занимавший во второй половине 1940-х – 1950-х годов посты министра сельского хозяйства в союзном и российском правительствах, будучи в отставке, называет программу освоения целины стратегическим просчетом Н.С. Хрущева. «И дело не только в том, что освоение целины шло за счет регионов.., – размышляет И.А. Бенедиктов. – Куда более пагубным оказался "стратегический разворот" сельского хозяйства в сторону экстенсивных факторов роста, в то время как в повестке дня стоял переход к интенсификации сельского хозяйства» (135). Без сомненья, в условиях экстенсивного земледелия в стране значительное увеличение пашни и посевов только затрудняло его перевод на интенсивные рельсы. В результате целина стала «ахиллесовой пятой» реализации курса партии на подъем урожайности (136).

В пропагандистско-политическом лексиконе Н.С. Хрущева вопросам интенсификации сельского хозяйства уделялось большое внимание. Неизменно подчеркивалась решающая роль машинно-тракторных станций. В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии Н.С. Хрущев поставил перед сельским хозяйством задачу – перейти от механизации отдельных работ к комплексной механизации всего сельскохозяйственного производства, включая животноводство (137).

Машинно-тракторные станции, как государственные предприятия, финансировались за счет бюджета. По мнению Н.С. Хрущева, это обстоятельство порождало безответственность и бесконтрольность, в результате многие работники МТС не проявляют должной заинтересованности в рациональном использовании машин. Поэтому целесообразно в течение ближайших лет постепенно перевести МТС на хозяйственный расчет, что «повысит активность работников МТС, их ответственность за подъем сельскохозяйственного производства» (138). Соответствующим образом это было оформлено в директивах XX съезда партии по шестому пятилетнему плану (139).

Главной заботой руководства страны в первое пятилетие хрущевского политического лидерства оставалась целина. Введение в хозяйственный оборот десятков миллионов гектаров целинных и залежных

земель привело не только к перераспределению сельскохозяйственной техники в новые районы, но и к понижению общего уровня технической оснащенности сельского хозяйства в целом по стране. Износ техники, ее списание не покрывались поставками новых машин и агрегатов. Особенно недоставало зерноуборочной техники.

Недопустимо высокая нагрузка на зерноуборочную технику означала растягивание сроков уборочной страды и, как следствие этого, огромные потери зерна, которое просто осыпалось на корню. Пытаясь разрешить эту проблему, руководство страны рекомендовало МТС и совхозам раздельный способ уборки хлебов, который позволял приступать к уборке зерновых на 5–7 дней раньше обычного срока. Эту рекомендацию невозможно было осуществить из-за отсутствия необходимой техники. В 1956 г. МТС и совхозы располагали механизмами для раздельной уборки 4–5 % площади зерновых культур (140).

1956 год оказался благоприятным для сельского хозяйства страны. Целинные земли дали высокий урожай. В Казахстане был собран миллиард пудов зерна. За этот успех республика была награждена орденом Ленина. Н.С. Хрущев чувствовал себя триумфатором. 6 апреля 1957 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о награждении его орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и молот» за «выдающиеся заслуги в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель» (141).

Если рассматривать районы освоения целинных и залежных земель в отрыве от остальных земледельческих регионов СССР, то можно говорить об определенных успехах. Но целинная эпопея – это составная часть аграрной политики советского государства. Поэтому ее оценивать следует с точки зрения положения дел в аграрном секторе народного хозяйства страны в целом. При таком подходе оказывается все иначе. На целину шли материально-технические и людские ресурсы, отвлеченные от традиционных районов земледелия. Только в 1954–1958 гг. на освоение целинных и залежных земель государство израсходовало 30,7 млрд. руб., или 31,6 % всех средств, направленных в сельское хозяйство страны (142). Освоение целинных и залежных земель дало существенную прибавку зерна, но при этом катастрофически ускорилось запустение центральных районов России, прежде всего Нечерноземья (143).

Первый секретарь ЦК партии развивает бурную деятельность по общему руководству сельским хозяйством страны. В феврале–мае 1957 г. в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Москве, Горьком, Свердловске, Новосибирске, Воронеже и Ленинграде проводятся зональные совещания работников сельского хозяйства. На фоне призывов «догнать и обогнать Америку» в аппарате ЦК КПСС и Совета Министров СССР разворачивается работа по вопросу реорганизации МТС, инициированная Н.С. Хрущевым. Группа членов президиума ЦК КПСС – Г.М. Маленков, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Н.А. Булганин, названная позднее «антипартийной группой презренных фракционеров», пыталась удержать Н.С. Хрущева от принятия скоропалительных и необдуманных решений. Когда впервые было предложено расформировать МТС, то В.М. Молотов занял резко отрицательную позицию, по словам Н.С. Хрущева, «с ума сходил, утверждая, что совершаем антимарксистский шаг, ликвидируем социалистические завоевания» (144).

О серьезных разногласиях в правительстве по вопросу реорганизации МТС говорил министр сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевич на декабрьском (1958 г.) пленуме ЦК КПСС. «...Когда практически встал вопрос о подготовке материалов по реорганизации МТС, – гневно обличал министр уже повергнутых противников, – Молотов и Каганович буквально пытались терроризировать аппарат Министерства сельского хозяйства, чтобы раздобыть, вернее, состряпать какие-нибудь материалы, которые опорочили бы это мероприятие. А Шепилов и его подручные, вроде академика Лаптева, пытались "теоретически" обосновать "ошибочность разрабатываемых предложений"» (145).

Судя по контексту выступления В.В. Мацкевича, вопрос о реорганизации МТС прорабатывался еще в первой половине 1957 г. На июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС вопрос реорганизации МТС не то чтобы не обсуждался, он даже не упоминался. Никто и словом не обмолвился о противодействии этому проекту со стороны «антипартийной группы». Тогда вопрос реорганизации МТС находился под завесой строгой секретности.

После июньского пленума Н.С. Хрущев уже мог не опасаться какой-либо критики в свой адрес. К концу 1957 г. проработка вопроса о реорганизации машинно-тракторных станций в основном была завершена. 26 декабря 1957 г., выступая на пленуме ЦК компартии

Украины, Н.С. Хрущев впервые публично высказался по вопросу реорганизации МТС. Это был своеобразный «пробный шар», позволяющий выявить общественную реакцию на предстоящую реформу. Речь шла о дороговизне сельскохозяйственной продукции, которую государство получает из колхозов в качестве натуроплаты работ МТС. Оратор назвал «неприглядной картиной» положение, когда зерно, сахарная свекла, виноград, чай, хлопок, получаемые государством из колхозов, были в 2–2,5 раза дороже аналогичной продукции совхозов (146).

Лидер партии, конечно, не стал говорить о значительно лучшем материально-техническом обеспечении совхозов, в сравнении с колхозами, о более высокой производительности труда в совхозах. Напротив, нехватку сельскохозяйственной техники МТС Н.С. Хрущев преподносил как ее «нерациональное использование» (147). Он подсказывает аудитории выход из создавшегося положения: «не пора ли пойти на то, чтобы некоторым колхозам передать технику МТС». «Когда земля и техника будут находиться в руках одного хозяина, – уверенно заявлял он, – тогда все машины наверняка будут производительнее использоваться» (148).

22 января 1958 г. Н.С. Хрущев выступил с пространной речью на совещании передовиков сельского хозяйства Белорусской ССР, в которой вновь был поднят вопрос о МТС. Но если месяц тому назад в Киеве он осторожно говорил о том, чтобы продавать технику МТС «некоторым колхозам», то теперь вопрос ставился иначе. «Теперь, когда колхозы окрепли, выросли их кадры, способные решать любые задачи, окрепли партийные организации в деревне, глубже стали вникать в экономику партийные комитеты, во главе которых стоят люди, имеющие, как правило, большую теоретическую подготовку и хороший практический опыт, – убеждал руководитель партии присутствующих, – нет необходимости возлагать на МТС роль организаторов производства» (149).

В итоге был сделан вывод: «Существует два хозяина на одной земле – колхозы и МТС. А там, где два хозяина, не может быть хорошего порядка» (150). Н.С. Хрущев предлагает «по-новому» подойти к решению вопроса о МТС: продавать колхозам «тракторы, культиваторы, сеялки, почвообрабатывающие орудия. На МТС возложить централизованный ремонт, а также продажу запасных частей

и машин, превратить МТС в ремонтные станции. При этом колхозы должны взять на себя полную стоимость машин и содержание технического персонала» (151).

Далее события развиваются стремительно. 1 февраля 1958 г. в ЦК КПСС состоялось заседание специальной комиссии по вопросу реорганизации МТС. Стенограмма заседания комиссии свидетельствует о том, что по существу вопрос о необходимости реорганизации МТС не обсуждался. Принципиальных возражений на сей счет ни у кого не было. Все говорили о реорганизации МТС, как о назревшем деле. «Здесь никакого сомнения нет, – заявил секретарь ЦК КПСС Н.И. Беляев, – и в партии, и в государстве относительно целесообразности этого возражений не будет». На это замечание Н.С. Хрущев ответил репликой: «Еще будут возражать некоторые теоретики». «Преподаватели»,— добавил А.И. Микоян (152).

Члены комиссии рекомендовали обратить внимание на слабые колхозы, дать им государственный кредит на покупку техники, постепенно решать практические вопросы, не разрушать ремонтную базу. Министр финансов СССР А.Г. Зверев заострил внимание на вопросе о цене реформы: «Нам нужно подсчитать, что мы будем иметь в результате реорганизации МТС, чтобы ни колхозы, ни государство ничего не потеряли». А.И. Микоян уточнил: «Выгода должна быть». «Выгода должна вообще быть, – согласился министр. "Правильный вывод", – подытожил председательствовавший Н.С. Хрущев (153).

Уже 25 февраля 1958 г. был созван пленум ЦК КПСС по вопросу реорганизации МТС. На обсуждение вопроса, который радикально менял жизнь колхозной деревни и затрагивал миллионы людей, отвели всего два дня. Доклад Н.С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» был одобрен. Предложения президиума ЦК КПСС, от имени которого выступал Н.С. Хрущев, признавались «правильными и своевременными», направленными «на выполнение решений XX съезда партии по вопросам сельского хозяйства». Учитывая исключительно важное государственное значение вопроса о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС, пленум постановил внести его на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета СССР. Было решено, до рассмотрения этого вопроса на сессии Верховного Совета СССР, провести всенародное обсуждение намеченных мероприятий (154).

В качестве исходного документа для обсуждения были опубликованы в печати тезисы доклада Н.С. Хрущева на предстоящей сессии Верховного Совета СССР (155). Всенародное обсуждение длилось около месяца – с 1 по 25 марта 1958 г. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что обсуждалась не суть проблемы, а состоявшееся решение партии. Это меняло акценты обсуждения (156). Сессия Верховного Совета СССР работала с 27 по 31 марта 1958 г. По докладу Н.С. Хрущева Верховный Совет СССР принял «Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». Высказывания Н.С. Хрущева о том, что МТС исчерпали свои возможности по производственно-техническому обслуживанию колхозов, в Законе доведено до логического завершения. «В современных условия, – говорится в нем, – ...существующая форма производственно-технического обслуживания колхозов через машинно-тракторные станции перестала соответствовать задачам дальнейшего развития производительных сил сельского хозяйства. Более того, эта форма во многих случаях начинает тормозить дальнейший подъем передовых колхозов, связывать инициативу колхозников в деле лучшего использования резервов колхозного производства» (157).

Согласно принятому Закону, реорганизация МТС должна была осуществляться «постепенно с учетом развития экономики отдельных колхозов и особенностей различных зон и районов Советского Союза» (158). В действительности она завершилась к началу 1959 г. К этому времени технику купили от 90 до 99 % колхозов СССР. А к началу 1960 г. в Российской Федерации осталось всего 29 МТС. В эти годы колхозами было куплено тракторов, машин и оборудования на сумму 32 млрд. руб., из них бывших в эксплуатации МТС на 18 млрд. и новых на 14 млрд. руб. В результате на колхозы обрушились принудительные платежи, окончательно разорившие многие из них, полностью была разрушена и ремонтная база МТС (159).

Необходимость реформирования производственной системы «колхозы – МТС» была очевидной. В первую очередь следовало изменить характер взаимоотношений государства и колхозов. Безусловно, колхозное производство нуждалось в укреплении материально-технической базы, в нем оставалась очень высокой доля ручного труда. Однако в результате реформы произошло разрушение произ-

водственной структуры «колхозы – МТС». Правительственная политика, направленная на ликвидацию МТС, размышляет И.Е. Зеленин, допустила просчет в том плане, что не сохраняла инфраструктуру МТС как системы, ее основные фонды, кадры механизаторов, ремонтников и специалистов. Все это можно было использовать при обслуживании колхозов на договорных основах в различных сферах деятельности (160). С этим выводом нельзя не согласиться.

Таким образом, в конце 1950-х годов завершилась более чем тридцатилетняя история МТС. Машинно-тракторные станции сыграли чрезвычайно важную роль в становлении крупного общественного колхозного производства. Они стали непременным условием функционирования колхозной системы, посредством МТС достигалось включение колхозов в государственную систему планирования и управления. К началу 1950-х годов, когда были исчерпаны возможности экстенсивного развития сельского хозяйства, необходимо было осуществить переход на интенсивные методы аграрного производства. Советское руководство во главе с Н.С. Хрущевым делает ставку на экстенсивные методы ведения сельского хозяйства, проводя широкомасштабную программу освоения целинных и залежных земель. В результате вместо концентрации средств, направленных в аграрный сектор экономики, произошло их распыление. В надежде на более производительное использование имеющейся сельскохозяйственной техники правительство пошло на ликвидацию МТС и продажу техники колхозам. В итоге была разрушена устойчиво работавшая система «колхозы – МТС».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сталин И.В.* Речь на предвыборном собрании избирателей сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. // Социалистическое сельское хозяйство. – 1946. – № 1–2. – С. 10.

2. *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. – М., 2001. – С. 19.

3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – В 5 Т. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. – Т. 3. 1941–1952. – М., 1968. – С. 252, 254.

4. Там же. – С. 273–274.

5. Там же. – С. 274, 276.

6. История советского крестьянства. – В 5 т. – Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 50-х годов / Отв. ред. И.М. Волков. –

М., 1988. – С. 100; *Волков И.М.* Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 5.

7. Цит. по: *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания): в 4 кн. – Кн. 2. – М., 1999. – С. 12.

8. Там же.

9. Там же. – С. 65.

10. *Андреев А.А.* О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б). – М., 1947. – С. 9.

11. Там же. – С. 33.

12. Там же. – С. 35.

13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 410.

14. *Андреев А.А.* О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период. – С. 36.

15. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 411.

16. Там же.

17. Там же. – С. 412–413.

18. *Андреев А.А.* О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период. – С. 46.

19. РГАСПИ. – Ф. 73. – Оп. 1. – Ед. хр. 171. – Л. 184.

20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 414.

21. Там же. – С. 423.

22. РГАСПИ. – Ф. 73. – Оп. 1. – Ед. хр. 170. – Л. 5.

23. Там же. – Л. 6.

24. Там же. – Л. 7, 9.

25. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 427.

26. Там же. – С. 414.

27. *Тюрина А.П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства (1946–1958 гг.). – М., 1973. – С. 104.

28. *Микоян А.И.* Так было: Размышления о минувшем. – М., 1999. – С. 517.

29. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 408.

30. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы: Колхозы СССР в 1946–1950 гг. – М., 1972. – С. 138.

31. Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР (СП СССР). – 1948. – № 6. – Ст. 80.

32. *Сойфер В.Н.* Власть и наука. (Разгром коммунистами генетики в СССР). – М., 2002. – С. 719.

33. СП СССР. – 1948. – № 6. – Ст. 80.

34. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. – С. 140.

35. СП СССР. – 1948. – № 6. – Ст. 80.

36. Там же.

37. *Вылцан М.А.* План полезащитных лесонасаждений и борьба за его осуществление (1948–1953 гг.) // Развитие сельского хозяйства в послевоенные годы (1946–1970 гг.). Сб. статей / Отв. ред. И.М. Волков. – М., 1972. – С. 126.

38. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 2–2об.; Ед. хр. 314. – Л. 1–1 об.; Ед. хр. 347. – Л. 1–1об.

39. СП СССР. – 1948. – № 6. – Ст. 80.

40. *Сойфер В.Н.* Указ. соч. – С. 722–723.

41. *Лосев А.В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). – Воронеж, 1965. – С. 62.

42. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. – Т. 3. 1946–1952 годы. – М., 1958. – С. 341.

43. *Волков И.М.* Указ. соч. – С. 157.

44. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 343.

45. Там же. – С. 354.

46. Там же.

47. *Волков И.М.* Указ. соч. – С. 54.

48. История социалистической экономики СССР. – В 7 т. – Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960 годов / Отв. ред. И.А. Гладков. – М., 1980. – С. 124.

49. Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР (конец 1930-х – начало 1960-х годов). – В 2 т. – Т. 1. Защита завоевание социализма. Его новые достижения (конец 1930-х – 1950-е годы) / Отв. ред. С.С. Хесин, В.А. Шестаков. – М., 1984. – С. 208.

50. *Попов В.П.* «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е – начале 60-х годов) // Отечественные архивы. – 1994. – № 1. – С. 28.

51. РГАНИ. – Ф. 89. – Ед. хр. 4. – Л. 1.

52. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 614.

53. Там же. – С. 615.

54. История советского крестьянства. – Т. 4. – С. 84.

55. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. – М., 1996. – С. 203.

56. *Лосев А.В.* Указ. соч. – С. 51–52. В сводных годовых отчетах МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 г. приводятся сведения, согласно которым на 1 января 1951 г. в Центральном Черноземье насчитывалось 6003 колхоза // Посчитано по: РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 1; Ед. хр. 314. – Л. 1; Ед. хр. 347. – Л. 1; Ед. хр. 373. – Л. 1.

57. *Лосев А.В.* Указ. соч. – С. 53.

58. См.: *Волков И.М.* Указ. соч. – С. 51; *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.). – М., 1976. – С. 103, 106 и др.

59. *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). – М., 1995. – С. 277.

60. См.: *Зима В.Ф.* Указ. соч. – С. 202; *Чистяков В.Б.* Производственные кадры сельского хозяйства Российской Федерации 1945–1965 гг. Автореф. дис. …д-ра ист. наук. – М., 1999. – С. 24 и др.

61. В 1940 г. валовой сбор зерна в СССР составил 95,6 млн. т, а в 1950 г. – 81,2 млн. т. // *Волков И.М.* Указ. соч. – С. 148.

62. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 209–211.

63. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 631–632.

64. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 593.

65. Там же. (В это время валовой сбор зерна в колхозах страны определялся по видовой урожайности).

66. *Тюрина А.П.* Указ. соч. – С. 111.

67. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 616.

68. *Тюрина А.П.* Указ. соч. – С. 113.

69. Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. – М., 1966. – С. 122, 259.

70. *Зеленин И.Е.* От ответственного редактора // *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. – М., 1992. – С. 4.

71. Цит. по: *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. – М., 1952. – С. 207.

72. Там же. – С. 211.

73. Там же. – С. 213.

74. *Маленков Г.М.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). – М., 1952. – С. 38. Вывод о решении зерновой проблемы в СССР основывался на данных видовой оценки урожая. Фактический сбор зерна в стране в 1952 г. составил 5,6 млрд. пудов // См.: *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – Т. 1. – С. 88.

75. См.: *Сабуров М.З.* Доклад о директивах XIX съезда партии по пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы. – Л., 1953.

76. *Сабуров М.З.* Указ. соч. – С. 20; Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 725–726.

77. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 729.

78. *Маленков Г.М.* Указ. соч. – С. 40.

79. Там же. – С. 40–41.

80. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 728.

81. *Вербицкая О.М.* Указ. соч. – С. 21.

82. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 728.

83. *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. – М., Тамбов, 2000. – С. 9.

84. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. – М., 1992. – С. 25.

85. *Зверев А.Г.* Записки министра. – М., 1973. – С. 244.

86. Цит. по: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. – М., 1998. – С. 378.

87. Там же. – С. 708.

88. *Летенко А.В.* Российские хозяйственные реформы: История и уроки. – М., 2004. – С. 99; *Никольский С.А.* Аграрный курс России. – М., 2003. – С. 202.

89. *Маленков Г.М.* Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. – М., 1953. – С. 9.

90. Там же. – С. 10–13.

91. Там же. – С. 14–15.

92. Там же.

93. Там же. – С. 16.

94. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – В 5 т. – Т. 1. Сентябрь 1953 г. – январь 1955 г. – М., 1962. – С. 53.

95. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – В 5 Т. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. – Т. 4. 1953–1961. – М., 1968. – С. 45–46.

96. Там же. – С. 47.

97. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. – Т. 4. 1953–1957. – М., 1958. – С. 100–101.

98. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 48.
99. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 106.
100. *Хрущев Н.С.* Указ. соч. – С. 56.
101. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 51.
102. *Хрущев Н.С.* Указ. соч. – С. 65.
103. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 52.
104. *Хрущев Н.С.* Указ. соч. – С. 66.
105. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 115.
106. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 48.
107. Там же. – С. 49.
108. Там же.
109. Там же. С. 58.
110. *Зеленин И.Е.* Указ. соч. – С. 81.
111. *Хрущев Н.С.* Указ. соч. – С. 106.
112. Там же. – С. 118.
113. Там же. – С. 85.
114. Там же. – С. 85–88.
115. Там же. – С. 89.
116. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 95.
117. *Зеленин И.Е.* Указ. соч. – С. 87–88.
118. *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Новосибирск, 2000. – С. 170; *Зеленин И.Е.* Указ. соч. – С. 89.
119. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС. – С. 113.
120. *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть (Воспоминания): в 4 кн. – Кн. 4. – М., 1999. – С. 76–77.
121. Там же. – С. 80.
122. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 24. – Ед. хр. 99. – Л. 158–159.
123. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 161, 168.
124. Там же. – С. 177.
125. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – Т. 1. – С. 478.
126. РГАНИ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Ед. хр. 113. – Л. 84.
127. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 192–193.
128. Там же. – С. 194–195.
129. РГАНИ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Ед. хр. 138. – Л. 108–110.
130. *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель». – М., 2002. – С. 156.
131. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – В 2 т. – Т. 1. – М., 1956. – С. 57–58.
132. Там же. – С. 58.
133. РГАНИ. – Ф. 13. – Оп. 1. – Ед. хр. 574. – Л. 10.
134. *Русинов И.В.* Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 9. – С. 40.
135. *Бенедиктов И.А.* О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. – 1989. – № 4. – С 61. «Прозрение» И.А. Бенедиктова наступило позднее, когда он находился в отставке. Раньше

министр И.А. Бенедиктов активно поддерживал начинания Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства, в том числе и программу освоения целины.

136. *Русинов И.В.* Указ. соч. – С. 40.

137. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – Т. 1. – С. 64.

138. Там же. – С. 65.

139. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – Т. 2. – С. 42.

140. Там же. – С. 86.

141. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. – С. 749.

142. История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. XI. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945–1961 гг. / Отв. ред. И.Б. Берхин. – М., 1971. – С. 492.

143. Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития / Отв. ред. И.Н. Буздалов. – М., 1993. – С. 97.

144. Цит. по: *Таубман У.* Хрущев. – М., 2005. – С. 412.

145. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 15–19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. - М., 1958. – С. 422.

146. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – Т. 2. – С. 499.

147. Там же.

148. Там же. – С. 500.

149. Там же. – С. 521.

150. Там же. – С. 522.

151. Там же. – С. 523.

152. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 193. – Л. 31.

153. Там же. – Л. 39.

154. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 396.

155. См.: *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – Т. 3. – С. 46–85.

156. *Русинов И.В.* Указ. соч. – С. 46.

157. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. – М., 1959. – С. 138.

158. Там же. – С. 139–140.

159. *Зеленин И.Е.* Указ. соч. – С. 124–125.

160. Там же. – С. 123.

Глава III

МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

В первые послевоенные годы продовольственная проблема в СССР выражалась в основном в нехватке хлеба. Руководство страны предпринимало неоднократные попытки увеличить производство зерна за счет введения в хозяйственный оборот дополнительных посевных площадей. Это давало ограниченный эффект. Производство сельскохозяйственных продуктов не удовлетворяло потребности растущего городского населения. Почему так произошло? Партия и правительство объясняли создавшееся положение неэффективной работой машинно-тракторных станций, что стало главным аргументом при осуществлении реформы 1958 г., приведшей к ликвидации МТС. В связи с этим возникает вопрос о материальных ресурсах производственной системы «колхозы – МТС». Могли ли машинно-тракторные станции обеспечить выполнение всего комплекса агротехнических мероприятий в колхозах в оптимальные сроки?

Производственная база МТС в восстановительный период (1946–1950 гг.)

В централизованной системе советской экономики колхозы составляли важнейший элемент. Они входили в систему государственного планирования, управления и контроля, оставаясь формально негосударственными, кооперативными предприятиями. Материально-технические ресурсы колхозного производства были сосредоточены в ма-

шинно-тракторных станциях. Через МТС происходило включение колхозов в государственную экономику. Какими возможностями располагали МТС Центрального Черноземья в первые послевоенные годы?

Важнейшим критерием, характеризующим состояние МТС, являются основные средства или основные фонды. К основным средствам статистика относила здания, сооружения, передаточные устройства, рабочие и силовые машины, оборудование, измерительные и регулирующие приборы и устройства, транспортные средства, инструменты, рабочий и продуктивный скот и другие средства труда. По замечанию М.А. Безнина и Т.М. Димони, термины «основные фонды» и «основные средства» являются специфическим отображением в условиях советской действительности понятия «основной капитал» (1).

В машинно-тракторных станциях Центрального Черноземья на начало 1947 г. основные средства производственного и жилищно-бытового назначения составляли в сумме 423 215 тыс. руб., в среднем на одну МТС приходилось основных средств на 833,1 тыс. руб. (прил. 1). МТС региона существенно различались по наличию основных средств. В Тамбовской области в расчете на одну МТС стоимость основных фондов более чем вдвое превосходили соответствующий показатель Орловской области, которая более всего пострадала в годы войны.

Состав и содержание основных средств машинно-тракторных станций отражают уровень развития производственной и социальной инфраструктуры. Структура основных фондов МТС Центрально Черноземья по состоянию на 1 января 1947 г. определялась преимущественно средствами производственного назначения. На их долю приходилось 95,5 % балансовой стоимости всех основных фондов. Основные средства МТС представляют собой преимущественно производственную инфраструктуру. В структуре фондов производственного назначения преобладали средства, аккумулированные в тракторах, комбайнах и прочих сельскохозяйственных машинах и инвентаре. Они составляли 71,5 %. При этом преобладающая часть стоимости сельскохозяйственной техники приходилась на тракторы – 60,6 %.

В структуре основных фондов МТС производственного назначения наблюдалась диспропорция ее элементов. Балансовая стоимость

зданий и сооружений составила на начало 1947 г. 58336 тыс. руб., или 14,4 % всех основных средств, а оборудования – 18472 тыс. руб., или 4,7 %. Указанное обстоятельство свидетельствует о слабости ремонтной базы машинно-тракторных станций, многие из которых не имели оборудованных мастерских.

Социальная инфраструктура машинно-тракторных станций после войны была совершенно не развита: государственным жильем не обеспечивались не только механизаторы, но и многие руководители и специалисты. Большинство работников МТС (трактористы, бригадиры тракторных бригад и их помощники, учетчики-заправщики и прицепщики) по своему статусу являлись колхозниками. Привлечение колхозников на работу в МТС позволяло государству направлять основные ресурсы на развитие производственной сферы, не отвлекая их на жилищно-бытовое строительство. На фонды жилищного и культурно-бытового назначения МТС приходилось в начале 1947 г. 18944 тыс. руб., что составляло всего лишь 4,5 % от основных средств.

Социальная инфраструктура машинно-тракторных станций центрально-черноземных областей очень сильно пострадала в годы войны. Если в начале 1941 г. МТС региона имели в своем распоряжении 174,2 тыс. квадратных метров жилой площади, то в 1947 г. – 83,7 тыс., или в 2,1 раза меньше. Соответственно значительно уменьшилось количество лиц, проживающих в квартирах и общежитиях МТС – с 19379 человек до 12463 (2). Сокращение жилой площади МТС произошло во всех областях региона без исключения. Но особенно сильно пострадали в период войны МТС Орловской и Курской областей. Перед началом войны МТС Орловской области располагали 48,6 тыс. квадратных метров жилья, а в 1947 г. – всего лишь 5,7 тыс., или 12 % от довоенного уровня (3).

За годы войны материально-техническая база МТС Центрального Черноземья значительно ослабла, много машин и механизмов полностью износились и не подлежали эксплуатации (прил. 2). Однако такая техника продолжала оставаться на балансе МТС, она учитывалась при составлении промфинплана. На 1 января 1947 г. в МТС региона числились 23778 тракторов всех марок общей мощностью 438574 л. с. В структуре тракторного парка МТС основное место занимали колесные тракторы «СТЗ–ХТЗ» и «Универсал». Их насчиты-

валось 18869 единиц, или 79 % общего количества. На колесные тракторы приходилось 59 % энергетической мощности механической тяги. Но указанное в сводных отчетах МТС количество тракторов не соответствовало их наличию. В 1946 г. в машинно-тракторных станциях Центрального Черноземья совершенно не участвовали в работе 974 колесных трактора и 299 – гусеничных, что составляло соответственно 5 % и 6 % от их количества. Фактически в МТС Центрального Черноземья на начало 1947 г. имелось не 23778, а 22505 пригодных к работе тракторов (4).

В отчетность МТС включались все машины и орудия, в том числе и неработавшие на протяжении года. Секретарь Юрловского райкома партии Лазарев, выступая на пленуме Тамбовского обкома ВКП(б) 3 июля 1946 г., обратил внимание на абсурдность ситуации: «У нас числятся 8 комбайнов, которых нет с 1942 г., имеются только рамы, нет ни моторов, ни внутренностей. Главный инженер облЗО об этом знает, начальник облЗО знает, все знают, а планируют эти рамы» (5). Секретаря райкома поддержал директор Знаменской МТС Канищев: «У нас имеется всего 23 комбайна, а числятся – 31, – говорил он. – Но от этих комбайнов остались только колеса, а от отдельных и этого нет. И вот за эти комбайны нас и кроют. Я принял эту МТС в 1944 г. и было 62 трактора, теперь сделал 66 тракторов, но еще 5 тракторов не нашел. Ну, как тут выполнить план, когда и ремонтировать нечего» (6).

Сельскохозяйственная техника имела очень высокую амортизацию. Две трети тракторов МТС региона к началу 1946 г. проработали более десяти лет. Изношенность достигала такой степени, что основные детали не поддавались ремонту и требовали замены (7). Серьезной проблемой стали запчасти, их требовалась в гораздо большей степени, чем в довоенное время ввиду срока эксплуатации и изношенности техники. В МТС ощущался острый дефицит запчастей не только к тракторам, комбайнам и автомобилям, не доставало колес к плугам, сеялкам, культиваторам, дисков к сеялкам и других деталей. Директор Нижне-Матренской МТС Хворостянского района Воронежской области Ермаков в докладной записке в райисполком от 27 июня 1946 г., объясняя причины невыполнения плана сельскохозяйственных работ, указывал на отсутствие техники: «До войны МТС имела 12 гусеничных тракторов, но эти дизеля были переданы для

войны, и обратно МТС их не получила. Два гусеничных трактора, забракованные военкоматом, не работают из-за отсутствия деталей. Из 30 "ХТЗ" работает 15–18 тракторов, они требуют восстановительного и капитального ремонта, ремонт их был проведен за счет реставрации деталей. Из 25 тракторов "У–2" работает 10–12, на эти тракторы в течение 5 лет не было запчастей» (8).

Машинно-тракторные станции собственными силами осуществляли реставрацию и изготовление деталей. В 1946 г. МТС Воронежской области изготовили деталей на сумму 1 047 тыс. руб., реставрировали на 1 118 тыс. руб. (9) В мастерских МТС реставрировали и изготовляли такие сложные детали, как планетарные шестеренки и валы коробок передач, головки блока двигателей, сердцевины радиаторов и даже подшипники. Постановка на трактор большого количества реставрированных и изготовленных кустарным способом деталей, в большинстве своем не соответствовавших техническим требованиям, сказывалась на качестве ремонта и стала одной из главных причин преждевременного вывода машин из строя.

В послевоенное время тракторный парк МТС не только устарел физически, но и морально. Наиболее распространенные колесные тракторы «СТЗ–ХТЗ» и «Универсал» представляли собой копии американских тракторов «Интернационал» и «Формол» моделей 1924 г. Гусеничный трактор «ЧТЗ С–60» был скопирован с американского трактора «Катерпиллер» выпуска 1926 г. Отечественные тракторы имели ряд существенных недостатков. Все карбюраторные тракторы («Универсал», «СТЗ–ХТЗ», «СТЗ–НАТИ», «ЧТЗ С–60») имели малоэкономичные керосиновые и лигроиновые двигатели и расходовали горючего на 30–40 % больше, чем дизельные тракторы. Большая часть марок тракторов, работавших на колхозных полях в послевоенное время, была снята с производства еще в конце 30-х годов (10).

Основным пахотным трактором являлся гусеничный карбюраторный трактор «СТЗ–НАТИ», который выпускали одновременно три завода – Алтайский, Сталинградский и Харьковский. Причем качество этого трактора по сравнению с довоенным периодом значительно ухудшилось. На Владимирском заводе в 1944 г. было восстановлено производство колесного трактора «Универсал–2». Тракторный завод в г. Челябинске с 1945 г. начал производство нового гусеничного трактора «Сталинец–80». При этом промышленность не могла удов-

летворить минимальные потребности сельского хозяйства в тракторах (11).

Во второй половине 1940-х годов сельское хозяйство несло огромные потери зерна при уборке урожая из-за нехватки комбайнов. Выпускавшиеся до войны три типа комбайнов («Сталинец–1», «Коммунар» и северный комбайн «СКАГ–А») устарели. Они плохо справлялись с уборкой высокоурожайных и влажных хлебов (12). Эксплуатационный ресурс комбайна в два раза меньше в сравнении с трактором, он составляет 4–5 лет. Таким образом, комбайны, произведенные промышленностью в довоенное время, полностью выработали свой ресурс. Из общего числа учтенных зерноуборочных комбайнов в МТС Центрального Черноземья непригодных к работе было 1 063, или 20 %. В еще худшем положении находился парк грузовых автомобилей МТС. Из 1 764 автомобилей на протяжении года не работали 1 148, или 65 % (13).

Имеющиеся возможности тракторного парка МТС не могли полностью использовать из-за нехватки прицепного инвентаря. На 1 января 1947 г. в МТС Центрального Черноземья насчитывалось 23 778 физических тракторов, 16 390 плугов, 5 839 лущильников и 6 317 зерновых сеялок. Таким образом, на каждый трактор приходилось 0,7 плуга, 0,3 лущильника и 0,3 зерновых сеялки (14). В Воронежской области в 1946 г. 1 239 тракторов «СХТЗ», или 22 % их количества, не могли быть использованы на пахоте из-за отсутствия плугов (15).

Материально-техническая база МТС областей Центрального Черноземья в первые послевоенные годы существенно различалась (прил. 3). Особенно пострадали в годы войны Курская и Орловская области. Если брать в расчет обеспеченность техникой МТС Воронежской и Тамбовской областей, то они имеют сходные показатели. В среднем на одну МТС Воронежской области в 1946 г. приходился 61 трактор, Тамбовской области – 53. Причем энергетические мощности тракторного парка двух областей в расчете на одну МТС оказались равными: соответственно 1 079 и 1 013 л. с. Машинно-тракторные станции указанных областей были одинаково обеспечены грузовыми автомобилями, тракторными плугами, зерновыми тракторными сеялками. МТС Тамбовской области имели больше зерноуборочных комбайнов, но несколько уступали соседям в Воронеж-

ской области по количеству лущильников, сложных зерновых молотилок, тракторных культиваторов.

Машинно-тракторные станции Курской и Орловской областей по состоянию материально-технической базы значительно уступали МТС Воронежской и Тамбовской областей. В среднем одна МТС Курской области по сравнению с МТС Тамбовской области имела меньше тракторов в 1,5 раза, зерноуборочных комбайнов – в 6 раз, тракторных плугов – в 1,3 раза, зерновых сеялок – в 2,3 раза, культиваторов – в 1,4 раза, сложных зерновых молотилок – в 1,2 раза. Размеры посевной площади колхозов, обслуживаемых МТС, в рассматриваемых областях различались в меньшей степени. В среднем одна МТС Тамбовской области обслуживала колхозы с посевной площадью 11,1 тыс. гектаров, Курской области – 8,6 тыс. гектаров, что составляло 77,5 % от аналогичного показателя МТС Тамбовской области (16).

В годы четвертой пятилетки промышленность значительно увеличила производство тракторов: вступили в строй новые тракторные заводы в Липецке и Минске. С 1949 г. Алтайский, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы перешли на выпуск нового пахотного дизельного трактора «ДТ–54».

За 1946–1950 гг. машинно-тракторные станции получили большое количество машин и оборудования, сельскохозяйственного инвентаря, улучшили материальную базу ремонтных мастерских. Произошли изменения и во всей производственной системе «колхозы – МТС», определенная часть МТС была разукрупнена. В конце 1940-х годов в целях борьбы с засухой в структуре МТС стали создаваться специализированные лесозащитные станции (ЛЗС). К началу 1950-х годов в СССР насчитывалось 65 ЛЗС (17), из них 34 – в Центрально-Черноземном районе. В итоге количество машинно-тракторных и специализированных станций в регионе выросло с 508 в 1946 г. до 549 в 1950 г. За послевоенное пятилетие изменились и качественные характеристики машинно-тракторных станций. Стоимость основных фондов МТС центрально-черноземных областей выросла с 423 315 тыс. руб. до 1 368 234 тыс. руб., или в 3,2 раза. Если учитывать стоимость основных средств в расчете на одну станцию, то за данный промежуток времени она выросла с 833 тыс. руб. до 2 492 тыс. руб., или почти втрое (18).

В структуре основных средств МТС региона основное место занимают средства производственного назначения (прил. 4). За пятилетие они выросли в 3,4 раза и составили 97,6 % основных средств. Основные средства жилищного и культурно-бытового назначения в указанный период выросли в абсолютных цифрах в 1,7 раза и достигли суммы 32 719 тыс. руб., но удельный вес их в структуре основных фондов снизился с 4,5 % до 2,4 %. Структура основных фондов МТС после окончания войны оказалась сильно разбалансированной. Правительство страны, проводя мероприятия по укреплению материально-технической базы машинно-тракторных станций, стремится оптимизировать структуру основных средств производственного назначения.

Темпы роста основных фондов значительно различались. Быстрее всего росли средства, аккумулированные в транспортные механизмы, двигатели и сельскохозяйственные машины, оборудование. За 1946–1950 гг. основные средства, выраженные в транспортных механизмах, увеличились в 5,4 раза, в двигателях и сельскохозяйственных машинах – в 4,8 раза, в оборудовании – в 4,2 раза (19).

В составе элементов материально-технической базы МТС очень важное место занимали здания и сооружения: это ремонтные мастерские, гаражи, сараи для хранения машин и инвентаря, склады для запчастей и материалов, конторы и т. д. Среди зданий и сооружений МТС центральное место по значимости и стоимости занимают ремонтные мастерские. Слабость производственной инфраструктуры в послевоенные годы нашла свое отражение в невысокой доле средств, приходящихся на здания и сооружения. Темпы их роста оказались относительно невысокими. За пятилетие стоимость средств, аккумулированных в зданиях и сооружениях, выросла с 58 336 тыс. руб. до 122 930 тыс. руб., или в 2,1 раза (20).

Невысокие темпы роста объемов капитального строительства в МТС в первые послевоенные годы были связаны не только с ограниченностью финансирования, но и нехваткой строительных материалов. В 1947 г. в Воронежской области по причине необеспеченности строительными материалами – кровельным железом, шифером, стеклом и др. – 66 объектов МТС остались незавершенными, в том числе 19 ремонтных мастерских. Строительство в МТС в основном велось хозяйственным способом. Оно сдерживалось отсутствием транспорта по перевозке стройматериалов. МТС, имея в наличии 1–2 грузо-

вых автомобиля, в основном использовали их на перевозке горючего (21).

Техника МТС работала весь полевой сезон, ее ремонт производился в осенне-зимний период. Произвести качественный восстановительный ремонт можно было при наличии хорошо оснащенной мастерской капитального ремонта. Для того чтобы создать отвечающую необходимым требованиям мастерскую, следовало возвести типовое здание, разместить в нем силовое оборудование, кран-балки, станочный парк и т. д. Для этого требовались крупные капиталовложения, правительство их не выделяло.

В 1950 г. из 549 машинно-тракторных и специализированных станций Центрального Черноземья только 183 имели типовые мастерские капитального и текущего ремонта, 333 – «приспособленные мастерские», а 33 – не имели их вовсе (22). Таким образом, к началу 1950-х годов только одна МТС из трех имела нормальные условия для проведения ремонта техники в осенне-зимний период.

Определенная работа по капитальному строительству МТС в годы послевоенной пятилетки проводилась. Председатель Тамбовского облисполкома П.Ф. Морозов на пленуме обкома партии с чувством удовлетворения говорил об успехах сельского хозяйства области в 1946–1950 гг.: в МТС построено 15 мастерских, 18 сараев, 26 жилых домов и общежитий (23). Но при этом только 42 машинно-тракторные и специализированные станции Тамбовской области (из 96) располагали оборудованными мастерскими (24).

Капитальные вложения в укрепление ремонтной базы МТС не удовлетворяли самые минимальные их потребности. В 1947–1948 гг. на капитальное строительство МТС Воронежской области государство выделяло порядка 4 млн руб. в год. При таком объеме финансирования для постройки всего комплекса зданий и сооружений, предусмотренных типовой схемой генплана застройки усадьбы МТС, потребовалось бы 66 лет (25). Проблему надо было решать безотлагательно. В 1949 г. в Воронежской области 7 МТС не имели ремонтных мастерских, мастерские 31 МТС размещались в плетневых сараях, крытых соломой (26). В 1949 г. на капитальное строительство и благоустройство МТС Воронежской области правительство ассигновало 8 млн руб., это были мизерные средства. На них было построено и восстановлено 12 ремонтных мастерских, 11 сараев для тракторов, 14 жилых домов и общежитий (27).

Успешная работа ремонтной мастерской зависела от оснащенности силовым оборудованием, электрификации. Многие сельскохозяйственные предприятия электроэнергией не пользовались. На начало 1950 г. в Тамбовской области было электрифицировано 14 совхозов, 57 МТС и 363 колхоза, что составило соответственно 26 %, 59 % и 12 % от их общего количества (28). В этом отношении МТС Центрального Черноземья значительно отставали от многих регионов страны. В конце четвертой пятилетки в СССР было электрифицировано 80 % МТС, на Урале 86,5 %, а в лидирующей по данному показателю Свердловской области – 97,7 % (29).

Значительное количество машинно-тракторных и специализированных станций Центрального Черноземья использовало автономные источники электроэнергии. На рубеже 1940-х – 1950-х годов в электроснабжении многих МТС сложилась парадоксальная ситуация. Работа по электрификации станций (в плане их подключения к государственным электросетям) велась недостаточно динамично, в то же время их энергетические установки выработали свой ресурс. «В МТС Тамбовской области сложилось критическое положение с энергетической базой в ремонтных мастерских, – писал секретарь обкома партии И. Волков в ЦК ВКП(б). – В подавляющем большинстве ремонтных мастерских силовые установки представлены танковыми двигателями типа "Лойланд", полученными в 1945–1946 гг. из ресурсов вооруженных сил Советского Союза. Никаких запасных частей к этим быстроходным двигателям не было, и нет. Они хорошо проработали три с лишним года, но теперь один за другим выходят из строя» (30). Вопрос подключения МТС к государственным линиям электропередач требовал скорейшего решения.

В целях восстановления производственной инфраструктуры колхозного производства февральский (1947 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял беспрецедентное решение выделить для МТС 25 тыс. металлорежущих станков (31). Это была большая помощь селу. МТС и мотороремонтные заводы (МРЗ) Воронежской области получили в 1947 г. 140 металлорежущих станков различного профиля. Часть станков пошла на замену изношенных, часть – на его пополнение. Общее количество металлорежущих станков в МТС и МРЗ Воронежской области с 1 января 1947 г. по 1 января 1948 г. увеличилось с 898 до 985 единиц или почти на 10 % (32).

Большинство станков, поступивших в МТС, были демонтированы с промышленных предприятий. Промышленные предприятия стремились сохранить у себя лучшее оборудование и отправляли в сельское хозяйство станки с большим износом, морально устаревшие, иногда совсем непригодные для МТС. В Острогожской МТС Воронежской области получили «арматурный станочек, на котором можно изготовлять только детали для зажигалок» (33).

Об оснащенности станками и оборудованием ремонтных мастерских МТС Центрального Черноземья к 1948 г. дают представление материалы по Воронежской области. Мастерские МТС были обеспечены токарно-винторезными, токарными и сверлильными станками. Но при этом лишь каждая вторая мастерская МТС располагала крайне необходимым станком по расточке цилиндров, каждая пятая имела фрезерный станок и стенд холодной обкатки двигателей, каждая одиннадцатая имела испытательный стенд (34).

В примитивных мастерских многие работы выполнялись «на глаз», инструментов и приборов для регулировки двигателей, топливной аппаратуры не было. Это отражалось на расходах во время эксплуатации техники. В 1947 г. МТС Воронежской области перерасходовали более 5236 т моторного топлива. В объяснительной записке к сводному годовому отчету МТС области, в числе прочих причин пережога горючего, отмечалась нехватка испытательных стендов и контрольно-измерительной аппаратуры (35).

Далеко не все МТС Воронежской области располагали газосварочным оборудованием, стационарными нефтедвигателями. Большинство электрогенерирующих установок имели малую мощность – до 20 квт, да и те могли обеспечить только 7 станций из десяти. Электросварочными аппаратами была обеспечена одна ремонтная мастерская из четырех. Чрезвычайные меры, принятые руководством страны в 1947 г. по укреплению ремонтной базы МТС станочным оборудованием, безусловно, сыграли положительную роль. Но даже при таком подходе обеспечить минимальные потребности ремонтных мастерских МТС станочным оборудованием не удалось (36).

Успешная работа мастерских была невозможна без испытательных стендов, контрольно-измерительной аппаратуры, подъемного оборудования и прочих приспособлений. В этом направлении во второй половине 1940-х годов произошли некоторые положительные изме-

нения. В лучшем положении оказались машинно-тракторные и специализированные станции Тамбовской области, в которой к началу 1950-х годов на 96 станций имелось 82 гидравлических стенда для испытания автотракторных двигателей на мощность и удельный расход горючего, 87 приборов для тарировки жиклеров карбюраторов и т. д. Но в то же время на все МТС и ЛЗС Тамбовской области приходилось всего лишь 18 кран-балок, 15 стендов для регулировки топливной аппаратуры дизельных двигателей (37). Нехватка подъемного оборудования обусловила применение тяжелого ручного труда ремонтников, вручную приходилось поднимать двигатель трактора, коробку передач и другие блоки. На пленуме Тамбовского обкома партии секретарь Глазковского райкома КПСС Ткаченко говорил о вопиющем положении мастерских МТС, когда трактористы из-за отсутствия кран-балок «все на своем горбу таскают и поднимают» (38).

Наибольшие трудности в ремонте доставляли «капризные» дизельные двигатели, их очень трудно было отрегулировать «на глазок». Отсутствие стендов для регулировки топливных насосов и форсунок дизельных двигателей в подавляющем большинстве мастерских сводило на нет усилия механизаторов на ремонте: неравномерная подача топлива в цилиндры приводила не только к перерасходу горючего и снижению мощности двигателя, но и к его преждевременному выходу из строя. А в отдельных случаях отремонтированный дизельный мотор не удавалось запустить в работу.

В структуре основных фондов МТС выделены «Прочие средства», основная часть которых приходилась на нефтебазы и заправочное оборудование тракторных бригад. Это стационарные цистерны, разливочные приспособления и оборудование, бочки, заправочные тележки тракторных бригад и т. д. За 1946–1950 гг. балансовая стоимость «Прочих средств» выросла с 16056 тыс. руб. до 26074 тыс., то есть в 1,6 раза (прил. 5). При этом их доля в общей структуре основных средств уменьшилась на 2 пункта (39).

Нефтехозяйство большинства МТС не соответствовало элементарным требованиям, находилось в неудовлетворительном состоянии. Именно так оно характеризовалось в официальных документах. «Значительная часть резервуаров имеет подтекание горючего, не оборудована герметически закрывающимися люками и не окрашена, а ее наличие обеспечивает лишь 46 % потребности, – отмечалось

в объяснительной записке к финансовому отчету МТС Тамбовской области за 1948 г. – 82 МТС не имеют разливочных помещений. Отсутствие весов в тракторных бригадах приводит к необходимости приема поступающего горючего через возчиков без веса по глазомерному определению. Простейшие нефтехранилища в тракторных бригадах отсутствуют. В среднем по области обеспеченность железными бочками составляет 44 %» (40).

Потери горючего в МТС Тамбовской области только при хранении и транспортировке достигали 10 % от его общего перерасхода. Перерасход горючего в МТС Тамбовской области в 1946 г. составил 2189 т, в 1947 г. – 4040 т, в 1948 г. только за май – 1005,2 т (41). Следовательно, сотни тонн горючего МТС теряли по причине неустроенности нефтехозяйства.

В послевоенное пятилетие в машинно-тракторных станциях Центрального Черноземья произошли некоторые изменения в структуре основных фондов производственного назначения (прил. 6). На 7,2 пункта выросла доля средств, приходящихся на двигатели и сельскохозяйственные машины, на 4,3 пункта – на комбайны, на 2,8 пункта – на транспортные механизмы, на 1,2 пункта – на оборудование. Соответственно уменьшилась доля основного капитала, аккумулированного в зданиях и сооружениях, – на 5,2 пункта и в тракторах – на 7,8 пункта. В структуре основных фондов производственного назначения также несколько понизился удельный вес гужевого транспорта, рабочего и продуктивного скота (42).

После окончания Великой Отечественной войны в сжатые сроки промышленность была переведена на мирный лад, в результате значительно увеличился выпуск основной номенклатуры сельскохозяйственных машин и прицепного инвентаря. Это позволило частично произвести замену изношенной техники и пополнить сельскохозяйственный инвентарь в МТС Центрального Черноземья. В 1946–1950 гг. наиболее быстрыми темпами шло увеличение парка гусеничных тракторов. Их численность выросла с 4909 до 13541, или в 2,8 раза (прил. 3 и 6). При этом следует отметить переход промышленности на выпуск более совершенных и экономичных машин с дизельными двигателями – «КД–35», «КДП–35», «С–80», «ДТ–54». Численность колесных тракторов в МТС Центрального Черноземья за пятилетие выросла незначительно – в 1,1 раза, то есть практически осталась на

прежнем уровне: 18 869 единиц – на 1 января 1947 г. и 19 763 единицы – на 1 января 1951 г. Мощность тракторного парка МТС региона увеличилась за послевоенное пятилетие в 1,7 раза (43).

После окончания войны в бедственном положении оказался комбайновый парк МТС. Значительная часть комбайнов не имела моторов и была изношена до такой степени, что не подлежала восстановлению. Хотя такие машины и продолжали оставаться на балансе машинно-тракторных станций. За годы четвертой пятилетки осуществлялись массовые поставки зерновых комбайнов в МТС центрально-черноземных областей, так как регион являлся одним из основных производителей зерна в стране. В итоге численность комбайнов, находящихся на балансе МТС Центрального Черноземья, выросла с 5 391 до 9 952, или в 1,9 раза. Темпы роста комбайнового парка региона превышали средние по стране: число комбайнов в СССР за это время выросло в 1,4 раза (44). Кроме того, в рассматриваемый период в МТС Центрального Черноземья наблюдается рост численности грузовых автомобилей с 1 764 до 2 976 единиц, то есть в 1,7 раза. Также произошло заметное увеличение и сложных зерновых молотилок – с 4 187 до 6 927, или в 1,7 раза. Во второй половине 1940-х годов в МТС региона происходило существенное укрепление материально-технической базы не только по линии машинно-тракторного парка, но и в отношении сельскохозяйственного прицепного инвентаря. В это время количество тракторных зерновых сеялок увеличилось в 2,6 раза, лущильников – в 2,4 раза, плугов – в 1,6 раза, культиваторов – в 1,6 раза (45).

Для эффективного использования тракторного парка, прицепного сельскохозяйственного инвентаря и почвообрабатывающих орудий необходимо их оптимальное сочетание, сбалансированность. Эта проблема на протяжении продолжительного периода оставалась нерешенной. Сложилась парадоксальная ситуация, когда тракторы не могли полностью использоваться из-за недостатка необходимого шлейфа сельскохозяйственных орудий (46). Недоиспользование мощности тракторного парка приводило к перерасходу горючего, а главное – к растягиванию сроков проведения агротехнических мероприятий и снижению качества полевых работ.

В развитии сельскохозяйственного машиностроения в годы четвертой пятилетки темпы роста тракторостроения оказались более

высокими, чем производство прицепных машин. В МТС Курской области в 1949 г. на 4951 пахотный трактор приходилось 4368 плугов, или 0,8 плуга на один трактор, в то время как в 1940 г. плуг имелся на каждый пахотный трактор. Не выровнялась ситуация и по культиваторам для сплошной обработки почвы. В 1940 г. в курских МТС на один 15-ти сильный трактор приходилось 0,45 культиватора, а в 1949 г. – 0,22 (47).

Совет Министров СССР в мае 1949 г. поручил специальной комиссии во главе с председателем Госплана СССР разработать меры по устранению наметившейся диспропорции. В результате она несколько уменьшилась, но не была преодолена (48). Привести в оптимальное сочетание тракторный парк и сельскохозяйственный инвентарь в МТС Центрального Черноземья не удалось к началу 1950-х годов. Этот вопрос неоднократно поднимался на областном совещании передовых механизаторов, бригадиров тракторных бригад и заместителей директоров МТС по политчасти в Тамбове 14 июля 1951 г. «У нас в бригаде 5 тракторов: два "ДТ–54", два "ХТЗ" и "ЧТЗ СГ–65", – говорил помощник бригадира тракторной бригады Пахотно-Угловской МТС Сопин. – Что мешает нам работать? Это недостача инвентаря. У нас не хватает плуга, нет лущильников, нет культиваторов. Вот сейчас наступает время обработки паров, а лущильников только два. И получается – один трактор работает, а два стоят» (49).

Ввиду ограниченности ресурсов для оснащения МТС необходимым набором машин и механизмов, в 1947 г. правительство решило создать отдельные образцовые, «опорно-показательные» МТС. Первоначально в списке оказалось 26 станций (50), позднее он несколько расширился. От Центрального Черноземья в него вошли Готнянская МТС Ракитянского района Курской области и Таловская МТС Таловского района Воронежской области. Они задумывались как показательные МТС свекловичного направления (51).

Для превращения Таловской МТС в показательную станцию требовалось соответственно её оснастить. Для этого управление сельского хозяйства Воронежской области просило Министерство сельского хозяйства СССР выделить 25 гусеничных тракторов «СТЗ–НАТИ», 36 плугов разных типов, 50 лущильников, 66 культиваторов, 60 зерновых сеялок, 28 зерновых комбайнов, 20 сложных зерновых молотилок, 10 свеклоподъемников и т. д. Таловской МТС только на по-

полнение ее машинно-тракторного парка и сельскохозяйственного инвентаря требовалось такое количество техники, которой не располагала рядовая станция. В Министерстве сельского хозяйства СССР все цифры заявки были сокращены в 2–4 раза (52). Фактически образцово-показательных машинно-тракторных станций создать не удалось. Очевидно, руководство Министерства не захотело оптимизировать материально-техническую базу отдельных МТС из-за боязни произвести обратный эффект.

Диспропорции в структуре элементов материально-технической базы МТС были угрожающими. В наибольшей степени диспропорции между наличием тракторов и почвообрабатывающих орудий к началу 1950-х годов сложились в МТС Орловской области. Для полного использования тракторного парка не доставало 1330 плугов, 2926 сеялок, 3236 культиваторов, или соответственно 25 %, 55 % и 61 % от потребности (53). Это означает, что в МТС Орловской области на пахоте можно было использовать тракторы на 75 %, на севе – на 45 % и на культивации на 39 % их мощности.

Поступление тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин и орудий в МТС в послевоенное пятилетие не было равномерным. В 1946–1947 гг. промышленность перестраивалась на выпуск мирной продукции, и одновременно ей требовалось время на освоение новых образцов техники (54). Поступление новой техники в машинно-тракторные станции значительно возросло в конце 1940-х годов. О чем свидетельствую данные по Тамбовской области. Из 2018 тракторов всех типов, поступивших в МТС Тамбовской области в 1948–1950 гг. 900 машин, или 44,6 %, пришлись на последний год пятилетки. Соответственно на 1950 г. пришлось поступление 940 зерновых комбайнов, или 86,2 %, 400 зерновых молотилок, или 57,5 %, 1420 тракторных плугов, или 50,6 %, 1250 культиваторов, или 81,2 %, 1090 зерновых тракторных сеялок, или 60,4 %, 1200 тракторных лущильников, или 79,7 % (55).

Новая сельскохозяйственная техника, поступавшая в машинно-тракторные станции Центрально Черноземья во второй половине 1940-х годов, использовалась не на замену морально устаревшей и физически изношенной техники, а на пополнение машинно-тракторного парка. Это положение иллюстрируют материалы по МТС Тамбовской области. С 1948 по 1950 гг. в тамбовских МТС количе-

ство физических тракторов увеличилось с 4684 до 6604, то есть на 1920 единиц (56). За это же время в МТС поступило 2018 новых машин. Разница между цифрами, характеризующими прирост тракторного парка, и поступлением новых тракторов составляет 98 машин. Это и есть то число физических тракторов, которые были списаны с баланса МТС области за три года.

Аналогичная ситуация сложилась по другим сельскохозяйственным машинам и орудиям. В указанный период с баланса МТС Тамбовской области были списаны 390 зерновых комбайнов, 604 тракторных плуга, 420 зерновых тракторных сеялок, 391 тракторный культиватор, 355 зерновых молотилок и т. д. (57) Если учесть, что в 1950 г. в Тамбовской области функционировало 96 машинно-тракторных и специализированных станций, то выходит, что за три года каждая МТС в среднем списала с баланса 1 физический трактор, 4 зерновых комбайна, 6 плугов, 4 сеялки, 4 культиватора, 4 зерновых молотилки и т. д.

Материально-техническая база колхозного производства Центрального Черноземья даже к началу 1950-х годов в значительной степени состояла из машин и механизмов довоенного производства. В частности, в МТС Воронежской области на 1 января 1951 г. насчитывалось 8215 колесных тракторов, из которых 5744, или 70 %, приходились на тракторы марки «СТЗ–ХТЗ» (58). Тракторы марки «СТЗ–ХТЗ» перестали выпускаться промышленностью еще в 1937 г. К началу 1950-х годов они износились. Если предположить, что все эти машины были 1937 г. выпуска, то и в этом случае 13-летний срок эксплуатации свидетельствует о почти полной их амортизации. Парк колесных пропашных тракторов нуждался в срочном обновлении. Утверждение некоторых исследователей о том, что после войны «время колесных тракторов прошло», по меньшей мере, некорректно (59).

К началу 1950-х годов машинно-тракторные станции Центрального Черноземья по оснащенности машинами и сельскохозяйственным прицепным инвентарем в определенной степени восстановили и даже превзошли довоенный уровень развития. Это касается численности гусеничных тракторов, мощности тракторного парка, тракторных сеялок, тракторных лущильников, свеклокомбайнов, свеклоподъемников и т. д. Но по ряду очень важных позиций МТС еще не достиг-

ли довоенного уровня. По состоянию на 1 января 1951 г. в МТС региона насчитывалось меньше, чем на 1 января 1941 г., грузовых автомобилей на 158 единиц, или на 5 %, плугов тракторных – на 4348, или на 14 %, зерновых комбайнов – на 3321, или на 25 %, колесных тракторов – на 8656, или на 30 % (60).

По темпам восстановления материально-технической базы колхозного производства Черноземный Центр Российской Федерации значительно отставал от ряда регионов. К примеру, тракторный и комбайновый парк в сельском хозяйстве Урала был восстановлен в 1949 г., а в 1950 г. тракторов в этом регионе было 111,9 %, а комбайнов – 112,8 % довоенной численности (61).

При исследовании восстановительных процессов в сельском хозяйстве Центрально-Черноземного района послевоенного времени следует учитывать тот факт, что в 1944 г. из Орловской области в качестве самостоятельной административной единицы выделяется Брянская область. Это, разумеется, понизило сравнительные показатели технической оснащенности МТС Орловской области и повлияло на общую статистику региона. Но в то же время и в остальных центрально-черноземных областях материально-техническая база МТС по значительной части позиций не достигла довоенного уровня. Так, например, зерновых комбайнов в машинно-тракторных станциях Тамбовской области на 1 января 1951 г. было меньше на 898 единиц по сравнению с довоенным 1940 годом, в МТС Курской области соответственно было меньше тракторных плугов на 1464 единицы и т. д. (62)

В годы первой послевоенной пятилетки материально-техническая база колхозного строя заметно окрепла. Это наглядно иллюстрируют показатели наличия сельскохозяйственных машин и прицепного инвентаря в расчете на одну МТС (прил. 7). В 1950 гг. среднестатистическая МТС в Центральном Черноземье имела в своем распоряжении 61 трактор, 19 комбайнов, 5 грузовых автомобилей, 49 тракторных плугов, 25 тракторных лущильников, 32 тракторных зерновых сеялки, 35 тракторных культиваторов, 12 сложных зерновых молотилок, 4 свекловичных сеялки, 2 свеклокомбайна, 5 свеклоподъемников и т. д. (63)

В сравнении с 1946 г., среднестатистическая МТС Центрального Черноземья в 1950 г. имела больше физических тракторов на 14 единиц, их тяговая мощность увеличилась на 502 л. с. Такая же картина

наблюдается и по другим показателям. Число зерновых комбайнов выросло на 17, лущильников тракторных – на 13, сеялок зерновых тракторных – на 20, культиваторов тракторных – на 11, сложных зерновых молотилок – на 4, грузовых автомобилей – на 1. Если в сводных годовых отчетах МТС за 1946 г. совсем не фигурировали сеялки тракторные свекловичные, свеклокомбайны, свеклоподъемники, то к началу 1950-х годов они уже имелись на балансе станций (64).

В абсолютных и относительных цифрах интенсивнее всего шло наращивание машинно-тракторной базы сельского хозяйства Орловской и Курской областей. Так, за 5 послевоенных лет в среднестатистической орловской МТС в 1,4 раза увеличилось количество тракторов, в 1,5 раза – тракторных плугов, в 2,7 раза – тракторных лущильников, в 3 раза – тракторных сеялок и зерновых комбайнов и т. д. Но в расчете на одну МТС в Орловской и Курской областях имелось сельскохозяйственной техники меньше, чем у соседей по региону. Выравнивания не произошло, различия оставались весьма ощутимыми. Орловская МТС имела в своем распоряжении на 20 тракторов, 17 зерноуборочных комбайнов, 19 тракторных плугов, 9 тракторных сеялок меньше, чем тамбовская (65).

В отчете Орловского обкома ВКП(б), направленном 6 мая 1950 г. в ЦК партии на имя И.В. Сталина, подводились некоторые итоги восстановления сельского хозяйства области за 1946–1950 гг. За это время посевные площади расширились до 91 % от довоенного уровня, но темпы роста энерговооруженности и технической оснащенности сельского хозяйства отставали от роста посевных площадей. Условных 15-сильных тракторов имелось 84 %, плугов 62 %, комбайнов 30 %, сложных молотилок 68 %, сеялок 74 %, культиваторов 55 % к довоенному наличию (66).

В годы первой послевоенной пятилетки развитие сельского хозяйства носило восстановительный характер. Это касается расширения посевных площадей, укрепления материально-технической базы. Материально-техническая база колхозного строя в основном определялась ресурсами машинно-тракторных станций. МТС Центрального Черноземья в указанный период значительно укрепили свою материально-техническую базу, по многим позициям они не только восстановили довоенный уровень, но и превзошли. Но оставалось нема-

ло «узких мест», а главное – производственная инфраструктура МТС не соответствовала машинно-тракторному парку. Имеющиеся в МТС ресурсы оказались несбалансированными, их невозможно было использовать с максимальной эффективностью. На развитие машинно-тракторных станций советское правительство выделяло ограниченные ресурсы, что сдерживало развитие сельскохозяйственного производства.

Машинно-тракторные станции в 1950-е годы

Аграрная политика советского государства в начале 1950-х годов, вплоть до сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, осуществлялась по тем же направлениям, что и в предшествующее пятилетие. Жесточайший режим перекачки материальных и трудовых ресурсов из деревни в город не оставлял ресурсов для структурной перестройки сельского хозяйства и его роста. Машинно-тракторные станции, как базовые структуры колхозного производства, испытывали огромные трудности. Низкий уровень оплаты и тяжелые условия труда обусловили массовый отток механизаторов из МТС. МТС, постоянно пополняя машинно-тракторный парк и сельскохозяйственный инвентарь, не располагали соответствующей производственной и социальной инфраструктурой.

Неудовлетворительное состояние мастерских МТС не позволяло качественно выполнять ремонт машин и инвентаря. В.В. Овечкин в очерках «Районные будни» затрагивает тему проведения ремонтных работ в МТС. Он приводит разговор директора МТС Глотова с секретарем райкома партии Мартыновым. «Без новых тракторов года два я обойдусь, – рассуждает Глотов, – а без хорошей мастерской – зарез! Что за ремонт, когда на дворе машины разбираем, собираем? Повозись-ка на морозе с железом! Да вот в такую погодку! (На улице мела метель. – *В.Т.*) Покрутятся ребята час возле трактора – два часа в кочегарке отогреваются. На пять машин всего места в мастерской. И зарабатывают они на ремонте – копейки. ...А станки наши видел, Петр Илларионович? Старье, барахло!» (67).

Правительство первоначально не планировало мероприятия по созданию в МТС необходимой производственной и социальной инфраструктуры. В частности, общая сумма капиталовложений на строительство МТС Тамбовской области на 1951–1955 гг. была определена в сумме 14982 тыс. руб. (68) Насколько выделяемая сумма средств соответствует потребностям МТС Тамбовской области в инвестициях можно судить по следующим фактам. Для осуществления комплексного строительства каждой МТС требовалось 5–6 млн руб. (69) Таким образом, средств, первоначально запланированных для капитального строительства МТС Тамбовской области в пятой пятилетке, едва хватило бы на комплексное строительство трех станций. Поэтому происходило распыление скудных ресурсов, они распределялись по принципу «латания дыр». В основном деньги направлялись на ремонт и строительство мастерских отдельных станций. А в переустройстве нуждались все МТС.

В этом отношении показателен следующий факт. По решению сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, в МТС направлялись инженерно-технические специалисты с промышленных предприятий. Многие из них были обескуражены состоянием МТС. Вновь назначенный директор Уметской МТС Тамбовской области Воронин заявил руководству обкома партии, что сможет работать только в том случае, если ему сейчас же дадут 35 гусеничных тракторов, 35 зерноуборочных комбайнов, заново построят МТС, заменят все сеялки и культиваторы (70). Но такой была не только Уметская МТС. Из 99 МТС области на тот момент ни одна не была обеспечена всеми необходимыми постройками и сооружениями (71).

На совещании работников МТС Курской области в марте 1953 г. речь шла о том, что МТС не могут справиться с задачами по агротехническому обслуживанию колхозов, потому что не обладают соответствующей производственной базой. «МТС во время войны была разбита, – говорила заместитель директора по политчасти Тавричанской МТС Шаталова, – после войны совершенно не восстанавливалась. Все разбросано. Контора стоит за километр от основной усадьбы. Мастерская расположена в бывшем свинарнике. Общежития нет. Политзанятия провожу прямо в мастерской. Когда проводил беседу о решениях XIX съезда партии, в этот момент у нас бурей сорвало крышу» (72).

В 1953 г. в Курской области из 105 МТС только 32 (31,4 %) имели типовые помещения ремонтных мастерских, сараи, навесы и гаражи для хранения тракторов – 9 (8,6 %), для комбайнов – 2 (1,9 %), для сельскохозяйственных машин – 13 (12,4 %). Только 4 МТС обладали типовыми помещениями автогаражей, а еще 10 – приспособленными (73). Аналогичная ситуация сложилась в МТС соседней Воронежской области, в которой из 175 МТС и ЛЗС 80 не имели мастерских, пригодных для ремонта тракторов и комбайнов. Мастерские этих МТС располагались в деревянных или плетневых пришедших в негодность сараях и церквах (74).

На развитие социальной инфраструктуры МТС правительство выделяло символические ассигнования. За 9 лет, с 1945 по 1953 гг., из 47,15 млн руб., вложенных в капитальное строительство МТС Тамбовской области, на жилищное строительство было израсходовано 2,1 млн руб., или лишь 4,5 % всех средств. В 1953 г. в МТС Тамбовской области имелось 43 общежития для механизаторов, из них типовых – только 14, а остальные – обычные крестьянские избы. В эти общежития можно было поселить не более 800 человек, а работало на ремонте в осенне-зимний период порядка 7 тыс. механизаторов. С учетом проживающих в собственных домах близь МТС, обеспеченность общежитиями составляла менее 20 % (75).

Не лучше обстояло дело и с обустройством постоянных кадров МТС. Для размещения инженерно-технического и агрономического персонала, а также кадров постоянных рабочих в МТС Тамбовской области необходимо было иметь 4,1 тыс. квартир с учетом размещения части работающих в собственных домах и коммунальных квартирах. На 15 ноября 1953 г. в МТС области насчитывалось 340 квартир, или 9 % от потребности. На 99 МТС области приходилось только 15 бань и 11 клубов и красных уголков (76).

Серьезные перемены в аграрной политике советского государства произошли на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС. Впервые на столь высоком уровне признавалось несовершенство структуры материально-производственной базы МТС, ее слабость. На пленуме произошло осознание того, что сельское хозяйство не сможет развиваться без качественного улучшения производственной и социальной инфраструктуры села (77).

В 1950-х годах материально-техническая база колхозного строя претерпела существенные количественные и качественные изменения. На производственное и социально-культурное строительство в машинно-тракторных станциях государством выделялись невиданные прежде ресурсы, их объем вырос многократно. На капитальное строительство МТС Орловской области в 1954 г. направлялось 45 млн руб. Это более чем в четыре раза превышало финансирование предшествующего года (78). Также резко возросло финансирование строительства МТС остальных областей Черноземного Центра. На строительство МТС Воронежской области в 1954 г. отпускалось 51,7 млн руб. (79), Липецкой – 29,3 млн руб. (80), Тамбовской – 34,7 млн руб. (81)

Планировалась комплексная застройка большого числа МТС, которая включала в себя возведение ремонтной мастерской, двух гаражей для тракторов, двух гаражей для комбайнов, двух навесов для сельскохозяйственных машин, бетонированной площадки для сельскохозяйственных орудий и инвентаря, склада запасных частей, гаража для автомобилей, силовой установки и котельной, конторы, 2–4-х жилых домов, общежития, бани. Кроме того, в комплексное строительство входили устройство артезианской скважины, водонапорной башни с водопроводом, прокладка тепловых сетей, канализации и электрификация всей усадьбы (82).

Всесоюзным Государственным институтом по проектированию промышленных зданий и сооружений сельского хозяйства были разработаны примерные схемы планировки усадеб МТС, дающие принципиальные указания о размещении зданий и сооружений, а также о решении вопросов водоснабжения, энергоснабжения и т. д. Типовые схемы предусматривали размещение всех построек МТС на одной территории, которая делилась на производственную и жилую зоны. Жилая зона включала в себя сектор многоквартирных домов, а также район индивидуальной застройки. На территории жилого поселка планировалось строительство водопроводной сети с водоразборными колонками (83).

В ассигнованиях на капитальное строительство в МТС отдельной строкой прописывались расходы на возведение жилья. Эти расходы составляли значительную часть выделенных средств. В 1954 г. на указанные цели МТС Тамбовской области направлялось 6,2 млн руб., или 18 % всех ассигнований. За год предстояло возвести 23 общежи-

тия и 100 домов (84). Ничего подобного прежде не было. В 1954 г. государственные ассигнования на жилищное строительство в МТС Тамбовской области почти в три раза превысили объем финансирования этой сферы за весь предшествующий послевоенный период.

Жилищное строительство в машинно-тракторных станциях осуществлялось не только за счет государства, но и при помощи государства, поощрялось индивидуальное жилищное строительство. Работникам МТС предоставлялась ссуда до 12 тыс. руб. сроком на 10 лет (85). Многие такой возможностью воспользовались. Только в 1954 г. в Белгородской области работникам МТС были предоставлены кредиты на индивидуальное жилищное строительство в сумме 3,54 млн руб. (86), в Липецкой области – 4,1 млн (87).

Машинно-тракторные станции в 1954 г. переживали строительный бум. Завершение комплексного строительства МТС становилось крупным событием для области. В Тамбовской области предметом всеобщей гордости стала Сампурская МТС. Ремонтная мастерская имела центральное отопление, необходимое станочное оборудование, моечное отделение для тракторных деталей и узлов, дефектовочное и комплектовочное отделение. Все цеха – монтажный, механический, медницкий, кузнечный и др. – были расположены по потоку ремонта и связаны между собой подъемно-транспортными средствами. Мастерская оснащалась вытяжной вентиляцией, имела душевое отделение. МТС получило общежитие для механизаторов, «оборудованное кроватями, тумбочками, матрацами, подушками и одеялами». Были радиофицированы общежитие и все жилые дома, построена баня. По границе усадьбы МТС вырос целый поселок за счет индивидуального жилищного строительства рабочих и служащих (88).

В 1954 г. строительство МТС приобрело характер очередной кампании со всеми вытекающими последствиями. Размах строительных работ не соответствовал их финансированию. В Белгородской области на комплексное строительство 9 МТС выделялось 18,9 млн руб. (89) Этих денег было явно недостаточно. На комплексное строительство лишь одной МТС требовалось 5–6 млн руб., или в 2,5–3 раза больше фактически выделяемых средств. Поэтому понятие «комплексное строительство МТС» приобретало различную трактовку в конкретных условиях, набор возводимых объектов значительно варьировался.

В Белгородской области на комплексное строительство Салтыковской МТС Старо-Оскольского района выделялось 3 млн руб., Борчанской МТС Уразовского района – 2,5 млн руб., МТС им. Ленина Шаталовского района – 1,575 млн руб., Бубновской МТС Верхне-Михайловского района – 0,9 млн руб. (90)

Чрезвычайно сложной проблемой стало освоение выделяемых средств. В сельских районах не было строительных организаций, способных выполнить такие большие объемы работ. По решению Совета Министров СССР комплексное строительство МТС возлагалось на 20 строительных и промышленных министерств. Им поручалось в 1954 г. произвести строительство в 635 МТС страны с общим объемом работ 1 587,5 млн руб. (91)

В Белгородской области для выполнения поставленной задачи в качестве подрядчиков привлекались трест «КМА–руда» Министерства черной металлургии, СМУ–15 Министерства продовольственных товаров СССР, СМУ–2 и СМУ–3 Министерства промышленности строительных материалов, СМУ–4 Министерства тяжелого машиностроения СССР, трест «Белгородстрой» и трест № 25 Министерства строительства СССР. Со своими задачами по строительству на селе министерства не справлялись. В 1954 г. из отпущенных на комплексное строительство МТС 18,9 млн руб. были освоены лишь 13,3 млн руб. или 68 % средств. Из 132 начатых объектов в эксплуатацию введено лишь 52 стоимостью 5,9 млн руб., а 80 объектов стоимостью 7,4 млн руб. остались незавершенными. Из 9 машинно-тракторных мастерских полностью построена только одна (92).

Каковы причины столь неудачного старта строительной программы? Их несколько. Партийно-государственные постановления о широкомасштабном строительстве МТС были приняты в конце 1953-го – начале 1954-го годов. Проектные организации не успели своевременно обеспечить строительные организации технической документацией, без чего невозможно было их финансирование. Поэтому строительные работы начались только в мае – июне. Проектно-сметная документация выдавалась некомплектно и низкого качества. Нередко в ней отсутствовали некоторые конструкции или целые объекты. Управление сельского хозяйства Белгородской области даже к 1 сентября 1954 г. проектно-сметную документацию полностью не подготовило ни по одной МТС. В результате финан-

сирование строительства МТС осенью 1954 г. было приостановлено, хотя работы велись. На 1 января 1955 г. задолженность подрядным организациям по строительству МТС в Белгородской области составила 1 857 тыс. руб. (93)

Сметы на ведение строительно-монтажных работ оказались заниженными, подрядные организации в них не укладывались. По этой причине Белгородское СМУ–3, возводившее объекты в Борчанской МТС, прекратило работы (94). Нехватка строительных материалов, техники, удаленность возводимых объектов от производственной базы строительных организаций, низкая квалификация рабочих, плохая организация труда только усугубляли ситуацию (95).

В Липецкой области складывалась примерно такая же обстановка. План по строительству МТС в 1954 г. был выполнен на 68,6 %. Ни одна из подрядных организаций не справилась с заданием. Не лучше обстояли дела в МТС, которые вели строительство хозяйственным способом (96). В 1954 г. на строительстве МТС в Липецкой области не было выполнено запланированных работ более чем на 9 млн руб. Но это были явно заниженные суммы. Секретарь обкома партии К.П. Жуков просил у Министерства сельского хозяйства РСФСР на завершение строительства сумму почти втрое большую – 25,3 млн руб. (97) Руководство Липецкой области предусматривало и новое строительство в МТС. Всего же оно рассчитывало получить в 1955 г. на эти цели 35,3 млн руб. (98) Однако выделено было всего лишь 11,8 млн руб. (99) Эта сумма была более чем в два раза меньше той, что требовалась на завершение уже начатого строительства.

Сбои в реализации строительных программ в МТС носили системный характер. К выполнению такого масштабного проекта страна оказалась не готова: не хватало квалифицированных рабочих, строительных материалов и механизмов. Корреспондент газеты «Орловская правда» Н. Соколов детально обрисовал картину комплексного строительства Дросковской МТС Дросковского района Орловской области, которое вело Ливенское строительно-монтажное управление. «У стены новой мастерской разместилась группа молодых каменщиков, – пишет автор. – До конца смены осталось три с половиной – четыре часа, но люди сидят без дела – нет раствора. Так почти каждый день бывает, то кирпича нет, то камня, то раствора… Почти ничего не делается по строительству наружной теплосети и электро-

сети, канализации, водоснабжения. Нет труб, аппаратуры, электрооборудования. На стройке МТС достаточно людей, но квалификация их очень низкая. Большая часть рабочих пришла сюда, не имея специальности. Мастера, присланные управлением, также малоопытны. Достаточно сказать, что здесь нет каменщиков, которые могли бы вести кладку углов внутренних стен. ...На стройке нет механизмов. Поднос и подача кирпича на леса, подготовка и поднос раствора осуществляются вручную» (100).

Для строительных организаций министерств и ведомств подряды на возведение объектов в МТС были невыгодными, объекты находились на значительном удалении, им приходилось распылять рабочую силу, технику. При согласовании плана работ по строительству МТС на 1955 г. Министерство нефтяной промышленности СССР, Министерство тяжелого машиностроения СССР, Министерство коммунального хозяйства РСФСР, Министерство заготовок СССР, Министерство строительного и дорожного машиностроения СССР оформили свои отказы официальными письмами. Министерство электростанций СССР, осуществлявшее в 1954 г. строительство 81 МТС, соглашалось на строительство в 1955 г. только 12 МТС, отказываясь от строительства остальных предложенных 84 станций (101).

Неудовлетворительное исполнение программы строительства МТС в 1954 г. заставило правительство внести в нее существенные коррективы, в дальнейшем финансирование работ по строительству МТС сокращается. Если в 1954 г. по РСФСР в строительство МТС фактически было вложено 1 710,3 млн руб., то в 1955 г. – 1 336,1 млн руб. (102), то есть произошло сокращение на 374, 2 млн руб., или на 22 %.

В областях Черноземного Центра Российской Федерации сокращение финансирования строительства МТС произошло в еще больших объемах, приоритетными для правительства являлись районы освоения целинных и залежных земель. На финансирование строительства МТС в 1955 г. Белгородской области было выделено 13,8 млн руб. (103), Липецкой – 11,8 млн руб. (104), что составило соответственно 57,5 % и 40,3 % от ассигнований 1954 г. От идеи комплексного подхода к строительству МТС в большинстве случаев пришлось отказаться. Деньги направлялись теперь в основном на возведение ремонтных мастерских и жилого фонда. Даже начатое строительство других объектов замораживалось.

В 1955 г. в Белгородской области по 27 МТС произошла консервация объектов переходящего строительства сметной стоимостью 6,588 млн руб. В МТС им. Ленина Шаталовского района было законсервировано строительство водонапорной башни, склада запчастей, автогаража, сарая для комбайнов, сараев и уборных к жилым домам. По другим МТС в список консервации объектов строительства были включены бани, котельные, теплосети, внешняя канализация, водопровод, клубы, общежития, жилые дома (105).

Несмотря на сопротивление министерств, их отказ строить МТС руководством страны принят не был. По-прежнему основная нагрузка возлагалась на строительно-монтажные управления министерств и ведомств. В Российской Федерации в 1955 г. они должны были построить 744 МТС из 1 024, или 73 % от их количества. В Центральном Черноземье на 1955 г. выделялись средства на строительство 96 МТС. Особенность данного региона заключалась в том, что здесь 40 % строящихся МТС возводили объекты хозяйственным способом (106).

Даже при сокращении объема строительных работ подрядные строительно-монтажные организации и в 1955–1956 гг. не выполнили план по строительству МТС. Министерства и ведомства относились к возведению объектов МТС как к непрофильным, дополнительным заказам. В 1955 г. план по строительству МТС в Орловской области подрядные организации выполнили на 75 %, из 11,7 млн руб. они освоили 8,798 млн руб. Вместо 9 ремонтных мастерских в эксплуатацию было сдано только 4 (107).

Вопрос о строительстве МТС неоднократно рассматривался на заседаниях бюро Липецкого обкома КПСС. 4 октября 1956 г. бюро обкома приняло постановление «О неудовлетворительном строительстве Липецкой МТС». Строительство Липецкой МТС вел Ново-Липецкий металлургический завод – самое крупное предприятие в области. На 1 октября 1956 г. из 859 тыс. руб., отпущенных на строительство МТС, было освоено менее половины – 400 тыс. руб. Задержки в работе строители объясняли нехваткой стройматериалов. Однако при обсуждении выяснилось: до стройки МТС «не дошла» треть предназначенного кирпича и две трети лесоматериалов. Руководство завода использовало строительные материалы на нужды собственного предприятия (108).

Руководители областей не имели действенных рычагов воздействия на министерства, они неоднократно обращались за помощью в ЦК КПСС. Под воздействием ЦК партии министерства вынуждены были вести строительство МТС. Руководители строительных организаций работали «из-под палки». «Вот третий год строим МТС, – говорил секретарь обкома КПСС Г.М. Коротаев на заседании бюро Белгородского обкома партии 5 июня 1956 г., – но не построили ни одной МТС (109). Так можно 100 лет не построить. ...Почему плохо строятся МТС? Строители это считают за планом, поэтому относятся как к нагрузке обкома партии. Разве можно допустить такое положение с МТС им. Ленина Шаталовского района? Отдаленный район, трудные условия и вот третий год мусолят эту станцию. Под величайшим нажимом они эту станцию строят. Я раз 10 объяснялся по этой станции. Нажмешь – немного сделают и опять сядут» (110).

Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы машинно-тракторных станций» предусматривало обеспечить в течение 1954–1956 гг. каждую МТС ремонтной базой, а также другими основными производственными сооружениями, жилыми и культурно-бытовыми зданиями. За три года была проведена огромная работа. За это время в МТС Российской Федерации удалось ввести в эксплуатацию 1 400 ремонтных мастерских, более одного миллиона квадратных метров жилья. Однако партийно-правительственные решения не были выполнены. Из 5 548 МТС РСФСР к началу 1957 г. мастерские, удовлетворяющие требованиям ремонта, имели лишь 3 320 МТС, то есть 60 %. Только 30 % постоянных рабочих и служащих МТС были обеспечены жильем (111).

На протяжении 1954–1956 гг. многое изменилось в МТС Центрального Черноземья. За три года в Тамбовской области было построено 34 типовых ремонтных мастерских, 22 248 квадратных метров жилья, 7 бань, 69 столовых, 9 зданий приспособлено под клубы. По состоянию на 1 января 1957 г. в МТС области числилось 649 жилых домов площадью 42 773 квадратных метра, 65 общежитий площадью 8 865 квадратных метров, 57 типовых мастерских. В рассматриваемое время в МТС Тамбовской области было построено 60 % типовых мастерских и 44 % жилья. В итоге обеспеченность типовыми ремонтными мастерскими по МТС области составляла 60 %, жильем – 50 % (112).

Масштабная программа по строительству МТС, кампания освоения целинных и залежных земель, преобразование колхозов в совхозы требовали больших средств. Правительство решило сэкономить на МТС, финансирование их строительства имело тенденцию к снижению. Если в 1954 г. было вложено в строительство МТС РСФСР 1 710,3 млн руб., в 1955 г. – 1 336,1 млн руб., в 1956 г. – 1 306 млн руб., то на 1957 г. выделялось 815 млн руб. (113) Сокращение финансирования строительства МТС произошло не по причине завершения программы. Оно было связано с переменами во взглядах руководства страны на роль машинно-тракторных станций. Теперь больше внимание стало уделяться развитию совхозов (114).

Начальник управления капитального строительства Министерства сельского хозяйства РСФСР Гриднев 15 января 1957 г. направил записку в Бюро ЦК КПСС по РСФСР с разъяснением экономической нецелесообразности резкого сокращения финансирования строительства МТС. «Несмотря на обоснованность и справедливость требований, поступающих сейчас в массовом количестве с мест, МСХ РСФСР не имеет возможности не только выделить средства на строительство новых объектов, но даже вычеркнуть из титульных списков многие начатые объекты, – писал он. – Так, из 630 ремонтных мастерских, оставшихся незаконченными к началу 1957 г., МСХ РСФСР вынуждено будет законсервировать около 400 мастерских. ... На эти консервируемые объекты уже вложено около 1 миллиарда руб., а для достройки требуется 450 миллионов руб. При такой массовой консервации сельское хозяйство понесет большой ущерб не только потому, что заморозятся большие объемы капиталовложений, но и потому, что строительные организации уйдут с усадеб МТС, ликвидируют там свое хозяйство, а начатые объекты будут разрушаться и списываться в убыток как бросовые работы» (115). Но эти доводы остались без внимания.

Резкое сокращение финансирования привело к сворачиванию строительства МТС. Так, в 1957 г. в МТС Тамбовской области выделялись средства лишь на завершение строительства 2-х мастерских и на завершение капитального ремонта 6-ти мастерских (116). Кроме того, планировалось достроить 10 общежитий на 440 человек и 40 жилых домов площадью 3 000 квадратных метров. Строительство других объектов не предусматривалось (117).

Сложилась парадоксальная ситуация. Наименее обустроенные машинно-тракторные станции находились в своеобразной очереди на комплексное строительство, и потому строительство отдельных объектов в них не производилось. В 1954–1956 гг. очередь дошла далеко не до всех, а в 1957 г. программа строительства МТС сворачивалась. На 1957 г. Белгородской области на капитальное строительство МТС ассигновалось 7,6 млн руб. Выделенных средств не хватало для завершения уже начатого строительства. Руководители области просили правительство дополнительно ассигновать 900 тыс. руб. во избежание консервации жилищного строительства в МТС. Сверх того – еще 1 млн руб. на возведение общежитий в МТС, в которых планировалась комплексная застройка, но она так и не состоялась (118).

Коллективы МТС, три года ожидавшие переустройства своих станций, испытывали сильное разочарование. Чувство несправедливости и обиды сквозило в выступлении директора Кубраковской МТС Вейделовского района Потапова на собрании партактива Белгородской области в январе 1957 г. «Наша МТС была построена в 1933 г., – говорил он. – Мастерские располагались в двух небольших приспособленных помещениях. Теперь они полностью обветшали и эксплуатации не подлежат. Инспектор ЦК профсоюза т. Мальцев, затем санэпидстанция обследовали и дали заключение, что эти помещения категорически запрещается использовать для работы. Вот в таких условиях приходится работать. Из-за тесноты у нас не установлено ни отопление, ни грузоподъемные средства. Полы земляные, стены имеют сквозные трещины, потолочные перекрытия полностью прогнили и могут рухнуть. ...МТС в течение 3-х лет планируется к строительству. В 1955 г. были составлены технические расчеты, проведены изыскания, сделаны рабочие чертежи. Строительство намечено было на 1956 г. Потом запланировали его на 1957 г.» (119).

Обеспечить МТС необходимой производственной и социальной инфраструктурой в 1954–1956 гг. правительство не сумело, сроки были сдвинуты на конец 1950-х годов. В МТС Центрального Черноземья на 1 января 1958 г. числилось 215 приспособленных мастерских: в Белгородской области —31, Воронежской – 58, Курской – 47, Липецкой – 32, Орловской – 27, Тамбовской – 20 (120). Многие здания таких мастерских не подлежали дальнейшей эксплуатации. Но они использовались до тех пор, «пока гром не грянет». «Гром гре-

мел» не раз: в 1957 г. в 6 мастерских МТС Курской области произошло обрушение перекрытий (121).

* * *

В 1950-е годы в машинно-тракторных станциях стала формироваться производственная и социальная инфраструктура, адекватная решаемым задачам по организации и материально-техническому обеспечению колхозного производства. Перемены не только в МТС, но и в жизни всей колхозной деревни произошли разительные. На этот счет очень образно и точно высказался секретарь Белгородского обкома КПСС Г.М. Коротаев. «У нас по существу МТС не было до последнего времени, – говорил он на заседании бюро обкома партии в июне 1956 г. – Это были развалюшки, сарайчики, нельзя их было называть МТС. Вот только теперь ЦК решил создать приличные МТС» (122).

В средине 1950-х годов в аграрной сфере фактически стали применяться элементы промышленной культуры производства, прежде всего внедрялась поточная технология ремонта сложной сельскохозяйственной техники, ее диагностика. Для этого создавались определенные условия. Качественно изменилась производственная база многих МТС (прил. 8). Основные средства машинно-тракторных станций центрально-черноземных областей в 1951–1958 гг. увеличились в 2,8 раза и составили почти 3 734 млн руб. В среднем на одну станции на начало 1958 г. приходилось основных средств на сумму 6915 тыс. руб., или в 2,8 больше, чем в начале 1950-х годов. Обеспеченность МТС Центрального Черноземья типовыми ремонтными мастерскими на начало 1958 г. составила 67 % (123).

В конце 1940-х годов автогаражи, сараи, навесы, гаражи для тракторов, сельскохозяйственных машин и комбайнов имелись в МТС как исключение, к началу 1958 г. ситуация заметно изменилась к лучшему. В МТС Центрального Черноземья, в последний год их существования, обеспеченность автогаражами составляла 33 %, сараи, навесы, гаражи для тракторов имели 44 % станций, для сельскохозяйственных машин – 36 %, для комбайнов – 23 % (124).

В машинно-тракторных станциях в 1950-е годы невиданными прежде темпами осуществлялось не только производственное, но и жилищное, а также культурно-бытовое строительство. Особенно ак-

тивно этот процесс протекал в 1954–1956 гг. За три года в МТС СССР за счет государственных средств было введено в действие 2,2 млн квадратных метров жилой площади. С помощью государственного кредита работниками машинно-тракторных станций было построено 3,8 млн квадратных метров жилья (125). Таким образом, всего в МТС по стране в 1954–1956 гг. было построено государством и индивидуальными застройщиками при помощи государства 6 млн квадратных метров жилья.

В указанный период сравнительно много строилось жилья и в МТС Центрального Черноземья. К началу 1958 г. на балансе МТС центрально-черноземных областей числилось 3 866 жилых зданий, в том числе 392 общежития. В них проживало в общей сложности 30 740 человек. В среднем на одну станцию приходилось 7 домов и общежитий. Жилищная проблема в МТС, как и в целом в стране, решена не была. Общежития имелись только в 7 МТС из 10 (126).

Жилищное строительство в МТС велось не только за счет государства. Всячески поощрялось индивидуальное жилищное строительство. На индивидуальное жилищное строительство в 1954–1956 гг. работникам МТС государство ежегодно предоставляло кредит на сумму 450 млн руб. Однако было использовано всего лишь 853,5 млн руб. кредитных средств, или 63 %. Использование кредитных средств сдерживалось отсутствием строительных материалов. Народнохозяйственные планы предусматривали выделение строительных материалов на сумму отпускаемых кредитов, не учитывая собственных средств застройщиков, размеры которых значительно превысили отпущенные ссуды и составляли ежегодно не менее 500 млн руб. (127)

Комплексное строительство МТС в середине 1950-х годов стало знаковым событием в советской деревне. Оно поднимало социальную инфраструктуру сельских поселений на качественно новый уровень: в квартирах и частных домах появились водопровод, простейшая канализация, электрическое освещение. Большинство руководителей и специалистов МТС проживали в благоустроенных квартирах и домах. На 1 января 1956 г. в МТС Российской Федерации имелось 2 649 тыс. квадратных метров жилой площади, на которой проживало 444 тыс. работников из 1 486 тыс., или почти 30 % (128). В машинно-тракторных станциях Центрального Черноземья обеспеченность жилой площадью работников различалась. МТС Курской области на начало

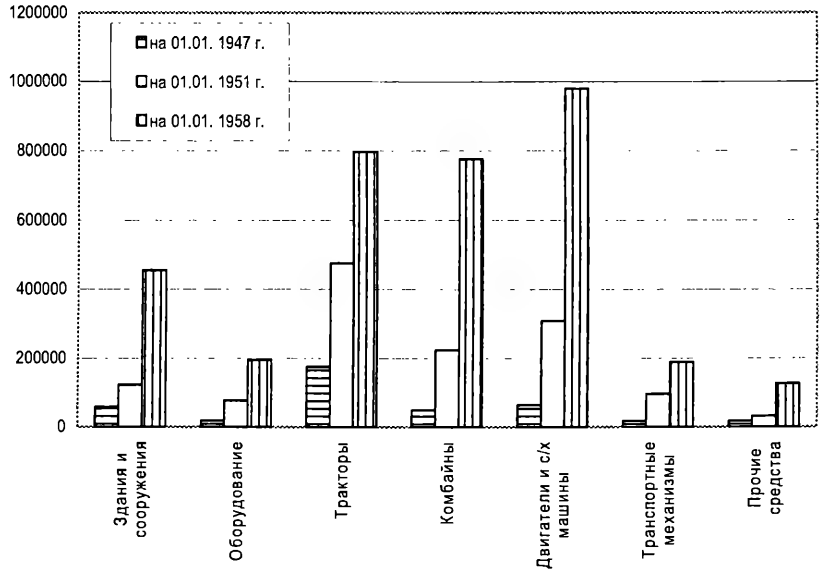
1957 г. обеспечивали свои потребности в жилой площади на 25–30 % (129), Тамбовской – на 50 % (130).

В 1950-е годы произошли значительные количественные и качественные изменения в составе основных средств машинно-тракторных станций Центрального Черноземья (прил. 4 и 9). Следует обратить внимание на опережающий рост стоимости основных фондов жилищного и культурно-бытового назначения. Причем рост произошел в абсолютных и относительных величинах. За 7 лет стоимость основных средств жилищного и культурно-бытового назначения в МТС центрально-черноземных областей выросла в 5,9 раза. Их доля в структуре основных фондов МТС увеличилась с 2,4 % до 5,2 %, то есть более чем вдвое. Основные средства производственного назначения МТС Центрального Черноземья в рассматриваемое время увеличились в 2,6 раза. В этот период правительство стремилось сбалансировать структуру основных элементов производственных фондов с целью приведения в соответствие машинно-тракторного парка МТС и материально-техническую базу их ремонта и обслуживания. В первую очередь это проявилось в ускоренном росте стоимости основных фондов, выраженных в зданиях и сооружениях. Их стоимость выросла в 3,7 раза. Также значительно выросла стоимость оборудования зданий и сооружений – в 2,5 раза. Указанный рост иллюстрирует графически диаграмма 1.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что в составе основных производственных фондов МТС появляется отдельная группа «машины и оборудование по животноводству». Хотя ее доля в составе фондов производственного назначения составляет менее одного процента (131). Темпы роста основных фондов МТС Центрального Черноземья, аккумулированных в оборудовании, тракторах, комбайнах и сельскохозяйственных машинах сильно различаются. Это связано не только с государственной политикой по оптимизации структуры материально-технической базы сельского хозяйства, но и с отвлечением значительных ресурсов в районы освоения целинных и залежных земель. Так, в 1950-е годы в МТС балансовая стоимость тракторов увеличилась в 1,6 раза, транспорта – в 2 раза, машин и инвентаря по растениеводству – в 3,1 раза, комбайнов – в 3,5 раза (132).

Диаграмма 1

Динамика изменения стоимости основных фондов производственного назначения МТС Центрального Черноземья в 1946–1957 гг.



Указанные изменения в стоимости основных фондов производственного назначения МТС Центрального Черноземья в 1950-е годы привели к переменам в их структуре (прил. 10). Положительную динамику в своем развитии получили почти все основные фонды производственного назначения, за исключением тех, которые приходятся на тракторы и транспортные механизмы. Основные средства, выраженные в зданиях и сооружениях, выросли на 3,7 пункта, в оборудовании – на 0,4, в комбайнах – на 5,4, в двигателях и сельскохозяйственных машинах – на 4,0. Наиболее резко понизился удельный вес стоимости фондов, аккумулированных в тракторах, – почти на 13 пунктов (133). Сложившееся положение нельзя объяснить перенасыщенностью МТС тракторами к началу 1950-х годов и перераспределением ресурсов на другие элементы структуры производственных фондов. Напротив. Наличие тракторов в МТС страны не обеспечи-

вало потребности колхозного производства. Ситуация обострилась в период освоения целинных и залежных земель.

1 февраля 1954 г., перед началом целинной кампании, министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов направил первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву служебную записку, в которой обратил особое внимание на недостаток пропашных тракторов в МТС. Недостаток тракторов не позволял проводить в колхозах механизированную междурядную обработку многих сельскохозяйственных культур. При потребности МТС СССР в 270 тыс. пропашных тракторов на начало 1954 г. их было в наличии 115 тыс., или 43 %. Особый недостаток пропашных тракторов отмечался в МТС Сибири, Дальнего Востока, Урала, Черноземного Центра, Белоруссии, Украины и Молдавии. В частности, в МТС центрально-черноземных областей на начало 1954 г. при потребности в 19,1 тыс. пропашных тракторов насчитывалось лишь 8,1 тыс., или 42 % (134).

Недостаток пропашных тракторов в МТС страны, указывает И.А. Бенедиктов, составляет 155 тыс. единиц. Производственные мощности заводов отечественной промышленности не позволяли произвести такое количество машин в ближайшие 2–3 года. Министерство сельского хозяйства СССР просило ЦК КПСС разрешить переоборудовать 155 тыс. колесных тракторов «СХТЗ» в универсальные пропашные (135). Просьба была отклонена на том основании, что тракторы «СХТЗ» работают в сельском хозяйстве 17–20 лет, а их использование на пахоте, посеве и культивации пропашных культур потребует в течение года минимум двукратной разборки и сборки в полевых условиях. Это может привести к быстрому выходу машин из строя (136).

К 1954 г. машинно-тракторный парк МТС Центрального Черноземья не обеспечивал выполнения сельскохозяйственных работ в агротехнические сроки. Объем тракторных работ постоянно увеличивался в связи с расширением посевов технических культур – сахарной свеклы, подсолнечника, а впоследствии и кукурузы. За 1953 г. МТС Воронежской области получили новых тракторов в пересчете на 15-ти сильные 806 единиц и зерноуборочных комбайнов – 261. В то же время было списано с баланса 510 тракторов и 138 комбайнов. В итоге прирост численности тракторного парка МТС области в 1953 г. составил всего лишь 296 условных машин и комбайнового – 123 (137).

Машинно-тракторный парк МТС нуждался в кардинальном обновлении и пополнении. На 1 января 1954 г. в МТС Воронежской области числилось 7556 действующих физических тракторов, или 11260 тракторов в переводе на 15-ти сильные. Из этого количества 4072 трактора, или 36,2 %, составляли колесные тракторы в основном довоенного выпуска – «СХТЗ» и «Универсал», 2214 единиц, или 19,6 %, – гусеничные тракторы устаревших марок, снятых с производства к этому времени. Из 2878 условных 15-ти футовых зерноуборочных комбайнов машин старых марок было 1109, или 38,5 % от их общего количества. При таком раскладе сезонная нагрузка уборочной площади зерновых и эфиромасличных культур на один комбайн составляла 452 гектара, а уборка зерновых растягивалась на 30–35 рабочих дней (138). МТС Воронежской области к началу 1954 г. нуждались в срочном пополнении машинно-тракторного парка, а также в обновлении более половины тракторов и более трети комбайнов.

1 февраля 1954 г. первый секретарь Воронежского обкома КПСС Н. Игнатов и председатель облисполкома В. Корнеев обратились в ЦК КПСС с просьбой о выделении в текущем году для МТС области 600 пахотных тракторов «ДТ–54» с плугами, 1 тыс. пропашных тракторов, 700 зерноуборочных комбайнов, 1 тыс. зерновых узкорядных сеялок, 3,2 тыс. культиваторов различного типа и некоторых других машин и механизмов (139). Но начиналась «целинная лихорадка». Поэтому МТС Воронежской области в 1954 г. не было выделено ни одного пахотного трактора, ни одного зерноуборочного комбайна, ни одной зерновой сеялки. Запросы по другим позициям были удовлетворены не полностью (140).

Экономика колхозов напрямую зависела от машинно-тракторных станций, от состояния их материально-технической базы. В 1954 г. в МТС Центрального Черноземья машинно-тракторный парк практически не пополнялся. Вся сельскохозяйственная техника отправлялась в районы освоения целинных и залежных земель. Липецкие колхозы в регионе выделялись как наименее обеспеченные сельскохозяйственной техникой и инвентарем. В состав Липецкой области были включены периферийные районы Воронежской, Курской, Орловской и Рязанской областей. Фактор удаленности играл немаловажную роль в функционировании всей системы централизованного

снабжения и распределения, что отразилось на оснащенности липецких МТС. Колхозы Липецкой области были одними из самых бедных в стране. Вместе с распределенными на трудодни продуктами, пересчитанными по государственным розничным ценам, средний заработок трудоспособного колхозника Липецкой области в 1954 г. составил 908 руб. Меньше зарабатывали только колхозники Рязанской области – по 904 руб. (141).

В таком положении липецкие колхозы оказались не случайно. Машинно-тракторный парк МТС Липецкой области не обеспечивал выполнение основных агротехнических мероприятий в колхозах. Отсюда и низкая производительность труда, и низкие доходы. Руководство Липецкой области неоднократно обращалось с просьбами о помощи в центральные органы власти. В записке на имя министра сельского хозяйства РСФСР П.П. Лобанова от 4 января 1955 г. первый секретарь Липецкого обкома КПСС К. Жуков отмечал недопустимо высокую нагрузку, с которой работала техника МТС. В соответствии с планом тракторных работ на 1955 г. нагрузка на один условный 15-ти сильный трактор составляла 614 га мягкой пахоты (142).

В МТС Липецкой области остро недоставало сельскохозяйственного инвентаря. При нормативной нагрузке на один универсальный культиватор 80 га физической площади (143) в МТС Липецкой области в 1954 г. она составила 636 га и превысила норму почти в 8 (!) раз. Средняя сезонная нагрузка на один зерноуборочный комбайн в МТС также превышала все допустимые нормы (144) и достигла в 1954 г. 526 га на один 15-ти футовый комбайн (145).

Липецкий обком КПСС просил Министерство сельского хозяйства РСФСР удовлетворить самые неотложные нужды МТС области в сельскохозяйственной технике (прил. 11). МТС Липецкой области получили лишь малую часть их минимальной потребности в технике. Заявка на поставку тракторов была удовлетворена на 30 %, зерноуборочных комбайнов – на 38 %, пропашных культиваторов – на 73 %, свеклокомбайнов – на 7 %, зерноочистительных машин – на 18 %, веялок и сортировок – на 5 % и т. д. При этом пропашные тракторы «КДП–35», тракторы «ХТЗ–7», зерновые сеялки, самоходные сенокосилки, подборщики оказались вычеркнутыми из списка (146).

В разгар «целинного штурма» система снабжения техникой МТС традиционных районов земледелия была парализована. Ради полу-

чения миллиарда пудов казахстанского хлеба Н.С. Хрущев не останавливался ни перед чем. Состояние машинно-тракторного парка МТС Центрального Черноземья в середине 1950-х годов даже ухудшилось по сравнению с 1953 г. Положение МТС Центрального Черноземья по обеспеченности сельскохозяйственной техникой иллюстрируют материалы по Липецкой области. В очередном обращении в ЦК КПСС от 7 июня 1956 г. первый секретарь обкома партии К.П. Жуков информирует о том, что МТС области «за последние три года совершенно не получали зерновых сеялок», имеющиеся из-за длительной эксплуатации находятся в плохом техническом состоянии. Положение с тракторными плугами грозило катастрофой. В липецких МТС не доставало 467 5-ти корпусных плугов для тракторов «СХТЗ–НАТИ», «ДТ–54» и «ЧТЗ С–80», а из-за отсутствия 3-х корпусных плугов 1 100 тракторов «КДП–35» и «Беларусь» не могли участвовать в пахоте (147).

В 1954–1956 гг. поступление сельскохозяйственной техники в МТС Центрального Черноземья не компенсировало ее выбраковку. В результате по многим позициям количество техники на колхозных полях резко сократилось. К примеру, в указанный период МТС Тамбовской области получили всего лишь 629 тракторных плугов различного типа, 75 зерновых сеялок и некоторое количество иной техники. В итоге наличие плугов в тамбовских МТС с 1953 по 1956 гг. уменьшилось на 1 060 единиц – с 7 160 до 6 100, или на 15 % (148). В МТС Воронежской области похожая картина: в 1956 г. поступило 379 зерновых сеялок, а списано с баланса – 408, плугов – соответственно 340 и 504 (149).

Итоги 1956 г. для многих МТС Центрального Черноземья оказались неутешительными. Начальник статистического управления Курской области Старков подготовил подробную справку о состоянии машинно-тракторного парка МТС Курской области к началу 1957 г. Положение характеризовалось как тревожное. В 1956 г. в МТС Курской области произошла выбраковка большого количества тракторов, устаревших марок. Но поступившие новые машины по своей мощности не покрывали убыли. По этой причине мощность тракторного парка МТС за год уменьшилась с 187,3 тыс. л. с. до 183,6 тыс. л. с., то есть на 3,7 тыс. л. с., или на 2 % (150).

По итогам 1956 г. Н.С. Хрущев чувствовал себя триумфатором, на целине был получен рекордный урожай. За этот успех руководи-

тель партии получил орден Ленина и золотую звезду Героя Социалистического труда. В центрально-черноземной деревне царила отнюдь не праздничная атмосфера. Техника на колхозных полях изнашивалась и выходила из строя, ее пополнение не производилось. Заявки руководства областей Центрального Черноземья на завоз сельскохозяйственной техники в машинно-тракторные станции в 1957 г. выглядели как «SOS» (151). Парадокс данной ситуации заключается не только в том, что для реализации программы освоения целинных и залежных земель потребовались огромные материально-технические ресурсы. Суть в другом: отечественная промышленность не обеспечивала производство сельскохозяйственной техники в необходимом ассортименте и количестве. Целинная эпопея лишь усугубила ситуацию.

Выполнение объемов сельскохозяйственных работ достигалось за счет увеличения сроков их проведения. В колхозах и совхозах Российской Федерации в 1957 г. трактор использовался примерно в течение 2 –2,1 тыс. часов, или в четыре раза интенсивнее, чем в Англии. По данным института экономики Министерства сельского хозяйства СССР, на одинаковую площадь пашни приходилось тракторов в Англии в 8,8 раза, в США почти в 3,5 раза больше, чем в РСФСР. Аналогичная картина по тракторным сеялкам. Тракторных сеялок на равную площадь в РСФСР имелось меньше, чем в Англии в 6,8 раза, во Франции – в 7 раз. Схожая ситуация сложилась по зерноуборочным комбайнам. Насыщенность зерноуборочными комбайнами в США оказалась в 3 раза больше, чем в РСФСР, а с учетом тракторных сноповязалок – в 4 раза. В Англии (с учетом сноповязалок) уборочных средств имелось в 7,5 раз больше, чем в РСФСР, во Франции – примерно в 10 раз (152).

В сельском хозяйстве страны в середине 1950-х годов сложился дисбаланс между тракторами и почвообрабатывающей техникой. Особенно остро не хватало 5-ти корпусных плугов. Просчеты допускались еще на стадии планирования. Потребность в тракторных плугах общего назначения планирующими органами исчислялась из расчета один 5-ти корпусной плуг на трактор «ДТ–54» и два плуга на трактор «ЧТЗ С–80». Исходя из этого соотношения, производилась поставка плугов. Однако, фактический срок амортизации плуга на 1–2 года меньше, чем трактора. В связи с этим значительное ко-

личество гусеничных тракторов не имело плугов. На начало 1958 г. разрыв составил примерно 20 тыс. плугов. По расчетам специалистов, на каждые 100 тракторов следовало выделять не менее 120 плугов. Промышленность производила недостаточное количество лущильников, культиваторов и других сельскохозяйственных орудий. Обеспеченность дисковыми лущильниками составляла по РСФСР 45 % от потребности, паровыми культиваторами – 44 % (153).

Недостаточное количество производимой в стране сельскохозяйственной техники, перераспределение ее в районы освоения целинных и залежных земель отразились на замедлении темпов роста численности машин и инвентаря в МТС Центрального Черноземья в 1950-е годы, а по некоторым позициям показатели даже ухудшились. Положительная динамика сложилась в основном за счет поставок техники в 1951–1953 гг. (154) и в 1957 г. В машинно-тракторных станциях центрально-черноземных областей в 1950-е годы произошло значительное увеличение численности свеклоуборочных и зерновых комбайнов – соответственно в 5,6 и 2,3 раза, свекловичных сеялок – в 3,2 раза, культиваторов – в 2,6 раза, зерновых сеялок – в 1,9 раза. Энергетические мощности сельскохозяйственного производства выросли незначительно: численность тракторов поднялась на 16 %, а их мощность – на 31 %. При этом МТС постоянно испытывали дефицит почвообрабатывающих орудий. За 7 лет количество тракторных плугов выросло всего на 9 %. Положение с лущильниками даже ухудшилось: их численность сократилась на 13 % (155).

Таким образом, развитие материально-технической базы машинно-тракторных станций Центрального Черноземья в 1950-е годы имело ряд отличий в сравнении с предшествующим периодом. Оно происходило неравномерно. Если в 1951–1953 гг. объемы поступлений сельскохозяйственной техники определялись возможностями ее производства, то в период массового освоения целинных и залежных земель 1954–1956 гг. приток машин и сельскохозяйственного инвентаря в МТС настолько сократился, что не всегда компенсировал их убыль. В результате машинно-тракторные станции не располагали материально-техническими ресурсами, позволяющими выполнять полевые работы в колхозах в агротехнические сроки. Также непоследовательно осуществлялась программа строительства МТС в 1950-е годы. Одни МТС получили в свое распоряжение комплекс

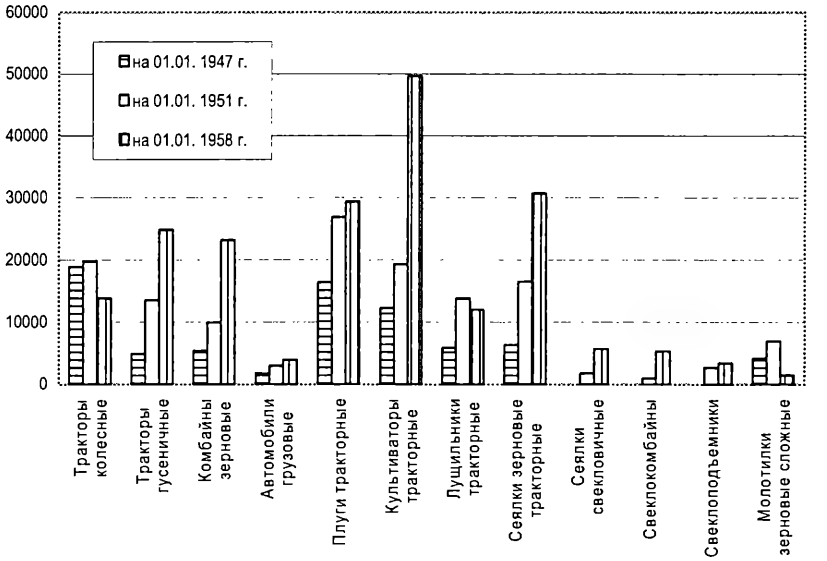
необходимых зданий и сооружений, в то время как до других очередь не дошла.

* * *

В послевоенное время МТС Центрального Черноземья значительно укрепили свою материально-техническую базу (диаграмма 2). На колхозных полях к 1958 г. работало большое количество машин и разнообразной сельскохозяйственной техники. Но рост численности машинно-тракторного парка и сельскохозяйственного инвентаря в МТС региона происходил неравномерно на протяжении рассматриваемого периода. В поступательном развитии машинно-тракторной базы произошел некий разрыв в 1954–1956 гг. (156), когда все внимание руководство страны уделяло освоению целинных и залежных земель в восточных районах страны.

Диаграмма 2

Наличие сельскохозяйственных машин и инвентаря в МТС Центрального Черноземья в 1946–1957 гг.



Директивное планирование и распределение сельскохозяйственной техники не учитывало потребности колхозного производства, государство «экономило» средства. В результате нагрузка на машинно-тракторный парк МТС в 2–3 раза превышала норму. Положение усугублялось тем, что структура парка машин и сельскохозяйственного инвентаря оказалась разбалансированной. Имеющиеся тракторы не были обеспечены прицепными и навесными орудиями. МТС на протяжении всего послевоенного периода испытывали острую нехватку автотранспорта.

Но в то же время в МТС создавалась производственная и социальная инфраструктура. Особенно активно этот процесс протекал в 1954–1956 гг. К сожалению, он не получил завершения, что в конечном итоге снижало эффективность масштабной программы строительства МТС. Задача партии по обеспечению машинно-тракторных станций комплексом необходимых зданий и сооружений оказалась невыполненной. Тем не менее, многое удалось сделать. Это позволило поднять производительность труда, улучшить условия труда и жизни в МТС и сделать их более привлекательными для сельского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–1980-х годов // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 96–97.

2. Подсчитано по сводным годовым отчетам МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1940 и 1947 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 206. – Л. 256; Ед. хр. 209. – Л. 24, 52; Оп. 14. – Ед. хр. 116. – Л. 43; Оп. 15. – Ед. хр. 29. – Л. 95об., 252об.; Ед. хр. 34. – Л. 40об.; Ед. хр. 50. – Л. 27об.

3. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 206. – Л. 256; Оп. 15. – Ед. хр. 50. – Л. 27об. (Сокращение жилой площади МТС Орловской области отчасти произошло вследствие выделения из ее состава районов, вошедших в состав образованной в 1944 г. Брянской области).

4. Подсчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 95об., 96об., 99; Ед. хр. 48. – Л. 55об., 56об., 58; Ед. хр. 150. – Л. 137, 140об., 141об.; Ед. хр. 255. – Л. 108об., 110об., 113; Оп. 15. – Ед. хр. 21. – Л. 182, 184.

5. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 5242. – Л. 34.

6. Там же. – Л. 71.

7. *Волков И.М.* Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 годах. – М., 1972. – С. 25.

8. ЦДНИЛО. – Ф. 65. – Оп. 1. – Ед. хр. 204. – Л. 30.

9. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 91.

10. Производство тракторов «СТЗ–ХТЗ» в СССР было прекращено с 1937 г., «Универсал» – с 1940 г., «ЧТЗ Сталинец–60» – с 1938 г., гусеничного дизельного трактора «ЧТЗ Сталинец–65» и газогенераторного «ЧТЗ Сталинец–Г65» – с 1942 г., а газогенераторного трактора «ХТЗ–Т2Г» с 1941 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 3974. – Л. 115–122.

11. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 3974. – Л. 117.

12. *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства в 1946–1958 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.) / Отв. ред. И.М. Волков. – М., 1972. – С. 77.

13. Подсчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 95об., 96об., 99; Ед. хр. 48. – Л. 55об., 56об., 58; Ед. хр. 150. – Л. 137, 140об., 141об.; Ед. хр. 255. – Л. 108об., 110об., 113; Оп. 15. – Ед. хр. 21. – Л. 182, 184.

14. Там же.

15. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 80.

16. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г. Данные по обеспеченности культиваторами и сложными зерновыми молотилками приведены по состоянию на 1 января 1948 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 95об., 96об., 101об., 107; Ед. хр. 48. – Л. 55об., 56об., 60об., 65; Ед. хр. 150. – Л. 131, 135об., 140об., 141об.; Ед. хр. 255. – Л. 108об., 110об., 115об., 120; Оп. 15. – Ед. хр. 21. – Л. 182, 184.

17. *Вылцан М.А.* Указ. соч. – С. 81.

18. Подсчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 2–2об., 19; Ед. хр. 314. – Л. 1–1об., 19; Ед. хр. 347. – Л. 1–1об., 17; Ед. хр. 373. – Л. 137, 153.

19. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 19; Ед. хр. 314. – Л. 19; Ед. хр. 373. – Л. 153; Ед. хр. 347. – Л. 17.

20. Там же.

21. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 29. – Л. 143–144.

22. Подсчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 2об.; Ед. хр. 314. – Л. 1об.; Ед. хр. 347. – Л. 1об.; Ед. хр. 373. – Л. 137.

23. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1304. – Л. 58.

24. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 347. – Л. 1 об.

25. ГАВО. – Ф. Р–1766. – Оп. 1. – Ед. хр. 3156. – Л. 6.

26. Там же. – Л. 5.

27. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 24. – Ед. хр. 31. – Л. 47.

28. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 7709. – Л. 14.

29. *Хисамутдинова Р.Р.* Аграрная политика Советского государства после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). – Оренбург, 2003. – С. 113.

30. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 7910. – Л. 7.

31. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – В 5 Т. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. – Т. 3. 1941–1952. – М., 1968. – С. 412–413.

32. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 5. – Ед. хр. 819. – Л. 133.

33. Там же. – Ед. хр. 1. – Л. 194.

34. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 819. – Л. 133.

35. Там же. – Ед. хр. 29. – Л. 122–123.

36. Там же. – Ед. хр. 819. – Л. 133.

37. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1304. – Л. 55.

38. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8857. – Л. 64.

39. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 и 1950 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 99; Ед. хр. 48. – Л. 58; Ед. хр. 150. – Л. 137; Ед. хр. 255. – Л. 113; Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 19; Ед. хр. 314. – Л. 19; Ед. хр. 373. – Л. 153; Ед. хр. 347. – Л. 17.

40. ГАТО. – Ф. Р–3559. – Оп. 1. – Ед. хр. 3040. – Л. 11.

41. Там же. – Л. 11, 20.

42. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 и 1950 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 99; Ед. хр. 48. – Л. 58; Ед. хр. 150. – Л. 137; Ед. хр. 255. – Л. 113; Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 19; Ед. хр. 314. – Л. 19; Ед. хр. 373. – Л. 153; Ед. хр. 347. – Л. 17.

43. Темпы роста мощности тракторного парка МТС Центрального Черноземья в 1946–1950 гг. оказались ниже общесоюзных показателей. По МТС СССР мощность тракторного парка в этот период выросла почти вдвое // *Волков И.М.* Указ. соч. – С. 44.

44. Там же.

45. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 и 1950 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 99; Ед. хр. 48. – Л. 58; Ед. хр. 150. – Л. 137; Ед. хр. 255. – Л. 113; Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 19; Ед. хр. 314. – Л. 19; Ед. хр. 373. – Л. 153; Ед. хр. 347. – Л. 17.

46. По существовавшим нормативам, полагалось иметь на каждый трактор плуг, на два колесных трактора культиватор и сеялку, а на трактор «Универсал – 2» культиватор и сеялку, и на три колесных трактора – прицепной комбайн, молотилку и лущильник // ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 3. – Ед. хр. 1035. – Л. 126–127.

47. ГАКО. – Ф. Р–3168. – Оп. 2. – Ед. хр. 773. – Л. 15.

48. *Волков И.М.* Указ. соч. – С. 37–38.

49. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 3982. – Л. 9.

50. Там же. – Ед. хр. 7184. – Л. 119.

51. Там же. – Ед. хр. 4196. – Л. 157.

52. Там же. – Л. 153.

53. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 177. – Л. 15–21.

54. Во второй половине 1940-х годов в серийное производство были запущены тракторы «ДТ–54», «С–80», «КД–35», «КДП–35», «ХТЗ–7», комбайны «Сталинец – 6» и т. д.

55. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1188. – Л. 23.

56. Посчитано по сводным годовым отчетам МТС Тамбовской области за 1947 и 1950 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 34. – Л. 15; Ед. хр. 347. – Л. 21–21об.

57. Там же.

58. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 23.

59. См.: *Хисамутдинова Р.Р.* Указ. соч. – С. 46.

60. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1940 и 1950 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 206. – Л. 233, 235; Ед. хр. 209. – Л. 15, 16, 41, 42; Оп. 14. – Ед. хр. 116. – Л. 41, 42; Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 23–23об., 27об.–28; Ед. хр. 314. – Л. 25–25об., 29об.–30; Ед. хр. 347. – Л. 157–157об., 159об.–160; Ед. хр. 373. – Л. 21–21об., 23об.–25.

61. *Хисамутдинова Р.Р.* Указ. соч. – С. 45.

62. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1940 и 1950 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 206. –

Л. 233, 235; Ед. хр. 209. – Л. 15, 16, 41, 42; Оп. 14. – Ед. хр. 116. – Л. 41, 42; Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 23–23об., 27об.–28; Ед. хр. 314. – Л. 25–25об., 29об.–30; Ед. хр. 347. – Л. 157–157об., 159об.–160; Ед. хр. 373. – Л. 21–21об., 23об.–25.

63. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 2, 23–23об., 27об.–28; Ед. хр. 314. – Л. 1–1об., 25–25об., 29об.–30; Ед. хр. 347. – Л. 1–1об., 21–21об., 23об.–25; Ед. хр. 373. – Л. 137–138, 157–160.

64. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 и 1950 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 95об., 96об., 101об., 107; Ед. хр. 48. – Л. 55об., 56об., 60об., 65; Ед. хр. 150. – Л. 131, 135об., 140об., 141об.; Ед. хр. 255. – Л. 108об., 110об., 115об., 120; Оп. 15. – Ед. хр. 21. – Л. 182, 184; Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 2, 23–23об., 27об.–28; Ед. хр. 314. – Л. 1–1об., 25–25об., 29об.–30; Ед. хр. 347. – Л. 1–1об., 21–21об., 23об.–25; Ед. хр. 373. – Л. 137–138, 157–160.

65. Там же.

66. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 5. – Ед. хр. 170. – Л. 3–5.

67. *Овечкин В.В.* Районные будни // Собр. соч. – В 3-х т. – Т. 2. – М., 1989. – С. 53.

68. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1304. – Л. 58.

69. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 91. – Л. 145.

70. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 9855. – Л. 25.

71. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1198. – Л. 80–81.

72. ГАКО. – Ф. Р–3168. – Оп. 2. – Ед. хр. 1334. – Л. 53.

73. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2186. – Л. 28.

74. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 27. – Ед. хр. 288. – Л. 127.

75. ГАТО. – Ф. Р–3539. – Оп. 1. – Ед. хр. 4377. – Л. 53.

76. Там же. – Л. 54–55.

77. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – М., 1968. – С. 48–49.

78. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 8. – Ед. хр. 8. – Л. 79.

79. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 28. – Ед. хр. 839. – Л. 149.

80. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 3. – Ед. хр. 84. – Л. 16.

81. ГАТО. – Ф. Р–3539. – Оп. 1. – Ед. хр. 4377. – Л. 58.

82. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 28. – Ед. хр. 839. – Л. 149; ГАТО. – Ф. Р–3539. – Оп. 1. – Ед. хр. 4377. – Л. 58.

83. *Ветвицкий Б.* Планирование и застройка усадеб МТС // МТС. – 1954. – № 4. – С. 21–22.

84. ГАТО. – Ф. Р–3539. – Оп. 1. – Ед. хр. 4377. – Л. 58.

85. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – М., 1958. – С. 109.

86. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 3781. – Л. 35.

87. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Ед. хр. 129. – Л. 68.

88. ГАТО. – Ф. Р–3559. – Оп. 1. – Ед. хр. 4560. – Л. 9–10.

89. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 119. – Л. 69.

90. Там же.

91. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 3833. – Л. 91.

92. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 119. – Л. 69.

93. Там же. – Л. 70–71.

94. Там же. – Л. 76.

95. ГАБО. – Ф. Р–17. – Оп. 1. – Ед. хр. 640. – Л. 29.

96. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 3. – Ед. хр. 84. – Л. 16.

97. В 1954 г. в МТС Липецкой области также была произведена закладка фундаментов 11 ремонтных мастерских, которые первоначально планировалось сдать в эксплуатацию в 1955 г. // ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Ед. хр. 129. – Л. 68.

98. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 3. – Ед. хр. 84. – Л. 28–29.

99. Там же. – Л. 16.

100. Орловская правда. –1954. – 11 августа.

101. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 24. – Л. 159–159.

102. Там же. – Оп. 46. – Ед. хр. 116. – Л. 148.

103. ГАБО. – Ф. Р–17. – Оп. 1. – Ед. хр. 640. – Л. 14.

104. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 3. – Ед. хр. 84. – Л. 16.

105. ГАБО. – Ф. Р–17. – Оп. 1. – Ед. хр. 640. - Л. 45–48.

106. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 3833. – Л. 59–61.

107. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 152. – Л. 31–32.

108. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 4. – Ед. хр. 65. – Л. 73, 75.

109. Имеется в виду завершение строительства всего комплекса объектов МТС.

110. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 268. – Л. 78–80.

111. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 116. – Л. 147–148.

112. ГАТО. – Ф. Р–3559. – Оп. 1. – Ед. хр. 4941. – Л. 4.

113. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 116. – Л. 148.

114. Там же. – Ед. хр. 164. – Л. 1.

115. Там же. – Л. 3.

116. ГАТО. – Ф. Р–3539. – Оп. 1. – Ед. хр. 5080. – Л. 32.

117. Там же. – Ед. хр. 4941. – Л. 5.

118. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 450. – Л. 39.

119. Там же. – Ед. хр. 411. – Л. 105.

120. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 1295. – Л. 112, 203; Ед. хр. 1297. – Л. 35, 71, 253; Ед. хр. 1298. – Л. 241.

121. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 190. – Л. 135.

122. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 268. – Л. 78.

123. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей за 1957 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 1295. – Л. 96, 112, 186, 203; Ед. хр. 1297. – Л. 19, 35, 63, 71, 237, 253; Ед. хр. 1298. – Л. 225, 241.

124. Там же.

125. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 142. – Л. 130.

126. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей за 1957 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 1295. – Л. 96, 112, 186, 203; Ед. хр. 1297. – Л. 19, 35, 63, 71, 237, 253; Ед. хр. 1298. – Л. 225, 241.

127. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 45. – Ед. хр. 142. – Л. 130.

128. Там же. – Оп. 46. – Ед. хр. 116. – Л. 148.

129. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2725. – Л. 27.

130. ГАТО. – Ф. Р–3539. – Оп. 1. – Ед. хр. 4941. – Л. 4.

131. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Центрального Черноземья за 1950 и 1957 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 19; Ед. хр. 314. – Л. 19; Ед. хр. 373. – Л. 153; Ед. хр. 347. – Л. 17; Ед. хр. 1295. – Л. 104об., 194об.; Ед. хр. 1297. – Л. 27об., 63об., 245об.; Ед. хр. 1298. – Л. 233об.

132. Там же.

133. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 и 1957 гг., а также Белгородской и Липецкой областей за 1957 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 19; Ед. хр. 314. – Л. 19; Ед. хр. 373. – Л. 153; Ед. хр. 347. – Л. 17; Ед. хр. 1295. – Л. 104об., 194об.; Ед. хр. 1297. – Л. 27об., 63об., 245об.; Ед. хр. 1298. – Л. 233об.

134. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 23. – Л. 28–29.

135. Там же. – Л. 30.

136. Там же. – Л. 35.

137. Там же. – Ед. хр. 25. – Л. 69.

138. Там же. – Л. 70.

139. Там же. – Л. 71.

140. Там же.

141. Там же. – Ед. хр. 111. – Л. 82.

142. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 3. – Ед. хр. 84. – Л. 24.

143. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 143. – Л. 4.

144. Советские эксперты определяли нормативную нагрузку на один условный 15-ти футовый зерновой комбайн в 80–100 га уборочных площадей // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 201. – Л. 11–12

145. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 3. – Ед. хр. 84. – Л. 24, 30.

146. Там же. – Оп. 4. – Ед. хр. 75. – Л. 158–160.

147. Там же.

148. Там же. – Л. 78–80.

149. ГАВО. – Ф. Р–1766. – Оп. 1. – Ед. хр. 3312. – Л. 3.

150. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2725. – Л. 27–25.

151. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 189. – Л. 10–11; ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 58. – Ед. хр. 178. – Л. 55.

152. РГАНИ. – Ф.5. – Оп. 46. – Ед. хр. 201. – Л. 11–12, 14–15.

153. Там же. – Л. 58–60.

154. О масштабах пополнения сельскохозяйственной техникой МТС Центрального Черноземья в начале 1950-х годов свидетельствуют данные по Орловской области. В 1951 г. МТС этой области получили 2847 условных 15-ти сильных тракторов, 750 зерноуборочных комбайнов, 210 молотилок, 1 748 ссялок, 1 101 культиватор и многое другое. // ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 3. – Л. 22.

155. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей за 1957 г. // РГАЭ. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 23–23об., 27об.–28; Ед. хр. 314. – Л. 25–25об., 29об.–30; Ед. хр. 347. – Л. 157–157об., 159об.–160; Ед. хр. 373. – Л. 21–21об., 23об.–25; Ед. хр. 1295. – Л. 109об.–111, 200об.–202; Ед. хр. 1297. – Л. 32об.–34, 68об.–70, 250об.–252; Ед. хр. 1298. – Л. 238об.–240.

156. В ряде обобщающих работ советского периода отмечается увеличение поставок техники для сельского хозяйства центрально-черноземных областей в течение 1954–1955 гг., что не соответствует действительности. // См., напр.: Очерки истории Белгородской организации КПСС. – Воронеж, 1983. – С. 126; Очерки истории Липецкой организации КПСС. – Воронеж, 1982. – С. 163.

Глава IV

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ!»

В производственной системе «колхозы – МТС» машинно-тракторные станции, как государственные предприятия, играли определяющую роль. Они являлись центрами организации колхозного производства, в МТС находилась основная часть сельскохозяйственной техники, работавшей на колхозных полях. Работники МТС, в сравнении с колхозниками, имели более высокий социальный статус. Руководители и специалисты, бухгалтеры и прочий персонал аппарата МТС получали ежемесячную зарплату, равно как и штатные работники ремонтных мастерских, механизаторам государство устанавливало гарантированный минимум оплаты труда в денежной и натуральной форме. Работники МТС выгодно отличались от колхозников, нередко работавших лишь «за палочки».

При таких условиях, казалось, машинно-тракторные станции могли бы отбирать специалистов и механизаторов «по конкурсу». В действительности, проблема кадров МТС оказалась настолько острой, что для её решения государство использовало наряду с материальными стимулами принудительные меры. Для квалифицированного руководства колхозным производством следовало укомплектовать МТС специалистами, создать условия для их закрепления в сельском хозяйстве. Подготовка механизаторов велась в объемах, позволявших обеспечить ими машинно-тракторные станции. Острота проблемы механизаторских кадров определялась их массовым оттоком из МТС. Поэтому здесь на первый план вышли вопросы материального стимулирования, создания условий труда и быта.

Руководители и специалисты МТС

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству страны: ухудшилась материально-техническая база, произошло снижение уровня агротехники возделывания почвы и значи-

тельное сокращение объемов сельскохозяйственного производства. За годы войны деревня обезлюдела, на селе остро не хватало механизаторов, агрономов, зоотехников, а особенно – инженерно-технических работников. «Обследование ряда крупных краев показало, что в 600–800 МТС по краю с высшим образованием возглавляло лишь 2–3 человека, со средним до 50 человек.., – отмечалось в справке Министерства земледелия 1946 г. – На это же количество станций приходится инженеров с высшим образованием от 5 до 10 человек. Следовательно, громадное количество МТС, с крупным техническим вооружением, находится в руках малокомпетентных людей» (1).

Нехватка инженеров и техников в сельском хозяйстве принимала угрожающий характер. В 1946 г. в 90 МТС Орловской области работали 250 механиков, среди них не было специалистов с высшим образованием, а среднее техническое образование имели только 7 человек (2). В 1946 г. в машинно-тракторных станциях центрально-черноземных областей числилось агрономов и механиков меньше, чем до войны (прил. 12). Численность агрономов сократилась с 3 277 человек в 1940 г. до 1 922 в 1946 г. и составила 59 % от довоенного уровня. По областям эти показатели существенно различаются. В МТС Тамбовской области имелось 78 % от довоенной численности агрономов, Воронежской – 68 %, Курской – 51 %, Орловской – 43 %. МТС были лучше обеспечены механиками. В 1946 г. в Тамбовской и Воронежской областях механиков насчитывалось больше, чем до войны – соответственно 116 % и 114 % в сравнении с 1940 г. В Курской и Орловской областях в 1946 г. МТС не смогли восстановить довоенную численность механиков, она составила соответственно 75 % и 51 % (3).

Февральский (1947 г.) пленум ЦК ВКП(б) принимает экстренные меры по укреплению МТС специалистами за счет перераспределения их из аппарата партийно-советских и сельскохозяйственных органов, промышленных предприятий, научно-исследовательских и других учреждений (4). 29 марта 1947 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об оказании помощи колхозам и машинно-тракторным станциям кадрами специалистов сельского хозяйства». В соответствии с ним правительство издает распоряжение о направлении в МТС и крупные колхозы 15,2 тыс. агрономов, инженеров и техников, зоотехников, ветеринарных врачей и ветфельдшеров, из них не менее 11 тыс. человек из числа работников аппарата (5).

Воронежская область получила задание по перераспределению в МТС и колхозы 345 специалистов, из них 210 человек из управленческого аппарата, Курская – соответственно 175 и 125, Орловская – 100 и 70, Тамбовская – 120 и 80. Всего по Центральному Черноземью предстояло направить в МТС и колхозы 740 специалистов сельского хозяйства различного профиля (6).

Правительственное задание было выполнено. В отчете Курского обкома ВКП(б), направленном секретарю ЦК партии А.А. Кузнецову, указывается: «По состоянию на 10 мая 1947 г. горкомами и райкомами ВКП(б) направлено на постоянную работу в колхозы, МТС и отделы сельского хозяйства 211 человек, из них агрономов в колхозы – 85 человек, агрономов в МТС —73, инженеров-механиков и техников-механиков в МТС – 21 человек, агрономов в райотделы сельского хозяйства – 10, ветработников в колхозы – 8 человек» (7).

Несмотря на предпринятые государством экстренные меры, радикально улучшить качественный состав руководителей и специалистов МТС не удалось. Это была скоротечная кампания, с весьма ограниченными результатами. Наибольших успехов смогло добиться руководство Воронежской области (прил. 13). В Воронеже находился единственный во всем Центральном Черноземье сельскохозяйственный институт, выпускники которого частично оседали в городе, то есть в области имелись определенные ресурсы.

В 1948 г. среди директоров и старших агрономов воронежских МТС дипломированные специалисты составляли абсолютное большинство – соответственно 90 % и 100 %. Лучше всего МТС были обеспечены кадрами агрономов – все они были специалистами с высшим и средним образованием. Но при этом 271 ставка агронома в МТС Воронежской области оставалась вакантной. МТС хуже всего были обеспечены дипломированными инженерно-техническими работниками. Несколько тысяч инженеров и техников перешло на работу в деревню из города во второй половине 1940-х годов. Но по-прежнему инженеров и техников-механиков в машинно-тракторных станциях страны остро не хватало. В МТС Воронежской области практики преобладали даже среди старших механиков, их было в 1948 г. 130 человек, или 79 %, среди участковых механиков инженеров и техников не было вовсе. Из заведующих машинно-тракторными мастерскими высшее образование имели лишь 2, среднее специальное –

32, а остальные 130 – это практики (8). «Когда читаешь газеты и вообще знаешь, что у нас выпустили много специалистов по сельскому хозяйству – по 2–2,5 тысячи человек ежегодно, – говорил секретарь Добринского райкома партии Зеликов на Воронежской областной конференции ВКП(б) в феврале 1948 г., – а у нас совершенно нет специалистов с высшим образованием, как по агрономии, так и по зооветеринарии. Куда деваются эти специалисты?» (9).

Некоторые инженеры, прибыв по партийной разнарядке в МТС, сталкивались с деревенской неустроенностью, нищетой и тут же уезжали обратно в город. Такие факты отмечались на пленуме Воронежского обкома ВКП(б) в марте 1947 г. «К нам был командирован обкомом на должность инженера т. Росовский, – говорил секретарь Молотовского райкома партии Черняев. – В Дрязгинской МТС нет директора, нет старшего механика, нет технического руководства. А т. Росовский только два дня пробыл, говорит, там трудновато с питанием. Он уже уехал...» (10).

Через год после февральского пленума произошли определенные подвижки в обеспеченности МТС квалифицированными руководящими кадрами. В Воронежской области в 1948 г. доля директоров МТС с высшим и средним специальным образованием составила 90 %. Это намного превышает довоенные показатели: до войны среди руководителей МТС преобладали практики, их доля равнялась 73 %. Улучшился состав агрономов МТС Воронежской области: все они имели специальное образование. На этом фоне резко диссонируют показатели по составу инженерно-технических кадров, они значительно ухудшились в сравнении с довоенным временем. Если в начале 1941 г. в машинно-тракторных станциях Воронежской области среди механиков специалисты с высшим и средним специальным образованием составляли 22 %, то в 1948 г. – 3 % (11).

В первые послевоенные годы сельское хозяйство страны испытывало большую нужду в квалифицированных кадрах агрономов и зоотехников. Должности агрономов в МТС нередко оставались вакантными, несмотря на усилия партийно-хозяйственных органов по привлечению специалистов в сельское хозяйство. В МТС Курской области за период 1946–1948 гг. численный состав агрономов значительно вырос – с 523 до 1 093 человек, или более чем в 2 раза (прил. 14). В то же время 90 ставок оставались незанятыми. В среднем на одного агронома приходилось 5 обслуживаемых им колхозов (12).

Среди агрономов курских машинно-тракторных станций преобладали специалисты со средним образованием (79 %). На 166 МТС Курской области в 1948 г. приходилось лишь 111 агрономов с высшим образованием, что составляло 11 % их численности. Даже среди старших агрономов МТС подавляющее большинство составляли специалисты со средним образованием – 80 %. Нехватка дипломированных специалистов приводила к тому, что значительную часть агрономов составляли практики – 123 человека, или 10 % от их общей численности (13).

Машинно-тракторные станции представляли собой предприятия по организации и механизации колхозного производства. Выполнение этой задачи зависело в значительной степени от уровня квалификации инженерно-технических работников и механизаторов. Необходимость увеличения численности квалифицированных инженерно-технических работников вызывалась ростом технической оснащенности МТС, в конце 1940-х годов промышленность стала выпускать более производительные, но, одновременно, и более сложные в обслуживании дизельные тракторы, оборудованные гидравликой навесные сельскохозяйственные орудия и т. д. Постановление Совета Министров СССР от 29 сентября 1951 г. «О мерах по улучшению работы машинно-тракторных станций» в очередной раз предусматривало перераспределение кадров из города в деревню (14).

Но все это были полумеры, которые не решали проблему. Даже директора многих машинно-тракторных станций не имели специального образования, а особенно большую долю практики составляли среди главных инженеров и заведующих машинно-тракторными мастерскими. Создавалась парадоксальная ситуация, когда среди руководителей МТС специалисты оказались в меньшинстве. 11 января 1952 г. выходит постановление Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему укреплению состава директоров и главных инженеров МТС». Оно давало право облисполкомам, крайисполкомам и советам министров республик направлять с промышленных предприятий, из научно-исследовательских учреждений и других организаций инженеров-механиков для использования их в качестве директоров и главных инженеров МТС (15).

Указанные мероприятия носили поверхностный характер, это были разовые акции. В частности, в Орловской области в 1952 г. на работу

в МТС было направлено 13 главных инженеров и 37 главных агрономов, из них 30 человек имели высшее образование и 20 – среднее специальное. Но и после этого в МТС доминировали «практики». Из 106 директоров МТС и ЛЗС Орловской области в конце 1952 г. «практиков» насчитывалось 52 человека, из 657 агрономов и 797 механиков – 1 103 (16).

На совещании в ЦК КПСС 10 августа 1953 г. Н.С. Хрущев приводил цифры, характеризующие низкий уровень квалификации руководящих кадров МТС. Среди директоров МТС высшее образование имели всего лишь 23 %, среднее – 47 %, а остальные 30 % были практиками. Главные инженеры с высшим образованием в МТС составляли 15 %, со средним – 21 %, низшим – 64 %. Среди заведующих мастерскими МТС высшее образование имели только 1 %, среднее – 9 %, низшее – 90 % (17). На этом основании Н.С. Хрущев делает вывод: «Мы руководство сельским хозяйством сдали людям малоквалифицированным...» (18) (заметим, что сам Никита Сергеевич высшего образования также не имел).

Специалисты, перешедшие на работу из промышленности в МТС, принесли с собой технические знания, опыт организации работ по эксплуатации и ремонту сложной техники. Многие из них стали директорами МТС. Но среди посланцев города было немало и таких, от которых предприятия избавлялись как от балласта. «...Стали подбирать директоров МТС,— с возмущением говорил Н.С. Хрущев,— знаете, сколько жуликов, пьяниц и мерзавцев выдвинули?! Некоторые уже надоели на предприятии, они жулики, у них надо партбилет отнять, а их выдвигают на директоров МТС» (19).

Острая нехватка квалифицированных кадров инженеров и техников ощущалась во всех МТС. В бедственном положении оказалась Орловская область. В машинно-тракторных станциях и районных управлениях сельского хозяйства и заготовок Орловской области осенью 1953 г. имелось всего лишь 8 инженеров с высшим образованием, при потребности в 1 182 человека, 738 человек занимали должности инженеров-механиков, имея только курсовую подготовку (20).

К началу 1950-х годов подготовка инженеров и техников для сельского хозяйства не соответствовала потребностям МТС и колхозов. В 1950 г. сельскохозяйственные вузы страны выпустили всего 1,1 тыс. инженеров (21). Руководство страны обратилось к «истори-

ческому опыту» коллективизации. Оно пошло на еще более масштабное перераспределение инженерно-технических работников (ИТР) из города в деревню. На это нацеливали решения сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. Но кампания по перераспределению ИТР из города в деревню в 1953–1955 гг. по своим масштабам превзошла времена «двадцатипятитысячников». В соответствии с новыми задачами расширялся список должностей, которые должны были замещаться специалистами с высшим образованием. В него входили не только директора и главные инженеры МТС, но и главные специалисты – главный агроном, главный зоотехник, старший ветврач, а также заведующий ремонтной мастерской (22).

Выступая на Всесоюзном совещании работников машинно-тракторных станций в Москве 28 января 1954 г., Н.С. Хрущев вынужден был признать несоответствие между техническим оснащением МТС и кадрами руководителей. «Наша промышленность обеспечивает сельское хозяйство первоклассными, очень эффективными и производительными машинами, – говорил он. – Без машин, конечно, нет машинно-тракторных станций. Но главное, товарищи, кадры. Без знающих дело людей даже самые совершенные машины будут мертвы. Все дело в кадрах, и только в кадрах. Это сейчас главный вопрос в подъеме сельского хозяйства, в улучшении работы МТС» (23).

Кампания по привлечению специалистов из города в деревню проводилась с широким размахом. К марту 1954 г. из промышленности и других отраслей народного хозяйства в МТС было направлено более 25 тыс. инженеров и техников (24). Для специалистов, пришедших на работу в МТС из других отраслей народного хозяйства, устанавливалась оплата труда на уровне должностных окладов по прежнему месту работы. За ними сохранялись все льготы, которыми они пользовались как государственные служащие (выплата пенсий по старости и инвалидности, оплата больничных листов, оплачиваемый отпуск и т. д.). Кроме того специалистам предоставлялся ряд дополнительных льгот (бесплатная квартира, бесплатное отопление и освещение, льготный кредит на строительство и др.) (25).

Подавляющее большинство прибывших из города специалистов было назначено на руководящие должности. Крупномасштабная партийно-государственная акция по привлечению инженерно-технических работников из промышленности в машинно-тракторные станции

оказала большое влияние на жизнь села. В результате произошли большие изменения в руководстве машинно-тракторными станциями страны. Из вновь прибывших специалистов 2,5 тыс. человек стали директорами МТС, 5,8 тыс. – главными инженерами, 6 тыс. – заведующими ремонтными мастерскими (26).

Процесс привлечения специалистов из города для работы в МТС продолжался и в последующее время. К 1956 г. машинно-тракторные станции получили около 29 тыс. специалистов (27). Но контрольные цифры плана оказались невыполненными: предусматривалось направить в МТС из промышленности и других отраслей народного хозяйства 15 525 инженеров и 21,7 тыс. техников (28).

После сентябрьского пленума ЦК КПСС еще больший размах приобрел процесс перевода агрономов и зоотехников из районных и областных управлений сельского хозяйства, участковой сети в штаты МТС для работы в колхозах. Согласно партийно-правительственным постановлениям, только в МТС Российской Федерации предстояло направить 64 397 агрономов и зоотехников (29).

В машинно-тракторные станции и колхозы Центрального Черноземья с сентября 1953 г. по январь 1954 г. было привлечено 7 098 агрономов и зоотехников, 1 797 инженеров и техников, а также значительное количество других специалистов сельского хозяйства (прил. 15) (30). Руководство МТС было обновлено за считанные месяцы. Однако, несмотря на принятые чрезвычайные меры, в МТС проблема кадров специалистов полностью не была решена. Специалисты неохотно направлялись в отдаленные и наименее обустроенные районы. Как раз из таких окраинных районов Воронежской, Курской, Орловской и Рязанской областей была образована Липецкая область. В Липецкой области нехватка специалистов сельского хозяйства ощущалась наиболее остро. До многих МТС и колхозов Липецкой области они не доехали: на 20 февраля 1954 г. в 79 МТС области из 310 положенных по штату агрономов имелось лишь 241, зоотехниками не были укомплектованы 21 МТС, ветеринарными врачами – 29. Руководство Липецкой области просило Министерство сельского хозяйства РСФСР направить в машинно-тракторные станции и колхозы еще 30 инженеров, 200 агрономов, 200 зоотехников и 50 ветврачей (31).

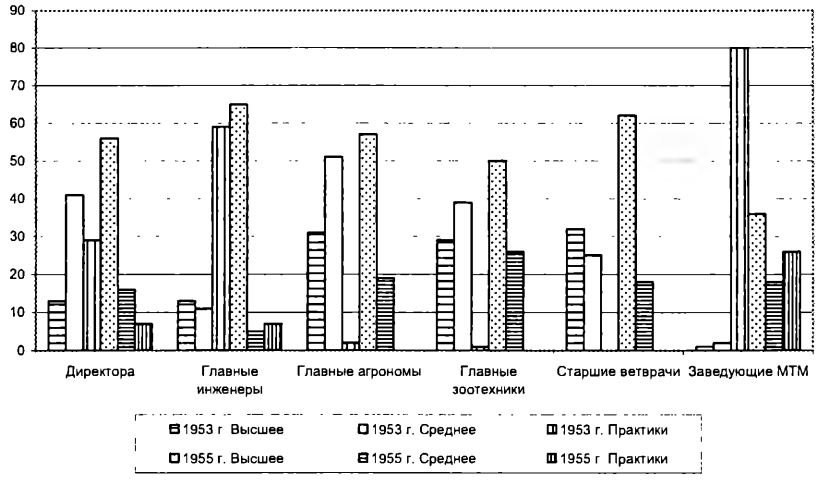
Многие посланцы партии заняли в МТС руководящие должности. В Орловской области они возглавили 34 МТС (32 %), составили

85 % среди главных инженеров, 82 % – среди заведующих ремонтными мастерскими, 27 % – главных агрономов, 76 % – главных зоотехников, 69 % – старших ветврачей (прил. 16) (32). В Курской области специалисты, пришедшие из промышленности, стали директорами 56 МТС, главными инженерами – 86, заведующими ремонтными мастерскими – 96 (33).

В 1953–1955 гг. в Центральном Черноземье произошло радикальное обновление руководящего состава и специалистов машинно-тракторных станций. Особенно следует выделить приток специалистов инженерно-технического профиля. Только в МТС Орловской области было направлено 1 107 инженеров и техников, в том числе из промышленности 453 человека и из учебных заведений – 654 (34). Об изменениях в составе руководителей и специалистов МТС Орловской области дает представление диаграмма 3.

Диаграмма 3

Изменение качественного состава специалистов МТС Орловской области в 1953–1955 гг. (по образованию), в %



За 2 года, прошедшие после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, среди руководителей машинно-тракторных станций значительно увеличился удельный вес дипломированных специалистов пре-

имущественно с высшим образованием. Одновременно уменьшилось число практиков, занимавших руководящие посты. Особенно это касается специалистов инженерно-технического профиля: доля практиков среди директоров МТС Орловской области сократилась за этот период с 37 % до 9 %, среди главных инженеров – с 71 % до 7 %, среди заведующих мастерскими – с 96 % до 33 % (прил. 17) (35).

Из промышленности и других отраслей народного хозяйства в МТС направлялись не только инженеры и техники, но и специалисты сельского хозяйства, работавшие не по профилю. Так, в 1953 г. из промышленности и других отраслей экономики Орловской области на работу в МТС было направлено агрономов – 84, зоотехников – 6, ветеринарных работников – 3, землеустроителей – 50, механизаторских кадров – 201 (36). Аналогичным образом складывалась обстановка и в других областях региона. Промышленные предприятия Курской области направили в МТС и колхозы агрономов – 172, зоотехников – 16, ветеринарных врачей – 10, других специалистов сельского хозяйства – 13 (37).

Аграрные регионы не могли решить проблему инженерно-технических кадров за счет внутренних резервов. Поэтому специалисты направлялись сюда из крупных промышленных центров. В машинно-тракторные станции Тамбовской области на 1 февраля 1954 г. было направлено 424 инженера и техника, из которых лишь 47 инженеров и 55 техников ранее работали в самой области. А большая их часть – 322 человека – прибыли из других регионов, в том числе из Москвы 191 человек, из Сталинской области – 30, Ворошиловградской – 12, Харьковской – 89 (38). Аналогичное положение сложилось и в Курской области. В курские МТС из промышленности было направлено 411 инженерно-технических работников, в том числе из Москвы – 122 специалиста, из Харькова – 150, из Ворошиловградской области – 35 (39).

Переезд большого количества специалистов из города на работу в МТС не мог не повлиять на внутреннюю жизнь самих станций. Приход инженерно-технических кадров позволил улучшить работу машинно-тракторного парка, поднять организацию труда. Но одновременно это был противоречивый процесс: в МТС нарушался прежний ритм жизни, происходила переоценка ценностей и, наконец, вновь прибывшие работники заняли чьи-то места.

Имеется немало свидетельств, когда руководители МТС очень болезненно воспринимали приезд специалистов, все их распоряжения расценивали как подрыв своего авторитета. В результате возникали конфликты. Один из них рассматривался на заседании бюро Липецкого обкома КПСС. С заявлением в обком КПСС обратился главный инженер Данковской МТС И.Л. Фоменко, который ранее работал инженером-конструктором на одном из предприятий оборонной промышленности. Директор МТС Гриднев на протяжении полутора месяцев тянул передачу дел, ходатайствовал перед областным управлением сельского хозяйства об оставлении прежнего главного инженера Бреева, хотя последний не имел специального образования. Не сумев «убрать» главного инженера, директор стал создавать ему всевозможные препоны, запретил распоряжаться автопарком. Бюро обкома «помирило» директора и главного инженера и рекомендовало областному управлению сельского хозяйства разобраться с фактами выявленных злоупотреблений (40).

Направление инженерно-технических работников в сельскую местность носило характер очередной партийной «кампании». В итоге в деревню нередко направлялись специалисты лишь на том основании, что они инженеры или техники по образованию. Между тем среди посланцев партии было много узких специалистов, характер работы которых был далек не только от сельского хозяйства, но и от машин и механизмов. «К нам прислали главным инженером специалиста по обработке металла,— рассказывал бригадир тракторной бригады Больше-Жировской МТС Фатежского района Курской области Дронов. – Мы приняли его хорошо. Думали, что он поможет нам. Но оказалось, что он с тракторами совсем не знаком. Приехал он ко мне в бригаду в шляпе, с галстучком, в костюмчике. Думаю, образованный человек, работу покажет. Но когда мой тракторист стал заводить трактор, то этот инженер испугался. ...Он трактора не знает» (41). В другую МТС Фатежского района на должность главного агронома был направлен из ремесленного училища преподаватель плотницкого дела (42).

На совещании секретарей райкомов партии в Белгороде в 1954 г. острой критике подвергалась кадровая политика, в результате которой в сельское хозяйство направлялись случайные люди. «Присылают в МТС не специалистов, товарищей, которые хлеб, может быть, ви-

дели только на тарелке, а тракторы – на платформе, – отмечал секретарь РК КПСС по Березовской МТС Вурдуков. – Их присылают с транспорта» (43). Так было повсеместно. В Тамбовской области на укрепление Ракшинской МТС прислали инженера нефтяной промышленности, в Алгасовскую МТС – инженера железнодорожного транспорта, специалиста по укладке шпал (44).

Многие горожане не хотели работать и жить в деревне. Прибыв на место назначения, они не скрывали своего негативного отношения к перемене действительности. И это были отнюдь не единичные факты. Они становились предметом обсуждения на партийных и советских форумах различного уровня. «Областное управление сельского хозяйства не так давно направило 3-х человек из Харьковской области,— отмечал директор МТС имени Кирова Крупецкого района Курской области Постригань. – Они кончили автомобильный техникум и не думают переезжать на долгое время в МТС. Думают временно поработать, пока шумиха эта не кончится, а потом уехать» (45).

Секретарь партийной организации Мантуровской МТС Кубышкин в выступлении на пленуме Курского обкома партии сокрушенно говорил о состоянии кадров на своем предприятии: «Главный инженер, которого прислали на работу в нашу МТС, абсолютно не хотел здесь работать. Он днем и ночью думает о Харькове. ...Прислали зав. мастерской человека, который по своему физическому состоянию не может работать. Он день работал, а неделю и больше бюллетенил. Его в конце концов начальство освободило по его же просьбе. Третьего прислали, механика по трудоемким процессам в животноводстве, он оказался непригодным для этой работы. Этот товарищ за систематическую пьянку был наказан бюро райкома партии» (46).

Аналогичные факты наблюдаются и в других областях Центрального Черноземья. 31 мая 1954 г. на заседании бюро Белгородского обкома КПСС рассматривались персональные дела коммунистов Н.Д. Алипова и Г.Е. Цимберова, первый занимал должность директора Тавровской МТС Белгородского района, а второй заведовал ремонтной мастерской Ситнянской МТС Красно-Яружского района. За нежелание работать в сельском хозяйстве оба были наказаны по партийной линии и понижены в должности. Их поведение расценивалось как антипартийное. Н.Д. Алипов категорически не соглашался

с такой оценкой: «Я не отлынивал от работы, – говорил он. – А просто у меня не получается. И я решил написать заявление, что не могу обеспечить поставленных задач перед МТС. Ни в коем случае нельзя квалифицировать, что я поступаю не по-партийному. Наоборот, я писал заявление и сейчас считаю, что подбор других руководящих кадров в сельском хозяйстве только облегчит работу» (47).

Выступление Г.Е. Цимберова еще более откровенное: «Я окончил машиностроительный институт, – разъяснял он. – А у меня специальность не механика, с механизмами я не имел дела. Для МТС практически я ничего дать не мог, чтобы повысить культуру, как предусматривалось в постановлении сентябрьского пленума. С людьми по организации ранее я не работал. ...Я не специалист сельского хозяйства, на мое место надо взять другого. И раньше я об этом говорил и не шел на работу в МТС, но мне сказали: отберем партбилет. Приедешь на место – там видно будет. Дошел до МТС и здесь мне то же говорят. В МТС мне работать нельзя» (48).

Иногда дело принимало трагический оборот. 27 февраля 1954 г. Я.И. Рабинович, ранее работавший инженером в г. Москве, на железнодорожной станции Орел бросился под поезд. В результате происшествия он лишился ноги. Среди документов Я.И. Рабиновича была обнаружена записка, в которой он сообщал о подлинных мотивах неудавшегося самоубийства: «...Мое состояние волнения вызвано просрочкой путевки МТС. Меня исключили из партии, я в полном сознании кончаю жизнь самоубийством» (49).

Негативные результаты кампанейщины были налицо. Партийные комитеты часто формально относились к подбору кадров для отправки на работу в машинно-тракторные станции. Главное было выполнить разнарядку и в срок отчитаться перед вышестоящими инстанциями. Об этом говорил Н.С. Хрущев на совещании работников сельского хозяйства в Москве в апреле 1955 г. Особой критике подверглась партийная организация г. Москвы. «Московские организации направили на пост директора Суровской МТС, Орловской области, т. Аверина.., – возмущался Н.С. Хрущев. – Прибыв в МТС в феврале прошлого года, Аверин с первых же дней занялся пьянством. ...Аверина просто вытолкнули с предприятия, он и там был пьяницей, всем надоел. Вот они решили удружить своему союзнику – крестьянству, подарить такое золото» (50).

Н.С. Хрущев процитировал заявление еще одного посланца г. Москвы, направленное начальнику Орловского областного управления сельского хозяйства. В нем открыто говорилось о нежелании работать в сельском хозяйстве и жить в деревне: «С 24 декабря 1953 г. я работаю заведующим машинно-ремонтной мастерской Мало-Архангельской МТС. За прошедшее время состояние моего здоровья значительно ухудшилось. Я живу без семьи, здоровье же мое требует соответствующего питания и бытовых условий, чего я один создать не могу. Семья ко мне приехать не может... Учитывая состояние моего здоровья, а также из-за отсутствия производственного опыта и знания сельского хозяйства я не приношу МТС серьезной помощи... Прошу вас разрешить дирекции МТС освободить меня от работы» (51). К этому письму прилагалась копия выписки из истории болезни, которая была оглашена участникам совещания: «3 июля 1946 года ...был у врача на обследовании. 8 января 1949 года – остаточные явления гриппа. (*Смех в зале*). 6 апреля 1950 года – болел гриппом. С 11 по 17 апреля 1950 года лечился по поводу фурункула...». Такого выдвиженца не к врачу посылать надо, подытожил Н.С. Хрущев, а «надо было бы из партии исключить» (52).

Часто на работу в деревню отправлялись некомпетентные работники, неспособные к организаторской работе, так называемые «стрелочники». Разумеется, никакой пользы на новом месте они принести не могли. Таким партийным выдвиженцем стал москвич К.А. Стародубровский. Последние 9 лет он работал в лаборатории, а в декабре 1953 г. его назначили директором Городищенской МТС Урицкого района Орловской области. Вскоре всем стало ясно, что это за работник. Секретарь райкома партии Д. Олейник просил обком КПСС как можно скорее сменить такого директора. «За три месяца, проведенные в МТС, – пишет Олейник, – т. Стародубровский показал себя неспособным возглавить такое крупное предприятие. 90 % рабочего времени проводит в кабинете, разрешая мелкие, текущие вопросы. Страшная нераспорядительность, мягкотелость, безынициативность – важнейшие черты т. Стародубровского. Кроме того, он часто болеет. Для пользы дела Урицкий РК КПСС просит решить вопрос о замене директора Городищенской МТС т. Стародубровского К.А.» (53).

Нередко на работу в деревню посылались недисциплинированные работники, рвачи, от которых старались просто избавиться или, на-

оборот, стремились пристроить их к «теплому» месту. Для отправки на работу в деревню партийные и государственные органы нередко рекомендовали людей в порядке наказания за пьянство, безответственность, некомпетентность. На пленуме Тамбовского обкома КПСС 6–7 февраля 1954 г. была подвергнута острой критике кадровая политика обкома партии по привлечению специалистов в сельское хозяйство. Секретарь Волчковского райкома партии Запольский заявил, что обком партии создал в его районе «штрафную роту» из специалистов численностью 35 человек (54).

Иногда отмечались просто курьезные случаи. Об одном из них говорил на пленуме Курского обкома партии председатель Дмитровского райисполкома Плотников: «... В Лесную МТС направили одного агронома. Как только мы стали предъявлять к нему требования, он показал нам документ, что он психопат. И заявил, если будете неосторожны, я могу кого-нибудь убить. Мы вынуждены были отослать такого агронома обратно. Присылают нам товарища на должность главного инженера этой же МТС. Через две недели выяснилось, что товарищ страдает хроническим алкоголизмом. Пришлось освободить и этого товарища» (55).

В кадровой политике советского государства проявилось, по справедливому замечанию В.Б. Чистякова, характерное для советской бюрократии пренебрежительно-барское, «аристократическое» отношение к деревне (56). Руководящие органы, выполнив разнарядку о направлении специалистов в сельское хозяйство, в дальнейшем относились как к неудачникам даже к тем, кто поехал в деревню с искренним желанием работать. С обидой говорил об этом в июне 1955 г. на пленуме Воронежского обкома КПСС директор Забродженской МТС Калачеевского района Герасимов: «Я не имею по своему образованию непосредственного отношения к сельскому хозяйству. Я пришел в сельское хозяйство, свежи у меня в памяти первые дни. Хоть бы кто спросил – как вы живете. Ведь в управлении никто головы не поднимет из-за стола. Там однокашников много, хоть бы кто руку подал. Ну, ладно, о жилище можно не спрашивать. Но о делах бы спросили. Так это никого не интересует» (57).

При всех издержках и противоречиях перераспределения специалистов в машинно-тракторные станции из города, эта мера имела положительное воздействие на работу МТС и всего сельского хозяй-

ства. В 1957 г. в Курской области большая часть директоров и главных инженеров пришли в МТС после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, в основном из промышленности. По состоянию на 1 января 1957 г. из 95 директоров МТС Курской области стаж работы до трех лет имели 53 человека, или 56 %. Среди главных инженеров МТС этот процент было еще большим: 81 специалист из 97, или 84 % (58).

В то же время по партийной разнарядке в деревню было направлено большое количество «случайных людей», которые впоследствии искали любую возможность для переезда обратно в город. Из 411 инженеров и техников, направленных на работу в МТС Курской области, к началу 1957 г. было уволено по разным причинам 191 человек. Таким образом, почти каждый второй специалист, или 47 % от их общего количества, покинули курское село (59). Наибольший отсев специалистов, направленных в сельское хозяйство Центрального Черноземья по партийной разнарядке из города, произошел в Орловской области: из 453 специалистов к 1958 г. остались работать в деревне немногим более 100 человек (60).

В целом в Центральном Черноземье положение с закреплением специалистов сельского хозяйства было несколько лучшим, нежели во многих других регионах Российской Федерации. К примеру, в Калининской (ныне Тверской – *В.Т.*) области к началу 1957 г. из 450 «промышленников», присланных в МТС из Москвы и Калинина, 306 человек уехали из деревни и еще 55 подали заявление об уходе. В машинно-тракторных станциях Алтайского края к концу 1957 г. остались только 78 из 212 директоров и главных инженеров, присланных из города (61).

Низкий уровень развития производственной и социальной инфраструктуры в деревне порождал текучесть кадров МТС и обратный процесс оттока специалистов в город. Многие специалисты, пришедшие на работу в МТС из промышленности, семьи на новое место жительства не перевозили, потому что собственного жилья не имели. По данным на 1 сентября 1954 г. в 94 МТС Курской области только 6 специалистов, прибывших из промышленности, были обеспечены собственными квартирами, 168 – коммунальными, а 160 человек проживали на частных квартирах. В еще худшем положении оказывались выпускники институтов и техникумов. Из 267 молодых спе-

циалистов выпуска 1953 г. более половины – 177 человек – проживали на частных квартирах (62).

Значительная часть прибывших в МТС из города инженерно-технических специалистов рассматривала свое состояние как временное. Даже спустя год после сентябрьского пленума ЦК КПСС, 59 специалистов и руководителей МТС Курской области не перевозили свои семьи к месту работы. Причем среди них были и такие, которые имели квартиры (63).

По решению сентябрьского пленума ЦК партии агрономы и зоотехники находились в штате МТС, но распределялись на работу по колхозам. Колхозы по договору с МТС должны были обеспечить специалистов квартирами. Но возможности колхозов были еще более ограниченными. Так, колхозы Курской области в 1953–1954 гг. смогли предоставить лишь 133 квартиры для специалистов, в то время как 583 человека вынуждены были снимать частные квартиры. В собственных квартирах проживали 423 специалиста (64). Таким образом, каждый второй агроном и зоотехник был вынужден снимать угол в избе колхозника.

Реорганизация участковой системы агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов, проведенная в соответствии с решениями сентябрьского пленума ЦК КПСС, привлечение дополнительного числа специалистов, работавших в других секторах экономики, – все это способствовало повышению роли специалистов, агрономов и зоотехников, в развитии общественного хозяйства. Однако кардинально изменить работу колхозов, вывести ее на качественно иной уровень они не могли. Одной концентрации специалистов в МТС было недостаточно. Для этого потребовалась бы коренная ломка всей аграрной политики государства, изменение порядка ценообразования, финансирования и материально-технического снабжения сельского хозяйства. Между тем этого не произошло, широкомасштабная программа освоения целинных и залежных земель осуществлялась за счет отвлечения ресурсов от традиционных земледельческих районов.

Руководство страны видело решение проблем сельского хозяйства в администрировании. 20 августа 1955 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают постановление «О мерах по дальнейшему улучшению агрономического и зоотехнического обслуживания кол-

хозов» (65). В соответствии с ним агрономы и зоотехники МТС зачислялись в штаты колхозов, им рекомендовалось вступать в члены колхоза. В машинно-тракторных станциях решено было оставить должности главных специалистов – главных агрономов, главных зоотехников, на которых возлагалась функции по контролю и руководству работой колхозных специалистов. Указанное мероприятие отражало стремление правительства поднять уровень агрономической и зоотехнической работы в колхозах и одновременно снизить бремя государственных расходов на содержание специалистов сельского хозяйства.

Подавляющее большинство колхозов не имело возможности оплачивать работу специалистов на прежнем уровне. По оптимистическим расчетам Воронежского обкома КПСС из 1374 специалистов, подлежащих переводу из штатов МТС в колхозы, только 32 человека могли перейти на полное содержание колхозов (66). В Белгородской области, по оценке управления сельского хозяйства, лишь 45 колхозов из 474 могли обеспечить оплату труда специалистов за счет собственных ресурсов (67).

В действительности даже эти цифры оказались завышенными. В 1955 г. колхозы Курской области на полное содержание смогли взять 22 специалиста, Воронежской – 18, Тамбовской – 11, Белгородской – 5, Орловской – 2. В Липецкой области не оказалось ни одного колхоза, способного оплачивать работу специалиста на том уровне, как это было в МТС (68).

Правительство рекомендовало колхозам устанавливать ежемесячную оплату труда агрономов и зоотехников в зависимости от стажа и квалификации. Специалистам с высшим образованием начислялось от 70 до 90 % трудодней и денежной оплаты, установленной для председателя колхоза, а специалистам со средним образованием – соответственно от 60 до 80 % (69). Для того чтобы компенсировать материальные издержки перехода агрономов и зоотехников из МТС в колхозы, государство производило им доплату в течение трех лет. Специалисты с высшим образованием получали дополнительно к оплате в колхозах в течение первого года работы 550 рублей в месяц, второго – 400, третьего – 300, а специалисты со средним образованием имели доплату на 10 % ниже. Устанавливался лимит численности специалистов на доплату за счет государства, по РСФСР

он составлял 71 128 ставок. Но фактически лимит использовался в пределах 60 % (70). Большим препятствием к использованию лимита стал порядок выдачи денег. Специалисты лишались права на получение доплаты от государства, если они по ряду причин перешли из одного колхоза в другой (семейные обстоятельства, освобождение от ранее занимаемой работы), при временном перерыве в работе по болезни и другим причинам (71).

Процесс перевода специалистов из МТС в колхозы оказался очень болезненным. Он затронул многие тысячи агрономов и зоотехников, изменил их социальный статус – из разряда государственных служащих они перешли в разряд колхозников. По отчетам обкомов КПСС в Центральном Черноземье на начало декабря 1955 г. на работу в колхозы перешли из МТС 6294 агрономов и зоотехников (прил. 18). По неполным данным, 425 специалистов отказались переходить из штатов МТС в колхозы, а еще порядка 400 человек не определились с выбором (72).

В дальнейшем процесс оттока агрономов и зоотехников из колхозов не только не прекратился, напротив, он усиливается и приобретает характер массового бегства. Специалисты не хотели быть колхозниками, они считали себя обманутыми, уровень оплаты их труда, а значит, и уровень жизни – значительно понизились. Перспективы на улучшение жилищно-бытовых условий оказались совершенно неопределенными. Многие специалисты прямо заявляли, что «после перевода агрономов и зоотехников из МТС в колхозы о них забыли» (73). В итоге осуществления непродуманной политики аграрному сектору экономики был нанесен огромный ущерб. Из сельского хозяйства уходили наиболее подготовленные кадры – специалисты с высшим и средним образованием, в результате перечеркивались определенные достижения последних лет. Для многих людей перемена их социального статуса означала ломку всей жизни и воспринималась как личная трагедия.

В центральных и местных архивах не удалось выявить полные сведения о количестве специалистов, покинувших колхозы Центрального Черноземья в результате реализации постановления партии и правительства от 20 августа 1955 г. Очевидно одно, эта мера дала обратный эффект (74). В аналитической записке инструктора общего отдела ЦК КПСС П. Богдашкина показана цена такой политики. За

1956 г. из колхозов Российской Федерации ушли около 13 тыс. агрономов и зоотехников, или 22,7 % к их общему количеству. В 1957 г. уход специалистов из колхозов еще более возрос: из колхозов убыло более 14 тыс., или свыше 25 % к их наличию (75). В итоге только в 1956–1957 гг., по неполным данным, колхозы РСФСР лишились порядка 27 тыс. специалистов. Значительная группа агрономов и зоотехников, уходя из колхозов, перешла на работу, не имеющую отношения к сельскому хозяйству (76).

В МТС Центрального Черноземья, как и по всей стране, в послевоенные годы было привлечено большое количество специалистов – инженерно-технических, агрономических, зоотехнических и ветеринарных работников. При этом важнейшим средством их привлечения стали партийно-государственные кампании, власть полагалась на пропагандистско-принудительные методы. Однако низкий уровень развития социальной сферы деревни негативно сказывался на закреплении специалистов сельского хозяйства, их отток шел параллельно с притоком. Директивными мерами проблему обеспечения кадрами специалистов сельского хозяйства решить не удавалось, жизнь ставила в повестку дня вопрос сбалансированного развития города и деревни.

На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС произошло осознание того, что сельское хозяйство не сможет развиваться без качественного улучшения производственной и социальной инфраструктуры села. На производственное и социально-культурное строительство в машинно-тракторных станциях государство выделяло большие средства. Для оказания помощи в строительстве МТС привлекались промышленные министерства и ведомства. Государственная политика всячески поощряла индивидуальное жилищное строительство в МТС. Всего в МТС страны в 1954–1956 гг. было построено государством и индивидуальными застройщиками при помощи государства 6 млн квадратных метров жилья (77).

Комплексное строительство МТС в середине 1950-х годов приобрело широкомасштабный характер. Оно поднимало социальную инфраструктуру сельских поселений на качественно новый уровень: в квартирах и частных домах появились водопровод, простейшая канализация, электрическое освещение. На 1 января 1956 г. в МТС Российской Федерации имелось 2 649 тыс. квадратных метров жилой

площади. 444 тыс. работников МТС из 1486 тыс., или почти 30 % проживали в благоустроенных квартирах (78).

В 1957 г. в аграрной политике советского государства происходит крутой поворот. Руководство страны делает вывод о неэффективности работы МТС, происходит резкое сокращение финансирования производственного и жилищного строительства в МТС. Так, в 1954 г. объем жилищного строительства в МТС Российской Федерации определялся в 386 тыс. квадратных метров, в 1955 г. – 470 тыс., в 1956 г. – 480 тыс., в 1957 г. – 240 тыс. (79) В 1958 г. произошла реорганизация МТС. Такой поворот событий означает резкое сокращение государственных расходов на развитие всей сельской производственной и социально-бытовой инфраструктуры.

В аграрной политике советского государства в послевоенное время важное место отводилось вопросу обеспечения МТС квалифицированными кадрами руководителей и специалистов. Решение проблемы осуществлялось административными методами за счет перераспределения специалистов из управленческого аппарата, учебных заведений, а также из промышленности. Такие попытки предпринимались неоднократно. Неотъемлемой частью аграрных реформ стала неистребимая партийная «кампанейщина» – с ее бюрократизмом, показухой, безалаберностью, массовой демонстрацией видимости активных усилий, отчетностью «для галочки» и безжалостным пренебрежением судьбами попавших в этот далеко не безобидный «бумажный вал» отдельных людей. Результатом этой обычно сопровождавшей кампанейщину «мутной волны» стал ощутимый осадок в виде весьма заметного слоя осевших на время в деревне «случайных людей» – заброшенных в нее силой партийных мобилизаций, но так и не нашедших себе применения горожан.

Но при всех издержках такой политики в машинно-тракторных станциях удалось сформировать корпус квалифицированных руководителей и специалистов, имеющих в большинстве своем высшее и среднее специальное образование. Для их закрепления создавалась качественно новая социальная инфраструктура. Специалисты в основном были обеспечены государственными квартирами. Поселки МТС, возведенных в 1950-е годы, были электрофицированы, радиофицированы, имели водопровод. Это дало импульс для модернизации всей системы сельских поселений.

Механизаторы – «рабочая аристократия» на селе?

Аграрная история России (1930-х – 1980-х гг.) в новейших исследованиях рассматривается с точки зрения модернизационной парадигмы, в рамках которой изучаются вопросы социальной трансформации и формирования новых социальных категорий сельского населения (80). При этом некоторые ученые выделяют механизаторов в группу «рабочей аристократии» на селе (81). Среди сельских механизаторов большинство составляли работники МТС. Не вдаваясь в детали обсуждения правомерности выделения самого понятия «рабочая аристократия» на селе, важно выяснить их состав, организацию и условия труда, его оплату и т. д.

В первые послевоенные годы по структуре работники машинно-тракторных станций разделялись на три группы. Первую группу составлял аппарат МТС: директор, главный механик, главный агроном, главный бухгалтер, механики, агрономы, бухгалтеры и др. По решению февральского (1947 г.) пленума ЦК ВКП(б) вводилась должность заместителя директора МТС по политчасти, который являлся номенклатурным партийным работником. Все работники аппарата находились на положении штатных работников и получали фиксированные оклады в зависимости от занимаемой должности.

Во вторую группу входили производственные рабочие – трактористы, бригадиры тракторных бригад, помощники бригадиров, учетчики-заправщики, комбайнеры, весовщики на комбайнах, машинисты-весовщики при молотилках. Производственные рабочие составляли бóльшую часть работников МТС, они находились на сдельной оплате труда.

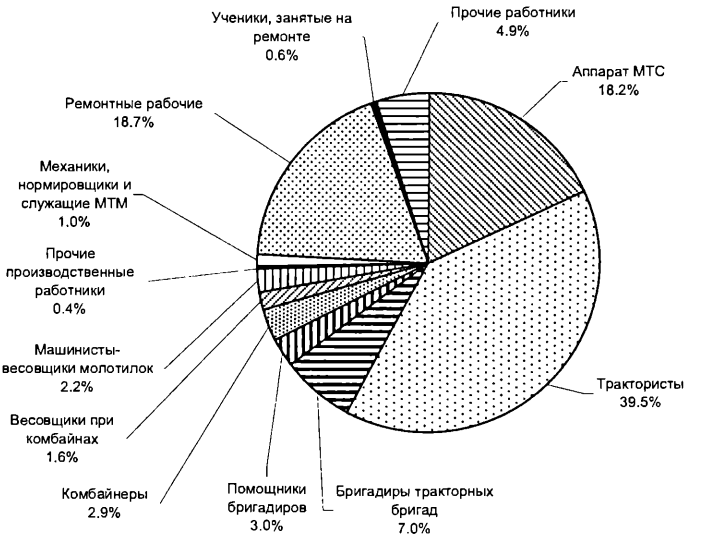
Третья группа – это работники машинно-тракторной мастерской (МТМ) – механики, нормировщики и ремонтные рабочие. При этом сотрудники аппарата МТМ (механики и нормировщики) получали фиксированные оклады, а ремонтные рабочие находились на сдельной оплате труда. В отчетности МТС в данную группу включались и «прочие работники», в эту категорию входили шоферы грузовых автомобилей, работники культурно-бытовых учреждений, подсобных предприятий и строители.

Среднегодовая численность работников МТС Центрального Черноземья в 1946 г. составила 69 357 человек, из них 18 % входили в со-

став аппарата, 57 % – это производственные рабочие и 25 % составили работники машинно-тракторных мастерских, водители грузовых автомобилей, работники подсобных хозяйств, строители и сотрудники культурно-бытовых учреждений (прил. 19 и диаграмма 4) (82).

Диаграмма 4

Состав работников МТС Центрального Черноземья в 1946 г.



В структуре работников МТС на протяжении всего календарного года численность аппарата станций, аппарата машинно-тракторных мастерских, ремонтников, работников подсобных хозяйств и прочих работников фактически оставалась на одном уровне. Так, среднегодовая численность работников аппарата МТС Центрального Черноземья составила 12 601 человек, а фактическая на 1 января 1947 г. – 12 756. Наибольшему влиянию фактора сезонности оказались подвержены производственные рабочие – механизаторы (трактористы, бригадиры тракторных бригад и их помощники, комбайнеры, машинисты молотилок). В списках МТС на 1 января 1947 г. их было 63 736 человек, что в 1,6 раза больше среднегодовых показателей (83). Ма-

шинно-тракторные станции в целом были обеспечены работниками. К примеру, на 1 января 1947 г. фактическая численность работников МТС Воронежской области составляла 37 607 человек, а по плану должно быть 37 556 (84).

Численность работников аппарата МТС в основном соответствовала штатному расписанию. На ремонте сельскохозяйственной техники людей было занято больше, чем предусматривалось по нормам. В силу изношенности, нехватки запчастей и оборудования сельскохозяйственная техника часто выходила из строя. Поэтому руководители МТС вынуждены были содержать дополнительные кадры ремонтников. В Воронежской области на начало 1947 г. фактическая численность ремонтных рабочих в МТС превышала нормативную на 33 % (85).

В составе МТС Центрального Черноземья численность производственных рабочих не достигала плановых значений. В послевоенное время сельское хозяйство страны испытывало острый дефицит механизаторских кадров. На фронт ушло до 90 % механизаторов, многие из них не вернулись домой (86). Их подготовка не восполняла убыль, хотя она велась и на курсах при МТС, и в школах механизации. В 1946 г. на курсах при машинно-тракторных станциях Центрального Черноземья было подготовлено 11 318 трактористов для работы на колесных тракторах, из них в Воронежской области – 4 113, Курской – 3 765, Орловской – 1 552, Тамбовской – 1 888 (87). Подготовкой механизаторов для работы на гусеничных тракторах и комбайнах занимались школы механизации сельского хозяйства. За 1945–1946 гг. только в школах механизации Воронежской области было подготовлено 442 тракториста, 340 комбайнеров и 300 механиков (88).

По данным сводного годового отчета МТС Воронежской области за 1946 г. (прил. 20) фактическая численность производственных рабочих оказалась на 1 312 человек, или на 5 %, ниже плановой. Особенно остро ощущалась нехватка трактористов и комбайнеров. В машинно-тракторных станциях Воронежской области на начало 1947 г. не хватало 4 155 трактористов и 236 комбайнеров, или соответственно 24 % и 14 % от их потребности. При этом значительную часть механизаторов составляли женщины и девушки: среди трактористов их было 3 637, или 27 %, а среди комбайнеров – 345, или 19 %. МТС

Центрального Черноземья не сумели восстановить довоенную численность механизаторских кадров. Так, в воронежских МТС на 1 января 1947 г. имелось 26692 механизаторов, а на 1 июля 1940 г. – 33714 (89), или на 7022 человек больше.

Основной производственной единицей машинно-тракторных станций являлась тракторная бригада, за ней закреплялось определенное количество тракторов, плугов, сеялок, культиваторов и других прицепных машин и орудий. Размер тракторной бригады зависел от применяемой техники. Она создавалась при наличии, как минимум, четырех колесных тракторов или вместе взятых колесных и гусеничных. В том случае, когда бригада состояла из одних гусеничных тракторов, то, в соответствии с постановлением правительства, их должно быть не менее трех. На практике нормативы не всегда соблюдались. В первые послевоенные годы, в связи с резким сокращением тракторов, во многих МТС Центрального Черноземья произошло разукрупнение тракторных бригад, они комплектовались из двух и даже одного трактора (90).

В состав тракторной бригады входили – бригадир, помощник бригадира, учетчик-заправщик, трактористы, прицепщики, подвозчик горючего и воды. В тракторных бригадах, имеющих в своем составе менее четырех колесных или мене трех гусеничных тракторов, не предусматривалась должность помощника бригадира. На каждый трактор назначались два тракториста – старший тракторист и его сменщик. Кроме того, в состав тракторной бригады входили прицепщики, по два на колесный трактор и по четыре на гусеничный. Тракторные бригады формировались на год в соответствии с производственным плановым заданием, но на практике трактористы в бригаде часто менялись, а состав прицепщиков обновлялся за сезон многократно (91).

Еще с довоенного времени работа машинно-тракторных станций оценивалась по количеству выработанных гектаров мягкой, или условной, пахоты. В оплате труда механизаторов главным показателем были размеры обработанной площади. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 марта 1939 г. «О нормах выработки и оплате труда трактористов в машинно-тракторных станциях» (92) применялась оплата труда трактористов и членов тракторных бригад в зависимости от выполнения и перевыполнения сменных норм вы-

работки. Начисление трудодней трактористам на всех видах полевых работ (кроме комбайновой уборки и молотьбы) производилось за выполнение сменной нормы выработки в размере 4 трудодней на колесных тракторах (93) и 5 трудодней – на гусеничных. Для трактористов 1-й категории расценки повышались на все виды работ на 10 %.

Указанным постановлением устанавливалась прогрессивная оплата по всем видам тракторных работ за перевыполнение сменной нормы. За перевыполнение на 25 % установленной нормы такая работа оплачивалась на 25 % выше обычных расценок; за перевыполнение норм от 25 % до 50 % оплата производилась в полуторном размере и за перевыполнение норм свыше 50 % – в двойном размере. За каждый гектар условной пахоты, выработанный сверх сезонной нормы, трактористам колесных тракторов дополнительно начислялось по половине трудодня, а трактористам гусеничных тракторов – по $^{1}/_{5}$.

Работа, выполненная трактористом некачественно, оплате не подлежала. С трактористов, нарушивших глубину вспашки, удерживалось 50 %, а с бригадира тракторной бригады – 10 % стоимости горючего, израсходованного на переделку работы. Трактористам не начислялась оплата за простой тракторов по каким-либо причинам (ремонт в поле, переезд тракторов, доставка машин от усадьбы МТС до места работы и обратно). За первые два дня работы на весеннем бороновании, за первые шесть дней на весенней культивации и севе начисление трудодней работникам тракторных бригад производилось в двойном размере.

На трудодни МТС выплачивали механизаторам ежемесячно денежный гарантийный минимум по 2 руб. 50 коп. Колхозы, со своей стороны, были обязаны выдавать продукты механизаторам МТС не менее 3 кг зерна за трудодень, а также разницу между гарантийной и фактической стоимостью денежной и натуральной частей трудодня в тех случаях, когда эта стоимость оказывалась выше гарантийного минимума.

Оплата труда механизатора в некоторой степени зависела от расходования горючего. За экономию горючего, при хорошем качестве полевых работ, трактористу выплачивалась премия в размере 50 % его стоимости. Бригадир тракторной бригады получал премию в размере 10 % стоимости горючего, сэкономленного в бригаде, помощник бригадира и учетчик-заправщик – 5 %. За пережог горючего

механизаторы наказывались: с тракториста удерживалась его полуторная стоимость, с бригадира тракторной бригады – 10 % и его помощника – 5 %.

Бригадирам тракторных бригад трудодни начислялись на 30 %, а их помощникам – на 20 % выше среднего заработка тракториста бригады. За хорошее качество работы им полагалась ежемесячная премия из средств МТС: бригадиру – в размере 75 коп. на каждый выработанный им трудодень, а помощнику бригадира – 50 коп. Учетчики-заправщики тракторных бригад в состав производственных рабочих МТС не входили, соответственно никакой денежной оплаты от МТС они не получали. Трудодни им начисляли колхозы, на полях которых работали тракторные бригады, в размере 2 трудодней за рабочий день с распространением на них гарантийного минимума натуроплаты, установленного для трактористов. Прицепщики также не входили в состав производственных рабочих МТС. Они выделялись колхозом на сезон. Начисление им трудодней производилось в половинном размере от выработки тракториста, с которым они работали.

Указанный порядок оплаты труда механизаторов машинно-тракторных станций, с небольшими изменениями, действовал в период 1939–1946 гг. Февральский (1947 г.) пленум ЦК ВКП(б) внес существенные коррективы в оплату труда механизаторов МТС. Он рекомендовал оплачивать труд работников тракторных бригад в зависимости от выполнения планов по урожайности сельскохозяйственных культур: при выполнении плана гарантийный минимум составлял 3 кг зерна на трудодень, при невыполнении – 2 кг (94). С 1 августа 1948 г. была введена новая оплата труда механизаторов МТС. Прежний порядок оплаты (прогрессивка) был оставлен только на комбайновой уборке и молотьбе (95).

Привязка гарантийного минимума натуроплаты трудодня к выполнению плана по урожайности на практике означала, что механизатор мог рассчитывать лишь на 2 кг зерна на трудодень. Планы по урожайности устанавливались высокие, мало кто их выполнял, равно, как и мало кто из механизаторов мог получить гарантийный минимум из расчета 3 кг за трудодень (96). Поэтому нельзя согласиться с оценками некоторых историков, будто в годы четвертой пятилетки осуществлялись мероприятия по повышению материальной заинтересованности механизаторов в результатах труда (97).

Изношенность машин, их конструктивные недоработки, несоблюдение технологии ремонта и правил эксплуатации приводили к частым поломкам техники. Вышедшие из строя тракторы и комбайны механизаторы ремонтировали тут же, «в борозде», причем эта работа трактористов не оплачивалась. Оплата труда механизаторам производилась только за конкретно выполненные полевые работы. Она складывалась из зарплаты, начисленной непосредственно в машинно-тракторной станции в зависимости от количества выработанных трудодней, и натуроплаты трудодней колхозами.

Об оплате труда трактористов МТС Центрального Черноземья в первые послевоенные годы можно судить по материалам самой крупной в регионе Воронежской области (прил. 21). Среднесписочный тракторист МТС Воронежской области за благоприятный в сельскохозяйственном отношении 1947 год заработал 483 трудодня и 1 207 руб. денег. На трудодни, при гарантийном минимуме натуроплаты в 2–3 кг зерна, тракторист мог получить от 970 до 1450 кг хлеба (98). Больше гарантийного минимума оплаты трудодня деньгами и натурой механизаторы, как правило, не получали. Колхозы были нищими, оплата трудодня в них носила символический характер (99). Поэтому добавить что-либо к оплате механизаторов сверх установленного минимума они не имели возможности (100).

Даже гарантийный минимум натуроплаты трудодней механизаторам колхозы далеко не всегда могли полностью оплатить. Под давлением партийно-государственных органов они стремились выполнить «первую заповедь» – рассчитаться с государством по поставкам зерна. Выдачу хлеба на трудодни колхозы часто задерживали, а случалось, не производили вовсе. Задолженность по натуроплате переходила из одного года в другой. В Тамбовской области задолженность колхозов механизаторам на 1 января 1947 г. составляла 84 069 ц зерна, на 1 января 1948 г. – 67 555 ц. Если в первом случае задолженность можно объяснить засухой и неурожаем 1946 г., то 1947 г., напротив, оказался благоприятным по природно-климатическим условиям и урожайным. Тем не менее, на 1 января 1948 г. работники тракторных бригад МТС области получили лишь 63 % подлежащего к выдаче хлеба (101). Подобное положение наблюдается и в других областях Центрального Черноземья. В докладе секретаря Курского обкома ВКП(б) В.И. Пугина на пленуме обкома партии 22 ноября

1949 г. в качестве примера приводится Прохоровский район, в котором 7 колхозов массива Прохоровской МТС совершенно не рассчитались с трактористами, а колхозы зоны обслуживания Береговской МТС не рассчитывались в течение двух лет и должны были механизаторам более 8 тыс. кг хлеба (102).

В отчетности машинно-тракторных станций показатель «среднесписочный тракторист» – условный, он призван фиксировать производительность труда, использование рабочей силы на производстве. При этом «среднесписочная численность» трактористов и их общая численность существенно различались. Так, в МТС Воронежской области на 1 января 1948 г. числилось 18 183 тракториста, что в 1,6 раза больше «среднесписочной численности». Это означает, что реальный тракторист в 1947 г. заработал меньше, чем это показано в сводном годовом отчете МТС (103).

Заработки трактористов были невелики. Сложилась парадоксальная ситуация, когда в тракторных бригадах многих МТС обслуживающему персоналу трудодней начислялось больше, чем механизаторам. В Солнце-Дубровской МТС Воронежской области в 1947 г. бригадирам тракторных бригад в среднем было начислено по 243 трудодня, а учетчикам заправщикам по 528. В Панинской МТС той же области бригадирам тракторных бригад Калинину, Миненко, Канунникову в 1947 г. начислено по 300–380 трудодней, а учетчикам-заправщикам Голубину, Беседину, Чикину – от 360 до 428 трудодней (104).

Существенную часть денежной оплаты труда работников тракторных бригад «съедали штрафы за пережог горючего». Машинно-тракторные станции страны в 1947 г. перерасходовали 229 068,9 т горючего (105). При общей сумме начисленной в 1947 г. зарплаты трактористам, бригадирам тракторных бригад и их помощникам в 740,4 млн руб., размер штрафов составил 151,0 млн руб., или 20,4 % (106). Иной раз штрафы за перерасход горючего превышали сезонный заработок тракториста. В 1947 г. Воронежский облисполком обращался с ходатайством в Совет Министров СССР о разрешении списать с трактористов штрафы за пережог горючего (107). Ситуация не изменилась и на следующий год. В 1948 г. 77 воронежских МТС потратили топлива на 1 200 т больше нормы, или в среднем 15,6 т на каждую станцию (108).

Перерасход горючего на тракторных работах допускало большинство МТС Центрального Черноземья. В 1948 г. 128 МТС Курской области перерасходовали горючего в объеме 2061 т, что составило 15,6 т на одну МТС (109). Материальные издержки перекладывались на работников тракторных бригад. За пережог горючего трактористу начислялась в виде штрафа полуторная стоимость горючего, израсходованного сверх нормы, бригадиру тракторной бригады – 10 %, его помощнику – 5 %. Средства за перерасход горючего переводились Госбанком СССР на особый 475-й счет (110). Механизаторы не только компенсировали стоимость горючего, израсходованного сверх нормы, но еще дополнительно вносили в казну 65 % его стоимости.

Несправедливость такого положения осознавали и в Главном управлении МТС Министерства сельского хозяйства СССР. В записке начальника Главного управления МТС П. Кучумова на имя заместителя Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова от 12 апреля 1948 г. разъясняется ситуация, когда многим трактористам несправедливо начислялись штрафы за пережог горючего. При сильном пересыхании почвы значительно увеличивается ее сопротивление при обработке. Это приводит к расходу горючего на 20–30 % выше установленных норм. На уборке полегших хлебов расход горючего превышал норму на 36–60 %, больше расходовалось моторного топлива на молотьбе низкоурожайного хлеба (3–4 центнера с гектара). На перерасход горючего влияла необеспеченность тракторов необходимым комплектом плугов и других прицепных машин и орудий, когда мощность трактора недоиспользовалась (111).

Однако доводы Министерства сельского хозяйства СССР на высшее партийно-правительственное руководство страны мало подействовали. Было разрешено несколько уменьшить штрафы за пережог горючего. С 1948 г. с механизаторов списывались штрафы, начисленные за перерасход горючего до 30 % против установленных норм. Штрафы частично списываются в том случае, когда перерасход горючего был допущен при уборке высокоурожайного или полегшего хлеба, пахоте пересохшей или переувлажненной почвы, молотьбе малоурожайного хлеба, пахоте участков, сильно заросших корневищными сорняками (112).

В машинно-тракторных станциях Центрального Черноземья доля штрафов, начисляемых трактористам за пережог горючего, по отно-

шению к зарплате превышала показатели по Министерству сельского хозяйства СССР и составила в 1947 г. – 30,4 % (прил. 22). Это было обусловлено слабостью материально-технической базы региона. Особенно высок удельный вес штрафов в Орловской области, которые составили 42,1 % от начисленной зарплаты (113). Сельское хозяйство Орловской области более других пострадало в период войны. Поставки тракторов в МТС осуществлялись без необходимого шлейфа прицепного сельскохозяйственного инвентаря, техника использовалась неэффективно. «Нам дали 12 тракторов, а плугов не дали ни одного, – сокрушался секретарь Верховского райкома ВКП(б) Орловской области Трембачев. – Плуги были не приспособлены к этим тракторам, поэтому трактористы имели пережог горючего. ...Создалось нездоровое положение среди трактористов, с них удерживали стоимость горючего, израсходованного сверх нормы, но они в этом не повинны» (114).

Положение не изменилось и в начале 1950-х годов, трактористов продолжали штрафовать за перерасход топлива. «В 1951 г. на трактористов начислено за пережог горючего полтора миллиона рублей, и в этом году огромные суммы начислены, – отмечал на пленуме Тамбовского обкома партии в декабре 1952 г. председатель облисполкома П.Ф. Морозов. – ...Но кто-нибудь интересовался: почему трактористы допускают пережог горючего? Во многих случаях причины пережога горючего от них не зависят. Либо агрегат сеялки не соответствует ширине, либо учет поставлен плохо, либо трактор надо поставить на профилактический ремонт... Все это ложится на шею тракториста» (115).

Помимо оплаты за полевые работы тракторист получал зарплату за проведение ремонтных работ в зимнее время. Но это были совсем небольшие деньги. В машинно-тракторных мастерских не было условий для производительной работы, отсутствовали необходимые станки, оборудование, технологическая оснастка. Многие мастерские во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. совсем не соответствовали своему предназначению: не отапливались, не имели постоянного электричества, водопровода и т. д. Отсюда – тяжелый и непроизводительный труд, низкая его оплата.

Лицевые счета Хворостянской МТС Хворостянского района Воронежской области за 1946–1950 гг. позволяют определить оплату

труда работников тракторных бригад на ремонте. Механизаторы проводили на ремонте техники 1–2 месяца. Чаще всего оплата труда на ремонте не превышала 100 руб. в месяц, но при этом существовали значительные отклонения от средних значений. В частности, трактористу А.А. Коровину в январе–феврале 1946 г. за работу на ремонте было начислено 160 руб., Н.В. Медведеву – за февраль 1949 г. 89 руб., А.Н. Немцеву в 1950 г. – 77 руб.. Очень мало на ремонте зарабатывали трактористы женщины: Т.Я. Красникова за февраль 1946 г. получила 30 руб., Р.И. Частушкина в январе 1948 г. – 13 руб., Е.М. Улупова в марте 1948 г. – 57 руб., И.Н. Машкова в январе 1949 г. – 46 руб. (116)

Лишь отдельным механизаторам удавалось зарабатывать на ремонте относительно хорошие деньги. Так, заработок тракториста Хворостянской МТС А.И. Тонких в январе 1948 г. составил 160 руб., в феврале – 381 руб., в марте 300 руб. (117) Но это единственный пример такого высокого заработка механизатора на всю МТС. «Среднесписочный ремонтник» воронежских МТС получал очень скромно, его заработок за 1946 г. составил 329 руб., за 1947 г. – 280 руб., за 1948 г. – 308 руб., за 1950 г. – 281 руб. (118). Это условная оплата. Постоянные работники мастерских – токари, медники, кузнецы, электрики имели более высокие заработки на протяжении всего года, механизаторы, занятые на ремонте, получали жалкие крохи.

Рабочие с непониманием и возмущением относились к приказам областного руководства о снижении расценок на ремонте сельскохозяйственной техники. Ничего не могли им объяснить на этот счет непосредственные начальники. На совещании заместителей директоров МТС по политчасти при Курском обкоме ВКП(б) 28 января 1949 г. в президиум была направлена записка с вопросом: «Почему областное управление сельского хозяйства дало указание на места: норму выработки на ремонте увеличить на 15 %, а расценки снизить на 13 %?». Ответ заместителя начальника областного управления сельского хозяйства Михальченко был краток: «Потому что получили такое указание из Москвы» (119). Таким путем достигалась «экономия» средств на ремонте техники. В результате у МТС появлялись деньги для приобретения дополнительного количества запчастей и материалов.

Даже мизерные заработки ремонтники далеко не всегда получали вовремя. Об этом говорилось на совещании работников МТС Воро-

нежской области в 1949 г. «У нас хромает дело с оплатой рабочих, 200 рублей и больше не платят, – отмечал заведующий машинно-тракторной мастерской Щученской МТС Ярцев. – Вышли деньги на ремонтный счет, так эти деньги директор и механик растратили на запасные части. Рабочим платят раз в три месяца. Когда говоришь, что надо выполнить какую-то работу, так рабочие говорят: чего работать, зарплату все равно не получишь» (120).

Характер работы и оплата труда комбайнеров, в сравнении с трактористами, имели свою специфику. Комбайнеры не являлись членами тракторных бригад, они находились на положении штатных работников МТС. Их труд в еще большей степени носил сезонный характер. Уборка зерновых культур в Центральном Черноземье начиналась в июле и продолжалась по сентябрь, а в иных случаях она велась и в октябре. В остальное время года комбайнеры были заняты на других работах. Оплата труда комбайнеров зависела от убранной площади и обмолота зерновых и семечковых культур. Она начислялась в денежной и натуральной форме по основным расценкам и премиальным надбавкам за перевыполнение дневных и сезонных норм уборки и обмолота хлеба, за предуборочный период и т. д.

Об оплате труда комбайнеров Центрального Черноземья можно судить на примере МТС Воронежской области за 1948 г. (прил. 33). «Среднесписочный комбайнер» воронежских МТС в 1948 г. заработал на уборке урожая 4 608 руб. денег и 1 788 кг хлеба. При этом следует учесть высокий коэффициент сезонности труда комбайнеров. Фактическая численность комбайнеров машинно-тракторных станций Воронежской области на 1 января 1949 г. в 2,4 раза превышала «среднесписочную численность», то есть реальный комбайнер в среднем получил в 1948 г. 1 913 руб. и 742 кг хлеба (121). В межсезонье комбайнеры использовались на ремонте техники, за что зарплата начислялась отдельно.

В целях поощрения трудовой активности работников сельского хозяйства правительство широко применяло меры морального стимулирования. За достижение высоких показателей на производстве в первые послевоенные годы рабочие и колхозники щедро награждались орденами и медалями. Только в 1947 г. среди работников МТС Воронежской области 6 человек были удостоены звания Героя социалистического труда, 22 человека получили ордена Ленина, 90 –

ордена Трудового Красного Знамени, 216 – медали «За трудовую доблесть», 159 – медали «За трудовое отличие» (122).

Меры морального стимулирования определенную роль играли. Одних моральных стимулов было недостаточно, следовало создать нормальные условия труда и достойно его оплачивать. Этого как раз и не было. Во время проведения зимнего ремонта многие трактористы приходили на работу из окрестных сел. В большинстве МТС не имелось элементарных бытовых условий для размещения людей. «Мы все говорим о том, что нужно создавать условия для нашего животноводства, чтобы не было скученности, – отмечала на пленуме Орловского обкома партии в январе 1954 г. бригадир тракторной бригады МТС Белокопытова. – А неплохо было бы создать условия и для трактористов. Лежат они рядом на нарах, спят они, не развалившись, а ребром и стоит только одному встать, как другой развалится и ему уже больше негде лечь. И приходится всю ночь сидеть на корточках, ждать, когда освободится место. А утром встают, даже помыться негде. Трактористы спят в грязных брюках, прикрываются грязной фуфайкой. В нашем колхозе имеется пруд, в который гоняют поить скот, и из этого пруда трактористы берут воду для умывания и питья» (123).

Работники тракторных бригад весь сезон проводили в поле, были оторваны от дома. Но они не имели элементарных условий для отдыха. «Из имеющихся в Пристенском районе 17 тракторных отрядов ни один не имеет будок для отдыха, и трактористы вынуждены спать на земле или идти в село за 6–8 километров, – с возмущением говорил секретарь Курского обкома ВКП(б) В.И. Пугин на пленуме обкома партии в июне 1949 г. – Многие трактористы не получают своевременного питания. В колхозе “Авангард” трактористов кормят один раз в сутки» (124).

За 5 лет условия труда механизаторов в МТС Курской области мало изменились. На совещании секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов и директоров МТС Курской области в мае 1954 г. секретарь обкома КПСС Ф.А. Пархоменко говорил: «Можно ли требовать высокой производительности труда от механизаторов, скажем, в Линецкой МТС Фатежского района. Во многих колхозах, обслуживаемых Линецкой МТС, нет даже подобия жилья для механизаторов, горячее питание в поле не организовано. Работники трак-

торных бригад в ненастную погоду укрываются под трактором, а после смены уходят отдыхать и питаться в деревню за 7–8 километров» (125).

На высоких партийных форумах неоднократно звучали слова о «нечеловеческих условиях», в которых находились механизаторы МТС. Партийные работники признавались, что многие из них не стали бы работать в таких условиях. «Вот мы с вами коммунисты, – говорилось в выступлении на пленуме Орловского обкома КПСС в феврале 1953 г. заместителя директора по политчасти Лавровской МТС Свенской, – но если бы оказались в этих условиях, то я уверена, что 50 % присутствующих здесь не вынесли бы такого натиска. Что значит работать летом под открытым небом при жаре 25–30 градусов, нет общественного питания, нет передвижных будок. В осенне-зимний период приходится работать на ремонте в еще худших условиях. Нет общежития, нет мастерских, нет красного уголка и общественного питания» (126).

В колхозах к работникам тракторных бригад относились как к людям, получающим «большие деньги». Поэтому для них устанавливали высокие цены на продукты питания, иной раз превышающие цены государственной и кооперативной торговли. Вследствие этого многие трактористы, проработав полевой сезон в колхозе, оставались должниками колхозов за питание. Задолженность с них взыскивалась по суду. В Пристенском районе Курской области в 1949 г. через народный суд была взыскана задолженность более чем с 40 трактористов. Дело дошло до того, что у тракториста Бобрышева в счет уплаты долга, по решению суда, увели корову (127).

Поэтому трактористы отказывались от общественного питания в колхозах, на что постоянно ссылались директора МТС. Об истинных причинах поведения механизаторов говорил на пленуме Тамбовского обкома КПСС 29 декабря 1952 г. председатель облисполкома Морозов: «Я думаю, не найдется такого тракториста, который отказался бы в период напряженных полевых работ от горячей пищи. Если они отказываются, то вынужденно, потому что выделяют плохие продукты, либо потому, что берут дорого, даже выше розничной цены. Такие примеры можно привести по многим районам. К сожалению, такое положение, когда трактористам отпускаются недоброкачественные продукты, имеет место довольно часто, считают, что сойдет, съедят трактористы» (128).

Видя такое отношение к трактористам, колхозники всячески уклонялись от работы в МТС. В 1950 г. в Мичуринской МТС Тамбовской области было 200 трактористов, а через 2 года их осталось 110. В 1952 г. в Мичуринской МТС из-за отсутствия механизаторов не использовалось 6 комбайнов. В Соколовской МТС Тамбовской области в 1952 г. недоставало 70 трактористов, даже мощные дизельные тракторы работали в одну смену, а 15 тракторов к концу года по этой причине совсем не работали (129).

Нехватка механизаторских кадров в машинно-тракторных станциях не позволяла организовать работу тракторов в две смены, трактористам приходилось работать с большим перенапряжением сил, по 14–16 и более часов ежедневно. В большинстве МТС условий для нормального отдыха не имелось. В результате физического переутомления и потери концентрации механизаторы получали тяжелые травмы. В 1953 г. только в МТС Тамбовской области 98 механизаторов получили тяжелые травмы, насмерть было задавлено 32 человека (130).

Мизерная зарплата деньгами, задержка с выдачей заработанного хлеба, систематические штрафы, тяжелые условия труда во время полевых работ и на ремонте техники в зимний период, отсутствие элементарных бытовых условий, неопределенность статуса – все это приводило к тому, что механизаторы стремились любыми путями уйти из МТС. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов проблема механизаторских кадров в Центральном Черноземье не была решена, хотя на курсах при МТС и в школах механизации сельского хозяйства были подготовлены десятки тысяч трактористов и комбайнеров. Только в Курской области ежегодно готовилось от 5 до 8 тыс. трактористов. Но проблема оставалась: примерно столько же механизаторов покидало МТС (131). Возникал замкнутый круг. Аналогичная обстановка сложилась и в соседних областях.

В МТС Воронежской области в 1949 г. отмечалась нехватка около 2 тыс. трактористов (132). Сложилась парадоксальная ситуация, когда при избытке трактористов в деревне в машинно-тракторных станциях постоянно ощущался их дефицит. Нехватка трактористов в МТС обуславливалась их текучестью. Главная причина оттока трактористов – это пренебрежительное к ним отношение. Об этом говорил на пленуме Орловского обкома ВКП(б) в феврале 1950 г. директор Кромской МТС Ефанов: «Из года в год трактористы не получают на зара-

ботанные трудодни хлеб. Секретарь райкома партии т. Челядин из года в год стремится засыпать семена, выполнить план хлебопоставок... Вследствие этого мы получаем отток кадров трактористов, в результате сейчас не хватает 25 трактористов, а 37 бывших трактористов МТС работают в колхозах. И какие мы только меры не принимали, чтобы возвратить этих людей в МТС. Успехи в этом деле очень плохие» (133).

Закрепление механизаторских кадров, производительность их труда в значительной степени зависели от оплаты труда. Правительство осознавало необходимость повышения оплаты труда механизаторов. С 1 ноября 1951 г. вводится новый порядок начисления трудодней трактористам (134). За выполнение сменной нормы выработки дополнительно начислялся 1 трудодень за работу на некоторых типах гусеничных тракторов. Старшему трактористу при выполнении им и его сменщиком двух сменных норм на закрепленном за ними тракторе начислялось дополнительно 10 % трудодней. Постановление правительства поощряло трактористов за выполнение наиболее сложных работ, таких как посадка и посев квадратно-гнездовым способом пропашных культур, их междурядная обработка. За выполнение указанных видов работ дополнительно им начислялось от 20 до 40 % трудодней от установленной нормы.

Согласно изменившемуся порядку оплаты труда, учитывались также квалификацию и стаж механизатора: трактористам первого класса, работающим в МТС более двух лет, при условии выполнения ими сменной нормы выработки дополнительно начислялось 10 % трудодней. Повышалось начисление трудодней прицепщику, если раньше оно производилось в размере 50 % от количества трудодней тракториста, то теперь – в размере 75 %.

Бригадирам тракторных бригад, их помощникам и учетчикам-заправщикам начисление трудодней производилось, исходя от общего количества выполненных тракторами бригады работ, пересчитанных на сменные нормы выработки. Бригадирам тракторных бригад, работающим без помощников, начислялось дополнительно 25 % трудодней к их прямой оплате, а еще им полагалась надбавка от 5 до 15 % трудодней в зависимости от стажа работы в данной МТС.

Постановление Совета Министров СССР увязывало оплату труда механизаторов МТС с урожайностью: при выполнении колхозом

планового задания по урожайности им начислялось дополнительно 10 % трудодней, за каждый процент перевыполнения планового задания по урожайности надбавка составляла еще 2 %. При этом надбавки за урожайность не могли превышать размер прямой оплаты. При невыполнении планового задания по урожайности с механизаторов списывались за каждый процент недовыполнения по 1 %, но не свыше 10 % трудодней.

Рассматриваемое постановление правительства сохранило порядок, при котором колхозы выдавали работникам тракторных бригад гарантийный минимум натурой в виде зерна. Одновременно оно установило гарантийный минимум деньгами в размере 4 руб. на трудодень, а учетчикам-заправщикам – 2 руб. (135)

Учет зарплаты оказался настолько запутанным, что механизатор не мог иной раз понять, сколько он заработал или сможет заработать при выполнении той или иной работы. Некоторые условия дополнительной оплаты были трудновыполнимы. Это касается оплаты за выполнение и перевыполнение планов урожайности. Обычно эти планы были так завышены, что механизаторы рассматривали их как нереальные и заранее ориентировались лишь на минимальную оплату труда (136). Денежная прибавка в оплате труда работников тракторных бригад оказалась не очень высокой, для механизаторов большее значение имела натуроплата трудодня, а она-то осталась неизменной. Перелома в настроениях механизаторов постановление правительство не вызвало, отток трактористов из МТС продолжался.

В машинно-тракторных станциях сложилась парадоксальная ситуация: рост подготовки механизаторов происходил одновременно с усилением их оттока. В Орловской области в 1951–1953 гг. было обучено и принято на работу в МТС 15,6 тыс. трактористов и 4,4 тыс. комбайнеров, однако за этот период МТС области покинуло 12,2 тыс. механизаторов. Острота проблемы механизаторских кадров не была снята. В 1953 г. из Верховской МТС Верховского района выбыла треть трактористов, из Хотынецкой МТС Хотынецкого района – 36 % трактористов и 40 % комбайнеров (137), а из Моховской МТС Моховского района в 1952 г. ушло более 70 % трактористов – 119 человек (138).

В результате высокой текучести кадров, в МТС Орловской области в 1952 г. из 13 с лишним тысяч механизаторов производственный

стаж 5 и более лет имели лишь 4 тысячи, или всего лишь 30 % (139). В МТС не удалось решить проблему механизаторских кадров. К началу весенне-полевых работ 1953 г. в машинно-тракторных станциях Орловской области не хватало 850 трактористов и 326 комбайнеров (140).

Численность механизаторов в МТС не была постоянной в течение года вследствие текучести кадров. Если к началу полевого сезона руководителям более-менее удавалось укомплектовать МТС трактористами, то к концу сезона многие из них бросали работу. К примеру, в Тамбовской области к началу весенне-полевых работ 1952 г. недоставало 403 тракториста, на 1 сентября – уже 1447 (141), а к концу года – почти 3-х тыс. трактористов и около 700 комбайнеров (142). Подготовка механизаторов не компенсировала их отток из МТС. Так, в Тамбовской области в 1950/51 учебном году было подготовлено 6934 механизатора, в 1951/52 – 6266, в 1952/53 – 5564. Всего за три учебных года в Тамбовской области было подготовлено 18764 механизатора (143). Тем не менее, дефицит механизаторских кадров преодолеть не удавалось. Аналогичное положение наблюдается во всем Центральном Черноземье. В Курской области в 1951–1953 гг. было подготовлено 22738 трактористов (144). Это значительно превышает среднегодовую численность трактористов МТС, но механизаторских кадров по-прежнему не хватало.

Работа механизатора МТС на селе расценивалась как очень тяжелая, и, что особенно важно выделить, она отрывала человека от личного подсобного хозяйства, которое являлось основой существования семьи в деревне. Поэтому на учебу в школы механизации и на курсы трактористов при МТС колхозы направляли людей с большим опозданием по принципу «наименьшей полезности», лишь бы выполнить разнарядку. «Как у нас ставится вопрос о подборе механизаторских кадров? – возмущался на пленуме Орловского обкома ВКП(б) секретарь обкома И.А. Волков. – Облзо доводит разверстку до МТС. Райкомы партии эту разверстку утверждали, а МТС писали извещения председателям колхозов о том, что вы должны выделить столько-то человек. Кого выделяют колхозы, этот вопрос никого особенно не интересовал» (145).

Среди слушателей курсов трактористов при МТС было много подростков, которые еще не окрепли физически и потому не могли

работать в МТС. «Многие колхозы посылают на курсы трактористов тех, кто плохо работает в колхозе, очень часто подростков или людей с физическими недостатками, – отмечал секретарь Курского обкома партии В.И. Пугин на пленуме обкома. – Колхоз "День коллективизации" Марьинского сельского совета Пристенского района направил в Черновецкую МТС 4-х человек, из которых двое сразу после учебы были призваны в армию. А двое трактористов, оставшихся после обучения, работать не смогли, так как не в силах были завести трактор, вследствие физической слабости» (146).

В начале 1950-х годов в Центральном Черноземье сложилась такая ситуация, когда в машинно-тракторных станциях не хватало трактористов не только для двухсменной работы, но в ряде случаев трактора простаивали. В частности, в Хотынецкой МТС Хотынецкого района Орловской области в сентябре 1952 г. за 14 тракторами было закреплено только по одному трактористу, 7 тракторов не имели механизаторов. За 10-тью гусеничными тракторами «СХТЗ—НАТИ» оказались закрепленными трактористы, которые совершенно не имели никакой подготовки и посажены на трактор после 2-х–3-х недельной работы. В некоторых МТС Орловской области вообще не смогли освоить дизельные тракторы (147). В Ново-Никольской МТС Тамбовской области в 1953 г. из-за нехватки механизаторов все пахотные тракторы работали только в одну смены, но при этом в колхозах зоны обслуживания данной МТС не по специальности работали 60 трактористов (148).

На низкую квалификацию трактористов жаловались и директора МТС Воронежской области. За 1952 г. в МТС области сменилось 25 % трактористов и комбайнеров, а в отдельных станциях – до 40 %. «В нашу МТС весной приходило много людей, которые по существу не знали техники, – говорил в октябре 1953 г. на пленуме Воронежского обкома партии Платонов, директор Калмыцкой МТС Поворинского района. – Они проработают два-три дня и выводят тракторы из строя» (149). Так было во многих МТС Воронежской области (150).

Механизатор в МТС – центральная фигура, однако он по социальному положению оставался колхозником. Ему не полагались оплата отпуска, больничных листов, пособия по временной нетрудоспособности и пенсия по инвалидности и старости. В центральные

органы власти, в редакции газет руководители и механизаторы МТС направляли письма, в которых просили о помощи. Заместитель директора по политчасти Волоконовской МТС Курской области Н.И. Селихов в письме в редакцию газеты «Социалистическое земледелие» в августе 1951 г. спрашивал, как быть в такой ситуации: «Тракторист Ткачев С.И. проработал в МТС 8 лет. В эту весну он болел полтора месяца. Врач ему выдал больничный лист. Но так как тракторист не состоял в штате МТС, не являлся членом профсоюза, то МТС не может оплатить ему больничный лист. В колхозе его тоже не оплачивают, ссылаясь на то, что т. Ткачев работал в МТС» (151).

Криком о помощи пронизано письмо в редакцию газеты трактористки А.Д. Маренковой из Тамбовской области: «В течение 10 лет я проработала трактористкой в Шпикуловской МТС и ЛЗС им. Горького... Во время зимнего ремонта я заболела гриппом, но перемогая себя не бросала работы. Однако силам есть предел. Я слегла в постель. Оказалось, что у меня заболели легкие. Врач рекомендовал немедленное курортное лечение. Я обратилась к своему директору ЛЗС т. Кретинину с просьбой послать меня на курорт, но он мне категорически отказал, ссылаясь на то, что я не профсоюзная... Директор предупредил меня также, что бюллетень по болезни оплачивать он тоже не собирается. И что же делать дальше – работать или умереть от туберкулеза? А работать и жить хочется!» (152).

В организации производственной деятельности машинно-тракторных станций, как и на многих государственных предприятиях, наряду с экономическими рычагами широко использовались методы внеэкономического принуждения. Эта тенденция особенно резко проявилась в первые послевоенные годы. В арсенале средств администрации МТС по организации производства важнейшее место занимала такая мера, как передача материалов в прокуратуру и суд. Народный суд мог вынести решение о тюремном заключении сроком от 2-х до 4-х месяцев или приговорить условно – к исправительным работам по месту работы на срок до 6-ти месяцев с удержанием из заработной платы до 25 % (153). На практике суды выносили, как правило, наказание в виде исправительных работ.

Администрация Хворостянской МТС Хворостянского района Воронежской области в 1946–1953 гг. направила в народный суд дела на 65 человек (154). Из 16 дел, переданных директором Хворостян-

ской МТС в суд в 1946 г., более половины – 9, это дела на трактористов женщин. Они привлекались к судебной ответственности за отказ выходить на ремонт техники в зимних условиях, за невыход на ремонт техники в ночную смену, за отказ посещать курсы трактористов, за опоздания на работу и прогул. Обращает на себя внимание приказ директора МТС от 28 января 1946 г.: «Трактористка Горюшина Е.М. с 17 января на работу не является, отказывается, ссылаясь на то, что она вышла замуж и по этой причине на тракторах якобы работать не может. Приказываю: передать дело на трактористку Горюшину Е.М. в народный суд» (155). Даже изменившееся семейное положение женщины не учитывалось при комплектовании тракторных бригад.

В 1947 г. администрация Хворостянской МТС за нарушение трудовой и производственной дисциплины направила в районный суд дела на 22 человек. Основную группу дел составили материалы за опоздание и невыход механизаторов на работу, таких было 11 дел. В книге приказов особняком стоит запись от 8 марта 1947 г.: «Рыжикова Нина Васильевна… с обеда ушла самовольно с работы, несмотря на то, что ее трактор находится в ремонте. …Передать материалы на Рыжикову Н.В. в народный суд для привлечения к уголовной ответственности, как за прогул» (156). Весьма символично, что подобная запись была сделана в день 8-е марта, который отмечался в СССР как международный женский праздник. Но, как видно, на деревенских женщин этот порядок не распространялся.

В структуре оплаты труда механизаторов МТС в первые послевоенные годы основное место занимала натуроплата, которая выдавалась неаккуратно. Это приводило к возмущению трактористов, к конфликтам внутри МТС. Подобный прецедент случился в Хворостянской МТС. В районный суд были переданы материалы на бригадира тракторной бригады Соколова, который «являлся организатором трактористов на то, чтобы не работать из-за невыдачи хлеба» (157).

Направление дел механизаторов в судебные органы осуществлялось администрацией МТС бессистемно, пострадать мог любой. О том, как принимались решения о передаче дел на механизаторов в народный суд, с возмущением рассказывал на Орловской областной конференции КПСС в январе 1954 г. ее делегат, бригадир передовой тракторной бригады Бегичевской МТС Краснозоренского района Бе-

локопытова: «У нас очень необъективно подходят к людям, если тракторист не вышел на работу, то, даже не разобравшись, его отдают под суд. Я как-то зашла в МТС, смотрю – работник по кадрам пишет, что Касторного надо отдать под суд из-за того, что он не вышел на работу. ...Приходит тракторист. Я говорю ему: ты что, досиделся. Тебя под суд отдают, у него волос поднялся дыбом. Как же так, говорит, проработал 15 лет, выговора не имел и вдруг под суд. Я говорю ему – бежи сейчас к директору... Ну, правда, тракторист успел, дело на него в суд не передали. Но, однако, после этого еще троих товарищей записали под суд. Не знаю, как так можно руководить» (158).

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годах в качестве одного из методов внеэкономического принуждения в организации работы машинно-тракторных станций использовались товарищеские суды. Товарищеский суд при Ново-Оскольской МТС Ново-Оскольского района Курской области в 1952 г. рассмотрел 15 дел работников, которые совершили различные проступки (опоздание на работу, прогул). Нарушители трудовой дисциплины давали обещания исправиться и соблюдать трудовой график, в качестве меры воздействия, чаще всего, им объявлялось «последнее предупреждение». Из 15 рассмотренных дел товарищеский суд направил в народный суд только 3 (159).

Положение механизаторов МТС стало решительно меняться после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, принявшего решение о переводе трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников, машинистов экскаваторов и их помощников, а также учетчиков-заправщиков в разряд постоянных работников. Они зачислялись в штаты МТС, а прицепщики, помощники комбайнеров включались в штаты МТС в качестве сезонных рабочих (160).

Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы машинно-тракторных станций» конкретизировало решения сентябрьского пленума по МТС, в том числе и по вопросу оплаты труда механизаторов. Повышалась оплата труда работников тракторных бригад машинно-тракторных станций, начисляемая в качестве гарантийного минимума. Гарантийная оплата трудодня деньгами во второй территориальной зоне, куда были отнесены центрально-черноземные области, составляла для трактористов, бригадиров тракторных бригад

и их помощников – 6 руб.; учетчиков-заправщиков – 3 руб.; помощников комбайнеров – 4 руб.; прицепщиков – 2 руб. 50 коп. (161).

Кроме того, сохранялся прежний порядок, когда колхозы производили выплату денег механизаторам в зависимости от трудодней, как и колхозникам. Сохранялась и дополнительная плата механизаторам за перевыполнение планов по урожайности сельскохозяйственных культур (162).

Вводились новые ставки оплаты ремонтных работ в мастерских, по механизации животноводческих ферм, выполняемые постоянными рабочими тракторных бригад. За выполнение нормы выработки ставка бригадира тракторной бригады составляла 20 руб., помощника бригадира, комбайнера, тракториста 1-го класса – 18 руб., тракториста 2-го класса, помощника комбайнера – 15 руб., учетчика-заправщика – 13 руб. На повременной оплате за 8 часов работы начислялось соответственно – 18, 15, 13, и 10 руб. (163).

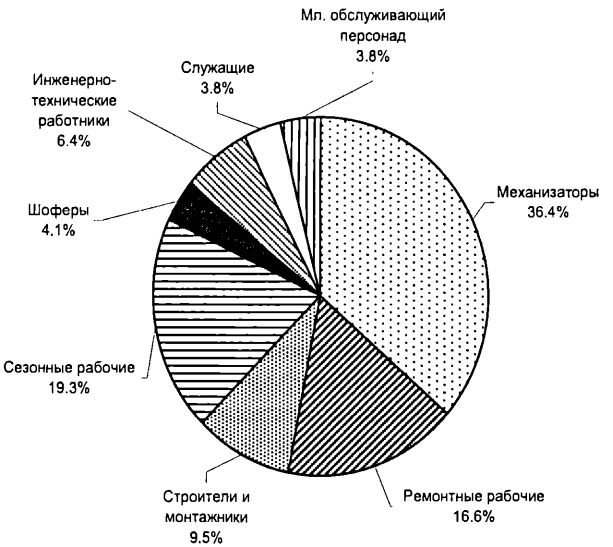
Меняется порядок натуральной оплаты работников тракторных бригад. Раньше они получали заработанное на трудодни зерно в колхозах. Теперь зерно продовольственных культур, причитающееся механизаторам по гарантийному минимуму, колхозы должны были сдавать на государственные заготовительные пункты одновременно с натуроплатой для последующей выдачи МТС (164).

В прессе началась пропагандистская кампания по привлечению механизаторов в МТС, печатались статьи о высоких заработках трактористов, начисляемых по новым расценкам, 700–800 руб. в месяц (165). В газетах публиковались сведения о массовом возвращении механизаторов в МТС (166). Это было сильное преувеличение. Материалы прессы нашли свое отражение и в некоторых научных трудах (167). Власти на местах поначалу надеялись на массовый приток механизаторов в МТС. Пленум Воронежского обкома КПСС даже рекомендовал директорам МТС при приеме механизаторов «требовать от каждого из них характеристику с места работы». Однако никакого наплыва желающих переехать из города в МТС не было. В первые месяцы после сентябрьского пленума из промышленных предприятий Воронежской области вернулись только 113 трактористов и 50 представителей других специальностей (168). В соседних областях региона сложилась аналогичная обстановка. В МТС Курской области на начало 1954 г. вернулось 70 механизаторов, Орловской – 242, Тамбовской – 333 (169).

Постепенно в настроениях механизаторов происходит перелом. В МТС Центрального Черноземья в 1954–1957 гг. стабилизировался состав механизаторов, сократилась их текучесть (прил. 24 и диаграмма 5). За это время наблюдается постоянный рост среднегодовой численности работников МТС, занятых на тракторных и других механизированных работах в колхозах. В 1954 г. на тракторных и механизированных работах в колхозах было занято 59 530 человек, в 1957 г. – 65 824, прирост составил 6294 человек, или почти 11 % (170).

Диаграмма 5

Состав работников МТС Центрального Черноземья в 1957 г.



Рост среднегодовой численности механизаторов обусловлен увеличением объемов тракторных работ в колхозах и поступлением в МТС новой сельскохозяйственной техники. Одновременно происходит сокращение численности сезонных производственных рабочих – с 42 070 человек до 34 909 (171). Это касается в основном прицепщиков. Во второй половине 1950-х годов в МТС Центрального Черно-

земья поступает большое количество навесных сельскохозяйственных орудий (плугов, культиваторов, лущильников и др.), оборудованных гидравликой, что позволяло трактористу управлять орудиями, не выходя из кабины. В результате повысилась производительность труда механизаторов, сократилась потребность в прицепщиках.

В 1954–1957 гг. качественно улучшилась подготовка механизаторских кадров МТС. В соответствии с постановлением сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС создавались училища механизации сельского хозяйства с расширенной программой обучения. С 1953 по 1958 гг. их число выросло с 506 до 800 (172). Они готовили трактористов-машинистов, бригадиров тракторных бригад, электромонтеров с годичным сроком обучения, трактористов с квалификацией слесаря, механиков-комбайнеров – с 6-ти месячным сроком обучения. С 1 февраля 1956 г. училища механизации перешли на подготовку одного профиля – трактористов-машинистов с годичным сроком обучения. Они готовили две трети механизаторов в стране. Таких училищ только в Орловской области было образовано 7, за 1954–1955 гг. они подготовили 6747 механизаторов (173). По-прежнему подготовка большого количества механизаторов велась на курсах МТС, так как значительная часть выпускников училищ механизации получала назначение в районы освоения целинных и залежных земель (174).

С переводом механизаторов в разряд постоянных рабочих МТС возникла проблема их занятости. Руководители многих станций не смогли обеспечить работой всех механизаторов, особенно в осенне-зимний период. В Рамоньской МТС Воронежской области из 188 постоянных рабочих в I квартале 1954 г. совсем не работали 58 человек (175). В МТС Курской области из 15009 постоянных рабочих тракторных бригад в I квартале 1954 г. не участвовали в ремонте машин 7184, или 48 % (176).

В весенне-летний период труд постоянных рабочих МТС также использовался не полностью. В Рамоньской МТС Воронежской области в апреле 1954 г. трактористы были заняты на работе только 27 % рабочего времени, в мае – 70 %, в июне – 56 % и в июле 51 % (177). Такое положение наблюдается и в других МТС области. В Калачеевской МТС из-за отсутствия работы тракторист Борисов в июле 1954 г. простоял 10 дней, трактористы Коновалов и Маричев

в мае того же года не работали по 12 дней. Некоторые механизаторы самостоятельно договаривались с колхозами о производстве тех или иных работ. В колхозе имени Чапаева Воронежской области в июне и июле 1954 г., по частному соглашению, работали на сеноуборке 3 бригадира тракторных бригад, 2 их помощника, 3 учетчика и 19 трактористов Латненской МТС (178).

При всех недостатках в организации работы механизаторов МТС производительность и оплата их труда значительно выросли. В 1954–1957 гг. оплата труда механизаторов машинно-тракторных станций Центрального Черноземья заметно превысила показатели прошлых лет (прил. 35). В Воронежской области в 1955 г. тракторист МТС в среднем заработал 5757 руб. и 21,5 центнера зерна, комбайнер соответственно – 5013 руб. и 25,2 центнера (179). (1955 г. для Центрального Черноземья оказался очень удачным по погодно-климатическим условиям и сопровождался высокой урожайностью сельскохозяйственных культур).

Оплата труда механизаторов МТС многократно превышала оплату труда колхозников. Вместе с распределенными на трудодни продуктами, пересчитанными на деньги по государственным розничным ценам, среднегодовой заработок трудоспособного колхозника в центральных районах страны в 1954 г. колебался в пределах 700–900 руб. (180). Таким образом, механизаторы МТС зарабатывали почти на порядок больше колхозников. В то же время их заработки были ниже, чем рабочих в промышленности (181).

Как и в предшествующий период, механизаторы не получали весь заработанный хлеб. В 1954 г. колхозы 11 районов Воронежской области из-за отсутствия зерна не смогли рассчитаться с механизаторами МТС. В Орловской области таких районов было 4 (182). Задолженность по натуроплате труда механизаторов переходила из года в год. В 1955 г. работникам МТС Воронежской области не было выдано 166435 ц зерна, или 27 % подлежащего к выдаче, в 1957 г. – соответственно 144750 ц зерна, или 26 % (183).

Сверх фонда оплаты труда работники тракторных бригад получали премии за выполнение плана по урожайности, за сдачу натуроплаты, за снижение себестоимости тракторных работ, за сохранение тракторов, комбайнов и экономию горючего, за счет фонда директора МТС, премии по социалистическому соревнованию. Но размер пре-

миальных выплат был невелик. В 1954 г. механизаторы МТС Воронежской области в качестве премии получили 91 тыс. руб., или менее 10 руб. на одного среднегодового работника (184).

В результате перехода на новый порядок оплаты труда трактористов и других работников тракторных бригад МТС разница в заработках механизаторов МТС и колхозников еще более увеличилась. В 1955 г. 1,7 млн работников тракторных бригад МТС страны получили почти 10 млрд. руб., тогда как всем колхозникам было определено к выдаче 27,5 млрд. руб. (185)

Руководство страны видело решение проблемы не в том, чтобы принять меры к повышению доходов колхозников. Напротив. Оно сократило государственные расходы на оплату труда механизаторов. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 августа 1956 г. «Об оплате труда трактористов и других механизаторских кадров МТС» оплата труда механизаторов возлагалась на колхозы. Только в том случае, когда в колхозе выдача денег на трудодень не достигала гарантийного минимума, МТС за счет государства производили соответствующую доплату (186).

Постановление носило закрытый характер, оно не публиковалось. В рабочих коллективах МТС после объявления о новом порядке оплаты труда происходили многочисленные споры и конфликты. В центральные и местные органы власти, в редакции газет поступали многочисленные жалобы механизаторов. Возмущенные рабочие спрашивали: «Почему постановление правительства о снижении зарплаты трактористам МТС не было опубликовано в печати?». Они писали о неразберихе, возникшей с оплатой труда: «никто не платит ни колхоз, ни МТС», «ходим вымазанные, только глаза блестят, а получать нечего», «деньги перечислены за целый год, бухгалтерия не разбивает их по месяцам, производит вычеты подоходного налога из общей суммы» (187).

Председатель ЦК профсоюзов рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок СССР С. Егураздов обратился в президиум ЦК КПСС с запиской, в которой сообщал о снижении трудовой дисциплины среди рабочих МТС в связи с изменением оплаты труда. Зарплата механизаторов МТС, указывает руководитель профсоюзов, снизилась более чем на 30 %. В 1955 г. только 6 % колхозов СССР выдали на трудодень свыше 6 руб., а в среднем на трудодень колхо-

зы выдавали 2 руб. 81 коп. (188) Это означает, что механизаторы могли рассчитывать лишь на гарантийный минимум денежной оплаты трудодня.

В ряде МТС механизаторы оставляли работу. В Тамбовской области подали заявление об увольнении 40 рабочих Ракшинской МТС, 35 трактористов Н. Угловской МТС (189). Такое же положение было и в МТС других областей Центрального Черноземья. В МТС Курской области в конце 1956 г. уволилось более трех с половиной тысяч трактористов (190). Чтобы удержать механизаторов, некоторые директора машинно-тракторных станций не объявляли им приказ об изменении порядка оплаты труда (191).

О возникшем напряжении среди механизаторов МТС докладывал в ЦК КПСС первый секретарь Белгородского обкома партии М. Крахмалев. В 1956 г. в Белгородской области оплата труда трактористов МТС по сравнению с 1954–1955 гг. снизилась на 2 руб. 50 коп. – 2 руб. 80 коп. за трудодень. В итоге ежемесячный заработок тракториста уменьшился на 120–150 руб. и составил 440–450 руб. В 1956 г. из-за неблагоприятных погодных условий многие колхозы Белгородской области получили низкий урожай зерновых культур и не выдали механизаторам хлеб на заработанные трудодни по гарантийному минимуму. Белгородский обком партии просил ЦК КПСС и Совет Министров СССР, в порядке исключения, оставить в силе до 1 января 1958 г. прежний порядок оплаты труда механизаторов МТС (192). С аналогичной просьбой обратился в ЦК КПСС и Тамбовский обком партии. Просьбы были отклонены с формулировкой – ввиду «неприемлемости» предложения (193).

Постепенно страсти по вопросу оплаты труда в рабочих коллективах машинно-тракторных станций улеглись, хотя денежная часть заработка механизаторов МТС в 1956–1957 гг., в сравнении с 1955 г., понизилась. Но все познается в сравнении: в 1956 г. в колхозах Липецкой области было определено к выдаче на 1 трудодень деньгами – 1 руб. 34 коп., 1,1 кг зерна и 0,17 кг картофеля (194). Таким образом, рядом с колхозником механизатор МТС ощущал себя успешным человеком.

После кончины И.В. Сталина изменилась аграрная политики советского государства и, что не менее важно, изменилось отношение общества к деревне, оно стало уважительно-сострадательным. В ли-

тературе появилось целое направление – «деревенская проза» (В. Овечкин, Ф. Абрамов, В. Распутин и др.). Деревенская тема по-новому раскрывалась и в кино. Постепенно меняется и отношение представителей власти к труженикам сельского хозяйства. Если в первые послевоенные годы в организации работы МТС доминировали административно-принудительные методы, то в период 1954–1957 гг. в большей степени стали применяться методы экономического стимулирования. Директора МТС с большим стажем работы не могли сразу перестроиться, действовали «по старинке», привычными методами: штрафовали рабочих по всякому поводу, произвольно удлиняли рабочий день, объявляли рабочими днями выходные и т. д. Прокурорские работники, дезориентированные происходящими в стране событиями, к удивлению и непониманию администрации МТС, принялись строго контролировать соблюдение трудового законодательства.

Прокуратура Трубетчинского района Липецкой области «вдруг» обнаружила нарушение трудового законодательства со стороны директора Трубетчинской МТС С.Ф. Маршутина, который в 1954 г. штрафовал механизаторов за простой тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники. Сумма штрафов доходила до 600 и более рублей. В приказе по управлению сельского хозяйства Липецкой области директору МТС С.Ф. Маршутину выносилось предупреждение о неправомерности его действий, деньги, удержанные с рабочих в качестве штрафа, предписывалось вернуть (195). В Колыбельском и Становлянском районах данной области прокуратура также «вскрыла факты грубого систематического нарушения трудового законодательства директорами МТС». На основании прокурорской проверки в 1955 г. отменялись приказы директоров МТС об увеличении продолжительности рабочего дня с 8 до 11–12 часов и «систематическом объявлении дня отдыха рабочим днем» (196). Аналогичные предписания директорам МТС выносила и прокуратура Тамбовской области. (197)

В послевоенные годы производственная деятельность колхозов полностью зависела от машинно-тракторных станций. При этом вплоть до конца 1953 г. основную массу механизаторов составляли колхозники, находившиеся в МТС на положении сезонных работников. Использование сельскохозяйственной техники с высоким уровнем амортизации, слабость ремонтной базы, низкий уровень оплаты труда,

социальная незащищенность делали работу механизатора тяжелой и мало привлекательной. Штрафы за пережог горючего, задолженность по выдаче хлеба в качестве натуроплаты только усугубляли ситуацию. Многие механизаторы стремились любыми путями покинуть МТС. Поэтому руководители машинно-тракторных станций в 1946–1953 гг. в качестве мер наведения порядка на производстве широко использовали методы внеэкономического принуждения механизаторов: товарищеский и народный суд, прокуратуру. В таком положении оказался механизатор в послевоенные годы. И как можно его причислить к «рабочей аристократии»?

Положение механизаторов МТС изменилось после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. Они получили статус рабочих государственного предприятия, значительно выросла оплата их труда. В период реформ Н.С. Хрущева в МТС создавалась качественно новая производственная и социальная инфраструктура. Хотя этот процесс и не был завершен к 1958 г., тем не менее, во многих МТС улучшились условия труда и жизни работников, сложились постоянные трудовые коллективы. Механизаторы стали дорожить рабочим местом, часть их была обеспечена государственным жильем.

К 1958 г. в машинно-тракторных станциях Центрального Черноземья сформировались кадры дипломированных специалистов и механизаторов – трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников, комбайнеров, ремонтников. В МТС, как в базовых предприятиях колхозного производства, были сосредоточены наиболее квалифицированные работники сельского хозяйства, которые, в сравнении с колхозниками, имели лучшие условия труда, более высокую оплату труда и соответственно – более высокий уровень жизни. Работники машинно-тракторных станций во многом определяли уровень агротехнической культуры колхозного производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 3974. – Л. 76.
2. Там жс. – Ед. хр. 4021. – Л. 24.
3. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1940 и 1946 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 206. – Л. 227; Ед. хр. 209. – Л. 9, 34; Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 101об.; Ед. хр. 48. – Л. 60об.;

Ед. хр. 116. – Л. 30; Ед. хр. 150. – Л. 135об.; Ед. хр. 255. – Л. 115об. Самые низкие показатели обеспеченности кадрами агрономов и механиков МТС Орловской области отчасти объясняются тем, что в 1944 г. была образована Брянская область, в состав которой вошли западные районы Орловской области. Это отразилось на общем количестве МТС. Если в 1940 г. в Орловской области действовали 129 МТС, то в 1946 г. – 90. См.: РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 206. – Л. 2; Оп. 14. – Ед. хр. 255. – Л. 120.

4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – В 5 Т. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. – Т. 3. 1941–1952. – М., 1968. – С. 423.

5. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4159. – Л. 117.

6. Там же. – Л. 113–117.

7. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 582. – Л. 97.

8. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 5. – Ед. хр. 672. – Л. 54; Ед. хр. 673. – Л. 68.

9. Там же. – Ед. хр. 1. – Л. 150.

10. Там же. – Оп. 4. – Ед. хр. 2. – Л. 24.

11. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 5. – Ед. хр. 672. – Л. 54; Ед. хр. 673. – Л. 68; РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 6. – Ед. хр. 209. – Л. 9.

12. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 172. – Л. 1.

13. Там же. – Оп. 6. – Ед. хр. 209. – Л. 9.

14. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – М., 1958. – С. 595.

15. Там же. – С. 616.

16. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 1. – Л. 96.

17. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 165. – Ед. хр. 131. – Л. 76.

18. Там же. – Л. 87.

19. Там же. – Л. 103.

20. *Тюрина А.П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства (1946–1958 гг.). – М., 1973. – С. 214.

21. Там же. – С. 215.

22. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – В 5 Т. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. – Т. 4. 1953–1961. – М., 1968. – С. 51.

23. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. В 5 т. – Т. 1. – М., 1962. – С. 102.

24. *Кучумов П.С.* Полнее использовать внутренние резервы МТС // В помощь директору МТС. *Выпуск I.* – М., 1954. – С. 27– 28.

25. *Тюрина А.П.* Указ. соч. – С. 217.

26. *Кучумов П.С.* Указ. соч. – С. 27–28.

27. *Тюрина А.П.* Указ. соч. – С. 219.

28. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 24. – Ед. хр. 559. – Л. 5.

29. Там же. – Л. 64.

30. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 1789. – Л. 155.

31. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Ед. хр. 136. – Л. 9–11.

32. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 1789. – Л. 68.

33. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2394. – Л. 43.

34. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 88. – Л. 47.

35. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 1789. – Л. 3.

36. Там же.

37. Там же. – Л. 16.

38. Там же. – Л. 9.

39. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2394. – Л. 43.
40. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Ед. хр. 5. – Л. 119–120.
41. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2241. – Л. 164.
42. Там же. – Л. 226.
43. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 40. – Л. 46.
44. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 9879. – Л. 6, 20.
45. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2241. – Л. 226.
46. Там же. – Л. 164.
46. Там же. – Ед. хр. 2265. – Л. 99.
47. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 27. – Л. 49, 52.
48. Там же. – Л. 52.
49. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 21. – Л. 22–23.
50. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – В 5 т. – Т. 2. – М., 1962. – С. 91.
51. Там же. – С. 92.
52. Там же.
53. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 9. – Ед. хр. 176. – Л. 24–25.
54. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 9855. – Л. 25.
55. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 1935. – Л. 89.
56. *Чистяков В.Б.* Формирование состава специалистов и работников массовых профессий в сельском хозяйстве Российской Федерации (1945 - конец 1950-х годов). – М., 1996. – С. 126; *Он же.* Производственные кадры сельского хозяйства Российской Федерации. 1945–1965 гг. – М., 2000. – С. 118.
57. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 33. – Ед. хр. 3. – Л. 126.
58. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2730. – Л. 1–2.
59. Там же.
60. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 78. – Ед. хр. 15. – Л. 103.
61. *Чистяков В.Б.* Производственные кадры сельского хозяйства Российской Федерации. – С. 118.
62. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2394. – Л. 44.
63. Там же.
64. Там же.
65. Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству. – Т. 1. – М., 1957. – С. 182–187.
66. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 65. – Л. 40.
67. Там же. – Л. 54.
68. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 5291. – Л. 19.
69. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 202. – Л. 4.
70. Там же.
71. Там же.
72. Рассчитано по: РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 65. – Л. 10, 40, 54, 97, 114, 136–137.
73. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 202. – Л. 5.
74. В советской историографии указанное мероприятие рассматривалась как однозначно позитивное и эффективное, приведшее к улучшению работы специалистов, переведенных из штатов МТС в колхозы. Так, например, А.В. Лосев подчеркивает: специалисты, став равноправными членами колхоза, улучшили свою работу, «теперь они сами были заинтересованы в подъеме колхозного производства» // См.: *Лосев А.В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). – Воронеж, 1965. – С. 93.

75. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 65. – Л. 7.

76. Там же.

77. Там же. – Оп. 45. – Ед. хр. 142. – Л. 130.

78. Там же. – Оп. 46. – Ед. хр. 116. – Л. 148.

79. Там же. – Ед. хр. 164. – Л. 2.

80. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России в 1930-х – 1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. – 2005. – № 7; Они же. Капитализация в российской деревне 1930–1980 годов. – Вологда, 2005 и др.; *Корнилов Г.Е.* Модернизация сельского хозяйства Урала в XX веке: этапы, направления, результаты // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. Сборник статей / Ред. кол.: С.А. Есиков [и др.]; гл. ред. Г.Е. Корнилов.– Оренбург, 2007; *Он же.* Аграрная модернизации России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 2(19) и др.

81. См.: *Безнин М.А., Димони Т.М.* Российская аграрная модернизация 1930-х – начала XXI века // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. – М., 2008. – С. 157.

82. Рассчитано по годовым отчетам МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г.: РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 101об.; Ед. хр. 48. – Л. 60об.; Ед. хр. 150. – Л. 135; Ед. хр. 255. – Л. 115об.

83. Там же.

84. Там же. – Ед. хр. 47. – Л. 101об.

85. Там же.

86. История советского крестьянства. – Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. – М., 1987. – С. 176–177.

87. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 98; Ед. хр. 48. – Л. 57; Ед. хр. 150. – Л. 138; Ед. хр. 255. – Л. 112.

88. Там же. – Ед. хр. 47. – Л. 93.

89. Там же. – Ед. хр. 24. – Л. 33.

90. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4710. – Л. 179–180.

91. *Басюк Т.Л.* МТС – решающая сила в развитии колхозного производства. – М., 1954. – С. 131.

92. См.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. – М., 1948. – С. 176–220.

93. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 января 1940 г. «О плохом использовании колесных тракторов в МТС и совхозах и мерах повышения их производительности» оплата труда трактористов, работающих на колесных тракторах марок «СТЗ» и «ХТЗ», повышена до 4,5 трудодней за выполнение сменной нормы выработки // Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. – С. 177.

94. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 410–411.

95. *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. (1945–1958). – М., 1976. – С. 57.

96. В 1947 г. только 5 % тракторных бригад МТС Тамбовской области выполнили годовые производственные задания в полном объеме. // РГАЭ. – Ф.7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 34. – Л. 39об.

97. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы: Колхозы СССР в 1946–1950 гг. – М., 1972. – С. 50; *Вылцан М.А.* Указ. соч. – С. 57.

98. Рассчитано по материалам сводного годового отчета МТС Воронежской области за 1947 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 29. – Л. 91–91об.

99. В Орловской области в 1948 г. на трудодень колхозы выдали зерна 530 грамм, картофеля 795 грамм, сена 760 грамм, денег 23 копейки, в 1949 г. – соответственно зерна 620 грамм, картофеля 300 грамм и денег 35 копеек. // ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 5. – Ед. хр. 7. – Л. 5.

100. Только в единичных случаях механизаторы МТС могли получить натуроплату трудодня, превышающую гарантийный минимум. Так, по итогам работы в очень благоприятном 1947 г. в Каменно-Бродской МТС, Дегтянского района Тамбовской области, выполнившей все плановые задания, на каждый выработанный трудодень работникам тракторных бригад было определено к выдаче 4 кг зерна. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 40. – Л. 5–8.

101. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 34. – Л. 40.

102. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 972. – Л. 77.

103. Рассчитано по: РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 29. – Л. 91–91об.; Ед. хр. 34. – Л. 40.

104. Там же. – Оп. 1. – Ед. хр. 4710. – Л. 183.

105. *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). – С. 99.

106. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4715. – Л. 129.

107. Там же. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 29. – Л. 146.

108. Там же. – Ед. хр. 86. – Л. 75.

109. Там же. – Л. 164.

110. Там же. – Оп. 1. – Ед. хр. 4729. – Л. 39, 222.

111. Там же. – Ед. хр. 4715. – Л. 130–131.

112. Там же. – Ед. хр. 4507. – Л. 134–135.

113. РГАЭ. – Оп. 1. – Ед. хр. 4715. – Л. 130–131.

114. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 4. – Ед. хр. 5. – Л. 37.

115. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8857. – Л. 132.

116. ГАЛО. – Ф. Р–1747. – Оп. 2. – Ед. хр. 27. – Л. 44; Ед. хр. 29. – Л. 2; Ед. хр. 36. – Л. 25; Ед. хр. 45. – Л. 47; Ед. хр. 49. – Л. 1; Ед. хр. 45. – Л. 44.

117. Там же. – Ед. хр. 36. – Л. 1.

118. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 29. – Л. 91–91об.; Ед. хр. 47. – Л. 101об.; Ед. хр. 86. – Л. 9; Ед. хр. 311. – Л. 15об.

119. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 1036. – Л. 74.

120. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 24. – Ед. хр. 181. – Л. 41.

121. Рассчитано по материалам сводного годового отчета МТС Воронежской области за 1948 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 86. – Л. 7об., 9.

122. ГАВО. – Ф. Р–1766. – Оп. 1. – Ед. хр. 3247. – Л. 125.

123. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 9. – Ед. хр. 3. – Л. 108.

124. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 956. – Л. 93–94.

125. Там же. – Ед. хр. 2394. – Л. 7.

126. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 8. – Ед. хр. 2. – Л. 207.

127. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 956. – Л. 94.

128. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8857. – Л. 129.

129. Там же. – Ед. хр. 8857. – Л. 19.

130. Там же. – Ед. хр. 9855. – Л. 15.

131. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 1680. – Л. 143.

132. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 24. – Ед. хр. 31. – Л. 49.

133. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 5. – Ед. хр. 2. – Л. 94.

134. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 595–596.

135. (Для механизаторов, работающих в хлопкосеющих колхозах Средней Азии, гарантийный минимум составил 5 руб. на трудодень, а в республиках Закавказья – 7).

136. *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). – С. 158.

137. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 8. – Ед. хр. 8. – Л. 75.

138. Там же. – Ед. хр. 2. – Л. 176.

139. Там же. – Оп. 7. – Ед. хр. 1. – Л. 253.

140. Там же. – Оп. 8. – Ед. хр. 2. – Л. 176.

141. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1188. – Л. 107.

142. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8857. – Л. 104.

143. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1188. – Л. 107.

144. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 1935. – Л. 121.

145. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 3. – Л. 123.

146. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 972. – Л. 44.

147. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 1. – Л. 253.

148. Тамбовская правда. 23 октября 1953 г.

149. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 28. – Ед. хр. 24. – Л. 116.

150. Для того, чтобы отсеять из МТС неквалифицированных трактористов, управление сельского хозяйства Воронежской области в 1949 г. разработало проект постановления облисполкома Совета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) «О проведении аттестации трактористов в 1949–1950 гг.». В проекте постановления отмечался низкий уровень технической грамотности трактористов, неудовлетворительная организация курсовой подготовки трактористов при МТС, когда трактористы при окончании учебы не получали никакого удостоверения. Стояла задача провести аттестацию трактористов МТС при техникумах и школах механизации и ввести единую форму удостоверения тракториста. Однако проект реализован не был // ГАВО. – Ф. Р–1766. – Оп. 1. – Ед. хр. 3247. – Л. 204–205.

151. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 138. – Ед. хр. 301. – Л. 85.

152. Там же. – Л. 88.

153. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – № 20.

154. Подсчитано по книгам приказов Хворостянской МТС Хворостянского района Воронежской области за 1946–1953 гг. // ГАЛО. – Ф. Р–1747. – Оп. 2. – Ед. хр. 22, 30, 31, 35, 41, 48, 64, 75.

155. Там же. – Ед. хр. 22. – Л. 2.

156. Там же. – Ед. хр. 31. – Л. 31.

157. Там же. – Ед. хр. 30. – Л. 24.

158. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 9. – Ед. хр. 21. – Л. 110.

159. ГАБО. – Ф. Р–1314. – Оп. 3. – Ед. хр. 21. – Л. 6–69.

160. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 45–46.

161. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. – Т. 4. 1953–1957. – М., 1958. – С. 99.

162. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 47.

163. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 100.

164. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 54.

165. См., напр.: А. Гладких. Растут заработки механизаторов // Орловская правда. –1953. – 30 декабря.; В. Анпилов. Высокий заработок механизаторов // Курская правда. –1953. – 20 ноября.

166. Курская правда. – 1953. – 30 декабря.

167. См., напр.: *Лосев А.В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). – С. 76.

168. *Паневин А.С.* Об укреплении сельского хозяйства квалифицированными механизаторскими кадрами. Деятельность Воронежской областной партийной организации по выполнению решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.) – Воронеж, 1961. – С. 9.

169. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 1789. – Л. 9, 16, 70.

170. Подсчитано по материалам годовых отчетов МТС Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей за 1954–1957 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 1204. – Л. 7, 25, 135, 153, 171, 244; Ед. хр. 1241. – Л. 7, 25, 98, 151, 169, 241; Ед. хр. 1275. – Л. 7об., 25об., 115об., 150об., 168об., 243об.; Ед. хр. 1295. – Л. 25об., 61об., 102об., 192об., 231об., 243об.

171. Там же.

172. *Арутюнян Ю.В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. – М., 1960. – С. 214.

173. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 58. – Ед. хр. 136. – Л. 253.

174. По оценке Ю.В. Арутюняна в 1954 г. для целинных районов было подготовлено 60 тыс. трактористов и комбайнеров, в 1955 г. – 99 тыс. // *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. – С. 215.

175. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 5329. – Л. 37–39.

176. *Вылцан М.А.* Указ. соч. – С. 166.

177. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 5329. – Л. 39.

178. Там же. – Л. 40.

179. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской области за 1954–1957 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 1204. – Л. 25–25об.; Ед. хр. 1241. – Л. 25–25 об.; Ед. хр. 1275. – Л. 7об.–8.; Ед. хр. 1295. – Л. 192об.–193.

180. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 111. – Л. 72.

181. В 1955 г. среднемесячная зарплата рабочих в промышленности составляла 762 руб. // *Симуш П.И.* Социальный портрет советского крестьянства. – М., 1976. – С. 110.

182. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 6. – Л. 30–31, 57–58.

183. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 1241. – Л. 25об.; Ед. хр. 1295. – Л. 193об.

184. Там же. – Ед. хр. 1204. – Л. 26.

185. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 142. – Л. 13.

186. Там же. – Л. 11.

187. Там же. – Ед. хр. 178. – Л. 11–23, 70.

188. Там же. – Ед. хр. 142. – Л. 146.

189. Там же. – Л. 147.

190. РГАСПИ. – Ф. 556. – Оп. 22. – Ед. хр. 88. – Л. 171.

191. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 142. – Л. 147.

192. РГАСПИ. – Ф. 556. – Оп. 22. – Ед. хр. 152. – Л. 129–130.

193. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 242. – Л. 131.

194. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 7. – Ед. хр. 113. – Л. 137.

195. ГАЛО. – Ф. Р–584. – Оп. 1. – Ед. хр. 69. – Л. 75.

196. Там же. – Ед. хр. 68. – Л. 12, 84.

197. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 9855. – Л. 14–15.

Глава V

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СИСТЕМА «КОЛХОЗЫ – МТС»

В послевоенные годы уровень социально-экономического развития колхозной деревни во многом определяли машинно-тракторные станции. Взаимоотношения колхозов и МТС строились на административных началах, они являлись отражением сущности аграрной политики советского государства, которая оказалась неэффективной в плане решения проблемы продовольственной безопасности страны. Руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым объясняло создавшееся положение несогласованностью в работе колхозов и МТС. Тезис о «двух хозяевах на одной земле» стал главным аргументом при принятии решения о реорганизации МТС. При таких обстоятельствах очень важно исследовать отношения между колхозами и машинно-тракторными станциями. В чем главная причина недостаточно результативной работы производственной системы «колхозы – МТС»? Какова роль МТС в колхозном производстве?

МТС и колхозы: неравноправное партнерство

В централизованной системе советской экономики колхозы составляли важнейший элемент, они входили в систему государственного планирования, управления и контроля, оставаясь формально негосударственными, кооперативными предприятиями. Важнейшая роль в государственном управлении колхозной деревни в послевоенное время принадлежала машинно-тракторным станциям, которые осу-

ществляли практически 100-процентный охват колхозов в Центральном Черноземье. В среднем на административный район приходилось 2–4 станции. Так, к примеру, в 1956 г. в Курской области насчитывалось 33 района, в которых функционировало 97 МТС (прил. 36). В 10 районах (30,3 %) имелось по 2 МТС, в 15 районах (45,4 %) – по 3 станции, в 8 районах (24,3 %) – по 4. В Курской области в середине 1950-х годов одна машинно-тракторная станция в среднем обслуживала от 6 до 10 колхозов, чаще всего в колхозе работали 1–2 тракторные бригады МТС (1).

В послевоенное время вертикаль централизованного управления колхозным производством выстраивалась следующим образом. В каждом областном управлении сельского хозяйства существовал отдел механизации, начальник которого являлся одновременно заместителем начальника управления. Отдел механизации руководил работой МТС области. МТС являлись центрами организации сельскохозяйственного производства каждого административного района. Взаимоотношения колхозов и МТС регулировались договорами между ними.

По закону перед началом весенних полевых работ МТС были должны заключать договоры с колхозами на агротехническое обслуживание. В договоре следовало отразить виды и объемы тракторных работ, агротехнические приемы, сроки их выполнения и т. д. С юридической точки зрения, договор МТС и колхоза являлся главным документом, определявшим характер и содержание их взаимоотношений. На практике в первые послевоенные годы руководители МТС и колхозов к составлению договоров относились формально.

Работники аппарата Министерства сельского хозяйства СССР, контролировавшие ход тракторных работ в колхозах, повсеместно отмечали не только факты нарушения договоров МТС с колхозами, но и их полное отсутствие. По результатам проверки работы МТС Воронежской области 25 июня 1947 г. издается приказ по Министерству сельского хозяйства СССР, в котором жесткой критике подвергается практика заключения и выполнения договоров МТС и колхозов. Свободинская МТС заключила договоры с 19 колхозами из 24, причем все они не были зарегистрированы в райисполкоме. Кривецкая МТС имела договоры со всеми 34 колхозами своей зоны обслуживания, но лишь в одном экземпляре, и до колхозов они не были доведены. Большинство договоров на общих собраниях кол-

хозников не обсуждалось. На некоторых договорах отсутствовали подписи председателей колхозов, директоров МТС, даты заключения и регистрации, не указывались даты начала и окончания полевых работ (2).

В некоторых случаях руководители МТС составляли договоры с колхозами как план тракторных работ. К примеру, директор МТС имени XVII партсъезда Курской области Певнев в 1947 г. по собственному усмотрению заполнил бланки договоров и через учетчиков тракторных бригад вручил их колхозам «Верный путь» и «Октябрьская победа» (3).

Работник Министерства сельского хозяйства СССР Черемушкин, командированный в 1947 г. в Тамбовскую область контролировать ход весеннего сева в колхозах, отмечал отсутствие договоров МТС с колхозами. «Отношение к заключению договоров МТС с колхозами остается формальным, – писал он. – Об этом можно судить хотя бы по заявлению секретаря обкома партии т. Волкова, что, мол, трудно сказать, чем в настоящее время полезнее заниматься – заключением договоров или организацией и проведением вовремя весеннего сева» (4).

Чем объясняется пренебрежительное отношение руководства машинно-тракторных станций и колхозов к практике оформления договоров о сотрудничестве? Определяющим фактором при составлении договоров МТС на производственное обслуживание колхозов являлся не учет материально-технических ресурсов МТС, а спущенный сверху план тракторных работ.

Планирование работ МТС осуществлялось следующим образом. Министерство сельского хозяйства СССР запрашивало от краев, областей и республик проекты планов тракторных работ, которые разрабатывались на основе динамики выполнения планов за прошлый год. Министерство сельского хозяйства вносило в представленные проекты некоторые коррективы и затем направляло проект единого плана на утверждение в Совет Министров СССР и Госплан. Главный недостаток существующей системы планирования заключается в том, что учитывались не конкретные показатели по каждой МТС, а средние обезличенные цифры по области или республике. План тракторных работ во многих случаях составлялся механически, без учета машин и инвентаря (5).

При составлении плана развития Воронежской области на 1951 г. Госплан СССР произвольно увеличил общую посевную площадь озимых и яровых культур на 18,8 тыс. га, технических и масличных культур – на 21,1 тыс. га. Плановые задания посева этих культур превышали емкость севооборотов на 15 тыс. га. При этом общий объем тракторных работ по сравнению с предшествующим годом был увеличен на 892 тыс. га условной пахоты, из которых 457 тыс. га нельзя было принять за отсутствием работ (6).

Спущенные сверху плановые задания нередко вызывали недоумение у руководства машинно-тракторных станций и колхозов, для их выполнения не было ресурсов. 6 февраля 1950 г. на заседании совета Ново-Оскольской МТС Курской области обсуждался вопрос о плане тракторных работ. В итоге совет МТС вынес заключение о том, что установленный объем тракторных работ для МТС на 1950 г. не укладывается в общий объем работ колхозов. Совет МТС обратился с просьбой к областному управлению сельского хозяйства сократить весеннее боронование зяби на 2 тыс. га, подъем пара – на 600 га, посев яровых – на 1,5 тыс. га, культивацию пропашных – на 1,5 тыс. га, молотьбу зерна – на 6300 т (7).

Проблема планирования тракторных работ приобрела такую остроту, что не раз обсуждалась на пленумах обкомов партии. «Планы Министерства сельского хозяйства облуправлением сельского хозяйства разверстываются механически, – отмечалось в выступлении директора Кромской МТС Кромского района Орловской области Ефанова на пленуме обкома партии в феврале 1950 г., – здесь не смотрят на среднюю выработку, а просто так дают одной МТС 700 гектаров, другой 500. Нам запланировали 719 гектаров на 15-сильный трактор. ...Вы, говорят, вырабатываете из года в год по 600 гектаров, нельзя меньше планировать потому, что это будет оппортунистическое планирование» (8).

После получения плановых заданий руководству МТС предстояло их отобразить в договорах с колхозами. Осознавая невозможность выполнения запланированного объема работы в агротехнические сроки, руководители многих МТС воспринимали заключение договоров с колхозами как формальную процедуру, перепоручали эту работу участковым агрономам или механикам. «Заключение договоров с колхозами часто поручается второстепенным работникам МТС, –

констатировал на пленуме Курского обкома ВКП(б) 22 ноября 1949 г. заместитель начальника областного управления сельского хозяйства Чесноков. – Проходит это дело формально. Директор МТС часто стоит в стороне, заместитель директора по политчасти, старший агроном и старший механик также стоят в стороне от этого дела» (9).

В большинстве колхозов договор с МТС воспринимался как документ, нужный лишь самой МТС. Предварительный проект договора составлялся в МТС, затем его выносили на обсуждение общего собрания членов колхоза. Дискуссий, как правило, не возникало, что предлагали, то колхозники и принимали. «Когда приезжаешь с договором в колхоз, зачитываешь этот договор, то где там колхозники – сам председатель колхоза сидит и дремлет, потому что ему безразличен этот план, – делился своими впечатлениями с коллегами директор Бутурлиновской МТС Воронежской области Кульбацкий. – Он знает, что директор записал 700 гектаров культивации, а у него полторы тысячи гектаров – кто же их будет культивировать? (...) Председатель колхоза улыбается и говорит – "вас райком заставит"» (10).

С января 1948 г. вступил в силу новый Типовой договор между колхозом и МТС, который затем подвергался редакции в 1949 и 1954 гг. Их содержание свидетельствует о возрастающем подчинении колхозного производства государству. МТС и колхоз берут на себя обязательства по обеспечению определенного уровня урожайности сельскохозяйственных культур. Этого обязательства не было в прежних договорах, теперь он выдвигается на первое место как основная цель, ради которой МТС и колхоз заключали договор. В связи с этим в формуляре договора устанавливается расширенный перечень видов тракторных работ: пахота с предплужниками, вспашка залежи, целины и пластов многолетних трав, перекрестный сев яровых и озимых, вспашка под лесозащитные полосы и др. (11)

Ранее при заключении договоров допускалось произвольное установление сроков начала полевых работ. В новом договоре было определено, что «календарные сроки начала отдельных видов тракторных работ устанавливаются перед началом полевых работ соглашением МТС и колхозом, с расчетом проведения работ в лучшие агротехнические сроки» (12).

Особое значение имеет пункт 7 договора, который отражает ведущую и организующую роль МТС в колхозном производстве. В нем указывается: машинно-тракторная станция обязана «оказывать постоянную помощь колхозу в деле его организационно-хозяйственного укрепления путем агрономического обслуживания колхоза, внедрения достижений сельскохозяйственной науки, содействия в правильной организации труда, составления производственных планов и приходно-расходных смет колхоза, установления правильного севооборота, распределении доходов, подготовки колхозных кадров и постановке учета» (13).

Еще большие изменения в Типовом договоре 1948 г. претерпел раздел «Колхоз обязуется». В нем на первое место выдвигается обязательство колхоза по сдаче государству натуроплаты за тракторные работы МТС. Типовой договор в новой редакции возлагал на колхоз обязательства по строительству для колхозных и тракторных бригад полевых станов на участках, удаленных от села более чем на 8 км. При полевых станах следовало оборудовать общежития, кухни-столовые, простейшие закрытые хранилища для горючих и смазочных материалов (погреб или навес), помещения для бригадной мастерской, площадки для стоянки тракторов и сельскохозяйственных машин. Особо следует выделить положение Типового договора, устанавливающее перечень работ, которые колхоз обязан выполнить своим живым тяглом и инвентарем с указанием качества и сроков проведения работ (14).

Таким образом, Типовой договор 1948 г. (и его последующие редакции) предусматривал жесткие обоюдные обязательства как для машинно-тракторных станций, так и для колхозов. Их выполнение требовало не только больших усилий трудовых коллективов, но и определенных материально-технических ресурсов. В целом договорные отношения МТС и колхозов, по справедливому замечанию М.А. Вылцана, отражали и закрепляли возрастающую роль МТС в колхозном производстве (15).

Нехватка ресурсов в сельскохозяйственном производстве приводила к тому, что агротехнические мероприятия производились с нарушением сроков. Уже на стадии заключения договора машинно-тракторной станции с колхозом очень часто агротехнические условия не соблюдались. Так, в 1948 г. Ново-Усманская МТС Воронеж-

ской области в договорах с колхозами устанавливала растянутые сроки проведения весенне-полевых работ. По договору с колхозом «Венок Ильичу» предпосевную культивацию на площади 100 га МТС обязалась провести за 29 рабочих дней, посев яровых зерновых культур на площади 150 га – за 28 рабочих дней. Поныровская, Возовская, Белгородская и Тавровская МТС Курской области в договорах с колхозами вообще не устанавливали качественные показатели и сроки выполнения полевых работ (16).

Из-за слабости материально-технической базы, просчетов в организации производства договоры с колхозами в полном объеме МТС выполняли редко. По итогам 1948 г. из 165 МТС Воронежской области тракторные работы в полном объеме выполнили по весновспашке 83 МТС, а в срок – 40, по вспашке пара – соответственно 100 и 8 МТС. На уборке зерновых культур план выполнили 115 МТС (17).

Аналогичное положение наблюдается и в соседней Орловской области: из 3 764 колхозов, обслуживаемых МТС в 1948 г., только в 427 хозяйствах договоры выполнены в срок и в полном объеме тракторных работ. Из-за плохого качества работы по МТС Орловской области было забраковано в 1948 г. 682 га весновспашки, 95,5 га предпосевной культивации, 19 га ярового сева, 242,5 га пахоты пара, 39 га культивации пара, 22 га озимого сева и 30 га зяби. Вся эта браковка тракторных работ произведена агрономами МТС и главными агронома районных отделов сельского хозяйства. Очень редко работа механизаторов МТС получала неудовлетворительную оценку со стороны колхозов (18).

Многие руководители МТС и колхозов не только не предъявляли другу претензий за нарушение обязательств по договору, но и составляли фиктивные акты на приемку работ. Так, в 1948 г. Подгоренская МТС Воронежской области в колхозе «День урожая» оформила как работу, произведенную в срок, 239 га культивации пара, которая по соглашению должна быть закончена к 1 августа, а фактически выполнена с 20 августа по 20 сентября (19).

Положение дел во взаимоотношениях МТС и колхозов принципиально не изменилось и в начале 1950-х годов. В докладной записке инструктора Курского обкома партии Н.Е. Старкова на имя секретаря обкома Н.Г. Горошникова отмечалось, что при заключении договоров с колхозами в 1952 г. работники Дмитриевской МТС рас-

тягивали сроки выполнения отдельных работ. Так, на весеннюю культивацию почвы отводилось 12–16 рабочих дней, на посев яровых – 16–18, на подъем пара – 14–22, на уборку зерновых комбайнами – 25–30 и на посев озимых – от 15 до 18 дней (20).

Со стороны колхозов нарушений договоров с машинно-тракторными станциями было еще больше. Колхозы, ослабленные войной и послевоенным голодом, не выполняли сельскохозяйственных работ на живом тягле, не соблюдали агротехнических мероприятий (вывозка навоза, снегозадержание, яровизация и протравливание семян и т. д.). В 1948 г. в Воронежской области колхозы, обслуживаемые Ладомировской МТС, план культивации и весновспашки выполнили на 17 %, подъема паров – на 18 %, культивации паров – на 4 %, пахоты зяби – на 13 %, посева озимых – на 33 %, а лущение стерни на 1 600 га вообще не производили. Все показатели договоров со стороны колхозов оказались невыполненными (21).

Такое положение наблюдалось во всем Центральном Черноземье. Заместитель директора по политчасти Тимской МТС Курской области Чайкин на совещании в обкоме партии в июне 1948 г. критиковал местные органы власти за слишком лояльное отношение к колхозам. «Проверили 18 колхозов, – говорил он, – из них только в двух колхозах МТС не выполнили договор. Но со стороны колхозов невыполненных договоров больше. Какие нужно принимать меры, когда колхоз не выполняет договор? В договоре сказано, что в этом случае решает народный суд. В двух колхозах посеяли некондиционными семенами, в одном перепахали 9 гектар пшеницы, в другом – 25 гектар. Мы ставили вопрос на совещании с секретарем райкома и председателем райисполкома, поговорили, так и осталось» (22).

Эффективность работы тракторных бригад МТС на колхозных полях в значительной мере зависела от обслуживания самих тракторных отрядов колхозами. Соответствующие пункты включались в договор между колхозами и МТС. Очень часто и этот пункт договора не соблюдался: тракторы нередко простаивали из-за того, что колхоз не предоставлял прицепщиков, не организовывал своевременного подвоза горючего, воды и т. д. В Андриановской МТС Воронежской области из-за отсутствия прицепщиков в колхозе «Молодой коммунар» трактор простоял 15 часов, в колхозе «Путь хлебороба» – 30 часов, в колхозе «Красный проводник» – 10 часов. За невыполнение

договорных обязательств МТС предъявила колхозам денежные иски соответственно на 511, 729 и 271 руб. (23)

Предъявление претензий за невыполнение условий договора между машинно-тракторной станцией и колхозом – это исключительный случай. Представитель Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР по Орловской области Глубоков в отчете о выполнении договоров МТС и колхозов в 1948 г. писал: «Ни в одной МТС области не было предъявлено претензий на материальное возмещение убытков за плохое выполнение договора ни со стороны МТС колхозу, ни со стороны колхоза к МТС» (24).

В первые послевоенные годы колхозы были маломощными и очень сильно зависели от машинно-тракторных станций. В колхозах Курской области в 1940 г. насчитывалось 308,8 тыс. голов лошадей, а в 1947 г. – 47,8 тыс. голов, или 15,4 % от довоенного уровня (25). Колхозы не имели возможности выполнить большинство директивно спускаемых показателей. В 1949 г. колхозы в зоне обслуживания Васильевской МТС Воловского района Курской области вместо 740 га зяби смогли вспахать только 100, из 700 га пара подняли всего лишь 183, из 5 тыс. га паров прокультивировали 250 (26).

В таком же положении оказались колхозы других областей Центрального Черноземья. «Колхозы в большинстве своем надеются на МТС, не выполняют плана работ на своем живом тягле, – отмечал на пленуме Хворостянского райкома ВКП(б) Воронежской области 26 января 1950 г. главный агроном районного отдела сельского хозяйства И.И. Бурков. – К предстоящему весеннему севу колхозы готовятся слабо. Не отремонтирован полностью сельскохозяйственный инвентарь, не завозят минеральные удобрения, не вывозят навоз на поля, не проводят снегозадержание» (27). В постановлении пленума Хворостянского райкома партии отмечалось, что колхозы «стремятся переложить работу на МТС» (28).

Многие руководители МТС, ради выполнения производственно-финансового плана, предпочтение отдавали «легким работам». Мотивация проста – изношенные тракторы были не в состоянии полностью отработать весь сельскохозяйственный цикл. Директора машинно-тракторных станций «экономили» свои ресурсы. В выступлении первого секретаря Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронина на собрании областного партийного актива 10 марта 1947 г. такая практика

обозначалось как «вредная»: «МТС боятся, как чёрт ладана, подъема твердых почв, подъема залежей. И стараются выполнить как можно больше легких работ. А если ты, председатель, не желаешь, я сяду и уеду. Такое командование председателями колхозов, к сожалению, в МТС – частое явление» (29).

Председатель колхоза в послевоенное время – фигура трагическая, он оказывался в положении «между молотом и наковальней». С одной стороны, ему надо было организовать работу колхозников, не имевших материальных стимулов и трудившихся «за палочки». С другой стороны, власти строго спрашивали с него за выполнение плана поставок государству сельскохозяйственной продукции. В итоге председатели колхозов на своих постах долго не задерживались: одни уходили по собственному желанию, других освобождали по настоянию вышестоящего руководства, а третьи привлекались к уголовной ответственности за те или иные прегрешения. В Курской области в 1946 г. сменилось 1 843 председателя колхоза, или больше одной трети, а за февраль 1947 г. – еще 837, или около 20 % от общей численности (30). В Орловской области в 1946–1947 гг. сменилось 2 547 председателей колхозов, или 63 % (31). Перетасовка председательских кадров продолжалась и в последующие годы. В Воронежской области в 1949 г. было освобождено от работы 1 069 председателей, или 25 %, а в Каширском районе председательский корпус был обновлен на 44 % (32).

Во взаимоотношениях руководителей машинно-тракторных станций и колхозов равноправного партнерства не было. Через МТС шла реализация аграрной политики государства, в них были сосредоточены сельскохозяйственные машины и инвентарь. Директора МТС ощущали себя хозяевами положения, часто вели себя «по-барски» по отношению к колхозам, не забывали они и о своей личной выгоде. «Директор МТС Октябрьского района превратил колхозы в подсобное хозяйство для себя, – возмущенно говорил секретарь Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронин на собрании областного партийного актива в марте 1947 г. – Приезжает в колхоз и говорит: “Три воза сена должно быть завтра у меня дома”. Председатель отвечает: “Сена у меня нет”. Послезавтра снимает трактора. В следующем колхозе заявляет: “Столько-то пчелосемей доставьте в МТС”. Ему говорят, что нет пчелосемей. Опять: “Снимаю трактора”. А что значит снять трак-

тора? Это значит – всех колхозников оставить без хлеба. ...Многие директора МТС усвоили себе этот тон в работе с председателями колхозов» (33).

Подобная картина наблюдалась не только в Курской области, она стала повсеместной. На пленуме Орловского обкома ВКП(б) 8 апреля 1948 г. приводились слова члена колхоза «Борьба за освобождение» П.А. Никонова о взаимоотношениях с МТС. «Мы были все время пасынками, потому что бедные, – рассказывал колхозник. – Помагарычить у нас нечем, нет ни садов, ни пчел. МТС даст лучшие трактора и раньше тем, кто поближе к ним, да побогаче, а нам – что от богатых останется» (34). То же самое происходило и в Тамбовской области. «Некоторые наши работники потеряли всякую совесть, – отмечал секретарь Тамбовского обкома ВКП(б) Золотухин на пленуме обкома партии 23 июня 1952 г. – Директор Рассказовской МТС Назаров в 1951 г. содержал в колхозе 6 голов своих овец, деньги за это не платил. В 1950 г. он содержал в колхозе свою телку и гусей. Общая задолженность Назарова колхозу за содержание скота составила 6200 рублей» (35).

Анализируя причины, приведшие к принижению авторитета и роли должности председателя колхоза, писатель В. Овечкин на Курской областной конференции ВКП(б) в марте 1951 г. в качестве главной причины назвал кадровую политику, при которой обком и райкомы, не полагаясь на председателей, управляли колхозами через уполномоченных представителей. «У нас много есть фактов в каждом районе, – говорил он, – когда человек проворовался на птицекомбинате или еще где-нибудь показал себя неспособным работником на ответственной работе, ему говорят: смотри, последний раз предупреждаем, а то пошлем в колхоз. И когда не исправляется, посылают в колхоз, как на ссылку. Система руководства колхозами через уполномоченных отвлекает нас от очень важного вопроса. У нас в колхозах сидит или безграмотный товарищ, или проштрафившийся в трехчетырех местах, его посылают в колхоз» (36).

Чрезмерное изъятие ресурсов из деревни во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов привело к тому, что труд людей в колхозах материально не стимулировался, у колхозников не было заинтересованности в результатах труда. Оплата трудодня в колхозах носила символический характер. Так, зерна на трудодень в курских

колхозах в начале 1950-х годов выдавалось меньше, чем до войны (прил. 27). Внеэкономические меры принуждения ожидаемого результата также не давали. На совещаниях различного уровня руководители машинно-тракторных станций открыто говорили о нежелании колхозников выполнять обязательства по договору.

На совещании директоров машинно-тракторных и лесозащитных станций Курской области в октябре 1951 г. директор Шебекинской МТС Шеповалов заявил о том, что председатели колхозов выступают вообще против заключения договора с МТС. Председатель исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Курской области Ковалевский признал указанный факт, но акценты расставил по-своему, обвинив директоров МТС в неумении работать. «Но вину надо искать у самих себя, – указывал Ковалевский. – МТС – это организация, при посредстве которой директор МТС управляет колхозами. МТС является организующим центром жизни колхоза, и директор МТС, если председатель колхоза плохо относится к обслуживанию МТС, должен это дело поправить» (37).

Аналогичные мысли об апатии колхозников к общественному труду были высказаны в Курске через два года – на областном совещании руководителей МТС и ЛЗС в марте 1953 г. «Мы избаловали правления колхозов, – заявил директор Больше-Жировской МТС Фатежского района Поздняков. – Они буквально стали иждивенцами. Вместо того чтобы находить истинные причины, где беда и на что обратить внимание, все требования и вся вина возлагается на МТС. Иждивенческие настроения со стороны правления колхозов надо изжить. Пусть они вместе с нами работают, как положено» (38).

В выступлении директора Касторенской МТС Амелина на том же совещании содержится конкретная информация о реакции колхозников на сам факт сотрудничества с МТС. «Мне пришлось отчитываться в колхозе “Путь Октября”, – пояснял Амелин. – Я не старался скрывать своих недостатков. Работу МТС признали неудовлетворительной. Я сказал: если будете так помогать, если и в этом году не будет трактористов, прицепщиков, возчиков горючего, не будет сеяльщиков – мы опять будем плохо работать и урожай не получим. Тогда председатель колхоза заявил: “Вот, товарищи, ожидайте от него помощи, он заранее обрекает на неполучение урожая”. В другом колхозе председатель заявил: “Спросите директора МТС, кого он

прислал работать? Кирюху Хромого. Он не прислал Корольковых, Сидорова из "Красного Знамени"» (39). Указанные факты свидетельствуют о том, что в колхозах сложилось представление об МТС, как об организации, наиболее заинтересованной в судьбе урожая и несущей прямую ответственность за проведение работ на колхозных полях.

Руководители машинно-тракторных станций подвергали председателей колхозов самой жесткой критике, винили их во всех грехах. Они говорили не только о том, что председатели колхозов не обладают специальной подготовкой, но и о том, что часть их не соответствует занимаемой должности с морально-нравственной точки зрения. «Отдельные руководители сейчас настолько разложились, что буквально ничего не делают, только пьянствуют, – отмечал директор Бубновской МТС Курской области Юрьев. – Председатель колхоза Парфенов с секретарем партийной организации приехали в райком, чтобы с них сняли партийное взыскание. Они, прежде чем зайти в райком, зашли в столовую и напились до такого состояния, что секретарь партийной организации упал в парткабинете, а председатель колхоза заснул в кабинете секретаря райкома» (40).

В первые послевоенные годы директора МТС и председатели колхозов далеко не всегда отчитывались перед общим собранием колхозников за выполнение договоров. В то же время руководители МТС находились под постоянным контролем местных органов власти. Наиболее часто директора МТС отчитывались за выполнение тракторных работ в районных партийных и советских организациях. Эти были отчеты за выполнение тех или иных полевых работ в колхозах: весеннего сева, подъема паров, ухода за посевами, подготовки и уборки урожая и т. д. Практика обсуждения отчетов директоров МТС и председателей колхозов за выполнение обоюдных договорных обязательств МТС и колхозами – это «явление довольно редкое», указывается в отчете заместителя Председателя Совета по делам колхозов при Правительстве СССР Шиянова (41).

Значительные перемены в аграрной политике советского государства происходят после смерти И.В. Сталина. Они связаны с решениями сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. Были значительно повышены заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Государство увеличило ресурсы, выделяемые на

развитие советской деревни. Постановления пленума и последующие решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР еще более подняли значение машинно-тракторных станций как организаторов колхозного производства.

7 декабря 1953 г. Совет министров СССР принял постановление «О структуре Министерства сельского хозяйства СССР». В организационно-правовом отношении оно оформляло главенствующую роль МТС в колхозном производстве. Районные управления сельского хозяйства и заготовок подлежали упразднению. Теперь агрономическое, зоотехническое и ветеринарное обслуживание колхозов целиком было возложено на МТС, они должны были заниматься повышением урожайности всех сельскохозяйственных культур в колхозах, обеспечить рост поголовья скота при одновременном повышении его продуктивности, добиваться увеличения валовой и товарной продукции земледелия и животноводства в обслуживаемых колхозах. На машинно-тракторные станции возлагалась обязанность по разработке плана развития колхозов своей зоны обслуживания, контролю приходно-расходных смет колхозов, их отчетности (42).

В соответствии с решениями сентябрьского пленума был разработан новый Типовой договор МТС с колхозом. Он был утвержден Советом Министров СССР 20 февраля 1954 г. (43). В нем отражена возрастающая роль машинно-тракторных станций в колхозном производстве и в управлении колхозами. МТС несли полную ответственность за развитие всех отраслей общественного хозяйства колхоза: за подъем урожайности культур, за повышение продуктивности животноводства, за рост благосостояния колхозников. МТС брали на себя обязательства осуществлять постоянное агрономическое, зоотехническое и ветеринарное обслуживание колхоза. С этой целью штатные агрономы и зоотехники МТС направлялись для постоянной работы в колхозы. При МТС создавались ветеринарные участки и пункты, контрольно-семенные лаборатории для обслуживания колхозов (44).

В Типовом договоре 1954 г. фиксировались взаимные обязательства МТС и колхоза на год: по посевным площадям и урожайности сельскохозяйственных культур; по росту поголовья общественного скота и его продуктивности; по заготовке кормов. Обязательства колхоза и МТС определялись по каждой из возделываемых сельскохо-

зяйственных культур и по каждому виду скота. При этом в договоре определяется: сколько должно быть в колхозе крупного рогатого скота на 100 га пашни, лугов и пастбищ, сколько нужно иметь свиней и птицы на 100 га пашни, какое количество продуктов и денежных доходов должен получить колхоз. В качестве критерия эффективности колхозного производства был обозначен выход продукции и получение дохода на единицу земельной площади (45).

Совместные обязательства машинно-тракторной станции и колхоза охватывают все стороны колхозного производства и колхозной экономики. Новизна Типового договора 1954 г. состоит в том, что МТС выступают в нем в качестве руководителя и организатора колхозного производства, ответственными за развитие всех отраслей общественного хозяйства колхозов (46). Закон ставит колхоз в подчиненное положение по отношению к МТС.

Договор МТС и колхоза устанавливал общий объем работ в колхозе и определял, какая часть той или иной работы должна быть осуществлена МТС, а какая часть – колхозом. Сроки проведения работ, их качественные показатели оформлялись отдельным соглашением, приложенным к договору, которое заключалось не позднее, чем за 10 дней до начала работ.

После сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС МТС становятся центром колхозной жизни. Как раз об этом говорил секретарь Лебедянского райкома партии Казаков на совещании в Липецком обкоме партии 15 апреля 1954 г. «В настоящее время МТС является центром, который руководит колхозным производством, уже сейчас все вопросы решаются в МТС, – констатировал он. – Были отдельные случаи, когда председатели колхозов часто заходили к первому секретарю райкома, минуя МТС. Мы указали на это: все вопросы надо поднимать через МТС. Сейчас МТС занимается зимовкой скота, кормами, строительством животноводческих помещений. Специально была создана бригада, которая занимается строительством. Наша МТС практически помогает колхозам, например, главный бухгалтер выезжает в колхозы. Помогает учетчикам» (47).

И все же не стоит переоценивать значение сентябрьского пленума. Государственные цены на продукцию, производимую в колхозах, оставались значительно ниже ее себестоимости. В научной литературе, посвященной изучению аграрной политики советского госу-

дарства, значимость решения сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС рассматривается преимущественно с точки зрения создания стимулов для развития сельского хозяйства. При этом неизменно подчеркивается факт повышения государственных заготовительных и закупочных цен на продукцию колхозов. Действительно, цены были значительно увеличены, но только не все. В рассматриваемое время ведущей отраслью в колхозах Центрального Черноземья являлось полеводство, производство зерна. Большую часть мяса, молока, яиц и другой животноводческой продукции давали личные подсобные хозяйства. При формировании хлебного фонда государство использовало «сдвоенные» цены: заготовительные и закупочные. Они сильно различались. По обязательным поставкам государство получало львиную долю колхозного хлеба и рассчитывалось по заготовительным ценам, а сверх этого – по закупочным. В 1953 г. колхозы СССР сдали государству по обязательным поставкам 27,3 млн т зерна, а в виде закупок – 1,4 млн т, или почти в 20 раз меньше (48). В 1953 г. закупочные цена на зерно были повышены почти в 15 раз, в то время как заготовительные цены остались без изменения. В 1954 г. заготовительная цена 1 т зерна (с учетом надбавок за сортность) составляла 81 руб., а закупочная – 1 053 руб. Заготовительные цены на зерновые культуры в СССР были повышены только в 1955 г. (примерно в 3 раза) (49).

Большая часть колхозной продукции направлялась государству в качестве натуроплаты тракторных работ МТС. Оплата трудодня в колхозах хотя и выросла, но выглядела более чем скромно. По итогам 1955 г. в колхозах Курской области было определено к выдаче на один трудодень качестве натуроплаты 2 кг зерна и деньгами 2 руб., в Липецкой области и того меньше – соответственно 1,7 кг и 85 коп. (50). Колхозники по-прежнему достаточных материальных стимулов к труду не имели. Секретарь партийной организации колхоза «Победа» Трубетчинского района Липецкой области Филатов в октябре 1956 г. жаловался проверяющему из области: «Я год в этом колхозе. Народ очень тяжелый. Туго поддается воспитанию. И сейчас, получив 800 граммов хлеба на трудодень, многие заявили, что в колхозе работать не будут» (51).

По Уставу сельхозартели вопросы управления и контроля должны были решать общее собрание колхозников, правление, ревизион-

ная комиссия. Но в действительности всю производственную деятельность колхозов определяли партийно-государственные органы, которые издавали на этот счет многочисленные распоряжения, обязательные для исполнения в колхозах. На практике руководство колхозами и контроль осуществляли преимущественно директора МТС. В приказе по управлению сельского хозяйства Липецкой области от 26 августа 1954 г. говорится: «Вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов и контроль за соблюдением Устава сельхозартели являются неотъемлемой частью работы всех специалистов МТС. Приказываю установить строгий контроль за выполнением постановления СНК СССР от 27 марта 1935 г. "Об упорядочении финансов и учета в колхозах", в частности, инструкторам-бухгалтерам по колхозному учету проводить в год по одной документальной и не менее двух текущих проверок в каждом колхозе» (52).

Руководитель областного уровня в категоричной форме требует от директоров МТС проведения трех проверок каждого колхоза ежегодно. Для выполнения данной работы в МТС имелись специальные штатные сотрудники – инструкторы-бухгалтеры по колхозному учету. В обозначенном приказе приводится пример грубого нарушения Устава сельхозартели в колхозах Елецкого района. «По колхозу "Родина" Казацкой МТС из года в год производится наем пастухов по всем фермам скота с оплатой ежемесячно 600 рублей деньгами, 60 кг ржи, 35 л молока, картофеля 100 кг и тонной соломы за сезон» (53). Ситуация выглядит парадоксальной: правление колхоза даже по найму пастуха не может поступать самостоятельно.

Рассматриваемый документ является иллюстрацией того, насколько жесткий контроль над колхозной деревней осуществляло государство, насколько бесправными были сами колхозы. Государственный чиновник без тени сомнения требует проведения 3-х (!) проверок в год за деятельностью колхозов, формально имевших статус негосударственных предприятий. Такова была инструкция Министерства сельского хозяйства СССР. А инструментом контроля выступали МТС, их руководители несли персональную ответственность за все, что происходило в колхозах. Инструкторы-бухгалтеры МТС имели право: а) при проверке требовать от правления колхоза, а также от должностных лиц все необходимые дела, книги, документы; б) осматривать все склады, фермы, подсобные предприятия, проверять нали-

чие материальных и денежных ценностей; в) давать правлению колхоза предложения по устранению обнаруженных недостатков (54).

Подобная практика сложилась и в других центрально-черноземных областях (55). При этом следует подчеркнуть системный характер проводимого контроля государственных органов за деятельностью колхозов: приказы с формулировкой «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах...» встречаются довольно часто. Один из них, датированный 23 июня 1955 г., касается колхозов Чернавского района Липецкой области. В приказе приводятся факты нарушения Устава: «В колхозе имени Жданова шоферам – членам колхоза кроме начисленных трудодней выдано за 1954 г. 1325 кг ржи, 608 кг пшеницы, 246 кг пшена, 372 кг мяса. Кроме того, было выдано бесплатно на общественное питание колхозникам продуктов на сумму 11338 руб.» (56).

Из содержания приказа непонятно, о каком количестве шоферов идет речь. Даже если в колхозе работало 3–4 шофера, то дополнительная оплата их труда выглядит более чем скромной. Тем не менее, данным обстоятельством заинтересовались на областном уровне. Другое обвинение выглядит просто абсурдно: проверяющие увидели нарушение Устава в том, что колхоз бесплатно выделял продукты на общественное питание своих же работников. Тогда резонно возникает вопрос: какие это собственники, если они не имеют право решить вопрос общественного питания на своем предприятии и какова степень самостоятельности колхоза?

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годах в растениеводстве стала складываться специализация хозяйств и целых районов на производстве определенного вида сельскохозяйственной продукции. В первую очередь это касается технических культур – выращивания подсолнечника, сахарной свеклы, табака, что требовало высокой агротехники и больших затрат ручного труда. Колхозы часто не выполняли установленные задания по производству технических культур. Это рассматривалось властями как недоработка руководства МТС. В приказе по Липецкому областному управлению сельского хозяйства от 20 сентября 1954 г. говорилось о том, что директора Данковской и Сторожевской МТС Гриднев и Рудов вместо принятия мер по улучшению выращивания махорки в колхозах «занялись очковтирательством и обманом государства». Им было приказано вос-

становить звенья по выращиванию табака в колхозах и строго контролировать их (57). Исходя из содержания документа, можно заключить: колхозы по существу являлись структурным подразделением МТС, директора МТС через специалистов управляли ими, несли за результаты деятельности колхозов персональную ответственность.

Аграрная политика советского государства, определенная в сентябре 1953 г., в дальнейшем корректировалась решениями последующих пленумов ЦК КПСС. На развитие колхозного строя большое влияние оказал январский (1955 г.) пленум ЦК партии. После чего из штатов МТС в колхозы переводились агрономы и зоотехники, а в МТС оставались только главные специалисты для общего руководства отраслями колхозного производства. Колхозы получали большую самостоятельность в принятии решений по вопросам планирования и организации производства, распределения продукции. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» было призвано оградить колхозы от чрезмерной регламентации со стороны вышестоящих организаций (58).

Однако мощная административная система продолжала работать по инерции; сверху было проще командовать колхозами, нежели подстраиваться под них. В итоге колхозы получили весьма ограниченные возможности для принятия самостоятельных решений. Именно на это обстоятельство обратил внимание участников пленума Орловского обкома КПСС 10 июня 1955 г. председатель колхоза «Путь к рассвету» Кромского района Лежепеков. Рассуждая о «новой» практике планировании, он заметил: «Беда в том, что вопросы планирования мы обсуждали на общем собрании 3 раза. Первый раз спланировали, говорят, что не так сделали, второй раз спланировали, опять, говорят, неправильно. Третий раз планировали и только тогда согласились. Вот вам – свободное планирование. (*Смех в зале*)» (59).

Машинно-тракторные станции организовывали и контролировали колхозное производство, определяли структуру посевных площадей, содержание и ход полевых работ и т. д. Такая практика во взаимоотношениях МТС и колхозов сохранялась вплоть до 1958 г. Правительственное постановление 1955 г. о самостоятельном планировании в колхозах на деле имело весьма ограниченный эффект. Колхозы были слишком зависимы от МТС. Своеобразие и противоречивость

возникшей ситуации состоит в том, что колхозы пытались хозяйствовать самостоятельно в условиях, когда государственные планы по сельскому хозяйству спускались сверху в виде директив. «Видимо, не доведен еще до конца порядок планирования сельского хозяйства, – говорил на конференции коммунистов Белгородской области 14 января 1958 г. заместитель председателя облисполкома Кривошей. – Колхозы сейчас планируют свое развитие, руководствуясь известным постановлением ЦК и Совета Министров, сами. Что же касается планирования в МТС, то они получают пока планы в централизованном порядке. И получается несоответствие. Это несоответствие ведет к тому, что руководители МТС требуют выполнения тех работ, которые не намечены планами колхоза» (60).

Руководство станций вмешивалось абсолютно во все сферы колхозной производственной деятельности: от агротехники возделывания культур до распределения готовой продукции. В приказе директора Хворостянской МТС Хворостянского района Воронежской области от 30 июня 1949 г. отмечается сильное засорение посевов клевера, картофеля, фасоли и сахарной свеклы в колхозах «Дружба» и «7 лет без Ленина». Далее следует распоряжение участковым агрономам в трехдневный срок очистить все посевы от сорняков, организовать 2–3-х-кратную прополку сахарной свеклы, картофеля, а также многолетних трав (61). Руководство МТС осуществляет контроль состояния посевов, выявив засоренность полей, оно возлагает персональную ответственность на участковых агрономов. Указанные в приказе участковые агрономы, в свою очередь, должны были немедленно направить колхозников на борьбу с сорняками.

Предметом особого внимания руководства МТС были весовщики. «Эта категория людей должна быть утверждена в райкоме партии или райисполкоме, – отмечал в июне 1952 г. на пленуме Тамбовского обкома партии начальник областного управления сельского хозяйства Анашин. – Весовщик – большая фигура, через руки которого должен пройти весь обмолоченный урожай. Понятно, как много зависит от весовщиков в вопросах сохранности хлеба. Нужно не только хлеб учитывать бункерами, но и взвешивать его от комбайна и после сортировки» (62). Выступающий объяснял: почему следует так тщательно относиться к подбору весовщиков: «Подбор людей и учет зерна должны ликвидировать один из больших каналов расхищения хлеба» (63).

Формально весовщики являлись сезонными работниками МТС, они набирались из колхозников, за ними закреплялись комбайны и молотилки. Так, на 1949 г. в Хворостянской МТС Воронежской области числилось 33 весовщика. Главная задача весовщиков заключалась в том, чтобы «все поступающее зерно от уборки комбайном взвешивать непосредственно из бункера». При этом указывалось: зерно следует взвешивать «без всякого сортирования». И все поступающее зерно от комбайнов и молотилок должно быть взвешено в день уборки и молотьбы и сдано ответственному лицу (64).

В том же приказе содержался пункт о поощрении весовщиков за хорошую работу: «... Премия в сумме 100 руб. и 40 кг зерна в месяц будет выдаваться только тем весовщикам, которые полностью и правильно взвешивают зерно» (65). В данном случае следует отметить: в первые послевоенные годы премии редко получали трактористы и комбайнеры, не говоря уже о других категориях работников. Выдача премиальных денежных выплат и зерна весовщикам объясняется стремлением государства учесть весь урожай «до зернышка» и обеспечить выполнение плана хлебозаготовок. И одновременно это свидетельство недоверия со стороны государства к колхозникам, которым не дозволялось взвешивать собственный урожай из-за опасения сознательного занижения его объемов и расхищения.

В организации колхозного производства государство использовало различные виды внеэкономического принуждения, причем инструментом реализации такой политики являлись соответствующие структуры МТС. Яркое тому подтверждение – сбор колосков на колхозных полях в послевоенное время. При этом следует отметить действительно большие потери зерна, допускаемые уборочными агрегатами в силу их конструктивных особенностей, растягивания сроков уборки. Это подтверждалось в результате проведения многочисленных проверок со стороны вышестоящих инстанций.

Одна из таких проверок была проведена в августе 1948 г. в колхозах зоны обслуживания Хворостянской МТС Воронежской области. Ее итоги были отражены в соответствующем приказе директора станции. В нем указывалось: «... В некоторых колхозах допущены большие потери при уборке урожая. Так, например, в колхозе им. Димитрова провели зябликовую пахоту на площади 3 га без предварительного сгребания и сбора колосков. (Участок агронома Салманова). Участ-

ковый агроном Шишкина не выполнила заданий старшего агронома об организации школьников на ручной сбор колосьев в колхозе "Дружба". В колхозе "Красный пролетарий" до сих пор не отремонтированы конные грабли» (66).

Содержание приведенного документа свидетельствует о том, что руководство МТС несло персональную ответственность за качество уборки урожая зерновых на колхозных полях. При этом проводниками и исполнителями распоряжений выступают участковые агрономы МТС, в данном конкретном случае – Салманов и Шишкина. Причем последняя – агроном Шишкина, по мнению директора, проявила нерасторопность – колхоз ее зоны обслуживания до начала страды не отремонтировал и не задействовал во время уборки конные грабли. Считая такое положение недопустимым, директор МТС приказывает во всех колхозах использовать конные грабли, организовать сбор колосков силами подростков и школьников, не допускать разрыва между косовицей, вязкой снопов и скирдованием хлеба (67).

Таким образом, сбор колосков на колхозных полях в послевоенное время – это совсем не добровольная благотворительная деятельность со стороны сельских пионеров и школьников, не детская забава, а серьезная и трудная работа, обусловленная жесткими реалиями того времени.

Засуха и неурожай 1946 г. заставили правительство страны обратить серьезное внимание на орошение, мелиорацию и создание лесозащитных полос. Реализация этих вопросов возлагалась на МТС, в их штатное расписание были введены должности агролесомелиоратора и старшего механика по насосным установкам. Силами МТС в колхозах создавались орошаемые участки, которые обслуживались специалистами МТС. Участковые агрономы несли персональную ответственность за агротехнику возделываемых культур на орошаемых землях и урожайность.

Центральное Черноземье – это преимущественно лесостепная зона с весьма ограниченным числом рек и естественных водоемов. В конце 1940-х годов в регионе разворачивается работа по созданию искусственных водоемов, которую в основном вели машинно-тракторные станции. Причем во всем ощущается атмосфера штурмовщины. Техники не хватало на выполнение основных агротехниче-

ских работ. Мелиоративными работами МТС занимались после завершения полевого сезона. 25 ноября 1949 г. по Хворостянской МТС издается приказ: «В связи с отставанием от плана строительства плотины в колхозе "Вперед" и ухудшением погоды... Организовать круглосуточную работу трактористов на строительстве плотины. Обязать механика т. Калинина и бригадира тракторной бригады т. Куликова совместно с председателем колхоза "Вперед" т. Сидоровым закрепить лучших колхозников для круглосуточной работы по обслуживанию тракторов со скреперами» (68).

Следует обратить внимание на время появления приказа: 25 ноября. В Центральном Черноземье в конце ноября температура часто опускается ниже нуля, выпадает снег. И в этот момент издается распоряжение по созданию специальной бригады для круглосуточной работы по строительству плотины. После завершения сельскохозяйственного сезона, когда работа в колхозе сочеталась с заботами сельского населения о личном подсобном хозяйстве, только в голове далекого от крестьянских забот человека могла родиться идея о круглосуточной работе под открытым небом. Но самое главное, наспех сооруженная плотина не могла устоять перед весенним паводком.

Руководители машинно-тракторных станций понимали ограниченные возможности орошения в деле повышения эффективности сельскохозяйственного производства, оставалось много иных нерешенных проблем. Создается впечатление формального подхода к вопросу орошения со стороны директоров МТС, в приказах которых встречаются общие положения: «Предупредить всех агрономов, механиков, бригадиров тракторных бригад, что работа на орошаемых участках выполняется в первую очередь». «Работу на орошаемых участках производить только отличного качества» (69).

Правительство страны во второй половине 1940-х – 1950-х годах поставило задачу создания лесозащитных полос на полях, чтобы возможно было несколько компенсировать удар засухи, а в благоприятные годы – повысить урожайность. Организацией работ по созданию лесозащитных полос в колхозах также занимались МТС. Но посадить лесополосу мало, за ней требуется уход, иначе деревья и кустарники зарастут сорняком и погибнут. Директора МТС постоянно контролировали состояние лесопосадок, следили за их сохранностью. «За 1949–1952 гг., – говорится в приказе директора Хворостян-

ской МТС, – колхозы района провели большую работу по посеву и посадке полезащитных лесонасаждений, установленный план на эти годы выполнен. Приказываю: ...Участковым агрономам обеспечить восстановление или выделить заново в колхозах колхозных лесоводов, звеньев по лесопосадкам и переключить их на уход за лесными полосами, закрепить все имеющиеся лесополосы за бригадирами полеводческих бригад по акту» (70).

Вырастить полезащитную лесополосу – это дело не одного года, имелись случаи гибели насаждений из-за плохого ухода, потравы скотом. Причем колхозы, на землях которых закладывались посадки, часто занимали пассивную позицию в этом вопросе. Руководители МТС издавали соответствующие распоряжения: «Некоторые участковые агрономы не потребовали от правлений колхозов надлежащей охраны лесополос, – говорилось в приказе директора Хворостянской МТС от 20 октября 1950 г. – Так, например, в Ивановском, Богородицком, Хворостянском сельсоветах имеются случаи потравы лесополос скотом. Участковые агрономы Кунова, Михалев, Злобина не организовали своевременную пахоту и подготовку почвы под осенние посадки, в результате срываются сроки выполнения плана лесопосадок. Приказываю: 1. Обязать всех участковых агрономов и бригадиров тракторных бригад к 25 октября закончить полностью работы по уходу за лесополосами в колхозах – прополку, рыхление или перепашку междурядий. 2. Во всех укрупненных колхозах создать лесопосадочные лесоводческие звенья. 3. В пятидневный срок закончить во всех колхозах осенние лесопосадки вместо старых лесопосадок. 4. Организовать заготовку семян древесно-кустарных пород. 5. Учитывая, что гибель лесопосадок в колхозе имени Кирова на площади 3,6 га произошла по халатности участкового агронома Куновой, так как она не организовала уход, передать материалы в райпрокуратуру» (71).

Приведенный документ типичен для характеристики взаимоотношений колхозов и МТС в послевоенный период, колхозы представляли собой производственные ячейки, работа которых направлялась государством через МТС. Причем распоряжения директоров МТС порой бывали совершенно не рациональными. Следует обратить внимание на тот факт, что рассматриваемый приказ подписан 20 октября, глубокой осенью, когда заканчивается вегетативный период. И в это

время издается приказ о проведении прополки и рыхления. Разумеется, прилива энтузиазма у людей такой приказ вызвать не мог. Для того чтобы произвести впечатление на специалистов МТС и колхозников своей решительностью, директор направляет материалы на участкового агронома Кунову в прокуратуру для привлечения к судебной ответственности.

Январский (1955 г.) пленум ЦК КПСС вновь подчеркнул важность проведения работ по созданию полезащитных полос в колхозах. На местах появляются соответствующие распоряжения. 28 мая 1955 г. по управлению сельского хозяйства Липецкой области издается приказ «О неудовлетворительном состоянии работ по уходу за защитными лесонасаждениями колхозов». Адресуется он, конечно, директорам МТС. Им следовало «а) немедленно развернуть работы по обработке междурядий в защитных лесных полосах с расчетом проведения в мае и июне не менее двух уходов и обеспечить содержание в дальнейшем лесополос в чистом от сорняков состоянии, б) организовать в колхозах требуемое количество рабочей силы для прополки рядков» (72).

Отправной точкой повышения продуктивности растениеводства является качество посевного материала. В начале 1950-х гг. с целью повышения качества посевного материала при МТС создавались контрольно-семенные лаборатории (КСЛ), которые были призваны определять сортность, всхожесть, чистоту семян. Однако даже многие руководители МТС пренебрежительно относились к КСЛ, полагая, что это – очередная кампания. Результаты проверок со стороны управления сельского хозяйства Липецкой области оказались удручающими. В приказе по управлению от 6 декабря 1955 г. отмечается: «... Отдельные директора МТС поняли роль контрольно-семенных лабораторий в деле обеспечения колхозов высококачественными семенами. Большинство МТС нормальных условий работы лабораториям не создали, не требуют от агрономов колхозов очистки семян и отбора образцов семян для анализа на посевные качества» (73). Были случаи, кода работники лабораторий в момент проверки качества семян использовались на других работах. Так, в Грачевской МТС сотрудники КСЛ в течение всего лета работали на строительстве, а в момент массовой проверки семян яровых культур, в октябре и ноябре, заведующей и старшему лаборанту были предоставлены отпуска (74).

Возникает вопрос: руководители МТС не понимали значимость работы КСЛ или игнорировали их по иным причинам? Урожайность зерновых культур зависит от четкости выполнения всех агротехнических операций, несоблюдение параметров в одном случае может свести на нет все усилия. В данной ситуации самым слабым звеном всей технологической цепочки были очистка и в еще большей степени – хранение посевного материала.

Зернохранилищ, оборудованных системой постоянного кондиционирования и контроля режима температуры и влажности, в колхозах не было. Более того, даже простых зернохранилищ не хватало, поэтому посевной материал засыпался в количествах, превышающих предельно допустимые значения, и это негативно сказывалось на качестве семян. «Семенной материал хранится в плохо отремонтированных зернохранилищах, с большими слоями насыпи, подвергается самосогреванию и порчи, – говорится в приказе по Хворостянской МТС. – Так, в колхозе им. Буденного (агроном т. Лаушкина) пришла в негодность партия яровой пшеницы весом 75 ц и ячменя – весом 29 ц. В колхозе им. Ворошилова (агроном т. Тонких) партия яровой пшеницы весом 167 ц и гречихи – весом 46 ц пришла в негодность (потеряла всхожесть)» (75).

При этом следует выделить тот факт, что вина за порчу колхозного имущества косвенно возлагается на штатных специалистов МТС: «За безответственное отношение к хранению и проверке семенного материала, за допущенную порчу семян агроному колхоза им. Ворошилова т. Тонких объявить строгий выговор, агронома колхоза им. Буденного т. Лаушкина предупредить», – говорится в приказе по МТС (76).

Анализируя данный сюжет, необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, фактически за одни и те же недоработки агрономы понесли разное наказание, а во-вторых, что выглядит просто парадоксально, работники государственного предприятия – в данном случае агрономы МТС – наказаны за плохую сохранность посевного материала колхозов. А ведь в колхозах были конкретные ответственные лица: бригадиры и кладовщики.

Во время хранения посевного материала в колхозах особенно большие потери наблюдаются в картофелеводстве. По этому поводу по управлению сельского хозяйства Липецкой области был издан специальный приказ от 21 января 1955 г., в котором вся ответствен-

ность возлагается на директоров машинно-тракторных станций, которые «неудовлетворительно организовали уборку, засыпку и хранение семенных фондов картофеля в колхозах области» (77). При этом приводятся действительно вопиющие факты безответственного отношения к порученному делу: «В большинстве колхозов не соблюдаются элементарные правила хранения. Картофель хранится при повышенной температуре и влажности. В картофелехранилищах отсутствует вентиляция. В результате имеет место ...значительная гибель картофеля. Так, в колхозе "Новая жизнь", обслуживаемом Воскресенской МТС (директор Морозов Н.Г.), картофель подморожен в буртах. В зоне Хлевенской МТС (директор Талдыкин Н.Н.) 1 675 ц хранится в неудовлетворительном состоянии. В колхозе имени Чапаева Чаплыгинской МТС (директор Шестопалов В.К.) подмерзло 3 т семенного картофеля» (78).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что руководители государственных органов бьют тревогу относительно плохой сохранности картофеля в колхозах, в приказах фигурируют фамилии руководителей государственных организаций – директоров МТС, которые подменяли собой органы колхозного управления. Фамилии председателей колхозов, допустивших порчу семенного посадочного материала, даже не называются.

В середине 1950-х гг. сельское хозяйство страны охватил «кукурузный бум», правительство рассчитывало путем расширения посевов кукурузы решить зерновую проблему и создать прочную кормовую базу для животноводства. Областные управления сельского хозяйства издавали соответствующие приказы, в частности, по колхозам Липецкой области требовалось расширить посевы кукурузы до 150 тыс. га. Выполнение распоряжения возлагалось на директоров и главных агрономов МТС, которым надлежало «размещать посевы кукурузы только на площади вспаханной под зябь после озимых культур, зернобобовых, корнеплодов, овощных культур и пойменных землях» (79). А ведь предстояло сеять кукурузу на землях, переданных колхозам в вечное пользование, но мнением колхозников никто не интересовался.

Итак, в послевоенный период советское государство рассматривало деревню с точки зрения ее донорских возможностей, из сельского хозяйства изымались огромные средства для восстановления

и развития инфраструктуры городов, промышленности, укрепления обороноспособности страны и решения внешнеполитических задач. Доктринальные основы политики советского правительства отодвигали деревню на периферию государственных приоритетов. Указанное обстоятельство обусловило характер взаимоотношений колхозов и машинно-тракторных станций. Их партнерство было неравноправным. В рассматриваемое время роль МТС в сельскохозяйственном производстве значительно возрастает вследствие сокращения трудовых ресурсов села. При этом МТС, являясь важнейшим инструментом государственного управления колхозами, не только механизировали наиболее трудоемкие процессы в земледелии, но и по существу поглотили колхозы, превратили их в свои структурные подразделения, установив над ними жесткую опеку и контроль. В середине 1950-х гг. назрела острая необходимость реформирования существующих отношений МТС и колхозов с тем, чтобы их сделать по-настоящему равноправными и взаимовыгодными.

Работа на пределе возможностей (1946–1950 гг.)

Непременным условием производительной работы всякого сельскохозяйственного предприятия (или всякой производственной системы) является грамотное и рациональное землеустройство. После окончания Великой Отечественной войны в колхозах оказались нарушены границы полей, значительная часть земель перестала обрабатываться, севообороты не соблюдались. В Центральном Черноземье площадь пашни в обработке за годы войны сократилась более чем на треть. В колхозах Курской области в 1945 г. посевные площади составили 62 % довоенного уровня, неосвоенными оставались более одного миллиона гектаров пахотных земель (80). В колхозах Орловской области в первый послевоенный год не обрабатывалось более 900 тыс. га, или 42 % площади пашни (81). Аналогичная ситуация сложилась и в других областях региона. В 1946 г. в колхозах Тамбовской области обрабатывалось лишь 64 % пахотных земель: из 2236 тыс. га не использовалось 790 тыс. га (82).

Восстановление сельского хозяйственного производства означало не только расширение посевных площадей, но и проведение землеустроительных работ, введение и освоение севооборотов. Землеустроительные работы в колхозах и введение севооборотов производились параллельно с восстановлением посевных площадей. Землеустройство в колхозах началось сразу после окончания войны. В Тамбовской области к началу 1946 г. землеустроительные работы были проведены в 926 колхозах, которые имели 669 тыс. га пахотных земель, или 30 % всей пашни в области (83). Через год было землеустроено уже 1 392 колхоза, что составило 44 % от их общего числа (84).

В Воронежской области из 4332 колхозов к началу 1947 г. были проведены землеустроительные работы и введены севообороты в 1781, что составило 41 % их количества (85). Работа по землеустройству и введению травопольных севооборотов в колхозах Центрального Черноземья во второй половине 1940-х годов велась нарастающими темпами. Так, в Воронежской области в 1947 г. травопольные севообороты были введены в 450 колхозах, в 1948 г. – в 738, а к началу 1949 г. травопольные севообороты существовали уже в 2969 колхозах, или в 68,5 % их численности (86).

В условиях ухудшения материально-технической базы колхозного производства, сокращения трудовых ресурсов предстояло решить трудную задачу по восстановлению довоенных посевных площадей и увеличению объемов сельскохозяйственного производства. Прежде всего, предстояло наладить эффективную работу производственной системы «колхозы – МТС» (прил. 28).

На 1 января 1947 г. в центрально-черноземных областях действовало 508 машинно-тракторных станций. В зоне их обслуживания находились 15896 колхозов, или 96 % от общего количества. Вне зоны обслуживания МТС в Центральном Черноземье оставалось 713 колхозов (87), более половины из них – 396 колхозов – приходилось на Орловскую область. В пользовании колхозов, обслуживаемых МТС, имелось 11527 тыс. га пахотных земель. Посевные площади колхозов в 1946 г. составляли 5221 тыс. гектаров. В среднем каждая машинно-тракторная станция в Центральном Черноземье обрабатывала поля 31 колхоза с общей площадью пахотных земель 22,7 тыс. га, их посевные площади составляли 10,3 тыс. га (88).

Работа МТС осуществлялась в соответствии с государственным планом. В первые послевоенные годы планирование тракторных работ МТС предусматривало постоянный рост их объемов, но оно не подкреплялось соответствующим ростом материально-технических ресурсов. Заместитель директора по политчасти Красноярской МТС Курской области Хахалев в ноябре 1949 г. на пленуме обкома партии говорил о том, что с 1946 г. тракторный парк остался тем же, а план тракторных работ увеличился за это время на 52 %. В МТС остро не хватало мощных гусеничных пахотных тракторов. «У нас 5 тракторов "ЧТЗ" выпуска 1933–1934 годов, – продолжал он. – Три трактора пришли в полную негодность. Есть "ЧТЗ", которые по выработке равняются "ХТЗ" и даже "Универсалам". Нам планируют, и мы планируем, заключаем договоры с колхозами. У нас 2 800 гектаров глубокой пахоты и 3 500 гектаров зяби. У нас всего 5 "ЧТЗ" и 4 "НАТИ", выполнить такой объем работы мы не в состоянии» (89).

В некоторых случаях, чтобы снять раздражение руководителей МТС в связи завышенными объемами планируемых работ, работники плановых органов обещали им поставить новую технику. В итоге составлялся план тракторных работ с учетом предполагаемых поступлений новой техники, а на конечной стадии принятия плана выяснялось: обещанной техники не будет. «Надо со всей откровенностью сказать, настолько легко подходят к планированию, что думаешь, как же так, люди сидят порядочные, опытные, а росчерком пера решают судьбу МТС, – с возмущением говорил на конференции Тамбовской областной организации ВКП(б) 2 апреля 1950 г. директор Саюкинской МТС Заруцкий. – Агроном нашей МТС составил производственный план, завизировал его в областном управлении сельского хозяйства, где был запланирован завоз тракторов к весеннему севу – 2 трактора "С–80" и 2 трактора "ДТ–54". В соответствии с планом организуются отряды, закрепляются тракторы за определенной группой колхозов, инвентарь и т. д. Начинаем заключать договора на общих колхозных собраниях. (...) Едет наш бухгалтер составлять промфинплан, составил все, стал визировать в сельхозуправлении, где проверяют и вычеркивают тракторы "С–80". Мы, мол, вам не планировали, а агроном, если планировал, то он был пьяный. В правительственные сроки, которые составлялись с учетом получения обещанных тракторов, теперь не уложимся» (90).

По мере укрепления машинно-тракторной базы происходит постоянное возрастание роли МТС в колхозном производстве. Объемы машинно-тракторных работ МТС в обслуживаемых колхозах растут в абсолютных и относительных цифрах. В 1946–1950 гг. общая выработка тракторов и комбайнов в переводе на условные гектары мягкой пахоты в МТС Центрального Черноземья более чем удвоилась. В МТС Воронежской области она выросла с 4,3 до 8,7 млн га, или в 2 раза, Курской – соответственно с 3,0 до 7,2, или в 2,4 раза, Орловской – с 1,1 до 3,5, или в 3,2 раза, Тамбовской – с 2,0 до 4,8, или в 2,4 раза (91).

В колхозах за время войны произошло резкое сокращение численности рабочего скота, и потому их зависимость от машинно-тракторных станций стала еще большей. О соотношении объема работ, выполняемых тракторам и машинами МТС и живым тяглом колхозов во второй половине 1940-х годов, можно проследить на примере Тамбовской области (прил. 39). Тракторные бригады МТС выполняли в колхозах почти весь объем работ по боронованию зяби, весновспашке, предпосевной культивации, вспашке ранних и черных паров, культивации пара и подъему зяби. Удельный вес полевых работ в колхозах, выполненных вручную и с помощью живого тягла, неизменно сокращался, хотя оставался значительным на севе яровых, культивации пропашных культур и уборке (92).

Увеличение объемов выработки МТС не являлось следствием развития процессов интенсификации в колхозном производстве. Оно шло параллельно с восстановлением посевных площадей, агротехника оставалась примерно на одном и том же уровне. В 1945–1950 гг. в МТС Орловской области площадь пашни в обработке увеличилась с 725 тыс. га до 1 958 тыс., или в 2,7 раза. Темпы восстановления посевных площадей значительно опережали рост энерговооруженности сельского хозяйства. Если в 1950 г. площадь пашни в обработке в Орловской области составила 91 % от довоенного уровня, то условных 15-сильных тракторов имелось только 84 %, плугов 62,4 %, комбайнов 30 %, сложных молотилок 67,7 %, сеялок 73,7 %, культиваторов 55 % к довоенному наличию (93).

Различия в темпах роста посевных площадей в колхозах и машинно-тракторной базы МТС в первые послевоенные годы обусловили увеличение нагрузки на одну тягловую единицу. В 1948 г. в

колхозах Орловской области нагрузка на 1 НР (94) составляла 16,8 га пахотных земель, в том числе на весеннем севе – 6,8 га, а в 1949 г. она поднялась соответственно до 17,1 и 7,2 га. Эти цифры намного превышали не только довоенные показатели по СССР, но послевоенные. По оценке И.М. Волкова, к концу войны в колхозах страны на одну условную лошадиную силу механической и живой тяги приходилось 13 га пашни вместо 7,7 га в 1940 г. (95). Для своевременного и качественного сева нагрузка на 1 НР должна быть не более 5,5 га. Для выполнения этого условия в МТС Орловской области следовало завезти в 1949 г. 2,2 тыс. 15-сильных условных тракторов с соответствующим шлейфом прицепного инвентаря. Парадокс этой ситуации состоял еще и в том, что принятое в расчет живое тягло колхозов не могло быть полностью использовано из-за нехватки конного инвентаря. Для того чтобы задействовать 31,6 тыс. рабочих лошадей и 38 тыс. волов в колхозах Орловщины не хватало 7 тыс. плугов, 8 тыс. культиваторов, 3,2 тыс. сеялок, 2 тыс. молотилок и т. д. (96)

При росте уровня механизации общий объем работ на колхозных полях Центрального Черноземья в 1950 г. еще не достиг довоенных отметок (прил. 30). В 1950 г., в сравнении с 1940 г., на полях орловских колхозов работало 87 % 15-сильных условных тракторов и 48 % НР живого тягла, что составило в совокупности 72 % НР довоенного уровня, но при этом было произведено 97 % довоенного объема работ. Тракторные работы увеличились в абсолютных и относительных величинах: их объем вырос в 1,5 раза, а доля – на 18,8 пункта. Механизация полевых работ в колхозах росла не за счет насыщения производства большим количеством машин и механизмов, а в результате резкого сокращения использования живого тягла. Нагрузка на единицу тягла по всем видам работ в рассматриваемое время поднялась к 1950 г. до 56 га условной пахоты, в том числе до 7,4 га на весеннем севе, превысив соответствующие довоенные показатели в 1,3 и 1,2 раза (97).

Рост объемов тракторных работ в колхозах происходил путем увеличения выработки каждого агрегата. В 1946–1949 гг. выработка одного 15-сильного условного трактора выросла в МТС Центрального Черноземья в 1,4–1,6 раза: в Воронежской области с 402 га мягкой пахоты до 551, Курской – с 410 до 564, Орловской – с 347 до 542, Тамбовской – с 366 до 506. Это было значительно больше, чем в це-

лом по стране. По МТС СССР в 1950 г. выработка на условный трактор составила 464 га мягкой пахоты (98). Площадь зерновых культур, убранная одним 15-футовым условным комбайном, за указанный период увеличилась в МТС Воронежской области с 147 гектаров до 306, Курской – с 142 до 340, Тамбовской – с 118 до 293 (99).

За средними цифрами скрывается большой разброс данных. В 49 МТС Воронежской области в 1949 г. выработка на один 15-сильный трактор превысила 600 га, в 16 —700 га, отдельные бригады вырабатывали на 15-сильный трактор до тысячи и более гектаров условной пахоты (100).

В 1947 г. в Сукмановской МТС Курской области тракторный отряд бригадира Тимошенко добился рекордной выработки на один 15-сильный трактор – 1250 га мягкой пахоты (101). И это не предел. В 1948 г. тракторная бригада Толмачева Мценской МТС Орловской области выработала 1300 га (102). Достичь таких показателей можно было лишь за счет растягивания сроков полевых работ. Механизаторы работали с огромным перенапряжением. Так, на 5 июля 1947 г. тракторная бригада Пешехонова Елецкой МТС Елецкого района Орловской области годовой план тракторных работ выполнила на 80 %, лучшие трактористы Хитровской МТС указанного района к этому времени выполнили его полностью (103).

О соотношении объемов основных видов тракторных работ и сроках их выполнения можно судить по материалам самой крупной в Центральном Черноземье Воронежской области (прил. 31). В 1949 г. МТС Воронежской области полностью выполнили государственный план по общему объему работ, произведенных в колхозах. Но такой результат был достигнут при механическом суммировании различных объемов полевых работ – недовыполнение одних видов работ перекрывалось путем перевыполнения по другим. Плановые задания оказались значительно превышены по раннему весеннему боронованию зяби и пара, предпосевной культивации, весновспашке, севу яровых, подъему паров, уборке зерновых культур, севу озимых и подъему зяби. При этом МТС не выполнили обязательства по таким важнейшим видам полевых работ как раннее весеннее боронование озимых, культивация пропашных культур, уборка подсолнечника и свеклы, лущение стерни и вспашка черного пара.

При обслуживании колхозов машинно-тракторные станции не смогли обеспечить комплексность агротехнических мероприятий и выдержать последовательность и непрерывность их проведения. Разрыв технологической цепи в обработке почвы и возделывании сельскохозяйственных культур, исключение промежуточных операций снижали эффективность всех остальных работ, а иногда, сводили их на «нет». МТС Воронежской области в 1949 г. в сроки, предусмотренные договорами с колхозами, выполнили только 90 % всех работ. Лишь по 3-м видам работ из 16-ти они были выполнены в срок: по раннему весеннему боронованию зяби и пара, предпосевной культивации и севу яровых культур. Машинно-тракторные станции, в основном уложились в договорные сроки проведения полевых работ по подъему ранних паров и их культивации, уборке зерновых. Они выполнили в срок более трех четвертей работ по раннему весеннему боронованию озимых, весновспашке, уборке подсолнечника комбайнами, севу озимых и подъему зяби. Но по целому ряду позиций МТС Воронежской области в 1949 г. со своими обязательствами совершенно не справились – ни по объему, ни по срокам проведения работ. Это, прежде всего, – культивация пропашных культур, уборка свеклы, лущение стерни и вспашка черного пара. Так, к примеру, культивация пропашных культур была проведена на 45,5 % площадей, но часть из них – за пределами агротехнических сроков (104).

Инициатива заключения договоров МТС с колхозами исходила от первых. Руководители МТС часто использовали преимущества своего предприятия, указывали в дополнительных соглашениях не агротехнические сроки проведения полевых работ, а те, в которые можно уложиться с большой долей вероятности. Между понятиями «агротехнические сроки» и «договорные сроки» проведения полевых работ нельзя поставить знак равенства. В 1948 г. в Ново-Усманской МТС Воронежской области срок предпосевной культивации на площади 100 га был определен в договоре с колхозом в 29 рабочих дней, посев яровых зерновых культур на площади в 150 га – в 28 дней (105). Подобные факты отмечались и в последующие годы. В 1950 г. директор Нижне-Ведугской МТС Воронежской области Ишков при заключении договора с колхозом имени Ленина определил срок весновспашки – 10 дней, посева зерновых культур – 14 дней, а в договоре с колхозом имени Молотова было записано: провести

предпосевную культивации в 14 дней и посев зерновых культур – в 15 дней (106).

В марте 1951 г. на пленуме Воронежского обкома ВКП(б) секретарь обкома К.П. Жуков призвал разрушить порочную систему заключения договоров МТС с колхозами. «В прошлом году во многих МТС допускались ошибки, и даже сознательное извращение договорных отношений между МТС и колхозами, – говорил он. – По отчетам МТС работы выполнены в сроки, установленные договором, на 92 %. В то же время основные полевые работы затягиваются далеко за агротехнические сроки. Причина кроется в том, что директора МТС в дополнительных соглашениях о сроках ставят не агротехнические сроки, а те, какие им выгодно, чтобы не оказаться на положении МТС, не выполнившей договора и не снизить размер получаемой натуроплаты» (107).

В колхозном производстве Центрального Черноземья в первые послевоенные годы несоблюдение агротехники возделывания сельскохозяйственных культур является обыденным явлением. На это есть причины как объективного, так и субъективного порядка. К объективным причинам следует отнести слабость материально-технической базы машинно-тракторных станций и колхозов, к субъективным – низкую квалификацию агрономического персонала, постоянное вмешательство районных и областных властей. На практике эти факторы переплетались причудливым образом. Первейшая задача производственной системы «колхозы – МТС» заключалась в том, чтобы вспахать поля и провести предпосевную обработку почвы. Положение осложнялось сильным нажимом государства на МТС и колхозы с целью скорейшего освоения пахотных земель, выведенных из хозяйственного оборота в годы войны. Тут уж было не до соблюдения агротехники, МТС и колхозы работали на пределе своих физических возможностей.

Пахотные работы тракторные бригады МТС вели по четырем видам: подъем зяби, весновспашка, подъем ранних и черных паров. Степень механизации этих работ в колхозах Центрального Черноземья постоянно возрастала, и к началу 1950-х годов она вплотную приблизилась к 100 %. По мере укрепления машинно-тракторной базы МТС улучшалось качество пахоты. Неуклонно возрастала доля пахоты плугами с предплужниками (108). Если в первые послевоен-

ные годы пахота с предплужниками проводилась в незначительных размерах, то в конце восстановительного периода она уже преобладала. Так, в 1948 г. в колхозах Орловской области пахота с предплужниками составила всего 64 тыс. га, а в 1949 г. МТС произвели пахоты с предплужниками 794 тыс. га, или в 12 раз больше. Таким способом было поднято 60 % зяби под урожай 1950 г. (109).

В результате установки предплужника на плуг усиливалось сопротивление почвы при пахоте, увеличивался расход горюче-смазочных материалов. Тракторы с большой амортизацией не могли тянуть такой плуг. Нередко руководители МТС, при наличии предплужников, отправляли тракторные агрегаты в поле без них. Свое поведение они объясняли тем, что «плуг с предплужниками трактора не тянут». Так было в апреле 1949 г. в колхозах Старо-Юрьевского, Глазковского и Шехманского районов Тамбовской области (110).

Работники МТС понимали важность такого агротехнического приема, как пахота с предплужниками, но производить его в полном объеме они не могли. Все определялось материально-техническим оснащением. МТС не были обеспечены не только предплужниками, не хватало даже плугов. В 1948 г. в МТС Тамбовской области из-за недостатка плугов на пахоте использовались 825 корпусных лущильников (111). Ситуация не изменилась и год спустя. В 1949 г. на весенне-полевых работах в колхозах зоны обслуживания Пахотно-Угловской МТС Тамбовской области было задействовано 59 тракторов, на которые приходилось 47 плугов. Поэтому в ход вновь шли лущильники (112). В МТС Орловской области в 1950 г. в ряде случаев пахота также производилась лущильниками (113).

В ряду агротехнических мероприятий важное место занимает лущение стерни. Пожнивное лущение и зяблевая вспашка составляют основу зяблевой обработки почвы. Цель лущения стерни состоит в уничтожении сорняков и их семян, осыпавшись до уборки урожая, или во время его уборки, уничтожении личинок, куколок и яичек вредных насекомых, гнездящихся в верхних слоях почвы. Почва после уборки урожая сельскохозяйственных культур обнажается, быстро пересыхает и покрывается трещинами. В пересохшей почве затухают микробиологические процессы, накопление питательных веществ замедляется. Путем лущения стерни нарушается сеть капилляров и прекращается испарение почвенной влаги.

Лущение стерни в колхозах Центрального Черноземья было полностью механизировано (114). Но это не означает, что МТС выполняли в колхозах этот вид работы в полном объеме. Напротив. Плановые задания и договорные обязательства по лущению стерни МТС никогда в полном объеме не выполняли. В 1948 г. план лущения стерни МТС Тамбовской области выполнили на 7,3 % (115), в 1949 г. МТС Воронежской области – на 35 % (116), МТС Орловской области – на 25 % (117). Во многих районах такой вид тракторных работ был только обозначен. В частности, в 1950 г. в одном из самых крупных сельскохозяйственных районов Курской области – Хомутовском – из плана лущения стерни 20 тыс. га работы были выполнены на 430 га, что составило лишь 2 % от общего объема (118). В Центральном Черноземье имелись районы, в которых этот вид работ совершенно не проводился. Только в Орловской области в 1949 г. таких районов было четыре – Знаменский, Свердловский, Становлянский и Хотынецкий (119).

Лущение стерни как промежуточная операция в комплексе агротехнических мероприятий в большинстве случаев не выполнялось. На это есть свои причины. Срок лущения стерни приходился на пик полевых работ. Он накладывался на период уборочных работ, подъема зяби и черного пара, культивации раннего пара и сева озимых. Для выполнения всего комплекса работ у МТС просто не хватало ресурсов. Руководству МТС приходилось делать выбор в пользу таких работ, как уборка урожая, подъем зяби и черного пара.

На протяжении всего восстановительного период МТС испытывали острый дефицит лущильников. Их количество в расчете на одну МТС хоть и выросло в период 1946–1950 гг. с 12 до 25 единиц, но намного отставало от потребности. Соотношение трактор–лущильник за это время мало изменилось: если в 1946 г. на один физический трактор приходилось 0,3 лущильника, то в 1950 г. – 0,4 (прил. 3 и 6). К тому же из-за нехватки плугов многие МТС использовали лущильники на пахоте.

На пленуме Орловского обкома ВКП(б) в феврале 1950 г. секретарь Елецкого райкома партии Новиков говорил о несоответствии плановых заданий по развитию сельского хозяйства и их ресурсного обеспечения: «Два года МТС получают план лущения и два года этот план не выполняется. На 1950 г. дан немалый план 5 900 гекта-

ров. Для того чтобы эту работу выполнить в срок, нужно иметь не менее 20 лущильников. Но МТС их не имеют. В 1949 г. управление сельского хозяйства рекомендовало применять культиваторы вместо дисковых лущильников. Это делается для выполнения плана, а не для повышения урожайности. Этот суррогат является не чем иным, как дискредитацией важнейшего звена в правильной культурной обработке почвы» (120).

Во второй половине 1940-х годов в колхозах Центрального Черноземья вспашка ранних и черных паров проводилась в основном тракторными бригадами МТС. Пар, как поле севооборота, является средством повышения плодородия почвы и накопления в ней влаги. Для того чтобы пары выполнили свое агротехническое предназначение, за ними необходим тщательный уход – своевременная вспашка и последующая обработка. Для Центрально-Черноземной полосы правительство установило срок подъема ранних паров – до 10 июня, а черных паров – до 20 октября. Сроки подъема паров не соблюдались: работы по подъему ранних паров велись до начала июля, а черных – до середины ноября. В 1949 г. МТС Орловской области на 10 июня план подъема ранних паров выполнили на 53 %, а в Корсаковском районе – на 26 %, Шаблыкинском – на 31 % (121).

На растягивание срока подъема паров оказывали влияние самые разные факторы. Это не только нехватка тракторов и прицепного инвентаря. Изношенная и некачественно отремонтированная техника не выдерживала интенсивной нагрузки длительное время, выходила из строя. К лету выработка на один тракторный агрегат падала. На весеннем севе 1948 г. в МТС Орловской области суточная выработка на один трактор составляла 5–6 га, а на подъеме паров она снизилась до 3–3,5 га, или на 30 % (122). Схожая обстановка сложилась в МТС всего Центрального Черноземья. В МТС Воронежской области в 1948 г. сменная выработка в самом начале весеннего сева составляла 2,4–4,1 га, а в период подъема пара она упала до 1,3 га и до конца полевого сезона не поднималась. Трактора простаивали из-за неисправности. За период весеннего сева 1948 г. в МТС Воронежской области простои составляли 20 % рабочего времени, а во время подъема паров они достигали 30 % (123).

В первые послевоенные годы в агротехнике колхозов Центрального Черноземья преимущественно использовались чистые пары.

Такое поле севооборота, не занимаемое посевами в течение всего вегетационного периода, следовало содержать в рыхлом и чистом от сорняков состоянии. Для этого требовалось, как минимум, 3-х кратная культивация почвы. В конце 1940-х годов в колхозах региона все работы по обработке паров выполняли только МТС. Но культивация паров практически нигде не выполнялась в полном объеме. «...Первая культивация паров проведена только на 60 % площади вспаханных паров, – констатировал в ноябре 1949 г. на пленуме Орловского обкома партии его секретарь Крылов, – вторая – на 12 %, а третья вообще не проводилась. Особенно плохо проводит уход за парами Верховский, Залегощинский, Свердловский районы, где первая культивация проведена не более 10–12 % всех паров, а второй культивации вовсе не было» (124).

Такое же положение с обработкой ранних паров наблюдалось в МТС Тамбовской области. «Мы не имеем права повторять ошибок прошлого года, когда половина паров совершенно не была прокультивирована в летний период ни один раз, а двукратную культивацию получили только 5 % пара, – признавал в июне 1949 г. на пленуме Тамбовского обкома ВКП(б) его секретарь Крахмалев. – Третья культивация пара вообще не проводилась» (125).

Машинно-тракторные станции не могли выполнить объем тракторных работ по культивации почвы в силу объективных причин: они не были обеспечены культиваторами. В МТС Тамбовской области к началу весенних полевых работ 1948 г. не хватало 730 культиваторов, чтобы загрузить имеющийся тракторный парк (126). В 1950 г. в МТС Орловской области недоставало 3 236 культиваторов, или 61 % от потребности (127). Даже в конце 1940-х обеспеченность культиваторами МТС была ниже довоенного уровня. В 1949 г. в МТС Курской области на один условный 15-сильный трактор приходилось 0,22 культиватора, тогда как накануне войны – 0,45 (128). Трудности с проведением тракторных работ по культивации пара нередко усугублялись вмешательством местных органов власти, которые принуждали МТС пахать сверх плана в ущерб выполнению договорных обязательств по уходу за парами (129).

Отсутствие должной обработки приводило к тому, что чистые пары превращались в «зеленые», зарастали сорняками. В 1950 г. в колхозах «Новая жизнь», «Авангард» и «Спартак» Пристенского района

Курской области пары настолько заросли сорняками, что очистить их обычными лапчатыми культиваторами не представлялось возможным. Поэтому МТС проводили перепашку пара и его лущение дисковыми лущильниками с оборачиванием пласта (130). Так поступали многие курские МТС. Перепашка паров приняла широкие масштабы и в колхозах Орловской области (131).

Несоблюдение агротехники оборачивалось снижением урожайности. В колхозе «Новая заря» Борисовского района Курской области в 1949 г. провели лущение пара дисковыми лущильниками перед посевом и получили урожай зерновых 5 центнеров с гектара, тогда как на качественно обработанном пару урожай собрали в 3–4 раза больше. Поэтому областное управление сельского хозяйства потребовало «категорически воспретить перепашку паров и обработку их дисковыми лущильниками» (132).

Одним из наиболее ответственных видов полевых работ является сев. Огромная площадь зерновых культур в колхозах Центрального Черноземья во второй половине 1940-х годов засевалась примитивным дедовским способом – вручную («вразброс» или «под борону») (133). Но на протяжении всего восстановительного периода МТС и колхозы Центрального Черноземья испытывали острейшую нехватку борон. Так, в 1950 г. Елецкой и Хитровской МТС Елецкого района Орловской области требовалось 600 борон. Однако в обеих станциях не было ни одного звена (134).

Поэтому в регионе широкое распространение получили деревянные тяжелые тракторные бороны, которые изготовлялись в колхозных кузницах. Они применялись как универсальные орудия при всех видах предпосевной обработки – бороновании, культивации и заделке семян. Качество проведения работ при этом страдало. При применении такой бороны для культивации она набирала массу корневищ, а человеческого усилия, чтобы протрясти ее на ходу, было недостаточно. В результате деревянная борона гребла, сдвигая массу земли. То же самое происходило при заделке ею семян во время сева «вразброс». Семена заделывались на недостаточную глубину до 1,5 см, при этом до 20 % семян оставалось на поверхности. Заделка семян бороной производилась в расчете на исключительно благоприятную погоду: для получения полных всходов заложенных в почву семян были необходимы длительные дожди и отсутствие ветров (135). Но

такой способ заделки семян оставался все равно более предпочтительным, нежели тракторным плугами (136).

В восстановительный период колхозное производство сильно страдало из-за необеспеченности сеялками, что и обусловило сев «вразброс». Этот способ посева применялся вплоть до начала 1950-х годов, а в первые послевоенные годы он преобладал. В Елецком районе Орловской области в 1947 г. 2/3 всех хлебов было посеяно «"пятирядной сеялкой" – вручную» (137). Со временем ситуация менялась, доля сева «вразброс» сокращалась, но продолжала оставаться значительной. В 1949 г. в колхозах Орловской области рядовой сев яровых составил 35 % и озимых – 48 %. При этом на одну тракторную сеялку приходилось 221 га посевных площадей (138), что более чем вдвое превышало норму (139).

Такое положение было характерно для всего Центрального Черноземья. В 1950 г. управление сельского хозяйства Курской области определило сезонное задание на одну тракторную сеялку МТС в 300 га (140). Своеобразный рекорд во время посевных работ установила Пахотно-Угловская МТС Тамбовской области. В 1949 г. на весеннем севе нагрузка на одну тракторную сеялку в этой МТС составила 400 га. Тракторная бригада Карякина обслуживала три колхоза, имея одну сеялку (141).

Даже при таком техническом оснащении власти требовали от МТС и колхозов покончить с разбросным севом, который характеризовался как «преднамеренное вредительство» (142). Пополнение МТС тракторами и прицепным инвентарем в конце 1940-х годов позволило поднять уровень механизации основных полевых работ в колхозах и сократить сроки их выполнения. Но уложиться в агротехнические сроки не удавалось. Так, в Корсаковском районе Орловской области в 1949 г. весенний сев продолжался 67 рабочих дней, в 1950 г. его длительность сократилась до 33. Сев озимых составлял соответственно 63 и 45 рабочих дней (143).

Но и при таких условиях в 1950 г. колхозы Орловской области так и не сумели избавиться от разбросного сева. Он по-прежнему применялся в колхозах Елецкого района (144). Сев вразброс практиковался в 1950 г. в колхозах и других центрально-черноземных областей (145).

Одним из самых грубых нарушений агротехники при проведении сева в послевоенное время являлось растягивание его сроков. О влиянии срока сева на урожайность можно судить по результатам эксперимента в Орловской области в 1935 г. На Дмитровском опытном поле яровая пшеница, посеянная 15–18 апреля, дала по 16 центнеров с гектара, посеянная спустя 10 дней (24–28 апреля) – по 8,9, через 20 дней после начала сева (4–6 мая) – только 4,6. Недобор урожая в первом случае составил 7,1 центнера с гектара, или 44 %, а во втором случае – 11,4, или 71 % (146). Выход за пределы агротехнического срока посева зерновых культур оборачивался существенным недобором урожая, а затяжка в 20 и более дней снижала урожайность в 2–3 раза.

Кульминацией всего сельскохозяйственного цикла являются уборочные работы. В колхозах Центрального Черноземья в послевоенные годы уборка урожая, наряду с обработкой пропашных культур, была менее всего механизирована. МТС выполняли чуть более половины общего объема данного вида работ (прил. 29). В структуре посевных площадей колхозов региона основное место отводилось зерновым культурам (147). Поэтому в общем объеме уборочных работ преобладали работы по уборке зерновых культур. Низкий уровень механизации уборочных работ определялся слабостью материально-технической базы машинно-тракторных станций. В 1948 г. в СССР планировалось убрать комбайнами только 34 % площади зерновых (148).

За годы четвертой пятилетки количество зерноуборочных комбайнов в МТС Центрального Черноземья увеличилось почти вдвое. Однако их по-прежнему остро не хватало. В 1949 г. в колхозах Орловской области планировалось убрать комбайнами 13 % площади зерновых, жатками – 33 %, вручную – 54 %. Нагрузка на каждый условный 15-футовый комбайн составляла 250 гектаров (149). Она намного превышала все допустимые пределы, хотя и оставалась самой низкой по МТС Центрального Черноземья (150). Тем не менее, Орловский обком ВКП(б) поставил задачу убрать озимые и ранние яровые хлеба в 18–20 рабочих дней (151). Для многих МТС это была совершенно непосильная задача. «Мы располагали на 26,5 тыс. гектаров зерновых культур 7-ю самоходными комбайнами и 7-ю комбайнами “Коммунар” первого выпуска, причем из комбайнов “Коммунар” ра-

ботали 1–2 и то с перерывом, – говорил на Орловской областной партконференции в марте 1951 г. секретарь Корсаковского райкома ВКП(б) Якунин. – (...) Когда кончили уборку в Ново-Деревеньковском и других соседних районах, нам оказали помощь. Но это был ноябрь месяц. Косили овес в ноябре. Это преступление!» (152).

Самая высокая нагрузка уборочной площади на один зерновой комбайн по Центральному Черноземью была в Воронежской области, в которой планировалось в 1950 г. убрать комбайнами более 50 % зерновых (153). Выработка на один комбайн для МТС области определялась в 351 га уборочных площадей зерновых культур, подсолнечника, многолетних трав и эфиромасличных культур. Обком партии требовал провести уборку озимых зерновых культур в 7–8 дней, а ранних яровых – в 10–12 (154). Это было совершенно нереально. МТС могли справиться с таким объемом уборочных работ только за счет растягивания сроков их проведения. В 1950 г. по состоянию на 1 октября в воронежских колхозах еще продолжалась уборка зерновых культур, а их обмолот производился в течение всей зимы (155).

Чтобы МТС справились с поставленной задачей, каждый комбайн должен убирать 15–20 га зерновых культур в день. Это было возможно при условии безотказной работы техники, четкой организации труда, своевременной отгрузки зерна, хорошей погоды и т. д. Практика показывала обратный результат. 10 августа 1949 г. в Кантемировской МТС Кантемировского района Воронежской области проводился хронометраж работы 4-х комбайновых агрегатов. К данной процедуре готовились заранее. Продолжительность рабочего дня комбайнеров и трактористов колебалась в пределах 13,5–16,5 часов. Время, затраченное на производительную работу, составило у первого агрегата 7 часов 40 минут, у второго – 8 часов 40 минут, у третьего – 8 часов 46 минут, у четвертого – 5 часов 4 минуты. Непосредственно в работе по уборке хлебов комбайновые агрегаты находились от 32 % (четвертый агрегат) до 58 % (третий агрегат) общего времени. В среднем агрегаты были заняты на уборке урожая 48 % рабочего времени (156).

В эксперименте комбайновый агрегат № 1 (комбайн «Коммунар» и трактор «ХТЗ») показал средний результат. Его рабочий день длился 15 часов 7 минут, он начался в 4 часа 45 минут и закончился в 19 часов 52 минуты. Работа агрегата по уборке зерновых заняла 7 часов

40 минут. Простои составили 7 часов 27 минут, из них по технической неисправности комбайна – 3 часа 26 минут, по технической неисправности трактора – 7 минут, простои под разгрузкой – 12 минут. Простои по прочим причинам составили 3 часа 42 минуты, в том числе подготовка агрегата к работе заняла 2 часа 13 минут, заливка воды и горючего – 55 минут, перерыв на завтрак – 34 минуты. Всего комбайновым агрегатом за этот день было убрано 14 гектаров хлебов (157).

Даже при создании условий, близких к оптимальным, выработка комбайнового агрегата за рабочий день, который у механизаторов длился «от зари до зари», составила 14 га. В обычных же условиях она была намного меньше. Массовая уборка зерновых культур в большинстве районов Центрального Черноземья начинается с середины июля. По состоянию на 20 июля 1948 г. среднедневная выработка с начала сезона на 15-футовый комбайн в МТС Воронежской области колебалась от 1,8 до 3,6 гектара, в МТС Курской области – от 1,6 до 2,0 гектара уборочной площади (158).

Одной из главных причин медленных темпов комбайновой уборки являлся выход техники из строя и отсутствие горючего. В период массовой уборки зерновых в июле 1948 г. в Воронежской области Шуковская, Н.-Байгорская, Криушанская МТС «совершенно не имели бензина», а в М.-Верейской, Землянской, Манинской и Марвевской МТС обеспеченность бензином составляла менее суточной нормы (159).

Конструктивные недоработки комбайнов, технические неполадки, растягивание сроков уборки приводили к большим потерям урожая. В 1948 г. в колхозе «Путь к социализму» Буденновского района Воронежской области на площади 90 га потери зерна составили 9 пудов с гектара. Но и при работе простых уборочных машин – жаток-самосбросок и лобогреек – потери зерна также были велики. В колхозе имени Ленина того же района они доходили до 9 пудов с гектара, а в колхозе имени 2-го облсъезда Алексеевского района – до 12 пудов (160).

Производительная работа комбайновых агрегатов напрямую зависела от ее обеспечения со стороны колхозов. В договорах с МТС колхозы брали на себя обязательство обкашивать края поля, делать прокосы внутри поля для загонок, своевременно отгружать зерно от

комбайнов, подвозить горючее, воду, организовывать питание и отдых механизаторов. Весовщики МТС вели учет всего обмолоченного зерна. За работу комбайновых агрегатов МТС колхозам начислялась натуроплата. В итоге работа комбайнов МТС создавала колхозам немало проблем, и при этом комбайны могли убрать только часть площадей зерновых. Поэтому во многих колхозах Черноземного Центра России колхозы отказывались от помощи МТС при проведении уборки зерновых. В 1948 г. в Ново-Чермошнянском районе Курской области председатель сельсовета Борзиков велел в колхозе им. Молотова убирать рожь вручную. Свое распоряжение он мотивировал тем, что при уборке комбайнами потери зерна достигают до 50 % урожая. В Ново-Уколовской и Флюговской МТС Воронежской области на массивах, запланированных к уборке комбайнами, хлеб также убирали вручную (161).

В газетах печатались статьи об «антикомбайновых» настроениях в колхозах (162). Председатель колхоза «Правда» Жердевского района Тамбовской области Завьялов открыто заявлял, что комбайн ему не нужен, и с уборкой 330 га ржи он справится собственными силами и в срок. Не захотел пускать комбайн на поля председатель правления сельхозартели «Красный партизан» Глазков. А в колхозе «Совет труда», не дожидаясь прибытия комбайнового агрегата, приступили к уборке ржи (163). В такой ситуации руководители некоторых МТС с первых же дней уборки ставили комбайны на стационарный обмолот хлебов (164).

Одним из «узких» участков в работе производственной системы «колхозы – МТС» оставался обмолот хлеба. Вплоть до начала 1950-х годов в колхозах Центрального Черноземья большая часть зерновых культур убиралась простейшими машинами – жатками-самосбросками и лобогрейками, а также вручную. В договорах с колхозами машинно-тракторные станции брали на себя обязательства по молотьбе. МТС направляли в колхозы сложные зерновые молотилки. Количество сложных молотилок за годы четвертой пятилетки в МТС региона увеличилось в 1,7 раза (см. прил. 3 и 6). Но их все равно было недостаточно. Поэтому колхозы широко использовали конные молотилки и даже производили обмолот хлеба вручную – цепами. Так, в 1949 г. в Льговском районе Курской области одна сложная молотилка МТС приходилась на четыре колхоза. В результате кол-

хозы были вынуждены использовать конные молотилки, а четвертная их часть производила обмолот вручную (165).

Типовой договор машинно-тракторной станции с колхозом устанавливал порядок приемки тракторных работ. После окончания работы, но не реже одного раза в пятидневку, МТС должна была сдать произведенную работу по акту, подписанному директором станции и председателем колхоза. В акте следовало указать количество, качество и сроки проведения работ (166). Машинно-тракторные станции и колхозы не обладали материально-техническими ресурсами для своевременного и качественного выполнения всего комплекса сельскохозяйственных работ. Руководители МТС и колхозов, как правило, не предъявляли друг другу претензий по качеству работ. Приемка тракторных работ в колхозах осуществлялась формально (167).

Самым распространенным нарушением договорных обязательств МТС стало несоблюдение сроков выполнения основных видов тракторных работ. В объяснительной записке к годовому отчету МТС Тамбовской области за 1948 г. отмечается: «Контроль качества тракторных работ был организован так, что он не предупреждал брака в работе, а регистрировал его. Контроль со стороны агрономов был недостаточным и весьма примитивным. Так, пахота браковалась лишь по нарушению установленной глубины, посев и культивация по допущенным огрехам на работу тракторов с неисправным инвентарем или его отдельных органов с неисправной установкой и регулировкой его» (168).

Чаще всего регистрировались такие факты нарушения агротехники со стороны тракторных бригад МТС, как «пахота без предплужников» и «мелкая пахота». Механизаторы, вместо обозначенных в договоре 20–25 см, вспашку производили на глубину 12–18 см, а иногда и того меньше (169). Подобные нарушения выявляли главные агрономы районных отделов сельского хозяйства, наделенные функциями государственных инспекторов по качеству тракторных работ. В 1948 г. в Курской области было зафиксировано около 160 случаев нарушения глубины пахоты на площади 1,4 тыс. га (170), в Тамбовской области – 579 случаев «бракодельства» на площади 4,6 тыс. га (171). Но фиксировалась лишь малая часть работ, выполненных с нарушением агротехнических норм. «Я ознакомился с работой 15 МТС…

Как там ведутся учетные листки в тракторных бригадах, – отмечал в ноябре 1949 г. на пленуме Курского обкома партии заместитель начальника областного управления сельского хозяйства Чесноков. – Все просмотренные учетные листы, как правило, имеют отметку "хорошо". Не нашел нигде отметки "плохо" и забракованной работы. Это говорит о том, что этот документ никем не анализируется. Он служит только бухгалтерии, чтобы начислить трудодни для расчета колхозов с трактористом» (172).

Почему участковые агрономы МТС, призванные организовывать и контролировать качество тракторных работ, не выполняли свои обязанности? Инструктор Тамбовского обкома ВКП(б) Курильчик в феврале 1950 г. беседовал по этому вопросу с участковыми агрономами Тамбовской и Б. Липовской МТС Тамбовского района Тамбовской области. На основании беседы была составлена развернутая справка. Участковые агрономы в качестве главной причины называли свою полную зависимость от директора МТС. «При моей работе в качестве участкового агронома Тамбовской МТС, – делился своими мыслями В.В. Кажаринов, – в 1947 г. в колхозе имени Ленина было обнаружено, что тракторная бригада Несмеянова вспахала пары очень мелко на глубину 12–14 см на площади 58 гектаров. Я составил на эту площадь акт и потребовал эту работу переделать. Тогда меня вызвал к себе директор МТС т. Рыбальченко и категорически запретил переделать эту пахоту, мотивируя тем, что переделками сорвется план тракторных работ и будет перерасход горючего. (...) После этого разговора с директором я не стал составлять больше актов и у меня отпало всякое желание работать в качестве участкового агронома. Участковый агроном является статистиком, а не организатором колхозного производства» (173).

Нарушения агротехники во время пахоты имели системный характер. Трактористы МТС часто устанавливали плуги на меньшую глубину вспашки для того, чтобы избежать перерасхода горючего и, соответственно, денежных штрафов. На плохо разработанных и заросших сорняками почвах трактор расходовал горючего больше нормы. Но указанное обстоятельство не учитывалось при определении расхода горючего, что вызывало справедливое недовольство механизаторов. Они, как могли, приспосабливались к такому положению,

по-своему «экономили» горючее, занижая глубину вспашки. О существующем порядке хорошо знали руководители местных органов власти, но ничего поделать не могли. «Комиссия Министерства сельского хозяйства испытывала трактор на предмет расходования горючего трактором "ЧТЗ", – делился своими впечатлениями на пленуме Воронежского обкома партии в июне 1948 г. секретарь Сине-Липяговского РК ВКП(б) Горбатов. – И что же, трактор на запыренной почве дал на один гектар 15 кг перерасхода лигроина. А когда этот трактор поставили на обыкновенную старопахотную землю, то он дал 2 кг экономии. А вот в областном управлении сельского хозяйства к распределению материальной помощи и установлению норм горючего на один гектар подходят по одной мерке» (174).

В первые послевоенные годы нефтебазы МТС не соответствовали элементарным требованиям, заправочный инвентарь во многих тракторных бригадах отсутствовал. Это приводило к значительным потерям горючего при транспортировке и хранении. Горючее отпускалось «на глазок». Заложником такого положения оставался механизатор: на него списывалась вся недостача. Сложился своеобразный механизм ее покрытия. В июне 1948 г. ревизоры из Курского областного управления сельского хозяйства проанализировали расходование горючего в Горшеченской МТС. При эксплуатации тракторов топливные баки получали различные вмятины, их объем уменьшался. Но при ремонте тракторов объем топливных баков не измерялся. Учетчики-заправщики изготовляли измерительные линейки по собственному усмотрению. Учетчик Фролова к трактору «СТЗ–НАТИ» № 28 изготовила «линейку на 208 кг», в то время как фактическая емкость бака составляла 185,5 кг. Поэтому при каждой заправке трактора «списывалось в перерасход 22,5 кг горючего». Учетчик Михайлова при каждой заправке трактора «СТЗ–НАТИ» № 33 списывала 9,5 кг горючего, а учетчик Голубятников – при заправке трактора «СТЗ–НАТИ» № 29 – 14 кг (175).

Положение не изменилось и спустя год. В августе 1949 г. расходование горючего МТС Курской области проверял старший инспектор Топливной инспекции Министерства сельского хозяйства СССР Юрков. И вновь было установлено, что в проверенных МТС – Обоянской, Беленихинской, Алексеевской, Корочанской – тарировка топливных баков тракторов производилась неправильно. Их емкость

завышалась в среднем на 2–13 кг (176). Механизаторам автоматически в перерасход записывалось горючее, которое они по факту не получали.

Развитие колхозного производства Центрального Черноземья в годы четвертой пятилетки происходило преимущественно путем восстановления посевных площадей. При этом рост машинно-тракторного парка МТС отставал от темпов роста посевных площадей в колхозах, что и обусловило сохранение на низком уровне агротехники и урожайности. Урожайность зерновых в колхозах Воронежской области в 1947 г. достигла 9,8 центнера с гектара, в 1948 г. – 6,97, в 1949 г. – 6,3, в 1950 г. – 7,05 (177). Это были лучшие показатели в Центральном Черноземье. Средняя урожайность зерновых в колхозах Курской области в 1947 г. составила 7,8 центнера с гектара, в 1948 г. – 6,1, в 1949 г. – 4,7, в 1950 г. – 6,7 (178). Аналогичная картина наблюдается и в колхозах Тамбовской области (179).

Получить высокий урожай без соблюдения агротехнических требований нельзя, но МТС не обладали для этого материально-техническими ресурсами. Для того чтобы выполнить все необходимые агротехнические мероприятия на полях колхозов в 1949 г., в МТС Орловской области следовало завезти 2,2 тыс. условных тракторов, 2,78 тыс. тракторных плугов, 1,5 тыс. дисковых культиваторов, 1,7 тыс. сеялок, 1,3 тыс. комбайнов, 1,3 тыс. молотилок, 1 тыс. лущильников. По отношению к наличию это составляло по тракторам 65 %, по плугам – 100 %, по дисковым культиваторам – 151 %, по сеялкам – 177 %, по комбайнам – 330 %, по молотилкам – 280 %, по лущильникам – 128 % (180). Потребности МТС в пополнении техникой по большинству позиций превосходили ее наличие.

Вот почему полевые работы в колхозах производились с превышением агротехнических сроков. Для МТС Орловской области в 1948 г. нормативный срок весновспашки определялся в 20 рабочих дней, он и закладывался в основу договора с колхозами. В действительности пахота продолжалась сверх этого еще 40 дней (до 20 июня). С опозданием было вспахано 132,8 тыс. га, или 32 % всей площади. Предпосевная культивация на тракторах в срок (до 20 дней) проводилась на площади 168,9 тыс. га, что составляло 68 % площади, а на остальных землях она велась до 1 июня, с опозданием до 30 дней.

Срок весеннего сева яровых культур также определялся в 20 дней (до 10 мая). За это время тракторные бригады МТС сумели посеять только 80,6 тыс. га, или 38 % от принятых по договорам обязательств, а остальное – с опозданием до 40 дней (до 20 июня) (181).

По договорам с колхозами МТС Орловской области в 1948 г. брали обязательство поднять к 10 июня 380,1 тыс. га ранних паров. Но до 10 июня было поднято тракторами только 179,2 тыс. га пара, или 47 %. Работа по подъему пара продолжалась еще 2 месяца (!) – до 10 августа, когда было вспахано еще 213 тыс. га. Культивация пара была проведена на площади 315,4 тыс. га, из них в срок 197,1 тыс. га, или 62 % (182).

МТС Орловщины в 1948 г. почти не проводили культивацию пропашных культур и лущение стерни, исполнив свои обязательства перед колхозами соответственно на 6,3 % и 14,1 %. Уборочной техники МТС имели крайне мало. В 1948 г. они заключили договора на комбайновую уборку зерновых только с 893 колхозами, а на молотьбу – с 2591, что составило соответственно 21 % и 62 % их численности. При этом в установленные сроки комбайновая уборка была проведена на 59,7 тыс. га из 80,1 тыс., или на 75 % площади, а молотьба – на 160 тыс. га из 247,8 тыс., или на 65 % (183). Указанные факты свидетельствуют о полном пренебрежении в колхозном производстве к агротехнике возделываемых культур.

К концу 1940-х годов материально-техническая база МТС Центрального Черноземья несколько улучшилась. Однако она все же не позволяла выполнять основные виды сельскохозяйственных работ в агротехнические сроки. К примеру, в колхозах Воронежской области в 1949 и 1950 гг. сев яровых колосовых культур в колхозах продолжался 30–35 дней, подсолнечника – 30–40 дней, сахарной свеклы – 20–30 дней, а вспашка ранних паров проводилась еще и в июле. Недопустимое запаздывание с работами имело место также на уборке и обмолоте хлебов (184). Слабость материально-технической базы МТС, в конечном итоге, снижала эффективность колхозного производства (185). Объемы тракторных работ, которые спускались МТС сверху в директивном порядке, всегда были завышены. Законы природы не подвластны даже самым строгим указаниям начальства. Поэтому усилия механизаторов и колхозников, их работа на пределе возможностей, граничащая с подвигом, не приносили ожидаемого результата.

МТС – ОСНОВА КОЛХОЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА (1951–1957 гг.)

В 1950 г. в функционировании производственной системы «колхозы – МТС» произошли серьезные изменения. 30 мая 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление об укрупнении колхозов (186). В пропагандистской кампании партийные и советские органы упор делали на то, что в небольших колхозах техника работает менее производительно, чем в крупных хозяйствах. При этом в качестве образца представлялись совхозы. В действительности все выглядело с точностью до «наоборот». Техника на колхозных полях эксплуатировалась более интенсивно, чем в совхозах. В 1950 г. в МТС Тамбовской области выработка на один 15-сильный условный трактор составила 478 га мягкой пахоты, в то время как в совхозах – 277, или в 1,7 раза меньше. На один 15-футовый условный комбайн МТС пришлось 314 га площади зерновых культур, убранных за сезон, а в совхозах – 177, то есть в 1,8 раза меньше (187).

Кампания по укрупнению колхозов проводилась с иными целями. Ее суть заключалась в том, чтобы добиться их 100-процентного включения в сферу обслуживания МТС и, соответственно, получения государством большего объема сельскохозяйственной продукции в качестве натуроплаты. При этом решалась проблема улучшения управления колхозами при сокращении управленческого аппарата в них.

Кампания по укрупнению колхозов проводилась динамично, под сильным нажимом власти. В результате к 1 ноября 1950 г. их количество в Курской области сократилось с 4971 до 1823, или в 2,7 раза (188), в Орловской – с 4172 до 1857, или в 2,3 раза (189), в Воронежской – с 4327 до 1666, или в 2,6 раза (190).

В Тамбовской области работа по укрупнению колхозов велась с еще большим размахом. К началу октября 1950 г. в результате объединения 2 917 колхозов было создано 887 крупных хозяйств, 134 колхоза намечалось укрупнить после окончания уборки урожая. В итоге из 3135 колхозов, имевшихся в области до укрупнения, сохранилось в неизменном виде только 73 (191).

Укрупнение колхозов, вопреки ожиданиям властей, часто приводило к дезорганизации их работы. Инструкторы Орловского обкома ВКП(б) Митьков и Иванов, командированные в декабре 1950 г. в Вер-

ховский район, докладывали о том, что ряд укрупненных колхозов оказались в худшем положении, чем были до объединения, а некоторые – на грани развала. «В колхозе имени Калинина распалась первичная партийная организация, – писали они. – Правления колхоза, как такового, нет. Наряды на работу не выдаются. Председатель колхоза т. Мальцев остался один и занимается тем, что ухаживает за колхозным скотом. В этом колхозе семена не обмолочены. Свыше 10 гектаров картофеля осталось в земле, не убрана конопля, не скошено 25 гектаров вики. Скирды грубых кормов, подъеденные скотом, завалились и перемешаны с навозом. Крыши животноводческих построек раскрыты. Скот по несколько дней не поится и находится под открытым небом» (192).

Широкомасштабная кампания по укрупнению колхозов 1950 г. оказала существенное влияние на функционирование производственной системы «колхозы – МТС». В результате все колхозы Центрального Черноземья оказались включенными в сферу агротехнического обслуживания машинно-тракторных станций (прил. 32). В начале 1950-х годов в регионе действовало 549 машинно-тракторных станций. Обслуживали они 6003 колхоза, в распоряжении которых имелись 11 761 тыс. га пахотных земель. Одна МТС обслуживала в среднем 11 колхозов, располагавших 21,4 тыс. га пахотных земель (193).

Работа по укрупнению колхозов продолжалась и в последующие годы. К примеру, в 1954–1955 гг. только в Орловской и Курской областях в результате укрупнения колхозов их численность сократилась на 1 369 единиц (194). Эта тенденция развивалась и в дальнейшем. К тому же стал постепенно набирать силу процесс преобразования колхозов в совхозы и присоединения колхозов к совхозам. Масштаб преобразования колхозов в совхозы в регионе был невелик, центральные органы власти, как правило, отклоняли просьбы руководителей областей на этот счет. В 1951–1957 гг. количество колхозов в Центральном Черноземье уменьшилось в 1,6 раза – с 6003 до 3657 (195) (прил. 32 и 33). Количество МТС сохранилось примерно на прежнем уровне, а численность колхозов, обслуживаемых одной машинно-тракторной станцией, уменьшилось с 11 до 7. При этом площадь пахотных земель колхозов сократилась всего на 2 %, а в расчете на одну МТС она осталась практически неизменной.

В начале 1950-х годов в колхозах центрально-черноземных областей завершается процесс восстановления довоенных посевных площадей. К примеру, в колхозах Тамбовской области в 1940 г. вся посевная площадь составила 1 464,5 тыс. га, а в 1950 г. – 1 444 тыс., то есть фактически сравнялась с довоенным уровнем. В 1953 г. посевная площадь тамбовских колхозов превысила довоенные показатели почти на 5 % и составила 1 533,6 тыс. га (196).

В начале 1950-х годов в машинно-тракторные станции Центрального Черноземья поступало большое количество тракторов, зерноуборочных комбайнов и другой сельскохозяйственной техники (197), что позволило поднять уровень механизации работ в колхозах (прил. 34). В период 1950–1953 гг. уровень механизации посева яровых зерновых культур в колхозах Тамбовской области вырос с 68,4 % до 95,5 %, посева озимых – с 90 % до 95,2 %, уборки зерновых – с 53,3 % до 99 % и т. д. В 1953 г. в колхозах были почти полностью механизированы самые трудоемкие работы – вспашка пара и зяби, посев яровых и озимых зерновых культур, уборка подсолнечника и зерновых. Достаточно высоким был уровень механизации по ряду других основных работ (198).

Довоенный уровень механизации основных видов сельскохозяйственных работ в колхозах Центрального Черноземья к 1954 г. удалось значительно превзойти. Укрепление материально-технической базы МТС в послевоенные годы привело к снижению нагрузки пахотной земли на 1 условную лошадиную силу (НР) тракторного парка. Так, в колхозах Курской области по состоянию на 1 января 1954 г. нагрузка на 1 НР тракторного парка МТС составила 11,3 га против 18,4 га на 1 января 1941 г., она уменьшилась на 7,1 гектара, или на 39 % (199).

Рост механизации сельскохозяйственных работ в колхозах в начале 1950-х годов проходил в условиях, когда обеспеченность пахотных земель механическим и живым тяглом лишь незначительно превысила довоенные показатели. Это связано с резким сокращением поголовья рабочего скота. В итоге в расчете на 1 НР в колхозах Курской области на 1 января 1954 г. приходилось 9 га пахотных земель. В 1940 г. этот показатель составлял 9,8 га, то есть он уменьшился в рассматриваемое время всего лишь на 0,8 гектара, или на 8 % (200). Таким образом, энергообеспеченность полевых работ в курских колхозах в 1953 г. едва превысила довоенные показатели.

И все же массированные поставки сельскохозяйственной техники в машинно-тракторные станции Центрального Черноземья в начале 1950-х годов позволили поднять культуру земледелия на колхозных полях. «В нынешнем году, – подчеркивал в выступлении на пленуме Орловского обкома ВКП(б) его секретарь И.А. Волков в сентябре 1952 г., – около 75 % яровых культур посеяно по зяби. Почти весь сев проводится теперь рядовым способом, а год тому назад колхозы сеяли яровые культуры на 2/3 по весновспашке и на 35–40 % вручную» (201).

Машинно-тракторные станции в колхозах выполняли основные виды сельскохозяйственных работ. Но они не справлялись с плановыми заданиями; в колхозах возрастание объема полевых работ шло нарастающими темпами. В начале 1950-х годов продолжался рост посевных площадей в колхозах. В 1950–1951 гг. посевные площади курских колхозов увеличились на 143,4 тыс. гектаров (202), орловских – на 123 тыс. (203) Работа МТС велась в условиях жесткого прессинга со стороны органов управления и планирования. Государственные плановые задания по ведению тракторных работ в колхозах превышали возможности МТС, темпы роста мощности тракторного парка отставали от темпов роста объемов тракторных работ. В частности, в 1953 г., по сравнению с предшествующим годом, мощность тракторного парка МТС Курской области выросла на 6,6 %, а объем тракторных работ – на 20,8 % (204).

В таких условиях машинно-тракторные станции были вынуждены делить полевые работы в колхозах на «выгодные» и «невыгодные». В разряд «выгодных» попадали такие работы, при выполнении которых тракторные агрегаты использовались не на пределе своей мощности, что продлевали срок их службы. К «выгодным» относились работы по боронованию, культивации, перепашке паров и т. д. Этим грешили все МТС.

В числе лучших МТС Орловской области находились Измалковская и Спартаковская МТС Измалковского района. В 1953 г. они дали очень высокую среднюю выработку на один 15-сильный трактор – около 600 га условной пахоты и прибыль более 100 тыс. руб. Однако на пленуме обкома партии в октябре 1953 г. жесткая критика раздавалась и в их адрес. Во-первых, такой результат был достигнут в результате непомерного растягивания сроков полевых работ. Во-вто-

рых, высокая выработка достигалась за счет «явного злоупотребления более легкими работами, прежде всего за счет бесконечного переваливания паров» (205).

К 1954 г. машинно-тракторные станции Центрального Черноземья механизировали основные виды полевых работ в колхозах. Однако они по-прежнему не обладали материально-техническими ресурсами для выполнения всего комплекса сельскохозяйственных работ в агротехнические сроки. Часть обязательств перед колхозами МТС систематически не выполняли в полном объеме. Это относится к циклу работ осеннего периода: подъему черного пара и зяби, лущению стерни, уборке сахарной свеклы и т. д. (206)

Выполнение производственной программы по тем или иным видам тракторных работ в МТС достигалось за счет растягивания их сроков. В 1953 г. в курских колхозах тракторные бригады МТС выполнили 99,3 % всех работ по вспашке чистых паров, 98,5 % – по подъему зяби, 94,2 % – по уборке сахарной свеклы, 88,1 % – по посеву яровых культур (207). План подъема ранних паров МТС перевыполнили на 9 %. На первый взгляд, это показатель успешной работы тракторных бригад. Если иметь в виду труд механизаторов – так оно и есть. При учете агротехнических нормативов картина представляется в ином свете. 320 тыс. га, или 69 % общей площади пара, были вспаханы после 1 июня, то есть за пределами агротехнических сроков. Такая же обстановка сложилась с выполнением работ по подъему зяби. Задания по подъему зяби МТС перевыполнили на 1,9 %. Но и эта работа обесценивалась тем, что около 290 тыс. га, или почти 40 % всей площади зяби, были вспаханы после 1 октября. При высоком уровне механизации уборки зерновых более 200 тыс. га, или 20 % их площади, были убраны комбайнами после 1 сентября (208).

Набольшие трудности возникали при проведении весенних полевых работ, когда растягивание сроков работ особенно негативно сказывалось на урожайности. В курской области тракторные агрегаты МТС в 1953 г. засеяли в колхозах почти 9/10 клина яровых культур, но в первые 6 рабочих дней – лишь 11 % площади (209). Серьезным тормозом в работе механизаторов оставалась изношенность техники, ее выход из строя из-за частых поломок. В 1952 г. простои машинно-тракторного парка МТС Тамбовской области составили 1 млн тракторосмен, или 45 % от их количества (210), МТС Орловской области – 673 тыс., или около половины рабочего времени (211).

Колхозные поля обрабатывались не в силу агрономических потребностей, а в соответствии с возможностями машинно-тракторных станций. В 1952 г. МТС Тамбовской области только 2/3 полевых работ произвели в установленные сроки. Руководители многих колхозов, зная истинное положение дел в МТС, не требовали от них строгого соблюдения сроков и качества работ, скрывали недостатки от районного начальства. «В итоге получается странная картина, – возмущался секретарь Тамбовского обкома КПСС Золотухин на пленуме обкома в декабре 1952 г., – колхоз оценивает работы МТС на "хорошо" и "отлично", а урожай получает по 7–8 центнеров с гектара» (212).

Тамбовские колхозы и не могли рассчитывать на высокий урожай, потому что сев ранних яровых культур вместо 6–8 дней продолжался 20 дней, только $^1/_3$ ранних паров была поднята в срок (213). Причины низкой продуктивности колхозных полей объясняются слабостью материально-технической базы. В Старо-Юрьевском районе нагрузка на один 15-сильный трактор в 1953 г. составила 590 га мягкой пахоты, а в колхозах «Правда» и «Память Ильича» – 670 (214). МТС выполняли план тракторных работ при растягивании сроков работ. Весенний сев 1953 г. в колхозах Старо-Юрьевского района продолжался 81 день, только сев ранних яровых культур производился в течение 30–35 дней. Руководители района просили обком партии направить в МТС до начала весенне-полевых работ 33 гусеничных и 22 пропашных трактора с тем, чтобы снизить нагрузку на условный трактор «хотя бы до 400 гектаров мягкой пахоты» (215).

Наряду с высоким уровнем механизации основных видов сельскохозяйственных работ, многие работы в колхозах оставались немеханизированными или механизированными частично. Наличие «узких» мест и снижало уровень агротехники. Так, при высоком уровне механизированной уборки зерновых культур не была решена проблема механизированной обработки зерна, уборки пожнивных остатков и т. д. Наличие соломы на полях и прочих пожнивных остатков после уборки урожая влекло за собой простои тракторов и опоздание с проведением лущения стерни, пахоты под озимые, подъема зяби и черных паров.

Эффективность работы производственной системы «колхозы – МТС» в значительной степени зависела от того, насколько слаженно работали тракторные бригады МТС и полеводческие бригады колхо-

зов. Во взаимоотношениях МТС и колхозов существовали серьезные разногласия. На заседании совета Ново-Оскольской МТС Ново-Оскольского района Курской области в апреле 1952 г. председатели колхозов говорило о том, что МТС выделяет в колхозы недостаточное количество техники, дает «изношенные трактора» (216).

В свою очередь с резкой критикой в адрес колхозов выступили работники МТС. «Председатель колхоза имени Ленина Кравченко П.Ф. заявил о готовности к севу, – возмущался бригадир Т.И. Холмовой. – Но он не сказал, почему мы не вспахали зябь. Потому что не готовилась площадь под пахоту, на поле осталась солома. В прошлом году мы хорошо посеяли сахарную свеклу, подсолнечник, но колхоз не организовал прополку, прорывку. Сейчас мы будем сеять квадратно-гнездовым способом, но колхоз не способен маркировать поля. Колхоз обращает недостаточное внимание на подготовку кадров, прицепщики и трактористы выделяются как зря. Всегда работу мы начинаем очень поздно. Отсутствие семян, воды прицепщиков – все это ведет к простоям» (217).

Наибольший объем полевых работ в колхозах в осенний период приходился на подъем зяби и черных паров. Эти виды работ были полностью механизированы. Осенний период полевых работ для МТС являлся самым сложным. Значительная часть тракторов к осени вырабатывала свой ресурс и выходила из строя. Только из-за технических неисправностей и отсутствия запасных частей в сентябре 1953 г. на полях колхозов Курской области простаивала третья часть всех тракторов (218).

Техника простаивала и по организационным причинам, из-за перебоев в снабжении горюче-смазочными материалами. Перебои со снабжением горючим МТС в осенний период повторялись из года в год. Горючее для сельского хозяйства выделялось по остаточному принципу. В Курской области в 1951 г. в период вспашки зяби в течение 3-х недель на 23-х базах «Главнефтесбыта» из 33-х не было дизельного топлива. В 1952 г. в разгар вспашки зяби с сентября и до половины октября на всех нефтебазах отсутствовало дизельное моторное масло. Перебои с горючим наблюдались и в 1953 г. В августе 1953 г. для бесперебойной работы курским МТС требовалось 8 тыс. т керосина, а получили они 3,62 тыс. т, или 45 %. Такое же положение сложилось и с поставками дизельного топлива, бензина, моторного

масла. Из 10,5 тыс. т дизельного топлива МТС получили 2,9 тыс. т, или 27 %, из 11,7 тыс. т бензина – 7,4 т, или 63 %, из 682 т моторного масла – 264 т, или 39 % (219).

К 1954 г. машинно-тракторные станции Центрального Черноземья производили большую часть полевых работ в колхозах, но состояние их материально-технической базы не позволяло выполнять сельскохозяйственные работы в оптимальные агротехнические сроки. Отсюда низкая урожайность сельскохозяйственных культур в колхозах. Урожайность сельскохозяйственных культур в колхозах в период 1947–1953 гг. оставалась фактически на одном и том же уровне. Колхозы Воронежской области в указанный период в среднем собирали около 60 млн пудов зерна в год (прил. 35). За исключением очень благоприятного в сельскохозяйственном отношении 1947 г., урожайность зерновых в колхозах Воронежской области во второй половине 1940-х годов составляла порядка 7 центнеров с гектара, а в начале 1950-х годов она увеличилась на 1 центнер (220).

В начале 1950-х годов в Центральном Черноземье машинно-тракторные станции Орловской области имели худшие показатели по оснащенности сельскохозяйственной техникой и обеспеченности ремонтной базой. Слабость материально-технической базы МТС Орловской области, отсутствие порядка в землепользовании колхозов обусловили низкий уровень агротехники и низкую урожайность. Во многих колхозах области урожайность зерновых не превышала 5 центнеров с гектара на протяжении ряда лет. В Верховском районе в 1951 г. урожай зерна менее 5 центнеров с гектара получили 19 колхозов из 26, а в 1952 г. – 21. В 1952 г. в Моховском районе в 31 колхозе из 36 сбор зерна не достиг 5 центнеров с гектара. В Дмитровском районе в 1952 г. намолот зерна в 30 колхозах из 39 колебался в пределах от 3-х до 5-ти центнеров с гектара. В связи с гибелью озимых урожайность зерновых в большинстве колхозов Орловской области в 1953 г. даже понизилась (221).

Все дело в агротехнике. Насколько она влияет на урожайность, показывает пример колхоза имени Сталина Свердловского района Орловской области, на землях которого располагался государственный сортоиспытательный участок. Урожайность зерновых на сортоиспытательном участке и в колхозе сильно разнилась. Колхоз один, почвы одинаковые, посевная и уборка проходили в одних и тех же

погодных условиях. Но в 1953 г. урожайность на полях государственного сортоиспытательного участка оказалась выше, чем на колхозных полях, по озимой ржи в 4,6 раза, по яровой пшенице – в 3,6, по овсу – в 10,5, по ячменю – в 3,5, по просу – в 6,5 и по гречихе – в 4 раза. Различие – в агротехнической культуре выполнения основных видов полевых работ. Посев озимых на сортоиспытательном участке был проведен с 15 по 20 августа, а на остальных землях колхоза он продолжался до 15 сентября. Посев яровой пшеницы на сортоучастке проводился только по зяби, а колхоз 85 % пшеницы сеял по весновспашке. Сортоучасток посеял пшеницу в апреле, а колхоз начал ее сеять только 2 мая. На полях, используемых сортоучастком, освоили севооборот и соблюдали правильное чередование культур, а в колхозе этого не было (222).

«Слабым звеном» в деятельности производственной системы «колхозы – МТС» оставались уборочные работы. В 1951 г. в колхозах Тамбовской области простейшими машинами и вручную было убрано 346 тыс. га, или 29 % площади зерновых культур, а 84 тыс. га зерновых вообще «ушли в зиму». В ряде колхозов хлеб в зимнее время скармливался скоту, а задним числом его включали в сводку обмолота. На конец июля 1952 г. в колхозах Тамбовской области числилось 15 тыс. га необмолоченного зерна урожая 1951 г. (223)

В 1951 г. в колхозах Орловской области комбайнами МТС было убрано лишь 50 % зерновых. Комбайновая уборка зерновых производилась в непомерно растянутые сроки, с огромными потерями урожая. «У нас в районе уборка зерновых продолжалась 100 дней, – говорил на пленуме Орловского обкома ВКП(б) в марте 1952 г. секретарь Ливенского райкома Бахвалов. – И, по сути дела, прекратили уборку, не убрав до конца все посевы зерновых культур. Мы …определяли урожай в 10–11 центнеров, а получили в среднем по 7 центнеров. Если помножить недобор на 32 тысячи гектаров зерновых, то получится, что мы недобрали свыше 90 тысяч центнеров зерна. МТС выполнила план комбайновой уборки. Нам надо было убрать 18 тысяч гектаров, убрали – 20 тысяч. А если проанализировать, то получится совсем не то. За 40 дней уборки МТС из плана 18 тысяч гектаров убрала всего-навсего 9,5 тысяч, остальное еще убирали 60 дней. Свыше $^{2}/_{3}$ урожая зерновых убирали косами» (224).

Через два года картина стала иной. В 1951–1953 гг. МТС Центрального Черноземья практически завершили процесс механизации

уборки зерновых культур. В 1953 г. комбайнами МТС в тамбовских колхозах было убрано уже 96,3 % всех зерновых (225). Хотя некоторые колхозы региона, стремясь не допустить потерь зерна на корню от перестоя, продолжали убирать хлеб вручную. Средства массовой информации вели жесткую критику «антикомбайновых и антимеханизаторских настроений» (226). Некоторые руководители районов «перегибали палку». Они требовали прекратить уборку зерновых простейшими машинами и вручную. На пленуме Курского обкома ВКП(б) 15 июля 1952 г. его секретарь Горошников вынужден был одернуть не в меру ретивых партработников за «механический подход» к делу (227).

МТС Центрального Черноземья в 1953 г. были в состоянии произвести в колхозах комбайновую уборку площади всех зерновых, но они не обладали достаточным количеством машин, для того чтобы сделать это оперативно и собрать весь выращенный урожай. Объем работ по комбайновой уборке зерновых выполнялся за счет растягивания сроков. Они были непомерно велики. Так, в 1953 г. комбайновые агрегаты МТС убирали урожай в колхозах Старо-Юрьевского района Тамбовской области 90 дней. При этом средняя нагрузка на условный 15-ти футовый комбайн составила 443 га (228). Для МТС повсеместно устанавливались завышенные нормы выработки на комбайн. В Воронежской области она составляла в 1953 г. 300 га уборочных площадей. На практике многие МТС даже превышали установленные нормы. Так, в Хворостянской МТС Хворостянского района Воронежской области выработка на условный комбайн достигла 470 га (229).

Растянутые сроки уборки зерновых приводили к гигантским потерям зерна. В 1952 г. в колхозе имени Василевского Тамбовского района Тамбовской области комбайновая уборка озимой ржи продолжалась около двух месяцев – с конца июля по 20 сентября. В начале уборки урожайность составляла 19–12 центнеров с гектара, а участок, убранный 20 сентября, дал всего лишь 1,7 центнера. Уборка овса в данном хозяйстве длилась с первой декады августа по 25 сентября. В начале уборки урожайность составляла 8 центнеров с гектара, а в конце – 2,3 центнера. Уборка яровой пшеницы в районе затянулась до 29 октября (230).

В начале 1950-х годов резервы для экстенсивного развития земледелия в колхозах центрально-черноземных областей были исчер-

паны. Дальнейшее увеличение сельскохозяйственного производства становилось невозможным без его интенсификации: оно нуждалось в квалифицированных механизаторах и специалистах, в укреплении машинно-тракторной базы, в удобрениях, качественных семенах, в эффективных средствах борьбы с вредителями.

Решения сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС открывали перспективы для перехода сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Центральное место в реализации аграрной политики партии и советского государства вновь отводилось машинно-тракторным станциям. В связи с упразднением районных управлений сельского хозяйства на МТС возлагалось агрономическое, зоотехническое и ветеринарное обслуживание колхозов. Перемены в аграрной политике правительства проявились и в выделении средств на капитальное строительство в МТС, объем которых в 1954 г. увеличился в сравнении с предшествующим годом более чем в 5 раз и первоначально определялся в 3,2 млрд. руб. (231)

МТС получили большую самостоятельность в своей работе. В 1954 г. количество видов тракторных работ, планируемых в централизованном порядке, было уменьшено с 191 до 22. Остальные виды работ планировались МТС на основе потребности колхозов. В производственных планах МТС разрешалось оставлять нераспределенными по видам до 10 % всего объема тракторных работ. Это позволяло руководителям МТС осуществлять маневр силами и средствами для своевременного выполнения полевых работ (232).

Однако курс на интенсификацию сельского хозяйства реализован не был. Уже с весны 1954 г. вектор аграрной политики советского государства переместился в сторону освоения целинных и залежных земель. Ставка делалась на введение в хозяйственный оборот земель в Казахстане, Сибири, Дальнем Востоке, Поволжье, на Урале, Северном Кавказе и некоторых других районах СССР. Старопахотные земледельческие центры страны оказались на периферии внимания правительства. В первые годы целинной лихорадки поступление сельскохозяйственной техники в машинно-тракторные станции Центрального Черноземья резко сократилось, а по отдельным позициям и вовсе прекратилось.

Изношенная техника списывалась с баланса, а новая – не поступала. Ладомировский район Белгородской области в 1954 г. ухудшил

показатели по сельскому хозяйству: средняя урожайность зерновых по сравнению с предшествующим годом снизилась с 6,6 центнера с гектара до 4,7. Первый секретарь райкома партии Д. Духанин в качестве главной причины неудачи назвал нехватку техники на колхозных полях. «Колхозы района, – отмечал он, – запаздывают с проведением ряда важнейших работ: с проведением сева, работами по уходу за посевами, уборкой урожая и др. Например, в 1953 г. весенний сев продолжался 40 дней, а в 1954 г. – 45 дней. То же самое можно сказать и об уборке урожая. В 1953 г. уборка колосовых культур длилась 12 дней, а всего – 63 дня, а в 1954 г. – соответственно 14 и 87 дней» (233).

На колхозных полях Центрального Черноземья в 1954 г. особенно остро ощущалась нехватка зерноуборочной техники. Во многих МТС региона нагрузка на комбайн составляла 450–500 и более гектаров зерновых культур. А уборка урожая длилась полтора–два месяца (234). Своеобразный «рекорд» был установлен в Мужичанской МТС Воробьевского района Воронежской области, в которой в 1954 г. на один зерновой комбайн приходилось порядка 1 тыс. га уборочных площадей, или в десять раз (!) больше нормы (235).

Руководители центрально-черноземных областей, еще недавно критиковавшие колхозы за «антимеханизаторские» и «антикомбайновые» настроения, теперь призывают убирать хлеб простейшими машинами и вручную. Тамбовский обком партии принял решение убрать в 1954 г. 100–150 тыс. га ржи в колхозах области жатками и косами, а 400–450 тыс. га – комбайнами. При этом следовало произвести комбайновую уборку зерновых за 10 дней. Каким же образом предполагалось обеспечить достижение таких показателей? В МТС на каждые 2–3 комбайна закрепляли уполномоченных, которые должны были организовать бесперебойную работу комбайновых агрегатов. Только городским комитетам КПСС Тамбовской области следовало направить в помощь МТС 800 коммунистов (236).

Это была очередная кампания. Относительно ее несостоятельности в осторожной форме высказывались сами партийные работники. «Как мы готовы к уборке урожая? – Задавал риторический вопрос секретарь Алгасовского райкома КПСС Тамбовской области Четырин. – В районе две МТС. В них 51 комбайн. Убрать запланировано 21 тысячу га зерновых. Если выполнять государственные нормы выработки,

то надо убирать 572 га ежедневно. Если 21 тысячу га разделить на 572 га, то будет 37 рабочих дней – без учета профилактических ремонтов. А с учетом их будет 40–45дней» (237). МТС даже при четкой организации труда не имели возможности произвести комбайновую уборку зерновых в агротехнические сроки. И присутствие партийных надсмотрщиков не могло кардинально изменить положение дел.

Из-за нехватки уборочной техники потери хлеба на колхозных полях приобретали огромные размеры. В итоге обесценивался труд большого количества людей. «Средняя нагрузка на комбайн достигает 450 га, – говорил в феврале 1955 г. на собрании партийного актива Тамбовской области секретарь Сампурского райкома КПСС Пеньков. – Простая арифметика показывает, что при нынешнем наличии комбайнов мы можем убирать зерновые минимум 30 дней. На 42 тысячах гектаров зерновых мы теряем ежегодно минимум 100–120 тысяч центнеров хлеба» (238). Вследствие затягивания сроков уборочной страды потери зерна составляли 25–30 %. В 1954 г. колхозы и совхозы Тамбовской области только из-за несвоевременной уборки урожая потеряли не менее 15 млн пудов хлеба (239).

Имело ли руководство страны представление о том, что в период «битвы за целинный хлеб» на старопахотных землях теряются десятки миллионов тонн зерна? Безусловно. Накануне февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС руководители областей Центрального Черноземья сообщали Н.С. Хрущеву об острой нехватке сельскохозяйственной техники. «Причиной низких урожаев сельскохозяйственных культур является растянутость сроков полевых работ вследствие недостатка машинной техники в МТС, – докладывали в ЦК партии руководители Воронежского области. – Весенний сев яровых культур в прошлом году был растянут до 20 июня, вспашка чистых паров до середины июля. Уборка зерновых и технических культур комбайнами продолжалась 48 рабочих дней или более двух месяцев» (240). Но подобные обращения не могли заставить Хрущева отказаться от намеченной цели.

Руководство страны в своей риторике обращало внимание на неиспользованные резервы в сельском хозяйстве. На январском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС шла речь об увеличении сборов зерна со старопахотных земель на 2,8 центнера с гектара. Называлось нетерпимым

положение, когда в результате затягивания уборки до 30–45 дней «теряется до четверти выращенного урожая, а в некоторых ситуациях и больше» (241).

В подготовительных материалах к январскому пленуму приводились данные об обеспеченности комбайнами сельского хозяйства СССР и США. В США на один условный 15-футовый комбайн приходилось 100 га посева зерновых, а в СССР – более 300 га (242). В сельском хозяйстве США в 1950-е годы преобладала комбайновая уборка зерновых, однако в нем имелось большое количество тракторных сноповязалок. Сельское хозяйство СССР было обеспечено зерноуборочными комбайнами лишь на 25–30 %. При существующем уровне агротехники и размерах расхода минеральных удобрений, отмечалось в документах ЦК КПСС, только за счет снижения потерь на старопахотных землях можно было увеличить сборы зерна на 1 миллиард 170 миллионов пудов (243).

Руководство СССР, зная о гигантских потерях хлеба в традиционных районах земледелия из-за нехватки уборочной техники, тем не менее, проводило политику увеличения распашки целинных земель. В одном случае значительная часть урожая оставалась на полях, а в другом – велась упорная борьба за вовлечение в хозяйственный оборот новых земель в необжитых районах страны. Власти на местах видели выход в использовании на уборке зерновых простейших машин и ручного труда колхозников. Тамбовский обком партии поставил задачу убрать жатками и вручную в 1955 г. 300 тыс. га зерновых культур, или 25 % от их посевной площади, в том числе вручную – до 200 тыс. га. (244)

Не имея возможности обеспечить техникой одновременно потребности сельского хозяйства старопахотных и целинных районов, руководство страны дает директиву проводить раздельную уборку хлеба. Такой способ уборки позволяет выиграть примерно 5 дней: жатва начинается в период восковой спелости, хлеба сразу не обмолачиваются, дозревая в рядках. В 1955 г. раздельным способом было убрано в колхозах Российской Федерации 1 374 тыс. га. В числе лидеров оказалась Липецкая область (245). Но и в колхозах этой области за 10 первых рабочих дней было убрано лишь около трети ранних зерновых культур, а уборка всей площади зерновых продолжалась почти месяц (246).

Зерноуборочной техники в машинно-тракторных станциях было недостаточно. Применение раздельного способа уборки хлеба лишь отчасти снижало остроту проблемы. Используемая техника в МТС эксплуатировалась на пределе ее возможности. Так, в МТС Тамбовской области в 1953–1956 гг. выработка на условный 15-футовый комбайн в 3–4 раза превышала агротехнические нормы. В 1953 г. она составила 380 га уборочный площади, в 1954 г. – 376 га, в 1955 г. – 325 га, в 1956 г. – 375 га (247). Комбайны в МТС работали с гораздо большей нагрузкой, нежели в совхозах. Для сравнения: выработка условного 15-футового комбайна в совхозах Тамбовской области в рассматриваемый период ни разу не превысила 200 га. А в 1956 г. она составила 196 га, или 52 % от соответствующего показателя МТС (248).

Потери зерна на колхозных полях были велики и при раздельной уборке. Все дело в нехватке самих комбайнов. «Нельзя сказать, что мы не можем выращивать высокие урожаи, – отмечал на собрании партактива Хворостянского района Липецкой области директор Нижне-Матренской МТС Ф.И. Токарев. – Дело в том, что мы не можем убирать из-за отсутствия уборочных машин и, главным образом, комбайнов. Пример. Лучшая комбайнерка МТС Лапина убирала ежедневно не менее 12 гектаров, она выполняла государственные задания ежедневно, но убирала она более месяца» (249).

Создавшуюся ситуацию аналогичным образом оценивал председатель колхоза имени Кирова Волоконовского района Белгородской области Моргунов. На собрании партактива области в январе 1957 г. руководитель одного из самых успешных хозяйств области так охарактеризовал работу МТС: «За 3 года колхоз довел доход от 600 тыс. руб. до 2 млн руб. Я хотел сказать о работе МТС. Мы научились сеять. Но никак не научимся убирать. Уборка у нас длится до октябрьских дней, три месяца. Мы теряем много хлеба. Нужны машины, вручную хлеб не уберешь. Да и народ уже привык больше к механизации» (250).

В СССР одновременно с целинной эпопеей началась «кукурузная лихорадка». В агротехнике возделывания кукурузы наиболее рельефно проявились недостатки материально-технической базы производственной системы «колхозы – МТС». В колхозах Курской области посевы кукурузы впервые были произведены в 1954 г. на площади

21 тыс. га. На следующий год они увеличились более чем в 10 раз и составили 223,9 тыс. га. Трудности возникли уже при проведении посевной. Посевы производились квадратно-гнездовым способом. Сеялками МТС было посеяно 145,4 тыс. га, или 65 % от всей площади, а остальные 78,5 тыс. га, или 35 % посевов – вручную (251).

Вследствие нарушений агротехники сева, неправильной заделки и низкого качества семян всходы кукурузы появились со значительным опозданием, оказались изреженными, а на площади 32,2 тыс. га полностью погибли. Во многих колхозах Курской области из-за отсутствия навыков и технического несовершенства сеялок квадраты не получились. Поэтому тракторные агрегаты МТС обработку таких посевов вели преимущественно в одном направлении. Механизированная обработка в двух направлениях проводилась менее чем на половине посевов кукурузы. На засоренных участках посевов кукурузы на площади 190,8 тыс. га осуществлялась ручная прополка с прорывкой. Для этого, наряду с колхозниками, широко привлекались рабочие и служащие городов и районных центров (252).

Часть посевов кукурузы колхозы использовали на зеленую подкормку скоту – 47,3 тыс. га, а 26,2 тыс. га – на силосование. Огромные трудности возникли с уборкой кукурузы на зерно. Из-за нехватки кукурузоуборочных комбайнов уборка кукурузы велась преимущественно вручную, в некоторых районах она продолжалась до конца ноября. При этом средняя урожайность кукурузы на зерно в колхозах Курской области в 1955 г. составила 14,8 центнера с гектара (253).

Аналогичная ситуация сложилась и в других областях Центрального Черноземья. В колхозах Тамбовской области в 1955 г. было посеяно 110,2 тыс. га кукурузы, сев продолжался 20–25 дней. Междурядная обработка посевов проводилась в растянутые сроки и, как правило, в одном направлении. В итоге урожай кукурузы в пересчете на сухое зерно составил 8 центнеров с гектара и зеленой массы – лишь 50 центнеров (254). И это были не самые худшие показатели в регионе. Колхозы Липецкой области, по образному выражению секретаря обкома КПСС Медведева, «провалились с кукурузой», получив в среднем по 4,2 центнера с гектара зерна и 12 центнеров зеленой массы (255).

Первые результаты по возделыванию кукурузы в Центральном Черноземье оказались удручающими. Кукуруза не стала «королевой

полей» вследствие низкой культуры земледелия, за что постоянной критике подвергались машинно-тракторные станции. Критика во многом была несправедлива. МТС не обладали материально-техническими ресурсами для того, чтобы обеспечить весь комплекс агротехнических работ по возделыванию кукурузы на таких больших площадях. Это было очевидно для всех. На пленуме Тамбовского обкома КПСС в феврале 1957 г., неожиданно для присутствующих, секретарь Ракшинского райкома партии Морозов взял под защиту работников МТС. «Недостаток культиваторов и сеялок становится нетерпимым, – заявил он. – Половина культиваторов и сеялок живого места не имеет и ремонту не подлежит, однако мы вынуждены их кое-как ремонтировать. При таком инвентаре невозможно хорошо разработать почву и хорошо заделать семена... Посеять 3 тысячи 600 гектаров кукурузы имеющимися 5-ью сеялками в срок – дело невозможное. В прошлом году большую площадь кукурузы колхозы посеяли вручную... Недостает и уборочных машин. Мы имеем только 4 кукурузоуборочных комбайна. Убирать кукурузу вручную – тоже дело невозможное» (256).

Кукурузу во многих районах Центрального Черноземья нечем было сеять. Партийно-хозяйственное начальство требовало от колхозов сеять кукурузу вручную, оно всячески пропагандировало такой метод. В Липецкой области большую известность получила звеньевая колхоза «Память Ильича» Добринского района Барабина. Звено Барабиной в составе 4-х человек в 1955 г. выращивало кукурузу на площади 8 га и сумело собрать по 80 центнеров кукурузы с каждого гектара в переводе на зерно. Но каким образом удалось достичь успеха? «Посевы проводили вручную квадратно-гнездовым способом. Сеяли кукурузу по 5–6 зерен в одну лунку, потом притаптывали ногой, – делилась опытом Барабина на областном совещании полеводов. – На шестой день появились всходы. На десятый день мы пробороновали кукурузу. Потом мы прокультивировали трактором кукурузу 4 раза. Прорывали растения, оставляя в лунке по 2–3 растения. Подкормку проводили вручную – по 40 грамм с суперфосфатом и калийной солью». Уборка кукурузы на зерно также производилась вручную (257).

В массовом порядке такой способ использовать было нельзя не только потому, что он требовал колоссальных затрат ручного труда,

но и в силу ограниченных трудовых ресурсов в колхозах. Руководители областей все чаще привлекали горожан для оказания помощи колхозам. Весной 1955 г. в Тамбовской области на помощь колхозам, проводившим сев кукурузы вручную, было послано из городов 35 тыс. рабочих и служащих (258).

Даже выращенный урожай далеко не всегда удавалось собрать. На 5 октября 1956 г. в колхозах Воронежской области остались неубранными 141,6 тыс. га кукурузы. Всего в воронежских МТС имелось 132 кукурузоуборочных комбайна, то есть нагрузка на комбайн превысила 1 тыс. га посевов кукурузы. Одновременно колхозы вели массовую уборку картофеля и сахарной свеклы. В такой ситуации Воронежский обком партии просил ЦК КПСС выделить на уборочные работы в колхозах 5 тыс. солдат сроком на один месяц. Просьба была отклонена (259).

Для уборки кукурузы механизаторам МТС приходилось переоборудовать зерновые комбайны. В 1955 г. в МТС Тамбовской области было переоборудовано около 800 комбайнов «Сталинец-6» и свыше 200 комбайнов «Коммунар». Такие комбайны имели низкую производительность, выходили из строя из-за частых поломок, допускали большие потери зерна. Специалисты областного управления сельского хозяйства вынуждены были признать нецелесообразность использования зерновых комбайнов для уборки кукурузы (260).

В 1950-е годы в Центральном Черноземье колхозные земли использовались более интенсивно, чем прежде. Показателем чего стал рост посевов пропашных и технических культур: кукурузы, сахарной свеклы, подсолнечника, конопли, махорки и т. д. Основной технической культурой являлась сахарная свекла. В колхозах Курской области за 1953–1956 гг. посевная площадь сахарной свеклы увеличилась на 21,5 тыс. га, или на 30 %, и составила 98,4 тыс. га (261). Она также быстро росла и в соседних областях. В 1955–1957 гг. в белгородских колхозах площадь посевов данной культуры выросла с 67,3 тыс. га до 85 тыс. га, или на 26 % (262), в тамбовских колхозах – с 36,5 тыс. га до 60 тыс. га, или на 64 %.

Машинно-тракторные станции механизировали работы по вспашке, предпосевной обработке почвы, севу сахарной свеклы. Серьезным препятствием в повышении урожайности сахарной свеклы являлся низкий уровень механизации возделывания этой культуры.

Основные работы по уходу за сахарной свеклой выполнялись вручную. Рост посевов сахарной свеклы значительно опережал поступление почвообрабатывающей техники в машинно-тракторные станции. В результате нагрузка на почвообрабатывающую технику в полтора-два раза превышала нормативную. В частности, в 1955 г. в свеклосеющих МТС Курской области нагрузка при норме 60 га составляла на один пропашной трактор 131 га, свекловичную сеялку – 75 га, культиватор – 101 га, свеклоуборочный комбайн – 125 га (263).

В середине 1950-х годов машинно-тракторные станции Центрального Черноземья имели очень ограниченные возможности по обновлению сельскохозяйственной техники, имеющиеся машины и орудия использовались даже в том случае, когда наступала их полная амортизация. Нередко такая техника была совершенно непригодна для работы. Однако областные начальники требовали от МТС, чтобы они задействовали всю числящуюся на балансе технику. Против такой «помощи» выступали даже председатели колхозов. «Мне не понравилось выступление начальника областного управления сельского хозяйства, – заявил на пленуме Белгородского обкома КПСС 2 июня 1956 г. председатель колхоза имени Кирова Томаровского района Филипенко. – Почему? Потому что начальник управления проповедует: сколько гектаров положено на каждый культиватор, сколько выпадает на каждый виндроуэр, на каждый комбайн... Мы говорим 500 га на культиватор, но если бы это был культиватор. Культиватор – утильсырье. Это факт, когда в этом культиваторе 50 % нет лап, когда этот культиватор изношен до невозможности. Или возьмем сеялки. Когда надо производить сев подобными сеялками, то зерно не в рядок сыплется, а рассыпается, как вручную» (264).

Систему земледелия можно условно разделить на следующие основные приемы: воздействие на плодородие почвы и на растения. Приемы воздействия на плодородие почвы – это система обработки почвы, система удобрений, чередование культур в севооборотах. В общем комплексе агротехнических мероприятий в деле повышения урожайности система обработки почвы имеет огромное значение в деле накопления и сохранения влаги и уничтожения сорной растительности. Природные особенности Центрального Черноземья таковы, что сравнительно часто повторяются засухи. Поэтому важным фактором агротехники являются сроки, глубина вспашки, орудия

и способ предпосевной обработки, которые непосредственно способствуют накоплению влаги и уничтожению сорной растительности. При правильной обработке почвы улучшается ее структура, обеспечивается биологический круговорот элементов питания, создаются благоприятные условия жизнедеятельности микроорганизмов. Все эти благоприятные условия могут создаваться только при своевременной и правильной зяблевой вспашке.

Острая нехватка почвообрабатывающих орудий, прежде всего лущильников и культиваторов, пахотных тракторов заставляла машинно-тракторные станции Центрального Черноземья «упрощать» аграрные технологии, начиная с предпосевной обработки почвы. Продолжительное время после уборки хлебов солома оставалась в поле, далеко не всегда проводилось лущение стерни, почва высыхала. Поэтому при пахоте поверхность поля получалась очень глыбистой. Такое поле весной подвергалось перепашке. При данной агротехнике, во-первых, допускались большие непроизводительные затраты, так как вместо одного раза поле пахали дважды, во-вторых, иссушалась почва, нарушалась ее структура, не создавались условия для активной деятельности бактерий (265).

В 50-е годы так и не удалось изжить практику, когда, вместо многократной культивации ранних и черных паров, велась их перепашка перед севом. В результате посев производился по свежевспаханной почве. Затем происходило оседание почвы, рядки посевов со своей корневой системой оказывались приподнятыми в сравнении с уровнем почвы. Получалось «выпирание» растений, что нередко приводило к их гибели. МТС Липецкой области в 1955 г. перепахивали почти 70 % чистых и черных паров (266).

Партийные и хозяйственные руководители областей Центрального Черноземья во взаимоотношениях с подчиненными требовали выполнения директив из центра, критиковали МТС и колхозы за плохую работу. В то же время в Центральный комитет КПСС шли письма иного содержания, свидетельствующие о том, что на местах адекватно оценивали обстановку. «За последние два года, – докладывал ЦК КПСС в январе 1957 г. секретарь Белгородского обкома партии М. Крахмалев, – почти не завозили в область культиваторы для сплошной и междурядной обработки почвы, сеялки и другие уборочные машины, а имеющиеся, устаревшей конструкции, не обеспе-

чивают требуемого качества работ. В МТС и колхозах области почти нет никакой аппаратуры для борьбы с вредителями сахарной свеклы, а также машин для подкормки посевов в течение вегетативного периода» (267). Письмо аналогичного содержания направили в ЦК КПСС в январе 1957 г. и руководители Курской области (268).

В наиболее трудных условиях оказались МТС, колхозы и совхозы тех районов, в которых ранее сахарная свекла не выращивалась. Там специализированной техники не было вовсе. Машинно-тракторные станции, как могли, механизировали работы по возделыванию новой культуры. Во многих колхозах Тамбовской области посев свеклы производили зерновыми сеялками, а копку – тракторными плугами. Для того чтобы механизировать обработку посевов сахарной свеклы в хозяйствах Тамбовской области в 1956–1957 гг. требовалось дополнительно 600 пропашных тракторов, 580 свекловичных сеялок, 550 пропашных культиваторов, 750 свеклокомбайнов (269).

* * *

По решению сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС на МТС возлагалась полная ответственность не только за развитие растениеводства в колхозах, но и животноводства. Задачи МТС усложнились. Они теперь несли ответственность за выполнение всего комплекса агрономических и зоотехнических мероприятий, за урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства (270). Вся ответственность за организацию и конечный результат работы колхозного животноводства ложилась на главных зоотехников МТС. На машинно-тракторные станции теперь возлагались и задачи по ветеринарному обслуживанию колхозов. В каждой МТС вводились должности старшего ветврача, ветфельдшеров, санитаров.

На балансе МТС Центрального Черноземья оказалась сеть агрохимических, контрольно-семенных лабораторий, ветеринарных участков и пунктов. В 1954 г. одна агрохимическая лаборатория приходилась на 25 МТС, две контрольно-семенные лаборатории – на 5 станций и два ветеринарных участка (пункта) – на каждую МТС. В последующие годы эта сеть развивалась и совершенствовалась. В первую очередь это относится к ветеринарному обслуживанию. В 1954–1957 гг. количество ветеринарных участков и пунктов МТС увеличилось с 1 154 до 1 439, или на 25 %. Сеть контрольно-семенных ла-

бораторий в рассматриваемое время расширилась незначительно: с 222 до 236. Общее число агрохимических лабораторий сократилось с 22 до 16 (271).

Органы власти на местах с большим удовлетворением встретили решение партии о новой роли МТС в колхозном производстве, так как они избавляли их от непосредственной ответственности за развитие общественного животноводства в колхозах. Тут же последовали конкретные указания директорам МТС. «Теперь директор МТС, агрономический и зоотехнический персонал МТС, – указывал председатель Елецкого райисполкома Орловской области Голодников, – должны не только знать тракторные бригады, но и знать колхозные животноводческие фермы и их нужды, помочь колхозам в подвозке стройматериалов и кормов, в вывозке навоза, переработке кормов. Сейчас особенно важно в каждом колхозе организовать механизированный кормовой цех, чтобы с помощью машин можно было бы тщательно подготовлять корма к скармливанию» (272).

Общественное животноводство колхозов в начале 1950-х годов находилось в бедственном положении. Колхозы, в большинстве своем, заботились не о повышении продуктивности животноводства, а о том, чтобы сохранить поголовье скота. Колхозы разводили скот, но не могли обеспечить его ни кормами, ни помещениями. За время зимовки скота 1952/53 г. в колхозах Курской области пало 9,4 % крупного рогатого скота (КРС), 13,6 % овец и 12,2 % свиней. Не улучшилось положение и на следующий год. На стойловый период 1953/54 г. на одну голову КРС требовалось 72 центнера грубых и сочных кормов, а было заготовлено лишь 39,2 центнера, или 54 % (273). Не хватало даже соломы, животные голодали, о надоях молока или привесах скота думать не приходилось (274).

Подобное положение сложилось и в соседних областях. Во многих колхозах Измалковского, Елецкого, Березовского, Чибисовского и ряда других районов Липецкой области уже в середине марта 1954 г. остался недельный запас кормов. Колхозы, чтобы спасти животноводство, раскрывали соломенные крыши помещений (275). Подобные факты впоследствии нашли свое отражение на страницах художественных произведений и в кино.

В колхозах катастрофически не хватало животноводческих помещений. Общественное животноводство колхозов Курской области

в стойловый период 1953/54 гг. было обеспечено коровниками на 72 %,4 %, телятниками – на 55,2 %, свинарниками – на 79,4 %, овчарнями – на 90,5 %, птичниками – на 88,8 %. Не намного лучше была ситуацию в колхозах Воронежской (276) и Тамбовской (277) областей. Многие колхозы на зимний период были вынуждены раздавать часть скота по дворам колхозников на содержание. В частности, колхозы имени Карла Маркса, имени Ленина, имени Тельмана Воловского района Липецкой области в стойловый период 1953/54 гг. раздавали по дворам колхозникам всех овец, новорожденных телят. Опоросы свиноматок также происходили на дворах колхозников (278).

Имеющиеся животноводческие помещения были примитивными. Все работы выполнялись вручную, даже водоснабжение. В колхозах Курской области в 1953 г. автопоилками были обеспечены только 798 голов скота, водопроводом – 732, подвозной водой – 67,4 тыс., из колодцев – 691,4 тыс. и из других водоемов – 102,6 тыс. (279)

В конце 1953 г. Совет Министров РСФСР принял целую серию постановлений о подготовке и проведении зимовки общественного скота 19 областей, краев и автономных республик, в их числе оказались все области Центрального Черноземья (280). Постановления правительства направлялись облисполкомам к руководству. Но фактическим адресатом являлись машинно-тракторные станции. Правительство конкретизировало зону ответственности МТС за общественное животноводство в колхозах. В итоге стиралась граница между колхозами и МТС в ведении этой отрасли хозяйства. Директорам и главным специалистам МТС предписывалось «систематически контролировать расходование кормов на колхозных фермах», «организовать силами и средствами МТС и колхозников подготовку кормов к вскармливанию», «организовать специальные бригады и в ближайшие дни закончить работы по механизации подготовки грубых и концентрированных кормов к вскармливанию». Отдельно оговаривалась процедура ухода за скотом. Специалистам МТС следовало обеспечить в каждом колхозе «правильный уход, содержание и кормление скота», а для животных низкой упитанности надо было создавать «лучшие условия кормления, ухода и содержания», чтобы не допустить их падеж (281).

Круг обязанностей машинно-тракторных станций в области общественного животноводства колхозов постоянно расширялся. Ди-

ректора МТС пребывали в растерянности: на их плечи взвалили непосильный груз. Они открыто говорили об этом на разных уровнях (282). В животноводстве колхозов стали происходить положительные перемены. Сказывались и материальные стимулы. Зоотехники и агрономы Поляковской МТС Гавриловского района Тамбовской области, писала областная газета, наладили учет кормов, наводили элементарный порядок на фермах, организовывали измельчение соломы, устанавливали кормозапарники (283). Как значимое событие пресса подавала тот факт, что работники Мичуринской МТС смонтировали на животноводческих фермах колхозов своей зоны обслуживания 5 подвесных дорог, которые облегчили труд колхозников, занятых на подвозке кормов и вывозке навоза (284).

Первые итоги работы обнадеживали. На собрании областного партактива в г. Воронеже 17 февраля 1955 г. главный зоотехник Калачеевской МТС Бурцев на примере колхозов своей зоны показал глубину изменений. Руководство МТС поставило задачу добиться получения молочной продукции колхозами в любое время года. Для этого в колхозах было улучшено кормление животных, организована предварительная подготовка кормов, их запаривание. Это позволило колхозам получить в стойловый период 700 кг молока от коровы. Колхозы впервые стали применять метод скармливания концентрированных кормов для «сдабривания» грубых кормов. Для летнего содержания скота во всех колхозах был создан «зеленый конвейер», то есть для выпаса скота засевались площади определенных культур с разным периодом созревания. Все это позволило обеспечить сочными зелеными кормами продуктивный скот на протяжении длительного периода и получить за пастбищный период по 1 500 кг молока от коровы. Ничего подобного ранее в колхозах не видели (285).

Развитие животноводства напрямую зависит от обеспеченности его кормами. В договорах МТС и колхозов вопросу заготовки кормов уделялось самое пристальное внимание. Без комплекса работ МТС по кормодобыванию был бы невозможен резкий рост производства животноводческой продукции в колхозах в первые годы хрущевских реформ. О работе МТС по кормодобыванию дает представление выступление директора Моршанской МТС Форманяна на областном совещании передовиков сельского хозяйстве в Тамбове 27 марта 1956 г. Механизированные отряды Моршанской МТС в 1955 г. вы-

рыли силосных ям и траншей объемом 10 тыс. куб. метров, облицевали их. МТС обеспечила уборку кукурузы на силос, которого было заготовлено 8 т в расчете на одну корову. Своевременная уборка соломы позволила получить 6,8 тыс. тонн грубых кормов. Кроме того, МТС помогла колхозам заготовить 5,5 тыс. тонн сена. Обеспеченность кормами позволила колхозам поставить коров на стойловое содержание не в ноябре, или декабре, как в прошлые годы, а в октябре. В итоге надои молока в стойловый период в сравнении с прошлым годом удвоились (286).

В 1954–1957 гг. общественное животноводство колхозов динамично развивалось. Здесь сказались и материальные стимулы, и улучшение материально-технической базы, и улучшение условий труда. МТС сыграли важную роль в этом процессе, они выполняли основные работы по механизации ферм. В качестве примера следует привести опыт работы Данковской МТС Данковского района Липецкой области в 1954 г. «На животноводческих фермах одной только зоны Данковской МТС действует около 30 электромоторов, – отмечал секретарь обкома партии К.П. Жуков. – В колхозе "Красный Октябрь", например, от электромотора работают универсальная лестница, зернодробилка, картофелемялка, силосорезка. На фермах механизирована подача воды, действует кормозапарник и кормоприготовительные машины» (287).

О масштабе работ МТС по механизации трудоемких процессов в животноводстве дают представление материалы по Курской области. Машинно-тракторные станции области в 1957 г. оборудовали водоснабжением фермы КРС на 10,8 тыс. скотомест, свиноводческие фермы – на 8,9 тыс., смонтировали внутрифермский транспорт соответственно на 5,6 и 8,9 тыс. скотомест. Выполнили большой объем работ по переработке грубых и сочных кормов и их приготовлению (288). Но по многим позициям договорные обязательства перед колхозами МТС не выполнили. Причиной тому стали не только просчеты в организации труда в самих МТС, но и отсутствие в колхозах необходимых материалов, механизмов и оборудования или соответствующих помещений.

В 1953 г. механизация труда на фермах в колхозах Черноземного Центра РСФСР практически отсутствовала. За 4 года ее уровень вырос, хотя и оставался еще очень низким. В 1957 г. в колхозах Воро-

нежской области автопоением было охвачено 24 тыс. голов скота, или 4,3 %, механическим доением – 10 тыс. коров, или 9 %. Особенно большие трудности возникали в колхозах по организации водопоя животных. В этом отношении удалось добиться немалых успехов. Водоснабжение ферм было механизировано на 35 % путем бурения артезианских скважин и подачи воды двигателем. Примерно 50 % составлял уровень механизации переработки концентрированных кормов и запаривание кормов (289).

Уровень механизации колхозных ферм оставался низким отчасти и потому, что огромное количество завезенных в колхозы механизмов бездействовало, их нельзя было либо монтировать, либо эксплуатировать. В 1957 г. в воронежских колхозах бездействовало 34 % завезенных нефтяных двигателей, 31 % ветродвигателей, 23 % кормозапарников, 28 % машин для переработки кормов. По этой же причине из приобретенных 13 159 автопоилок не использовалось 5 789, из 124 доильных агрегатов – 95 (290). Суть в том, что сами помещения не только не соответствовали типовым проектам, а часто – своему предназначению, они не позволяли установить оборудование и механизмы. Механизации подлежали капитальные помещения животноводческих ферм, а их как раз было очень мало. В колхозах Белгородской области в 1954 г. из 6 093 животноводческих помещений имелось всего лишь 602 типовых, или 10 % (291).

Машинно-тракторные станции выполняли большой объем работы в колхозах не только в растениеводстве, но и в животноводстве. После перевода агрономов и зоотехников из штатов МТС в колхозы сфера ответственности МТС в области животноводства распространялась преимущественно на работы по заготовке кормов и механизации ферм. В успехи общественного животноводства колхозов в 1954–1957 гг. немалый вклад внесли и работники МТС.

* * *

Аграрная политика советского государства в начальный период хрущевских реформ весьма противоречива. Одна из ее особенностей состоит в том, что стало уделяться больше внимания вопросам улучшения условий труда и повышения материальной заинтересованности колхозников и работников МТС. И это дало поразительный эффект. О чем свидетельствуют итоги работы производственной системы

«колхозы – МТС» в 1953–1957 гг. в Липецкой области (прил. 36). За короткое время производство основных видов сельскохозяйственной продукции в колхозах Липецкой области увеличилось в 1,5–2,5 раза. Особенно высокий рост произошел в производстве зерна и сахарной свеклы – соответственно в 1,7 и 2,5 раза (292).

Рост объемов производства сельскохозяйственной продукции в колхозах в первые годы хрущевских реформ стал отражением успешной работы производственной системы «колхозы – МТС». Машинно-тракторные станции были стержнем этой системы, они выполняли большую часть всех работ. Работа МТС была эффективна с экономической точки зрения. В 1956 г. в колхозах Российской Федерации на каждый гектар посевной площади было затрачено 22,6 трудодня при выполнении полевых работ. При этом на долю механизированных работ, выполненных МТС, приходилось только 5,7 трудодня, или 25 %. Но машинами МТС было выполнено 84 % работ, на них было занято 1 053,2 тыс. работников. Остальные работы, включая и животноводство, выполняли 13,2 млн колхозников (293).

Машинно-тракторные станции создавали необходимые условия для функционирования колхозного производства и роста производительности труда. В 1954–1956 гг. производительность труда в колхозах Российской Федерации выросла на 22,7 %, Центрального Черноземья – на 35 % (прил. 37). Деятельность колхозов и МТС была настолько взаимосвязана, что с полным основанием можно рассматривать их в качестве взаимосвязанных элементов единой производственной системы «колхозы – МТС».

МТС являлись механизмом реализации аграрной политики советского государства. Возникает вопрос: насколько эффективно работал такой механизм? Вплоть до середины 1960-х годов государственные цены на сельскохозяйственную продукцию не восполняли затрат на ее производство. Указанное обстоятельство негативно влияло на работу не только колхозов, но и МТС. В результате на содержание МТС государство затрачивало больше денег, чем получало их от колхозов в порядке натуроплаты и поступления денег за работы МТС.

В 1955 г. сданная натуроплата колхозов РСФСР, пересчитанная по государственным заготовительным ценам, составила 1,8 млрд. руб., еще 942 млн руб. составила задолженность колхозов по натуроплате и 355 млн руб. деньгами. В общей сложности МТС возвращали го-

сударству 3,1 млрд. руб. Правительство же выделило на содержание МТС в 1955 г. 12,4 млрд. руб. (294) Следовательно, в 1955 г. МТС Российской Федерации смогли вернуть государству только 25 % затраченных денежных средств. Преобладающая часть затрат МТС приходилась на выполнение работ по производству зерна. По Российской Федерации в 1955 г. их доля составила 77 %. На расходы по производству мяса пришлось 9 % от общих затрат МТС, молока – 5 %, картофеля – 3 % и т. д. (295)

В структуре заготовок и закупок хлеба в СССР натуроплата за работы МТС занимала чрезвычайно важное место (прил. 38). Через этот канал государство получало в 1950–1955 гг. больше половины хлеба, сданного колхозами. Пик заготовок хлеба по натуроплате пришелся на 1952 г., когда таким путем в закрома государства было засыпано 60,8 % колхозного хлеба. Для сравнения. В 1940 г. путем взимания натуроплаты за работы МТС государство заготовило 45,1 % хлеба, а остальную часть – через обязательные поставки, возврат ссуд, закупки и другие поступления. В 1950–1952 гг. государственные закупки хлеба в колхозах совершенно не производились. В первой половине 1950-х годов поступление хлеба от колхозов так и не достигло уровня 1940 г. Но при этом по натуроплате государство получало больше колхозного хлеба, чем до войны. В 1940 г. натуроплата составляла 14 311,3 тыс. т хлеба (296), тогда как в 1950-е годы ее объемы не опускались ниже 14 870,5 тыс. т.

В структуре формирования общего фонда зерна в СССР, с учетом совхозов и индивидуальных сдатчиков, доля натуроплаты также преобладала. В 1950–1955 гг. она колебалась в пределах 44–53 %. Колхозы ежегодно получали от государства семенную ссуду. Размер семенной ссуды был весьма значительным. В 1955 г. объем возвращенной колхозами семенной ссуды составил 2 723,4 тыс. т, или 7,4 % всего заготовленного и закупленного хлеба. Но возврат семенной ссуды – это фактически движение в колхозы и обратно одной и той же массы зерна.

Если семенную ссуду исключить из хлебопоставок колхозов, то роль натуроплаты в формировании государственного фонда хлеба еще более возрастает. В 1952 г. доля натуроплаты в хлебопоставках колхозов, без учета семенной ссуды, составила 62,9 %, а в общих поставках по стране – 55,0 %. И в последующие годы, когда стали про-

изводиться закупки хлеба в колхозах, и были уменьшены нормы начисления натуроплаты за работы МТС, удельный вес натуроплаты оставался очень высоким. Без учета возврата семенной ссуды колхозами он составил в 1955 г. соответственно 57,2 % и 47,8 % (297).

В Центральном Черноземье в структуре государственных заготовок и закупок хлеба доля натуроплаты колхозов за работы МТС несколько превышала средние значения по стране. В 1955 г. через натуроплату в государственные закрома поступило 52,2 % колхозного хлеба. В то время как по Воронежской области – 53,1 %, Белгородской – 59,6 %, Тамбовской – 60,3 %, Липецкой – 61,4 % (298).

При формировании продовольственного фонда государство использовало «сдвоенные» цены – заготовительные и закупочные. Заготовительные цены были намного ниже цен закупочных. Стоимость натуроплаты рассчитывалась по заготовительным ценам. По основным продовольственным продуктам вплоть до 1953 г. действовали заготовительные цены, установленные в 1935 г. на уровне цен, сложившихся к началу первой пятилетки. Закупочные цены на зерно превышали заготовительные примерно на 40 %, а по мясу крупного рогатого скота в 14,5 раза. В 1953 г. закупочные цены на зерно, а также заготовительные цены на картофель, овощи и продукты животноводства были повышены. Новые закупочные цены на зерно были установлены почти в 15 раз выше действовавших тогда заготовительных цен. Заготовительная цена на зерно была повышена только в 1955 г. – примерно в 3 с лишним раза, а закупочная цена при этом снижалась на 25 %. В итоге разрыв между закупочными и заготовительными ценами на зерно сократился (299).

В 1953 г. были повышены заготовительные цены на скот и птицу более чем в 5,5 раза, на молоко – в 2 раза и на картофель – в 2,5 раза. Закупочные цены были увеличены на мясо в среднем на 30 % и на молоко – в 1,5 раза. В 1956 г. было произведено новое повышение заготовительных и закупочных цен на картофель в 2,2 раза и на овощи – на 70 % (300). В результате «сдвоенные» цены на продукцию колхозов различались по зерну в 3,5 раза, по мясу в 2,9, по молоку в 2,5, по картофелю в 1,5, по овощам в 1,6. В наибольшей степени закупочные и заготовительные цены различались по подсолнечнику – в 15,2 раза (прил. 39).

Затраты машинно-тракторных станций Российской Федерации по зерну, мясу, молоку (на них приходилось более 90 % всех затрат) не покрывались заготовительными ценами, а с учетом амортизации и 10 %-х накоплений – и закупочными. Основную часть продукции колхозов государство приобретало по заготовительным ценам, и только по ним производился расчет стоимости натуроплаты работ МТС. Если же рассчитывать стоимость натуроплаты не по заготовительным, а по закупочным ценам, то она резко увеличится. Тогда стоимость зерна, заготовленного через натуроплату колхозами работ МТС, увеличится в 3,5 раза, мяса – в 2,9 раза и т. д. Однако и государственные закупочные цены на продукцию колхозов не покрывали издержек на ее производство.

Машинно-тракторные станции Центрального Черноземья работали с большой отдачей в сравнении с республиканскими показателями, но все равно не компенсировали полностью расходы государства на свое содержание при существовавшей тогда системе ценообразования. В 1957 г. на содержание МТС Курской области государство израсходовало 181 984 тыс. руб., а возвращено было в порядке натуроплаты и денежной оплаты за работы МТС – 132 761 тыс. руб., или 73 % средств (301).

На первый взгляд, государство несло огромные убытки на содержание машинно-тракторных станций. Только в Курской области в 1957 г. они составили 49 223 тыс. руб. В действительности не все однозначно даже при такой ценовой политике советского государства. Ведь через МТС государство перераспределяло только часть ресурсов колхозной деревни, хотя эта часть весьма значительная. Другую часть средств казна извлекала непосредственно из колхозов. И вот здесь-то выясняется, что вложения государственных ресурсов в колхозную экономику через МТС очень эффективны.

В 1955 г. колхозы Тамбовской области получили всей продукции сельского хозяйства на сумму 574,5 млн руб. Расчет сделан по государственным заготовительным ценам. В том же году МТС области вложили государственных средств в колхозную экономику 233,5 млн руб. Это означает: на каждый вложенный через МТС государственный рубль колхозы получили сельскохозяйственных продуктов на 2 руб. 46 коп. (302)

При такой ценовой политике правительства, когда цены на сельскохозяйственную продукцию устанавливались директивным путем, сама постановка вопроса о рентабельности работы МТС не совсем корректна. Ведь и совхозы были убыточными. На этом основании в начале 1950-х годов в правительстве поднимался вопрос об их ликвидации и передаче земель колхозам, а техники – машинно-тракторным станциям (303).

Государственные заготовительные и закупочные цены на продукцию колхозов и совхозов не соответствовали затратам на их производство. Государство извлекало огромные доходы при реализации продовольственных товаров (прил. 40). В 1955 г. в СССР отпускная стоимость хлебопродуктов составляла 1 526,29 руб. за тонну (304) при затратах государства в 703,19 руб. Следовательно, при реализации каждой тонны хлебопродуктов государство получало 823,10 руб. в качестве дохода, или 54 % его отпускной стоимости.

Наибольшая норма дохода извлекалась при проведении операций с хлебом, полученным от колхозов в виде обязательных поставок по заготовительным ценам. Отпускная стоимость реализованных хлебопродуктов в 3,7 раза превосходили затраты государства при его заготовке. При этом в затратах государства 165,92 руб., или 40,2 % приходились на издержки обращения в системе Министерства заготовок. Собственно заготовительная цена на колхозный хлеб составляла лишь 16 % его отпускной стоимости. С каждой тонны реализованного хлеба, полученного в качестве обязательных поставок колхозов, государство имело 1 113,29 руб. дохода. При соотношении стоимости реализуемого хлеба и затрат государства на его производство посредством натуроплаты работ МТС оказывается, что и этот канал поступления хлеба приносит очень большие доход. В 1955 г. он составил 660,37 руб. с каждой тонны хлеба. Причем на долю собственных затрат МТС в стоимости реализуемых хлебопродуктов приходилось всего лишь 46 % (305).

Хлеб, поступавший в государственные закрома в виде натуроплаты работ МТС Центрально Черноземья, приносил государству еще больший доход, чем в среднем по РСФСР, в силу меньших затрат на его производство. В 1955 г. каждая тонна зерна, поступившего на заготовительные пункты в качестве натуроплаты работ МТС Белгородской области, обошлась государству в 543,7 руб. (306), Воронеж-

ской области – 568,5 руб. (307). При таком раскладе в указанных МТС доля собственных затрат в стоимости реализуемых хлебопродуктов составила соответственно 35,6 % и 37,2 %.

Аналогичное положение наблюдается и с ценами на мясо. На их основании также невозможно делать выводы об экономической эффективности работы колхозов, совхозов и МТС. В 1956 г. в РСФСР выручка совхозов от реализации крупного рогатого скота составила 401 руб. за центнер живого веса, или 55 % его себестоимости (прил. 41). Закупочные цены на крупный рогатый скот, установленные государством для колхозов, были фактически такими же, что и для совхозов. Однако значительную часть сельскохозяйственной продукции колхозы сдавали государству по более низким заготовительным ценам. В итоге по Российской Федерации средняя выручка колхозов от сдачи и продажи государству крупного рогатого скота в живом весе составила в 1956 г. 235 руб. за центнер, или 33 % ее себестоимости в совхозах. Средняя выручка колхозов от сдачи и продажи государству центнера свинины оказалась на 30 % ниже выручки и на 41 % ниже ее себестоимости в совхозах (308).

Насколько государственные закупочные цены соответствовали рыночным ценам можно судить по таким данным. 25 сентября 1957 г. ЦСУ РСФСР провело обследование цен на мясную продукцию, сложившихся на колхозных рынках в районах Центрального Черноземья. Цена говядины колебалась в пределах 11–22 руб. за 1 кг, но чаще всего ее продавали по 15–17 руб., тогда как государственная закупочная цена составляла 7,4 руб., т. е. в 2–2,3 раза меньше рыночной. Свинина на колхозных рынках в среднем стоила 18 руб. за 1 кг. Ее цена была выше государственной закупочной примерно на 6 руб., или на 50 % (309).

Государственная закупочная цена мяса говядины была примерно в 1,9 раза выше цены крупного рогатого скота в живом весе. При учете такой пропорции, заготовительная цена говядины, сдаваемой колхозами в счет обязательных поставок и в качестве натуроплаты работ МТС, составляла примерно 260 руб. за центнер. Это означает, что государственная заготовительная цена говядины в 1957 г. была ниже рыночной в 5,8–6,5 раза. Таким образом, производить расчет эффективности работы машинно-тракторных станций по размеру натуроплаты, в основе которого лежат заготовительные цены на кол-

хозную продукцию, некорректно. Такая методика лишь уводит в сторону от понимания вклада и роли МТС в сельском хозяйстве страны.

Если учесть, что производительность труда в совхозах была значительно выше, чем в колхозах, то нет оснований полагать, что себестоимость производства мяса в колхозах могла быть ниже, чем в совхозах. Цены на мясо на колхозных рынках позволяют представить масштабы перераспределения ресурсов колхозов в пользу государства при реализации животноводческой продукции. Таким образом, процесс перераспределения средств из деревни в город продолжался и в годы реформ Н.С. Хрущева в очень широком масштабе. В аналитической записке сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС, которую подписали Е. Чекменев, В. Мыларщиков, П. Чайкин, Д. Павлов, Ф. Урюпин, Г. Перов и Н. Мастеров, делается следующий вывод: «Действующие заготовительные цены на мясо КРС и овец, свинину не создают должной экономической заинтересованности колхозов и колхозников в увеличении его производства и для продажи государству» (310).

В условиях господства командно-административных методов в управлении народным хозяйством система оценки эффективности работы машинно-тракторных станций не могла базироваться на чисто экономических показателях. Важнейшим критерием определения эффективности деятельности МТС стали: 1) объем выполненных тракторных работ, пересчитанный в условных гектарах мягкой пахоты; 2) себестоимость 1 гектара мягкой пахоты; 3) выполнение плана по натуральной и денежной оплате за работы в колхозах.

Главное управление МТС Министерства сельского хозяйства СССР устанавливало плановую себестоимость тракторных работ в зависимости от природно-климатических зон. В том случае, если МТС укладывалась в нормативы и расходовала на выполнение тракторных работ меньше выделенных государством средств, то возникающая разница в статистической отчетности обозначалась как «прибыль». Напротив, если себестоимость тракторных работ превышала плановую, то разница определялась как «убыток». Одни МТС укладывались в нормативы, другие нет. Взятая в масштабе области, разница между «прибылью» и «убытком» обозначалась в сводных годовых отчетах МТС либо как «чистая прибыль», либо как «чистый убыток». При таком подходе машинно-тракторные станции Центрально-

го Черноземья в 1957 г. сработали весьма успешно. Размер «чистой прибыли» МТС варьировался от 4118 тыс. руб. в Орловской области до 11915 тыс. руб. – в Воронежской. «Убыточных» станций по итогам работы в 1957 г. во всем Центральном Черноземье было 30, в том числе в Орловской и Тамбовской областях – по 4, в Воронежской и Курской – по 7, в Липецкой – 8 (311).

Объем тракторных работ МТС в послевоенное время постоянно увеличивался по мере укрепления материально-технической базы и расширения площади посева пропашных и технических культур. Их возделывание требовало более интенсивных технологий. В 1957 г. машинно-тракторные станции Центрального Черноземья выполнили тракторных работ в объеме 38 млн га условной пахоты, превысив в 3,6 раза уровень 1946 г. (312)

Себестоимость тракторных работ, выполняемых МТС для колхозов, имела некоторые колебания по Центральному Черноземью. Самой высокой она оказалась в 1957 г. в МТС Липецкой области и составила 27,86 руб. на гектар мягкой пахоты, минимальной в Белгородской области – 22,75 руб. При этом она существенно снизилась в послевоенные годы (прил. 42). В МТС Воронежской области затраты на 1 гектар мягкой пахоты в 1946–1957 гг. сократились с 38,06 до 22,9 руб., или на 40 % (313). В середине 1950-х годов правительство установило такие нормативы отчислений на выполнение тракторных работ, в которые большинство машинно-тракторных станций укладывалось. Снижение себестоимости тракторных работ произошло в основном в результате сокращения расходов на горючее и ремонт сельскохозяйственной техники. Оно стало возможным вследствие улучшения машинно-тракторной и ремонтной базы станций и повышения квалификации механизаторов.

В 1950-е годы машинно-тракторные станции функционировали не только как центры механизации сельского хозяйства, они стали базовой структурой колхозной системы, обусловившей значительный рост производительности труда. МТС никогда не были простыми пунктами по прокату машин. Но если в предшествующий период они преимущественно выполняли механизированные полевые работы, то на последнем этапе своего существования представляли собой в специфическом проявлении разветвленную инфраструктуру колхозов. Это в полной мере относится к агротехническому, зоотехниче-

скому и ветеринарному обслуживанию. Фактически в 1950-е годы сформировался новый тип социалистического хозяйства, в котором на производственном уровне объединялись кооперативные и государственные предприятия. Производственная система «колхозы – МТС» работала в условиях, когда государственные цены на сельскохозяйственную продукцию не компенсировали и половины затрат на ее производство. В структуре заготовок продовольствия доминирующее положение занимала натуроплата, производимая колхозами за работы МТС. Это был безотказный механизм по перекачке средств из деревни. Погоня государства за увеличением объемов натуроплаты привела к такому состоянию, когда в сферу обслуживания МТС включались все колхозы. Парадокс ситуации в том, что МТС не обладали материально-техническими ресурсами для того, чтобы производить в колхозах весь комплекс агротехнических мероприятий в установленные сроки. Именно поэтому они не рационально использовали имеющиеся возможности. Механическая работа в сельском хозяйстве, выполненная без соблюдения агротехнических требований, не обеспечивала богатых урожаев. Это – аксиома экстенсивных технологий, которая, к сожалению, правительством в расчет не принималась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2725. – Л. 25.
2. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4159. – Л. 88–89.
3. *Коган П.* Договор с колхозом – незыблемый закон // Социалистическое сельское хозяйство. – 1948. – № 3. – С. 7.
4. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4438. – Л. 114.
5. Там же. – Ед. хр. 4596. – Л. 60–61.
6. ГАВО. – Ф. Р-1766. – Оп. 1. – Ед. хр. 2798. – Л. 123–126.
7. ГАБО. – Ф. Р-1314. – Оп. 3. – Ед. хр. 19. – Л. 76.
8. ГАОО. – Ф. П-52. – Оп. 5. – Ед. хр. 2. – Л. 95.
9. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 972. – Л. 133.
10. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 24. – Ед. хр. 181. – Л. 37.
11. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4707. – Л. 95–96.
12. Типовой договор машинно-тракторной станции с колхозом. Утвержден Совстом Министров СССР 27 января 1948 г. // Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. – М., 1948. – С. 222.
13. Там же. – С. 217–218.
14. Там же. – С. 219–223.

15. *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.). – М., 1976. – С. 76–77.
16. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4493. – Л. 44.
17. Там же. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Ед. хр. 1802. – Л. 13–15.
18. Там же. – Л. 4,9,11.
19. Там же. – Ед. хр. 1801. Л. 14.
20. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2196. – Л. 73.
21. РГАЭ. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Ед. хр. 1802. – Л. 19.
22. ГАОПИКО. – Оп. 2. – Ед. хр. 916. – Л. 3.
23. РГАЭ. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Ед. хр. 1802. – Л. 19.
24. Там же. – Л. 11.
25. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 914. – Л. 6.
26. Там же. – Ед. хр. 972. – Л. 22.
27. ЦДНИЛО. – Ф. 65. – Оп. 1. – Ед. хр. 294. – Л. 7.
28. Там же. – Л. 10.
29. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 412. – Л. 25.
30. Там же. – Л. 51.
31. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 3. – Ед. хр. 374. – Л. 82.
32. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 25. – Ед. хр. 3. – Л. 247.
33. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 412. – Л. 36.
34. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 3. – Ед. хр. 772. – Л. 107.
35. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8844. – Л. 20.
36. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 1424. – Л. 196–196.
37. ГАКО. – Ф. Р–3168. – Оп. 2. – Ед. хр. 1095. – Л. 59.
38. Там же. – Ед. хр. 1434. – Л. 89.
39. Там же. – Л. 57.
40. Там же. – Л. 63.
41. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2190. – Л. 38.
42. ГАБО. – Ф. Р–1314. – Оп. 4. – Ед. хр. 20. – Л. 17–18.
43. См.: История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. – В 2-х т. – Т. 2. – М., 1958. – С. 413–419.
44. Там же. – С. 414.
45. *Басюк Т.Л.* МТС – решающая сила в развитии колхозного производства. – М., 1954. – С. 177.
46. Там же.
47. ГАЛО. – Ф. Р–584. – Оп. 1. – Ед. хр. 15. – Л. 191.
48. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 150. – Л. 14.
49. Там же. – Л. 28.
50. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2196. – Л. 54; ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 7. – Ед. хр. 113. – Л. 137.
51. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 4. – Ед. хр. 67. – Л. 54.
52. Там же. – Ед. хр. 3. – Л. 132–135.
53. Там же.
54. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2553. – Л. 13–14.
55. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8844. – Л. 93.
56. ГАЛО. – Ф. Р–584. – Оп. 1. – Ед. хр. 69. – Л. 72–73.
57. Там же. – Ед. хр. 3. – Л. 37–38.
58. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 194.

59. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 49. – Ед. хр. 3. – Л. 71.
60. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 483. – Л. 197.
61. Там же. – Ед. хр. 41. – Л. 14–15.
62. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8844. – Л. 92.
63. Там же.
64. ГАЛО. – Ф. Р–1747. – Оп. 2. – Ед. хр. 41. – Л. 23–24.
65. Там же.
66. Там же. – Ед. хр. 35. – Л. 33.
67. Там же. – Л. 34.
68. Там же. – Ед. хр. 41. – Л. 54.
69. Там же. – Л. 30.
70. Там же. – Ед. хр. 75. – Л. 51–52.
71. Там же. – Ед. хр. 48. – Л. 40.
72. Там же. – Ф. Р–584. – Оп. 1. – Ед. хр. 69. – Л. 28–29.
73. Там же. – Ед. хр. 70. – Л. 93.
74. Там же.
75. Там же. – Ф. Р–1747. – Оп. 2. – Ед. хр. 75. – Л. 76.
76. Там же. – Л. 77.
77. Там же. – Ф. Р–584. – Оп. 1. – Ед. хр. 68. – Л. 14.
78. Там же.
79. Там же. – Л. 126–127.
80. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 64. – Л. 34.
81. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 3. – Ед. хр. 2. – Л. 51.
82. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 5965. – Л. 177.
83. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 141. – Л. 28–29.
84. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 5965. – Л. 53.
85. ГАВО. – Ф. Р–1766. – Оп. 1. – Ед. хр. 2498. – Л. 8.
86. Там же. – Ед. хр. 2730. – Л. 16.

87. В Центральном Черноземье во второй половине 1940-х годов, до кампании 1950 г. по массовому укрупнению колхозов, насчитывалось 16609 колхозов // *Лосев А.В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства. – С. 51.

88. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 101об., 107; Ед. хр. 48. – Л. 60об., 65; Ед. хр. 150. – Л. 131, 135об.; Ед. хр. 255. – Л. 115об., 120.

89. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 972. – Л. 109.
90. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 7710. – Л. 38.

91. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 5. – Л. 29; Ед. хр. 311. – Л. 2об.; Ед. хр. 314. – Л. 1об.; Ед. хр. 347. – Л. 1об.; Ед. хр. 373. – Л. 138.

92. Механизация основных сельскохозяйственных работ в колхозах была неодинакова по различным регионам страны. В зерновых областях к концу пятилетки вспашка и посевные работы были механизированы почти полностью. В районах Центра и Северо-Запада Российской Федерации уровень механизации этих работ оказался значительно ниже. Если в среднем по стране в 1950 г. комбайнами убиралось более половины более половины площадей зерновых, то на Северном Кавказе, в Крыму, в Западной Сибири порядка 90 %. В то же время в колхозах Нечерноземной зоны, Центра и Северо-Запада РСФСР на долю комбайновой уборки приходилось 15 % площадей, а вручную убиралась пример-

но половина // История советского крестьянства. – В 5 т. – Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества 1945 – конец 50-х годов. – М., 1988. – С. 54–55.

93. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 5. – Ед. хр. 170. – Л. 3–4.

94. НР – условная механическая тягловая единица (лошадиная сила). При определении количества тягла в статистике тех лет применялись следующие нормативы: а) рабочий вол – 0,7 рабочей лошади; б) рабочая лошадь – 0,75 механической НР // ГАОО. – Ф. Р–1200. – Оп. 1. – Ед. хр. 625. – Л. 66.

95. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы: Колхозы СССР в 1946–1950 гг. – М., 1972. – С. 23.

96. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 3. – Ед. хр. 1035. – Л. 126–128.

97. Рассчитано по: ГАОО. – Ф. Р–1200. – Оп. 1. – Ед. хр. 625. – Л. 66.

98. *Волков И.М.* Указ. соч. – С. 51.

99. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 5. – Л. 32; Ед. хр. 201. – Л. 13об., 227 об.; Ед. хр. 211. – Л. 15об.; ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 5. – Ед. хр. 170. – Л. 3.

100. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 24. – Ед. хр. 31. – Л. 16.

101. С совещания руководителей передовых МТС в редакции газеты «Курская правда» // Курская правда. – 1948. – 17 января.

102. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 3. – Ед. хр. 769. – Л. 90.

103. ГАЛО. – Ф. Р–1229. – Оп. 1. – Ед. хр. 75. – Л. 96.

104. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 201. – Л. 9об.

105. Там же. – Ед. хр. 86. – Л. 74.

106. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 26. – Ед. хр. 6. – Л. 59.

107. Там же. – Ед. хр. 3. – Л. 33.

108. Вспашка плугом с предплужниками – основной прием обработки почвы, при котором почва лучше крошится, создается более ровная поверхность, одновременно подрезаются корни сорняков.

109. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 4. – Ед. хр. 9. – Л. 73, 83.

110. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 7621. – Л. 1.

111. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 95. – Л. 58.

112. ГАТО. – Ф. Р–359. – Оп. 1. – Ед. хр. 2566. – Л. 17.

113. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 5. – Ед. хр. 170. – Л. 4.

114. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 95. – Л. 59.

115. Там же. – Л. 58.

116. Там же. – Ед. хр. 201. – Л. 9об.

117. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 4. – Ед. хр. 9. – Л. 83.

118. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 1633. – Л. 5.

119. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 4. – Ед. хр. 9. – Л. 83.

120. Там же. – Оп. 5. – Ед. хр. 2. – Л. 69.

121. Там же. – Оп. 4. – Ед. хр. 9. – Л. 85.

122. Там же. – Оп. 3. – Ед. хр. 775. – Л. 18.

123. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 86. – Л. 74.

124. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 4. – Ед. хр. 9. – Л. 85.

125. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 7188. – Л. 38.

126. ГАТО. – Ф. Р–3539. – Оп. 1. – Ед. хр. 3040. – Л. 12.

127. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 177. – Л. 15–21.

128. ГАКО. – Ф. Р–3168. – Оп. 2. – Ед. хр. 773. – Л. 15.

129. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 3. – Ед. хр. 775. – Л. 19–20.

130. ГАБО. – Ф. Р–1315. – Оп. 4. – Ед. хр. 11. – Л. 221.
131. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 4. – Ед. хр. 9. – Л. 85.
132. ГАБО. – Ф. Р–1315. – Оп. 4. – Ед. хр. 11. – Л. 221.
133. *Никитин П.* В стороне от жизни // Орловская правда. –1946. – 18 мая.; ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 3. – Ед. хр. 280. – Л. 13; ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Ед. хр. 12. – Л. 29.
134. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 5. – Ед. хр. 2. – Л. 69.
135. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 7621. – Л. 159.
136. Там же. – Л. 157.
137. ГАЛО. – Ф. Р–1229. – Оп. 1. – Ед. хр. 90. – Л. 17.
138. Там же. – Оп. 4. – Ед. хр. 9. – Л. 87.
139. По нормативам того времени предельная нагрузка на одну тракторную сеялку составляла 120 гектаров посевных площадей // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 143. – Л. 1.
140. ГАБО. – Ф. Р–1315. – Оп. 4. – Ед. хр. 11. – Л. 221.
141. ГАТО. – Ф. Р–359. – Оп. 1. – Ед. хр. 2566. – Л. 18.
142. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 4. – Ед. хр. 9. – Л. 87.
143. Там же. – Оп. 6. – Ед. хр. 1. – Л. 71.
144. ГАЛО. – Ф. Р–1229. – Оп. 1. – Ед. хр. 133. – Л. 5.
145. ГАБО. – Ф. Р–1315. – Оп. 4. – Ед. хр. 11. – Л. 22.
146. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 177. – Л. 36.
147. В колхозах Тамбовской области в 1950 г. в структуре посевных площадей зерновые культуры занимали 81,4 % // ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1880. – Л. 8.
148. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4575. – Л. 63.
149. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 4. – Ед. хр. 5. – Л. 102.
150. В 1949 г. одним условным 15-футовым комбайном в МТС Тамбовской области было убрано 293 гектара, Воронежской – 306, Курской – 340 // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 201. – Л. 13об., 227 об.; Ед. хр. 211. – Л. 15об.
151. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 4. – Ед. хр. 5. – Л. 102.
152. Там же. – Оп. 6. – Ед. хр. 1. – Л. 72.
153. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Ед. хр. 16. – Л. 71.
154. Там же. – Ед. хр. 16. – Л. 11.
155. Там же. – Оп. 26. – Ед. хр. 6. – Л. 59.
156. ГАВО. – Ф. Р–1766. – Оп. 1. – Ед. хр. 2376. – Л. 75–85.
157. Там же. – Л. 75.
158. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4575. – Л. 64–65.
159. Там же. – Ед. хр. 4728. – Л. 75.
160. Там же. – Л. 78–79.
161. Там же. – Ед. хр. 4575. – Л. 65–66.
162. См. напр.: *Бахарев А.* В Тамбовской области недооценивают комбайны // Правда. – 1947. – 2 августа.
163. *Голубев В.* Серьезная ошибка // Тамбовская правда. – 1948. – 2 августа.
164. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4575. – Л. 66.
165. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 1183. – Л. 19–20.
166. См.: Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. – М., 1948. – С. 223–225.
167. РГАЭ. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Ед. хр. 1801. – Л. 14.
168. Там же. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 95. – Л. 56.
169. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 7901. – Л. 74; ГАБО. – Ф. Р–1314. – Оп. 4. – Ед. хр. 132. – Л. 257; РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 1. – Ед. хр. 4506. – Л. 205.

170. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 86. – Л. 163.
171. Там же. – Ед. хр. 95. – Л. 56.
172. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 972. – Л. 136.
173. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8743. – Л. 86.
174. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 24. – Ед. хр. 7. – Л. 133.
175. ГАБО. – Ф. Р–1314. – Оп. 4. – Ед. хр. 5. – Л. 182.
176. Там же. – Ед. хр. 9. – Л. 168.
177. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 33. – Ед. хр. 59. – Л. 10.
178. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2562. – Л. 64.
179. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1880. – Л. 26–27.
180. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 3. – Ед. хр. 1035. – Л. 126–127.
181. РГАЭ. – Ф. 9476. – Оп. 1. – Ед. хр. 1802. – Л. 5.
182. Там же. – Л. 7.
183. Там же. – Л. 8–9.
184. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 26. – Ед. хр. 6. – Л. 59.
185. Мнение некоторых советских историков, согласно которому многие важнейшие полевые работы проводились с большим опозданием из-за неудовлетворительного использования техники, не соответствует действительности // См.: *Лосев А.В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства. – С. 45.
186. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 3. – С. 614–615.
187. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1880. – Л. 73, 76.
188. *Лосев А.В.* Указ. соч. – С. 51.
189. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 5. – Ед. хр. 7. – Л. 132.
190. ГАВО. – Ф. Р–1766. – Оп. 1. – Ед. хр. 2798. – Л. 122.
191. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 7721. – Л. 4.
192. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 5. – Ед. хр. 341. – Л. 120.
193. Рассчитано по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 г. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 311. – Л. 2–2об., 19; Ед. хр. 314. – Л. 1–1об., 19; Ед. хр. 347. – Л. 1–1об., 17; Ед. хр. 373. – Л. 137, 153.
194. Подсчитано по: ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 58. – Ед. хр. 2. – Л. 35; ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2715. – Л. 3.
195. Приведенные цифры не в полной мере отражают масштаб процесса укрупнения колхозов в Центральном Черноземье в 1950-е годы, они его несколько приуменьшают. Дело в том, что в 1954 г. в связи с образованием Липецкой области в ее состав были включены 10 районов Рязанской области. Указанное обстоятельство в некоторой степени изменило конфигурацию Центрального Черноземья в сторону увеличения его территории и численности сельскохозяйственных предприятий.
196. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1880. – Л. 8.
197. Только МТС Орловской области в период с апреля 1951 г. по сентябрь 1952 г. получили 3287 тракторов в переводе на 15-ти сильные, 2032 зерноуборочных комбайна, 2564 тракторных плуга, 2376 тракторных культиваторов, 2686 тракторных сеялок и много другой сельскохозяйственной техники. В результате мощность тракторного парка МТС области за полтора года выросла на 40 %, а количество комбайнов – почти в 3 раза // ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 1. – Л. 96.
198. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1188. – Л. 22.
199. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2196. – Л. 9.
200. Там же.
201. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 1. – Л. 101.

202. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 24. – Ед. хр. 515. – Л. 96.
203. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 1. – Л. 100.
204. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2186. – Л. 35.
205. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 8. – Ед. хр. 8. – Л. 75.
206. Таким было положение в МТС Курской области. См.: ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2186. – Л. 36.
207. Там же. – Ед. хр. 2196. – Л. 10.
208. Там же. – Ед. хр. 2186. – Л. 41–42.
209. Там же. – Л. 33.
210. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8857. – Л. 12.
211. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 8. – Ед. хр. 8. – Л. 74.
212. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 9613. – Л. 17.
213. Там же. – Л. 10.
214. Там же. – Ед. хр. 10114. – Л. 50–51.
215. Там же. – Л. 53.
216. ГАБО. – Ф. 1314. – Оп. 3. – Ед. хр. 29. – Л. 53–54.
217. Там же. – Л. 9.
218. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 24. – Ед. хр. 564. – Л. 160.
219. Там же. – Ед. хр. 564. – Л. 160.
220. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 33. – Ед. хр. 59. – Л. 10.
221. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 8. – Ед. хр. 8. – Л. 66.
222. Там же. – Л. 67.
223. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 8848. – Л. 7.
224. ГАОО. – Ф. П–52. – Оп. 7. – Ед. хр. 3. – Л. 107–108.
225. ГАТО. – Ф. Р–3443. – Оп. 1. – Ед. хр. 1880. – Л. 76.
226. См., напр.: *Марсавин Б.* Убирают вручную, а комбайны стоят // Орловская правда. – 1953. – 22 июля.
227. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 1692. – Л. 9–10.
228. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 10114. – Л. 51.
229. ЦДНИЛО. – Ф. 65. – Оп. 1. – Ед. хр. 362. – Л. 22.
230. Там же. – Ед. хр. 9754. – Л. 39.
231. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 21. – Л. 92.
232. Там же. – Л. 64.
233. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 122. – Л. 37–38.
234. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 3. – Ед. хр. 84. – Л. 30; Оп. 1. – Ед. хр. 123. – Л. 111; ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 10208. – Л. 14; ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 32. – Ед. хр. 22. – Л. 32.
235. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 32. – Ед. хр. 22. – Л. 150.
236. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 9870. – Л. 39–40.
237. Там же. – Л.40.
238. Там же. – Ед. хр. 10208. – Л. 41.
239. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 63. – Л. 68.
240. Там же. – Ед. хр. 25. – Л. 69.
241. Там же. – Ф. 2. – Оп. 1. – Ед. хр. 113. – Л. 17.
242. Там же. – Л. 18.
243. Там же. – Л. 18–19.
244. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 10208. – Л. 158–159.
245. РГАНИ. – Ф. 13. – Оп. 1. – Ед. хр. 459. – Л. 180.

246. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 4. – Ед. хр. 2. – Л. 39.
247. ГАТО. – Ф. Р–3443. - Оп. 1. – Ед. хр. 1880. – Л. 76.
248. Там же. – Л. 73, 76.
249. ЦДНИЛО. – Ф. 65. – Оп. 1. – Ед. хр. 380. – Л. 22.
250. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 411. – Л. 148.
251. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 67. – Л. 129–130.
252. Там же. – Л. 133.
253. Там же. – Л. 134–135.
254. ГАТО. – Ф. Р–3539. – Оп. 1. – Ед. хр. 4788. – Л. 1–5.
255. ГАЛО. – Ф. Р–584. – Оп. 1. – Ед. хр. 137. – Л. 43.
256. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 10742. – Л. 113–114.
257. ГАЛО. – Ф. Р–584. – Оп. 1. – Ед. хр. 137. – Л. 8.
258. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 9613. – Л. 125.
259. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 150. – Л. 149–150.
260. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 9613. – Л. 130.
261. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 152. – Л. 5.
262. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 423. – Л. 26.
263. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 152. – Л. 6.
264. ЦДНИБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 239. – Л. 69–70.
265. ГАЛО. – Ф. Р–584. – Оп. 1. – Ед. хр. 138. – Л. 41–42.
266. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 4. – Ед. хр. 2. – Л. 38.
267. Там же. – Ед. хр. 423. – Л. 27.
268. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 189. – Л. 1–6.
269. Там же. – Ед. хр. 150. – Л. 47.
270. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 4. – С. 115.
271. Посчитано по данным сводных годовых отчетов МТС Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей за 1954 и 1957 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 1204. – Л. 1,2, 19, 20, 129, 130, 147, 148, 165, 166, 184, 185; Ед. хр. 1295. – Л. 96, 186; Ед. хр. 1297. – Л. 19, 55, 237; Ед. хр. 1298. – Л. 225.
272. ГАЛО. – Ф. Р–1229. – Оп. 1. – Ед. хр. 191. – Л. 17.
273. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 1746. – Л. 17–20.
274. Там же.
275. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Ед. хр. 2. – Л. 51.
276. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 1759. – Л. 17.
277. Там же. – Ед. хр. 1748. – Л. 21.
278. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Ед. хр. 2. – Л. 52.
279. ГАРФ. – Ф. А–259. – Оп. 7. – Ед. хр. 1746. – Л. 22.
280. Там же. – Ед. хр. – Л. 1.
281. Там же. – Л. 3–7.
282. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – Т. 1. – С. 118.
283. Тамбовская правда. –1954. – 24 марта.
284. Тамбовская правда. –1954. – 13 апреля.
285. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 33. – Ед. хр. 59. – Л. 135–137.
286. ГАТО. – Ф. Р–3539. – Оп. 1. – Ед. хр. 4926. – Л. 21–23.
287. ЦДНИЛО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Ед. хр. 19. – Л. 50.
288. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2924. – Л. 36.

289. ГАОПИВО. – Ф. 3. – Оп. 38. – Ед. хр. 267. – Л. 60.
290. Там же.
291. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. – Ед. хр. 18. – Л. 2.
292. Там же. – Ед. хр. 150. – Л. 47.
293. Там же. – Ед. хр. 201. – Л. 14.
294. Там же. – Ед. хр. 78. – Л. 90.
295. Там же.
296. Там же. – Оп. 45. – Ед. хр. 150. – Л. 14.
297. Рассчитано по: РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 150. – Л. 14.
298. Там же. – Л. 61, 70–71.
299. Там же. – Л. 28.
300. Там же.
301. ГАОПИКО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2924. – Л. 41–42.
302. ЦДНИТО. – Ф. 1045. – Оп. 1. – Ед. хр. 10493. – Л. 59.
303. РГАНИ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Ед. хр. 135. – Л. 80.
304. Там же. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 150. – Л. 59.
305. Подсчитано по: РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 150. – Л. 59.
306. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 1241. – Л. 9.
307. Там же. – Л. 27.
308. Рассчитано по: РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 185. – Л. 70.
309. РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. – Ед. хр. 185. – Л. 85–86.
310. Там же. – Л. 72.
311. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 1295. – Л. 104, 194; Ед. хр. 1297. – Л. 27, 63, 245; Ед. хр. 1298. – Л. 233.
312. Подсчитано по: РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 15. – Ед. хр. 5. – Л. 29; Ед. хр. 1295. – Л. 97об.–98, 187об.–188; Ед. хр. 1297. – Л. 20об.–21, 56об.–57, 237об.–238; Ед. хр. 1298. – Л. 226 об.–227.
313. Подсчитано по данным сводных годовых отчетов МТС Воронежской области за 1946 и 1957 гг. // РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 14. – Ед. хр. 47. – Л. 102; Оп. 15. – Ед. хр. 1295. – Л. 190 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В советском опыте по созданию социалистической экономики центральное место занимает реформирование сельского хозяйства. Деревня являлась для власти своеобразным полигоном для проведения социалистических экспериментов, от результативности которых зависела прочность нового государственного строя. Ведь вплоть до начала 1960-х годов в деревне проживала большая часть населения страны. Модернизация советской промышленности, осуществленная в годы первых пятилеток, стала возможной вследствие перераспределения материальных и людских ресурсов из деревни в город.

Насильственным методам проведения коллективизации нет оправдания. Но создание колхозов как крупных сельскохозяйственных предприятий, безусловно, имело положительное значение. Это создавало лучшие возможности для использования в земледелии системы машин, для внедрения индустриальных методов производства в аграрный сектор экономики, для расширенного воспроизводства сельскохозяйственных товаров. Колхозная система могла существовать при подведении под нее определенной машинной базы. Таким материально-техническим базисом колхозной системы стали машинно-тракторные станции. Фактически в 1930-е годы в СССР сформировалась производственная система «колхозы – МТС», которая совершенствовалась на протяжении почти трех десятилетий. МТС стали определяющим звеном в осуществлении механизации сельского хозяйства и одновременно они выступали в качестве важнейшего инструмента реализации аграрной политики советского правительства.

Продукция сельского хозяйства изымалась государством по ценам ниже себестоимости. Так было на протяжении всего периода существования МТС. При такой политике ценообразования все рассуждения об экономической неэффективности работы производственной системы «колхозы – МТС» беспочвенны. Только во второй половине

1960-х – 1970-х годах государственные цены на продукцию сельского хозяйства стали компенсировать затраты на ее производство. Происходило это уже за рамками истории машинно-тракторных станций.

Деятельность МТС представляет собой удачный опыт подведения машинной базы под отечественное сельское хозяйство. Это были предприятия государственного агросервиса в очень специфическом проявлении, когда колхозы не имели права отказаться от сотрудничества. Они позволили механизировать наиболее трудоемкие виды работ в колхозах и повысить производительность труда. В середине 1950-х годов машинно-тракторные станции выполняли в колхозах более 80 % всех работ. Но только этим роль МТС не исчерпывалась, она значительно шире. МТС представляли собой действенный рычаг при осуществлении процесса модернизации аграрного сектора экономики и привнесли в сельскохозяйственное производство индустриальные методы организации труда.

Машинно-тракторные станции осуществляли свою деятельность в условиях командно-административной, нерыночной экономики. Указанное обстоятельство во многом обусловило работу как самих станций, так и колхозов, входивших в сферу их обслуживания. Более того, МТС являлись стержнем командно-административной системы в производственной сфере деревни. Посредством деятельности МТС достигалось полное огосударствление хозяйственной жизни колхозной деревни, включение колхозов в систему государственного планирования и управления. Колхозы являлись элементами в производственной системе, в которой определяющую роль играли машинно-тракторные станции.

Вплоть до конца 1953 г. подавляющее большинство работников МТС составляли колхозники – бригадиры тракторных бригад, механизаторы, учетчики-заправщики, ремонтники и др. Это еще более объединяло различные типы предприятий, составляющие производственную систему «колхозы – МТС». Машинно-тракторные станции создавались усилиями нескольких поколений. В результате к 1958 г. в деревне были сформированы крупные предприятия по механизации колхозного производства, обладающие большим парком сложной сельскохозяйственной техники и инвентаря, необходимой ремонтной базой, кадрами специалистов и механизаторов.

МТС обладали не только производственной, но и социальной инфраструктурой, которая наиболее активно формировалась в период

1954–1957 гг. Многие МТС застраивались комплексно. В сельской местности в невиданных прежде объемах велось жилищное строительство для работников МТС, возводились объекты культурно-бытового назначения. Рабочие поселки МТС возводились по типовому проекту. Они по-новому планировались и обустраивались: были компактными, имели электроснабжение, оборудовались водопроводом, простейшей канализацией. Это создавало новые ориентиры для социального обустройства сельских поселений, социальной инфраструктурой МТС могло пользоваться окрестное население (имеются в виду бани, магазины, водопровод, электроснабжение и т. д.).

В послевоенной советской деревне машинно-тракторные станции стали организующими центрами сельских поселений. В Центральном Черноземье в этот период функционировало более пятисот МТС. Во второй половине 1940-х годов они обслуживали более 90 % колхозов, а после кампании 1950 г. по укрупнению колхозов 1950 г. все они стали пользоваться услугами МТС.

Колхозы Центрального Черноземья обладали всеми условиями для ведения эффективного сельского хозяйства. Черноземные почвы уже сами по себе представляют огромное богатство. Плодородие почвы – это категория не только естественно-биологическая, но и экономическая. Черноземные почвы дают высокий урожай при соблюдении агротехнических требований, при их тщательной обработке. Это особенно важно для сельского хозяйства центрально-черноземных областей, так как они находятся в зоне недостаточного увлажнения. Раз в 3–4 года сельское хозяйство Центрального Черноземья сталкивается с засухой. При использовании интенсивных аграрных технологий последствия засухи можно минимизировать. При слабой материально-технической базе сельскохозяйственного производства, когда проведение объема работ достигается за счет растягивания их сроков, засуха может обернуться большой бедой. Так произошло в 1946 г.

Переход к интенсивным методам ведения сельского хозяйства невозможен без соответствующих финансовых и материальных ресурсов. Для этого требуется внедрение системы сельскохозяйственных машин, использование удобрений, наличие квалифицированных кадров и создание стимулов к труду. В послевоенные годы советская деревня рассматривалась правительством с точки зрения ее донор-

ских возможностей. Перекачка средств из аграрного сектора экономики превышала все допустимые пределы. Все колхозное производство вплоть до 1958 г. держалось на машинно-тракторных станциях. МТС финансировались государством в том объеме, который позволял существовать производственной системе «колхозы – МТС».

В первые послевоенные годы развитие сельского хозяйства СССР происходило экстенсивным путем, за счет восстановления посевных площадей. К началу 1950-х годов все резервы роста сельского хозяйства за счет экстенсивных факторов были исчерпаны, и его рост прекратился. Сталинская аграрная политика, в основе которой лежали методы «чрезвычайщины», довела советскую деревню до состояния глубокого кризиса. Методы угроз и принуждения не срабатывали.

Поворот в аграрной политике КПСС и советского правительства 1953 года был связан не только и не столько с бедственным положением деревни и желанием искупить прежние грехи. Его суть в другом. В начале 1950-х годов проблемы деревни обернулись острой нехваткой продовольствия в городах. Продовольственная проблема, применительно к тому периоду, выражалась в нехватке хлеба. А это грозило нарушить социально-экономическую и политическую стабильность в стране. И вновь, как и в 1930-е – 1940-е годы, правительство делает ставку на развитие структуры МТС.

Решения сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, принятые в условиях кризиса колхозно-совхозного производства, закладывали основу для формирования качественно иной аграрной политики государства. Аграрная политика правительства теперь строилась не только на голом администрировании, предпринимались меры к тому, чтобы задействовать в сельскохозяйственном производстве принцип материального стимулирования. Это нашло свое отражение в росте заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Приоритетное внимание уделялось повышению роли машинно-тракторных станций, их роль в колхозном производстве достигла апогея. В райисполкомах ликвидировались отделы сельского хозяйства, на МТС возлагалась полная ответственность за работу колхозов, начиная с планирования производства и заканчивая учетом и распределением произведенной продукции.

Специфика сельского хозяйства состоит в том, что невозможно получить немедленный результат даже после значительных матери-

альных затрат и усилий людей. Для получения эффекта требуется продолжительная системная работа. К тому же сельское хозяйство в немалой степени зависит от природно-климатических факторов. Руководство страны стремилось в кратчайший срок решить продовольственную проблему. Ставка делалась на введение в хозяйственный оборот целинных и залежных земель в Казахстане, Сибири, Дальнем Востоке, Поволжье, на Урале, Северном Кавказе и некоторых других районах СССР.

Идея освоения целинных и залежных земель увлекла Н.С. Хрущева всецело. Ему казалось, так можно выиграть время и сэкономить средства. Результаты целинной эпопеи хорошо известны. Мечтания об изобилии дешевого целинного хлеба обернулись иллюзией. Сама по себе программа освоения целинных и залежных земель требовала огромных финансовых и материальных ресурсов. В районы освоения целинных земель выехали сотни тысяч людей, для которых требовалось возвести жилье, объекты культурно-бытового назначения, построить дороги и многое другое. В первое время на целину направлялась значительная часть производимой промышленностью сельскохозяйственной техники.

Руководство КПСС и советское правительство в период кампании по освоению целины действительно сэкономили большие средства в том плане, что их не получило сельское хозяйство старопахотных районов. Только это была такая экономия, когда пытались сберечь копейки, а оказывалось – теряли рубли. Вся эта «экономия» достигалась за счет старых земледельческих центров. К таким районам относится и Центральное Черноземье. В 1954–1956 гг. машинно-тракторные станции центрально-черноземных областей не только не имели возможности увеличивать парк сельскохозяйственной техники и инвентаря, но и обновлять его. В середине 1950-х годов машинно-тракторные станции по многим позициям машин и инвентаря имели меньше, чем в 1953 г. МТС не могли обеспечить механизацию многих видов работ в колхозах, особенно это касается возделывания технических культур. Таким образом, вместо курса на интенсификацию сельскохозяйственного производства, провозглашенном на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, руководство страны делает упор на экстенсивные методы ведения сельского хозяйства. Курс этот оказался ошибочным в определении стратегии развития аграрного сектора экономики.

Низкая эффективность колхозного производства страны в послевоенное время во многом определялась слабостью материально-технической базы и нежеланием правительства учитывать материальные интересы сельских тружеников. Но руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым иначе трактовало ситуацию в деревне. Нехватку сельскохозяйственной техники на колхозных полях Н.С. Хрущев объяснял ее плохим использованием в машинно-тракторных станциях. На самом же деле, это не соответствовало действительности. Машины и инвентарь МТС использовали значительно интенсивнее, чем совхозы. Но кто мог оспорить утверждение руководителя партии? В итоге высшее партийно-государственное руководство страны принимает решение о реорганизации МТС. Фактически уже в 1958 г. машинно-тракторные станции в СССР были ликвидированы, вся сельскохозяйственная техника продавалась колхозам.

Негативные последствия реорганизации МТС проявились не только в том, что колхозы, приобретя технику МТС, лишались оборотных средств и оказывались «в долгах, как в шелках». Еще важнее то обстоятельство, что была ликвидирована эффективно работающая сеть крупных механизированных сельскохозяйственных предприятий, имеющих производственную и социальную инфраструктуру, кадры специалистов и механизаторов. Не подвергая сомнению саму целесообразность разрешения продажи сложной машинной техники колхозам, следует признать ошибочность решения о ликвидации МТС. Время расставило все по своим местам. Спустя почти полвека, после распада Советского Союза, МТС (машинно-технологические станции) стали создаваться уже в условиях рыночной экономики и на современной технологической базе. В настоящее время они успешно работают во многих регионах России.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ

Законодательные и нормативные документы, документы партии и правительства, материалы совещаний

Андреев А.А. О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1947. – 63 с.

Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. – М.: Сельхозгиз, 1948. – 640 с.

Во имя Победы. (Воронежская областная партийная организация в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Сб. документов и материалов / Сост. *Аброськин С.В., Васильева Г.Н.* – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1975. – 288 с.

Воронежская область в Великой Отечественной войне: Сб. документов и материалов. – Воронеж: Обл. кн. изд-во, 1948. – 251 с.

Всесоюзное совещание работников МТС, созванное ЦК КПСС и Советом Министров СССР. Материалы совещания. – М.: Сельхозгиз, 1954. – 380 с.

«Второй и важнейший этап» (Об укрупнении колхозов в 50-х — начале 60-х годов). Публикацию подготовил В.П. Попов // Отечественные архивы. – 1994. – № 1. – С. 27–50.

Двадцатый съезд КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. – М.: Госполитиздат, 1956. – Т. 1. – 640 с.; Т. 2. – 559 с.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. – М.: Госполитиздат,1958. – Т. 3. 1946–1952. – 704 с.; Т. 4. 1953–1957. – 864 с.

История колхозного права: Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958. В 2 т. – Т. I. 1917–1936. – М.: Госюриздат, 1959. – 518 с.; Т. II. – М.: Госюриздат, 1958. – 539 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд. – М.: Политиздат, 1984–1985. – Т. 5. 1929–1932. – 446 с.; Т. 6. 1933–1937. – 431 с.; Т. 7. 1938–1945. – 574 с.; Т. 8. 1946–1955. – 542 с.; Т. 9. 1956–1960. – 574 с.

Курская область в период Великой Отечественной войны Советского союза, 1941–1945: Сб. документов и материалов. В 2 т. – Т. 2. – Курск: Курск. кн. изд-во, 1962. – 643 с.

Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о партийной программе 19 марта 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 38. – С. 174–184.

Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 5 октября 1952 г. – М.: Изд-во «Правда», 1952. – 87 с.

Маленков Г.М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. – М.: Госполитиздат, 1953. – 45 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. Т. 4. – С. 419–459.

Машинно-тракторные станции и тракторные колонны. Материалы комиссии Наркомзема по обслуживанию тракторных колонн и станций. – М.: Сельхозгиз, 1930. – 283 с.

«Мелочи колхозной жизни»: Публ. документов 1932–1952 гг. / Подгот. к печати и предисл. В.П. Попова // Отечественные архивы. – 1995. – № 4. – С. 81–85.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. – М.: МФД, 1998. – 848 с.

Орловская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. документов и материалов. – Орел, 1960. – 496 с.

Патриотический почин Тамбовских колхозников в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. документов. – Тамбов, 1961. – 288 с.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 15–19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1958. – 543 с.

Попов В.П. Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. – 1992. – № 6. – С. 36–59.

Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). Сб. документов. – М.: Прометей, 1993. – 204 с.

Примерный устав сельскохозяйственной артели. Принят Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. – М.: Госполитиздат, 1950. – 30 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет.– М.: Политиздат, 1968. – Т. 3. 1941–1952. – 751 с.; Т. 4. 1953–1961. – 783 с.

Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 1. – М.: Госюриздат, 1957. – 839 с.; Т. 2. – М.: Госюриздат, 1958. – 923 с.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958. – М.: Госюриздат, 1959. – 500 с.

Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. – М.: Госюриздат, 1948. – 351 с.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. За 1932–1937 гг.

Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических республик. За 1938–1958 гг.

Советская жизнь. 1945–1953. Сборник документов / Сост.: Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. – М.: РОССПЭН, 2003. – 720 с.

Совещание работников сельского хозяйства Юго-Востока, центрально-черноземной полосы, центрально-нечерноземной полосы и Северо-Запада // Социалистическое сельское хозяйство. – 1955. – № 3. – С. 16–36.

Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. // Социалистическое сельское хозяйство. – 1946. – № 1/2. – С. 3–11.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат, 1952. – 223 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг. Документы и материалы. В 5 т. – Т. 3. Конец 1930–1933 / Сост.: В. Данилов и др.; Редкол.: И. Зеленин (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1006 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. – Т. 4: 1934–1936 / Сост.: В. Данилов и др.; Редкол.: Ю. Мошков (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1053 с.

Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. В 5 т. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 1. Сентябрь 1953 г. – январь 1955 г. – 495 с.; – Т. 2. Февраль 1955 г. – январь 1958 г. – 534 с.; – Т. 3. Январь 1958 г. – май 1959 г. – 544 с.

Статистические издания

Народное хозяйство Белгородской области. Стат. сборник. – Орел: Госстатиздат, 1959. – 254 с.

Народное хозяйство Воронежской области за 50 лет. Ст. сб. – Воронеж: Статистика, 1967. – 301 с.

Народное хозяйство Курской области. Ст. сб. – Орел: Госстатиздат, 1960. – 139 с.

Народное хозяйство Липецкой области. Ст. сб. – Липецк: Липецк. кн. изд-во. 1959. – 183 с.

Народное хозяйство Орловской области. Ст. сб. – Орел: Госстатиздат, 1960. – 282 с.

Сельское хозяйство СССР. Ст. сб. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – 666 с.

Воспоминания, публицистика

Ананьев И.К., Лоскутов В.И. Опыт работы Таловской опорно-показательной МТС. – Воронеж: Книжное изд-во, 1954. – 48 с.

Баранов П.П. Двадцать семь лет на посту директора МТС // 1917–1957. Статьи, воспоминания, очерки / Отв. ред. Т.И. Архипова. – Курск: Курск. кн. изд-во, 1957. – С. 322–332.

Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. – 1989. – № 4. – С. 12–67.

Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них… – М.: Политиздат, 1990. – 384 с.

Зверев А.Г. Записки министра. – М.: Политиздат, 1973. – 270 с.

Кабанов П.А. Стальные перегоны. (Литературная запись А.И. Филиппова). – М.: Воениздат, 1973. – 396 с.

Микоян А.И. Так было: Размышления о минувшем. – М.: ВАГРИУС, 1999. – 537 с.

Овечкин В.В. Районные будни // Собр. соч. – В 3-х т. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1989. – 559 с.

Овечкин В.В. Статьи, выступления, дневники, письма // Собр. соч. – В 3-х т. – Т. 3. – М.: Советский писатель, 1990. – 360 с.

Передовые механизаторы в СССР. Очерки. Вступит. статья М.В. Корн. – М.: Сельхозгиз, 1957. – 351 с.

Передовые механизаторы Смоленщины. Сб. статей. – Смоленск: Смоленск. обл. гос. изд-во, 1952. – 92 с.

Передовые механизаторы Ярославской области. Стахановцы о своем опыте. Сб. статей. – Ярославль: Яросл. обл. кн. изд-во, 1952. – 71 с.

Передовые МТС. Сб. статей. – М.: Сельхозгиз, 1940. – 112 с.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания): в 4 кн. – М.: Московские новости, 1999. – Кн. 1. – 848 с.; Кн. 2. – 848 с.; Кн. 3. – 704 с.; Кн. 4. – 728 с.

Шепилов Д.Т. Непримкнувший. – М.: ВАГРИУС, 2001. – 399 с.

Периодическая печать за 1946–1958 гг.

Газеты

«Правда», «Белгородская правда», «Коммуна», «Курская правда», «Ленинское знамя», «Орловская правда», «Тамбовская правда».

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А–259. Оп. 7. (Бюро Совета Министров РСФСР по сельскому хозяйству. 1953–1958 гг.).
Государственный архив Белгородской области (ГАБО). – Ф. Р–17. (Управление сельского хозяйства Белгородской области. 1954–1958 гг.).
ГАБО. – Ф. Р–1314. (Объединенный фонд МТС Ново-Оскольского района Белгородской области).
ГАБО. – Ф. Р–1373. (Объединенный фонд МТС Ракитянского района Белгородской области).
ГАБО. – Ф. Р–1374. (Объединенный фонд МТС Краснояружского района Белгородской области).
Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. Р–1766. (Управление сельского хозяйства Воронежской области. 1946–1958 гг.).
Государственный архив Курской области. – Ф. Р–3168. (Управление сельского хозяйства Курской области. 1946–1958 гг.).
Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). – Ф. Р–208. (Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся Задонского района Липецкой области).
ГАЛО. – Ф. Р–324. (Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся Тербунского района Липецкой области).
ГАЛО. – Ф. Р–377. (Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся Усманского района Липецкой области).
ГАЛО. – Ф. Р–584. (Управление сельского хозяйства Липецкой области. 1954–1958 гг.).
ГАЛО. – Ф. Р–743. (Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся Волынского района Липецкой области).
ГАЛО. – Ф. Р–1405. (Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся Чернавского района Липецкой области).
ГАЛО. – Ф. Р–1747. (Хворостянская МТС Хворостянского района Липецкой области).
Государственный архив Орловской области (ГАОО). – Ф. П–52. (Орловской обком ВКП(б) – КПСС. 1946–1958 гг.).
ГАОО. – Ф. Р–1200. (Управление сельского хозяйства Орловской области. 1946–1958 гг.).
Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). – Ф. Р–3443. (Исполнительный комитет Тамбовского областного совета депутатов трудящихся. 1946–1958 гг.).
ГАТО. – Ф. Р–359. (Машинно-тракторные станции Тамбовской области).
ГАТО. – Ф. Р–3539. (Управление сельского хозяйства Тамбовской области. 1946–1958 гг.).
Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. – Ф. 3. (Воронежский обком ВКП(б) – КПСС. 1946–1958 гг.).
Государственный архив общественно-политической истории Курской области. – Ф. 1. (Курский обком ВКП(б) – КПСС. 1946–1958 гг.).
Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 2. – Оп. 1. (Пленумы ЦК ВКП(б) – КПСС. 1947–1958 гг.).

РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 24. (Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б) – КПСС. 1948–1953 гг.).
РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 45. (Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по союзным республикам. 1954–1958 гг.).
РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 46. (Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по РСФСР. 1954–1958 гг.).
РГАНИ. – Ф. 13. – Оп. 1. (Бюро ЦК КПСС по РСФСР. 1956–1958 гг.).
РГАНИ. – Ф. 89. (Коллекция рассекреченных документов).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 123, 138, 165. (Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б) – КПСС. 1946–1953 гг.).
РГАСПИ. – Ф. 73. – Оп. 1. (А. А. Андреев).
РГАСПИ. – Ф. 556. (Бюро ЦК КПСС по РСФСР. 1956–1958 гг.).
РГАСПИ. – Ф. 556. – Оп. 22. (Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б) – КПСС по РСФСР. 1948–1953 гг.).
Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 7486. – Оп. 1, 6, 14, 15. (Наркомат земледелия СССР – Министерство сельского хозяйства СССР. 1946–1958 гг.).
РГАЭ. – Ф. 9476. (Совет по делам колхозов при Правительстве СССР).
Центр документации новейшей истории Белгородской области. – Ф. 1. (Белгородский обком КПСС. 1954–1958 гг.).
Центр документации новейшей истории Липецкой области (ЦДНИЛО). – Ф. 18. (Грязинский райком ВКП(б) – КПСС Липецкой области. 1946–1958 гг.).
ЦДНИЛО. – Ф. 34. (Липецкий обком КПСС. 1954–1958 гг.).
ЦДНИЛО. – Ф. 36. (Елецкий райком ВКП(б) – КПСС Липецкой области. 1946–1958 гг.).
ЦДНИЛО. – Ф. 64. (Усманский райком ВКП(б) – КПСС Липецкой области. 1946–1958 гг.).
ЦДНИЛО. – Ф. 65. (Хворостянский райком ВКП(б) – КПСС Липецкой области. 1946–1958 гг.).
ЦДНИЛО. – Ф. 71. (Чаплыгинский райком ВКП(б) – КПСС Липецкой области. 1946–1958 гг.).
Центр документации новейшей истории Тамбовской области. – Ф. 1045. (Тамбовский обком ВКП(б) – КПСС. 1946–1958 гг.).

ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамов В.А. МТС — могучий рычаг укрепления колхозов. – М.: Госполитиздат, 1948. – 48 с.
Абрамов В.А. Роль МТС в создании и укреплении колхозного строя // Новый этап в развитии колхозного строя / Ред. колл.: *Буянов П.С.*, *Караваев А.А.*, *Кулагин Н.А.* – М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1959. – С. 62–75.
Аврех Л.И. Тамбовская партийная организация в борьбе за послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства (1945–1953 гг.). – Тамбов, б.и., 1961. – 56 с.
Аграрная политика Коммунистической партии на этапе строительства МТС (1929–1939): Сб. статей / Под ред. Н.В. Королькова. – Владимир: ВГПИ, 1985. – 132 с.
Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития / Отв. ред. И.Н. Буздалов. – М.: Наука, 1993. – 267 с.
Аграрные отношения в странах социализма / Отв. ред. О.Т. Богомолов. – М.: Наука, 1984. – 263 с.
Аграрный строй России: прошлое, настоящее, будущее. Сб. статей / Ред. В.Е. Есипов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 1999. – 315 с.

Азарин М.Ф. Энгельс об уничтожении противоположности между городом и деревней // Под знаменем марксизма. – 1935. – № 5. – С. 115–132.

Алексеев В.А. Политотделы машинно-тракторных станций Центрально-Черноземной области и их роль в проведении политики «чрезвычайшины» // Вехи минувшего. Ученые записки исторического факультета ЛГПИ. Вып. 1. – Липецк: ЛГПИ, 1999. – С. 126–134.

Амосов А.И. Социально-экономическая эволюция России. – М.: Наука, 2004. – 183 с.

Анисимов Н.И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. – М.: Госполитиздат, 1952. – 135 с.

Анисимов Н. Развитие сельского хозяйства в пятой пятилетке. – М.: Госполитиздат, 1953. – 215 с.

Анисимов Н.И. На новом этапе. – М.: Советская Россия, 1959. – 152 с.

Арутюнян Ю.В. Из истории МТС периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. – 1958. – № 8. – С. 84–96.

Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А. Историческая роль МТС и их реорганизация. – М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1958. – 159 с.

Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 341 с.

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – Изд. 2-е доп. – М.: Наука, 1970. – 466 с.

Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. – М.: Мысль, 1971. – 374 с.

Authority, Power and Policy in the USSR / Ed. by L. Shapiro. – London: Rigbi, 1989. – 320 p.

Ашанин В.Я. Политотделы МТС в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. – 1960. – № 4. – С. 51–61.

Басюк Т.Л. МТС — решающая сила в развитии колхозного производства. – М.: Госполитиздат, 1954. – 231 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930-х — 1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 23–44.

Безнин М.А., Димони Т.М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930-х – 1980-х годов // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 94–121.

Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980 годов. – Вологда: Легия, 2005. – 130 с.

Белгородская область. Экономико-географический очерк. – Белгород: Белгород. кн. изд-во, 1986. – 214 с.

Беляк К.Н. Центрально-Черноземный экономический район. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1965. – 151 с.

Bergson A. The Economics of Soviet Planning. – L., 1964. – 225 p.

Berry M.J. Science, technology and innovation // Khrushchev and khrushchevism / Ed. by M. McCauley. – London; Basingstoke: Macmillan press: L.: School of Slavonic a. East Europ. Studies, 1987. – P. 71–94.

Богдашкин П.И. Электрификация сельского хозяйства СССР. – М.: Сельхозгиз, 1960. – 280 с.

Богденко М.Л. Совхозы СССР (1951–1958 гг.). – М.: Наука, 1972. – 376 с.

Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917–1975). – М.: Политиздат, 1976. – 279 с.

Борисов Ю.С. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 288 с.

Боффа Дж. История Советского Союза: [Пер. с итал.]. – В 2 т. – Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964. – М.: Международные отношения, 1996. – 631 с.

Булочникова Л.А. МТС на современном этапе развития сельского хозяйства. – М.: Госкультпросветиздат, 1956. – 36 с.

Бураков М.Е. Партия и творческая активность масс на селе. (На материалах областей Центрального Черноземья между 20 и 23 съездами КПСС). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – 308 с.

Бутенко А.М. О роли материальной заинтересованности в воспроизводстве рабочей силы колхозного производства // Записки Воронеж. с.-х. ин-та. – Т. XXVII. – Вып. 3. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1958. – С. 155–167.

В помощь директору МТС. Сб. материалов и статей. – Вып. I. – М.: Сельхозгиз, 1954. – 203 с.

В помощь директору МТС. Сб. статей. – Вып. II. – М.: Сельхозгиз, 1955. – 518 с.

Вайнер М.Т., Твардовский В.П. Машино-тракторные станции к XV годовщине Октября. – М., б.и., 1932. – 159 с.

Венжер В.Г. Основные вопросы производственной деятельности МТС. – М.: Сельхозгиз, 1949. – 144 с.

Венжер В.Г. Вопросы комплексной механизации колхозного производства. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 332 с.

Венжер В.Г. Колхозный строй на современном этапе. – М.: Экономика, 1966. – 303 с.

Вербицкая О.М. Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. – М.: Наука, 1992. – 224 с.

Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. – М.: ИРИ РАН, 2002. – 318 с.

Верт Н. История Советского государства. 1900–1991: Пер. с фр. – 2-е изд. – М.: ИНФРА–М: Изд-во «Весь мир», 2003. – 544 с.

Викентьев А.И. Очерк развития народного хозяйства СССР (1951–1958 гг.). – М.: Госполитиздат, 1959. – 244 с.

Винокурова Р.Ф. Основные этапы развития колхозного производства // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Наука, 1975. – С. 154–159.

Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.

Внутрихозяйственный расчет в МТС. Сб. статей / Ред. М.П. Горшков. – М.: Сельхозиздат, 1957. – 295 с.

Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы: Колхозы СССР в 1946–1950 гг. – М.: Мысль, 1972. – 295 с.

Волков И.М., Тюрина А.П. Основные проблемы истории колхозного крестьянства СССР // Проблемы истории советского крестьянства. Сб. статей / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Наука, 1981. – С. 30–53.

Волков И.М., Вылцан М.А., Зеленин И.Е. Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР, 1917–1982 // История СССР. – 1983. – № 2. – С. 3–20.

Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 3–19.

Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 гг. в новейших исследованиях историков // Отечественная история. – 2000. – № 6. – С. 115–124.

Вопросы экономики МТС. Сб. статей / Ред. колл.: П.Н. Паршин и др. – М.: Сельхозгиз, 1955. – 254 с.

Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя, 1945–1958. – М.: Мысль, 1976. – 263 с.

Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя, 1936–1937. – М.: Наука, 1978. – 263 с.

Вылцан М.А. Историческая роль МТС в создании и развитии колхозного строя // История СССР. – 1978. – № 2. – С. 67–79.

Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны. 1941–1945. Пиррова победа. – М.: МО РНФ, 1995. – 79 с.

Вылцан М.А. Сталинский продуктообмен и товарное производство «особого рода» в 1930-е годы // Экономическая история России в XIX — XX вв.: Современный взгляд / Отв. ред. В.А. Виноградов. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 122–131.

Гальперин И., Ларионов А., Фраер С. МТС за работой. – Л., б.и., 1934. – 60 с.

Глотов И. О материальной заинтересованности колхозов, колхозников и работников МТС. – М.: Госполитиздат, 1954. – 88 с.

Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. – М.: МПГУ, 2002. – 158 с.

Горшков М.П. и др. Организация работы в тракторной бригаде МТС. – Воронеж: Воронеж. обл. книжн. изд-во, 1938. –180 с.

Горшков М. Решающая сила в развитии колхозного производства // Экономика сельского хозяйства. – 1957. – № 8. – С. 90–99.

Губенко М.П. К экономической характеристике районов РСФСР, освобожденных от фашистской оккупации в 1943 г. // История СССР. – 1962. – № 1. – С. 114–121.

Губенко М.П., Ольшевская Г.К. Некоторые проблемы развития сельского хозяйства РСФСР в годы семилетки // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). Сб. статей / Отв. ред. И.М. Волков. – М.: Наука, 1972. – С. 331–354.

Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 304 с.

Данилов В.П., Зеленин И.Е. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. – 2004. – № 5. – С. 97–112.

Денисов Ю.П. Аграрная политика Н. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. – 1996. – № 1. – С. 115–122.

Димони Т.М. Политика экономической модернизации сельского хозяйства России в 1930-е – первой половине 1960-е годы // Государственная аграрная политика в России XX века в контексте модернизационного процесса. – Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2006. – С. 39–77.

Долгов В.С. Общественное хозяйство колхозов к концу восстановительного периода // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Наука, 1975. – С. 171–178.

Долгов В.С. Колхозный строй в 50-е годы // Исторические записки. – Т. 111. – М.: Наука, 1984. – С. 4–65.

Донгарова Т.С. Чрезвычайные органы партии: (о политотделах МТС). – М.: Политиздат, 1976. – 110 с.

Дорошенко П.Е. Подъем сельского хозяйства после сентябрьского пленума ЦК КПСС // Вопросы истории КПСС. – 1957. – № 3. – С. 66–83.

Дроздов В.В. Экономические реформы в СССР (1953–1985). Взгляды зарубежных исследователей. – М.: ТЕИС, 1988. – 137.

Дубоносов Д.И. Деятельность Коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1946–1950 гг.). – Ростов-н/Д, б.и., 1970. – 154 с.

Дубров Б.И. Повесть о первой МТС. – Одесса: Изд-во «Маяк», 1978. – 176 с.

Евтеев А.И. Мероприятия партии по производственно-техническому обслуживанию колхозов (1953–1958 гг.). – Рязань, б.и., 1959. – 73 с.

Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941–1950. – М.: Наука, 1969. – 344 с.

Зеленин И.Е. Политотделы МТС (1933–1934 гг.) // Исторические записки. – Т. 76. – М.: Наука, 1965. – С. 42–61.

Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни (1946–1958 гг.). – М.: Наука, 1978. – 246 с.

Зеленин И.Е. Политотделы МТС — продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 42–61.

Зеленин И.Е. Революция «сверху»: завершение и трагические последствия: К истории коллективизации // Вопросы истории. – 1994. – № 10. – С. 28–42.

Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» // Вопросы истории. – 1996. – № 7. – С. 14–31.

Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 76–93.

Зеленин И.Е. Аграрная политики и сельское хозяйство в СССР после «революции сверху» (1930-е годы) // Экономическая история России в XIX — XX вв.: Современный взгляд / Отв. ред. В.А. Виноградов. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 105–121.

Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. – М.: Ин-т истории РАН, 2001. – 305 с.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: Политика, осуществление, результаты. – М.: Наука, 2006. – 315 с.

Зима В.Ф. Второе раскулачивание // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 109–125.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. – М.: Ин-т истории РАН, 1996. – 256 с.

Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945–1964 гг. – М.: Издательский центр «Россия молодая», 1993. – 199 с.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 2000. – 229 с.

Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Изд-во РГГУ,1996. – С. 416–435.

Игнатовский П.А. Социально-экономические изменения в советской деревне. – М.: Наука, 1966. – 391 с.

Игнатовский П.А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. – М.: Наука, 1971. – 287 с.

Историография крестьянства Центрального Черноземья (1917–1980 гг.) / Под ред. А.В. Лосева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 181 с.

История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. – Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1959 гг.). – Кн. I. (1938–1945 гг.). – М.: Политиздат, 1970. – 723 с.; Кн. II. (1945–1959 гг.). – М.: Политиздат, 1980. – 691 с.

История России XX — начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. – М.: Эксмо, 2006. – 960 с.

История России / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. – 672 с.

История советского крестьянства. В 5 т. – Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. – М.: Наука, 1986. – 448 с.

История советского крестьянства. В 5 т. – Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945) / Отв. ред. М.А. Вылцан. – М.: Наука, 1987. – 447 с.

История советского крестьянства. В 5 т. – Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / Отв. ред. И.М. Волков. – М.: Наука, 1988. – 395 с.

История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 448 с.

История советского рабочего класса в 6 т. – Т. 4. Рабочий класс в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960 гг. / Отв. ред. В.Б. Тельпуховский. – М.: Наука, 1987. – 520 с.

История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. XI. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945–1961 гг. / Отв. ред. И.Б. Берхин. – М.: Наука, 1971. – 653 с.

История социалистической экономики СССР. В 7 т. – Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 — начало 1960-х годов. – М.: Наука, 1980. – 589 с.

Yanov A. In the grip of the adversarial paradigm: the case of Nikita Sergeevich Khrushchev in retrospect // Reform in Russia and the U. S. S.R. Past and prospects / Ed. by R.O. Crummey. – Urbana, Chicago, 1989. – P. 156–181.

Карпенко Ю.М. Фашистский оккупационный режим и его крах: По материалам Воронежской, Курской, Орловской областей // Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. – Ярославль, б.и., 1976. –С. 96–106.

Карташов Р.Н. Развитие сельского хозяйства после сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953 г.) // Вопросы истории. – 1957. – № 11. – С. 48–61.

Каторгин Н.И. Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенные годы (1946–1953 гг.). – М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. – 96 с.

Кикин Б. Вопросы управления МТС. – М.: Сельхозгиз, 1948. – 96 с.

Климов П.И. Колхозная деревня после сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953–1958 гг.) // История СССР. – 1959. – № 2. – С. 34–53.

Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М., б.и., 2000. – 207 с.

Коркоценко Д.И., Куликов В.И. Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства (1946–1958 гг.). – М.: Высшая школа, 1974. – 135 с.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1990. – 223 с.

Корнилов Г.Е. Аграрное развитие Урала в условиях сталинской трансформации (1935–1953) // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках. Сб. статей / Ред. кол.: С.А. Есиков [и др.]; гл. ред. Г.Е. Корнилов. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – С. 238–251.

Корнилов Г.Е. Аграрная модернизации России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 2(19). – С. 4–14.

Кошкин В.Н. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за повышение организующей роли МТС в развитии колхозного производства (1946–1955). – М.: Знание, 1956. – 48 с.

КПСС — организатор борьбы за крутой подъем сельского хозяйства. Сб. статей. – М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. – 360 с.

Краев М.Э. Победа колхозного строя в СССР. – М.: Госполитиздат, 1954. – 720 с.

Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / Ред. кол.: Анисков В.Т. (отв. ред.) и др. – Новосибирск: Наука, 1985. – 287 с.

Криводед В.В. КПСС и колхозное крестьянство в 1945–1959 гг. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1984. – 192 с.

Khrushchev and khrushchevism / Ed. by M. McCauley. – London; Basingstoke: Macmillan press: L.: School of Slavonic a. East Europ. studies, 1987. – 243 p.

Курская область. Экономико-географический очерк. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1966. – 480 с.

Кучумов П.С. Машинно-тракторные станции — индустриальная материально-техническая база колхозного строя. – М.: ВПШ, 1954. – 44 с.

Лактионов И.Д. КПСС в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период (1945–1953 гг.). – Челябинск: Челябинский рабочий, 1962. – 52 с.

Ларионов А., Фраер С. МТС — основной рычаг укрепления колхозов. – Л.: Обл. изд-во, 1933. – 96 с.

Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. – Пермь: ЗУУНЦ, 1993. – 181 с.

Ленинская программа социалистического преобразования сельского хозяйства и современность / Под ред. А.В. Лосева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – 492 с.

Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы: История и уроки. – М.: Наука, 2004. – 134 с.

Levin M. Russian Peasants and Soviet Power. – L., 1968. – 423 p.

Лосев А.В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1965. – 336 с.

Магомедов А.К., Полищук В.Д. Диалог об актуальном. Анализ западных концепций советской аграрной политики в 50-е годы / Под ред. В.Б. Островского. – Саратов, 1992. – 79 с.

McCauley M. Khrushchev and the development of Soviet agriculture. The virgin land programme 1953–1964. – London; Basingstoke: Macmillan press, 1976. – 232 p.

Макколей М. Хрущев и его политика. Какие выводы можно сделать из хрущевской эпохи (1953–1964 гг.)? // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – С. 548–551.

Мамяченков В.Н. Роковые годы: Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960). – Екатеринбург: Изд-во Гум. ун-та; Изд-во Уральск. ун-та, 2002. – 312 с.

Мещерина М.К. Подготовка и повышение квалификации рабочих МТС в послевоенный период // Записки Воронеж. с.-х. ин-та. Т. XXVII. Вып. 3. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1958. – С. 29–40.

Millar J.R. Post-Stalin agriculture and its future // The Soviet Union since Stalin / Ed. by S.F. Cohen et al. – Bloomington, 1980. – P. 123–141.

Millar J.R. The ABCs of Soviet socialism. – Urbana etc.: Univ. of Illinois press, Cop. 1981. – 215 p.

Miller R.F. One hundred thousand tractors. The MTS and the development of controls in Soviet agriculture. – Cambridge (Mass), Harvard univ. press, 1970. – 423 p.

Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. Москва. 14–15 июня 1994 г. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 40–56.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – 2-е изд., доп. – М.: РОССПЭН, 2006. – 568 с.

Милосердов В.В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. – М.: Агропромиздат, 1990. – 296 с.

Милосердов В.В. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее. – М., б.и., 1998. – 260 с.

Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика в России. XX век. – М., б.и., 2002. – 544 с.

Милохин Д.В., Сметанин А.Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы. 1946–1958: Социально-экономические аспекты развития. – М.: Наука, 2005. – 292 с.

Митяева О.И. Коммунистическая партия – организатор культурного преобразования деревни в годы социалистической реконструкции сельского хозяйства (1927–1937 гг.). – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 340 с.

Морозов В.О. Из истории развития сельского хозяйства РСФСР (1953–1958 гг.) // История СССР. – 1961. – № 4. – С. 29–54.

Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 196 с.

Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 255–272.

Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР (1929–1932 гг.). – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 231 с.

МТС в борьбе за подъем колхозного производства. Сб. статей. – М.: Сельхозгиз, 1954. — 324 с.

Наухацкий В.В. Политотделы МТС: проблемы историографии и методологии // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23–26 сентября 2008 г. – М., б.и., 2008. – С. 163–165.

Негодяев Н.Е. Деятельность КПСС по укреплению сельского хозяйства руководящими кадрами в 1953–1958 гг. (Из опыта работы партийных организаций Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей). – Тамбов: «Тамбовская правда», 1966. – 39 с.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). – М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. – 574 с.

Никулихин Я. Индустриализация сельского хозяйства // Тр. Первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. – Т. 2. – Ч. 1. – М., б.и., 1930. – С. 247–291.

Никулихин Я. К вопросу о соединении промышленности с сельским хозяйством // Большевик. – 1930. – № 6. – С. 30–46.

Никулихин Я. Индустриализация сельского хозяйства в СССР. – М., Л., б.и., 1931. – 472 с.

Никулихин Я. О системе машин в социалистическом земледелии // На аграрном фронте. – 1932. – № 2. – С. 60–73.

Nove A. An economic history of the USSR. – London: Penguin press (Lane), 1969. – 416 p.

Nove A. The Soviet Economic System. – London: George Allen and Unwin, 1977. – 399 p.

Ольшевская Г.К. К истории реорганизации МТС // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Наука, 1975. – С. 186–191.

Опыт работы МТС. – М.: Сельхозгиз, 1946. – 228 с.

Опыт российских модернизаций: XVIII — XX века: / Отв. ред. академик РАН В.В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 244 с.

Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР, конец 30-х — начало 60-х годов. В 2 т. / Под общ. ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. Защита завоеваний социализма (конец 1930-х — 1950 гг.) / Отв. ред. С.С. Хессин, В.А. Шестаков. – 285 с.; Т. 2. К развитому социализму (1951 – начало 1960-х годов) / Отв. ред. Г.Б. Куликова, Ю.П. Шарапов. – 262 с.

Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. – 329 с.

Островский В.Б. Новый этап в развитии колхозного строя. – М.: Госполитиздат, 1977. – 271 с.

Очерки истории Белгородской организации КПСС. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1983. – 423 с.

Очерки истории Воронежской области. В 2 т. – Т. 2. Эпоха социализма / Под ред. Е.Г. Шуляковского. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. – 677 с.

Очерки истории Воронежской организации КПСС / Отв. ред. А.В. Лосев. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1979. – 632 с.

Очерки истории комсомольских организаций Центрального Черноземья / Под ред. В.И. Логунова. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1978. – 238 с.

Очерки истории Курской организации КПСС. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1980. – 414 с.

Очерки истории Липецкой организации КПСС. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1982. – 454 с.

Очерки истории Орловской партийной организации. – Тула: Приокск. кн. изд-во, 1967. – 340 с.

Очерки истории Тамбовской организации КПСС. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1984. – 410 с.

Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за социалистическое преобразование и развитие сельского хозяйства (1917–1977 гг.). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 312 с.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти (1945–1991). – Новосибирск: Изд-во Сибирский хронограф, 2000. – 681 с.

Полякова Е.М. Восстановление и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Курской области в 1943–1958 гг. // Развитие советского села в период строительства коммунизма. Материалы вузов Центрально-Черноземной зоны. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. – С. 222–225.

Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953) / Под общ. ред. А.И. Солженицына. – Париж, 1992. – 298 с.

Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. – 1995. – № 8. – С. 3–14. № 9. – С. 3–13.

Попов В.П. Государство и заготовительно-распределительная система зерновой продукции в советском обществе 40-х годов // Власть и общество России. XX век: Сб. научных трудов. – М.–Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 1999. – С. 295–312.

Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 40-е гг. // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 49–66.

Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. – М., Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2000. – 222 с.

Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 61–76.

Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Наука, 1975. – 508 с.

Проблемы истории советского крестьянства / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Наука, 1981. – 349 с.

Проблемы социально-экономического развития советской деревни / Отв. ред. П.А. Колесников. – Вологда, б.и., 1975. – 179 с.

Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». – М.: ОЛМА-ПРСС, 2002. – 511 с.

Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.) / Отв. ред. *И.М. Волков.* – М.: Наука, 1972. – 384 с.

Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / Под ред. И.А. Гладкова. – М.: Наука, 1965. – 600 с.

Растяпин В.М. Реорганизация МТС Тамбовской области // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. / Отв. ред. М.П. Ким. – М.: Наука, 1975. – С. 317–322.

Резванов В.М. Партийная работа на селе (1945–1959 гг.). – М.: Мысль, 1986. – 171 с.

Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. – Cambridge. Mass., 1960. – 460 p.

Руденко Л.В. Социально-демографические процессы в деревне: 1946–1951 гг. (по материалам Ярославской области). – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 175 с.

Русинов И.Б. Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 9. – С. 35–49.

Сельское хозяйство России. 1917–1967 / Под ред. Л.Я. Флорентьева. – М.: Россельхозиздат, 1967. – 230 с.

Сельское хозяйство СССР. Сб. статей / Ред. Оболенский К.П., Коваль Т.А. – М.: Сельхозгиз, 1958. – 584 с.

Сельское хозяйство СССР. Сб. статей / Гл. ред. В.Д. Панников. – М.: Колос, 1967. – 339 с.

Симуш П.И. Социальный портрет советского крестьянства. – М.: Политиздат, 1976. – 319 с.

Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы. – М.: ЗАО «Изд-во Экономика», 2006. – 683 с.

Система ведения сельского хозяйства в Центрально-Черноземной зоне / П.Г. Адерихин, Н.Н. Бельских, Д.Г. Гомозов и др. – Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1976. – 438 с.

Сланов И.А. Крестьянство Северной Осетии в первое послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.). – Владикавказ: Проект–пресс, 1997. – 234 с.

Smith G.A.E. Agriculture // Khrushchev and khrushchevism / Ed. by M. McCauley. – London; Basingstoke: Macmillan press: L.: School of Slavonic a. East Europ. studies, 1987. – P. 92–117.

Советская деревня в первые послевоенные годы, 1946–1950 гг. / Отв. ред. И.М. Волков. – М.: Наука, 1978. – 511 с.

Советское крестьянство. 1917–1970: Краткий очерк истории / Под ред. В.П. Данилова. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1973. – 592 с.

Сойфер В.Н. Власть и наука. (Разгром коммунистами генетики в СССР). – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: ЧеРО, 2002. – 1021 с.

Социально-экономические преобразования в воронежской деревне (1917–1967) / Отв. ред. А.В. Лосев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. – 346 с.

Степанов А.И. Реализация аграрной политики КПСС. – М.: Мысль, 1984. –176 с.

Schwartz H. The Soviet Economy Since Stalin. – Philadelphia: J.B. Lippincot Co, 1965.

Таубман У. Хрущев. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 850 с.

Тимашова М.Ф. Шишовская машинно-тракторная станция. – Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1954. – 52 с.

Тишков И.А. Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие социалистического народного хозяйства в послевоенный период, 1945–1953. – М.: Высшая школа, 1960. – 132 с.

Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. – 220 с.

Толмачева Р.П. Колхозы Урала в 50-е годы. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. – 200 с.

Томилин В.Н. Взаимоотношения колхозов и МТС Центрально Черноземья (1946–1957 гг.) // Всхи минувшего. Ученые записки ист. ф-та ЛГПУ. – Вып. 3. – Липецк: ЛГПУ, 2003. – С. 141–155.

Томилин В.Н. МТС в аграрной политикс Н.С. Хрущева (1553–1958 гг.) // Аграрное развитие и продовольственная бсзопасность России в XVIII — XX вскаx. Сб. статей / Рсд. кол.: С.А. Есиков [и др.]; гл. рсд. Г.Е. Корнилов. – Орснбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – С. 364–370.

Томилин В.Н. Машинно-тракторные станции и колхозы Центрального Черноземья в 1946–1958 годах: нсравноправнос партнсрство // Отсчсствснная история. – 2006. – № 5. – С. 103–108.

Томилин В.Н. МТС в истории сельского хозяйства страны // Прсподавание истории в школс. – 2006. – № 8. – С. 19–26.

Томилин В.Н. МТС и создание колхозного строя в СССР (конец 20-х — 30-с гг. XX в.) // Всхи минувшего. Ученые записки историчсского факультста ЛГПУ. – Вып. 4. – Липецк: ЛГПУ, 2007. – С. 119–135.

Томилин В.Н. Мсханизаторы МТС Центрального Черноземья в 1946–1957 гг. // Вопросы истории. – 2008. – № 3. – С. 153–158.

Томилин В.Н. «...В шляпс, с галстучком, в костюмчикс» («Случайные люди» в хрущсвской дсрсвнс) // Родина. – 2008. – № 4. – С. 106–109.

Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2 т. – Изд. 3-е, доп. – М.: Мысль, 1983. – Т. 1. Ленинскис аграрные программы в трех русских рсволюциях. – 653 с.; Т. 2. Историчсский опыт КПСС в осущсствлснии лснинского кооперативного плана. – 591 с.

Трофимов Н.П. Оплата труда в машинно-тракторных станциях. Справочник для работников машинно-тракторных станций. – М.: Ссльхозгиз, 1954. – 118 с.

Тюрина А.П. Формирование кадров спсциалистов и организаторов колхозного производства (1946–1958 гг.). – М.: Наука, 1973. – 310 с.

Тюрина А.П. К вопросу о прсобразовании колхозов в совхозы // История СССР. – 1983. – № 5. – С. 3–21.

Утенков А.Я. Борьба КПСС за восстановлснис народного хозяйства и дальнсйшсс развитие социалистичсского общсства (1946–1955 гг.). – М.: Высшая школа, 1974. – 216 с.

Фицпатрик Ш. Сталинскис крсстьянс. Социальная история советской России в 30-с годы: дсрсвня: [пср. с англ.]. – М.: Росспэн, 2001. – 422 с.

Фраер С.В. Организация работы МТС в колхозах. – М.: Ссльхозгиз, 1952. – 431 с.

Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства послс окончания Великой Отсчсственной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). – Орснбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – 608 с.

Челинцев А. Рсгиональность как цснтральный вопрос России // Всликий нсзнакомсц. Крсстьянс и фермеры в совремснном мирс. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 168–171.

Чинчиков А.М. Историография трудового подвига совстского крсстьянства (1941–1976 годы). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – 177 с.

Чистяков В.Б. Производственные кадры сельского хозяйства Российской Фсдсрации, 1945–1965. – М.: МГИУ, 2000. – 200 с.

Шанин Т. Чстырс модсли развития сельского хозяйства // Всликий нсзнакомсц. Крсстьянс и фермеры в совремснном мирс. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин. – М.: Издатсльская группа «Прогрссс» – «Прогрссс–Академия», 1992. – С. 420–427.

Schapiro L. Thc Communist Party of Sovict Union. – N. Y., 1960. – 340 p.

Шарова В.Н. Колхозы РСФСР в 1953–1958 гг. // Исторические записки. – Т. 110. – М.: Наука, 1984. – С. 295–311.

Шестаков В.А. Политика *Н.С.* Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. – 2006. – № 6. – С. 106–119.

Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX в. – М.: Наука, 2000. – 255 с.

Шрабштейн Г. Машинно-тракторные станции в послевоенный период // МТС. – 1947. – № 11. – С. 15–19.

Экономика социалистических сельскохозяйственных предприятий. – М.: Сельхозгиз, 1956. – 383 с.

Юров А.Т. КПСС в борьбе за развитие материально-технической базы сельского хозяйства (50-е годы). – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1982. – 168 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Основные средства МТС Центрального Черноземья на 01.01.1947 г. по полной балансовой стоимости (тыс. руб.)*

	Область				Всего
	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская	
I. Производственного назначения	158120	119267	41523	85361	404271
в том числе:					
1. Здания и сооружения	20655	20946	6144	10591	58336
2. Оборудование	6674	5634	1835	4329	18472
3. Тракторы	68259	54091	18836	34142	175328
4. Комбайны	22361	7336	4049	15712	49458
5. Двигатели и с/х машины	27505	17838	5956	13055	64354
6. Транспортные механизмы	5930	5642	2760	3493	17825
7. Транспорт гужевой	792	689	257	834	2572
8. Рабочий и продуктивный скот	593	713	281	283	1870
9. Прочие средства	5351	6378	1405	2922	16056
II. Жилищного и культурно-бытового назначения	6875	7127	1785	3157	18944
Всего	164995	126394	43308	88518	423215
Приходится основных средств на 1 МТС (тыс. руб.)	1000,0	761,4	481,2	1017,4	833,1

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 14. Ед. хр. 47. Л. 99. Ед. хр. 48. Л. 58. Ед. хр. 150. Л. 137. Ед. хр. 255. Л. 113.

Приложение 2

Наличие сельскохозяйственных машин и прицепного инвентаря в МТС Центрального Черноземья на 01.01.1947 г.*

Наименование техники	Область				Всего
	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская	
Тракторы колесные	8420	4094	2804	3551	18869
Их мощность на крюке (л. с.)	114038	55530	40790	48840	259198
Не работало колесных тракторов в 1946 г.	557	200	76	141	974
Тракторы гусеничные	1625	1852	335	1097	4909
Их мощность на крюке (л. с.)	63941	64772	11386	39277	179376
Не работало гусеничных тракторов в 1946 г.	101	107	8	83	299
Комбайны зерновые всех типов	2508	584	367	1932	5391
Не работало комбайнов в 1946 г.	490	63	нет св.	500	1063
Грузовые автомобили	615	619	265	265	1764
Не работало г/а в 1946 г.	381	388	174	205	1148
Плуги тракторные	6434	4504	2366	3086	16390
Лущильники тракторные	2830	1276	634	1119	5859
Сеялки зерновые	2828	1226	814	1449	6317
Культиваторы	5650	3278	831	2474	12234
Молотилки зерновые сложные	1718	1231	483	755	4187

* Таблица составлена по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г. Данные по культиваторам и сложным зерновым молотилкам приведены по состоянию на 1 января 1948 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 14. Ед. хр. 47. Л. 95 об., 96 об., 99. Ед. хр. 48. Л. 55 об., 56 об., 58. Ед. хр. 150. Л. 137, 140 об., 141 об. Ед. хр. 255. Л. 108 об., 110 об., 113. Оп. 15. Ед. хр. 21. Л. 182, 184.

Приложение 3

Наличие сельскохозяйственной техники и инвентаря в Центральном Черноземье в расчете на одну МТС (на 01.01.1947 г.)*

	Область				ЦЧР
	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская	
Тракторы всех типов	61	36	35	53	47
Их мощность на крюке (л. с.)	1079	725	580	1013	863
Комбайны зерноуборочные	15	4	4	21	11
Автомобили грузовые	4	4	3	3	4
Плуги тракторные	39	27	26	35	32
Сеялки тракторные	17	7	9	17	12
Лущильники тракторные	17	8	7	13	12
Культиваторы тракторные	37	20	9	28	24
Молотилки сложные зерновые	10	7	5	9	8

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г. Данные по обеспеченности культиваторами и сложными зерновыми молотилками приведены по состоянию на 1 января 1948 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 14. Ед. хр. 47. Л. 95 об., 96 об., 101 об., 107. Ед. хр. 48. Л. 55 об., 56 об., 60 об., 65. Ед. хр. 150. Л. 131, 135 об., 140 об., 141 об. Ед. хр. 255. Л. 108 об., 110 об., 115 об., 120. Оп. 15. Ед. хр. 21. Л. 182, 184.

Приложение 4

Основные средства (основной капитал) МТС Центрального Черноземья на 01.01.1951 г. по полной балансовой стоимости (тыс. руб.)*

	Область				Всего
	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская	
I. Производственного назначения	433158	427375	216342	258640	1335515
в том числе:					
1. Здания и сооружения	41718	35454	18540	27218	122930
2. Оборудование	26719	27711	9449	13317	77196
3. Тракторы	144785	154687	87760	88563	475795
4. Комбайны	73833	70994	31349	47236	223412
5. Двигатели и с/х машины	100459	102396	48421	56929	308205
6. Транспортные механизмы	34794	26517	16053	19088	96452
7. Транспорт гужевой	824	635	357	642	2458
8. Рабоч. и продуктивн. скот	728	870	762	637	2997
9. Прочие средства	9298	8111	3651	5014	26074
II. Жилищного и культурно-бытового назначения	10995	10854	4112	6758	32719
Всего	444153	438229	220454	265398	1368234

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 311. Л. 19. Ед. хр. 314. Л. 19. Ед. хр. 373. Л. 153. Ед. хр. 347. Л. 17.

Приложение 5

Динамика структуры основных средств производственного назначения МТС Центрального Черноземья в 1946–1950 гг.*

	На 01.01.1947 г.	**На 01.01.1951 г.**	**Изменения (в пунктах)**
1. Здания и сооружения	14,4 %	9,2 %	–5,2
2. Оборудование	4,6 %	5,8 %	+1,2
3. Тракторы	43,4 %	35,6 %	–7,8
4. Комбайны	12,2 %	16,7 %	+4,3
5. Двигатели и с/х машины	15,9 %	23,1 %	+7,2
6. Транспортные механизмы	4,4 %	7,2 %	+2,8
7. Транспорт гужевой	0,6 %	0,2 %	–0,4
8. Рабочий и продуктивный скот	0,5 %	0,2 %	–0,3
9. Прочие средства	4,0 %	2,0 %	–2,0
Всего	100 %	100 %	–

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946, 1950 гг. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 14. Ед. хр. 47. Л. 99. Ед. хр. 48. Л. 58. Ед. хр. 150. Л. 137. Ед. хр. 255. Л. 113. Оп. 15. Ед. хр. 311. Л. 19. Ед. хр. 314. Л. 19. Ед. хр. 373. Л. 153. Ед. хр. 347. Л. 17.

Приложение 6

Наличие сельскохозяйственных машин и прицепного инвентаря в МТС Центрального Черноземья на 01.01.1951 г.*

Наименование техники	Область				Всего
	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская	
Тракторы колесные	8215	4861	2874	3813	19763
Их мощность на крюке (л. с.)	110590	61932	40853	50079	263454
Тракторы гусеничные	3757	4686	2307	2 791	13541
Их мощность на крюке (л. с.)	138319	166848	79813	101094	486074
Комбайны зерновые	3853	2448	1144	2507	9952
Грузовые автомобили	876	1028	578	494	2976
Плуги тракторные	9651	7395	4174	5629	26849
Лущильники тракторные	5636	3492	1973	2701	13802
Сеялки тракторные зерновые	5590	5162	2597	3173	16522
Сеялки свекловичные	755	741	67	221	1784
Культиваторы тракторные	6895	6748	2015	3622	19280
Свеклокомбайны	310	356	28	253	947
Свеклоподъемники	778	1557	57	265	2657
Молотилки зерновые сложные	2339	2389	1103	1096	6927

* Таблица составлена по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 311 Л. 23–23 об., 27 об.–28. Ед. хр. 314. Л. 25–25 об., 29 об. – 30. Ед. хр. 347. Л. 157–157 об., 159 об. – 160. Ед. хр. 373. Л. 21–21 об., 23 об. – 25.

Приложение 7

Наличие сельскохозяйственных машин и прицепного инвентаря в расчете на одну машинно-тракторную и специализированную станцию Центрального Черноземья (на 01.01.1951 г)*

	Область				По ЦЧР
	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская	
Тракторов всех типов	69	55	49	69	61
Их мощность на крюке (л. с.)	1439	1307	1149	1575	1365
Комбайнов зерновых**	23	15	12	29	19
Грузовых автомобилей	5	6	6	5	5
Плугов тракторных	56	42	40	59	49
Лущильников тракторных	33	20	19	28	25
Сеялок тракторных зерновых**	34	31	27	36	32
Сеялок свекловичных**	5	5	1	3	4
Культиваторов тракторных	40	39	19	38	35
Свеклокомбайнов**	2	2	0,3	3	2
Свеклоподъемников**	5	9	1	3	5
Молотилок зерновых сложных**	14	14	12	13	12

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 311 Л. 2, 23–23 об., 27 об.–28. Ед. хр. 314. Л. 1–1 об., 25–25 об., 29 об.–30. Ед. хр. 347. Л. 1–1 об., 21–21 об., 23 об.–25. Ед. хр. 373. Л. 137–138, 157–160.

**Расчет зерновых комбайнов, сеялок тракторных зерновых и свекловичных, свеклокомбайнов и свеклоподъемников, сложных зерновых молотилок произведен без учета лесозащитных станций. На 1 января 1951 г. в Центральном Черноземье насчитывалось 34 ЛЗС.

Приложение 8

Основные показатели МТС Центрального Черноземья в 1957 г. (на 01.01.1958 г.)*

	Область						Всего
	Белгородская	Воронежская	Курская	Липецкая	Орловская	Тамбовская	
Количество МТС	75	132	95	72	70	96	540
Основные средства(тыс. руб.)	522552	842792	675064	509955	535780	647670	3733813
Основных средств на1 МТС(тыс. руб.)	6967	6385	7106	7083	7654	6747	6915
Ремонтные мастерские, в том числе типовые	8150	13274	10457	8149	7851	10181	577362
Автогаражи	25	54	19	21	28	33	180
Сараи, навесы, гаражи для: а) тракторов б) с/х машин в) комбайнов	303014	634237	322012	323215	283122	503924	235194124
Жилые дома, в т. ч. общежития	54454	96075	57967	50655	52858	74983	3866392
Число лиц, проживающих в домах и общежитиях	4091	7174	5108	3880	4505	5982	30740
Клубы	18	29	15	15	8	18	103
Бани	16	42	14	12	18	28	130
Радиостанции	994	1924	1164	1075	1254	1442	7853

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей за 1957 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 1295. Л. 96, 112, 186, 203. Ед. хр. 1297. Л. 19, 35, 63, 71, 237, 253. Ед. хр. 1298. Л. 225, 241.

Приложение 9

Основные средства (основной капитал) МТС Центрального Черноземья на 01.01.1958 г. по полной балансовой стоимости (тыс. руб.)*

	Область						Всего
	Белгородская	Воронежская	Курская	Липецкая	Орловская	Тамбовская	
I. Производственного назначения	498653	795296	641809	482289	497422	601096	3516565
в том числе:	58851	105283	78014	56109	62117	94957	455 331
1. Здания и сооружения							
2. Оборудование и силовые установки	26771	47401	33298	24821	28307	34 332	194930
3. Тракторы	117255	176624	150888	112548	110032	129663	797010
4. Комбайны	107118	159255	142671	118895	117240	130936	776115
5. Машины и инвентарь по растениеводству	140981	216243	183172	125530	133476	152415	951817
6. Машины и оборудование по животноводству	4212	7679	3976	4640	4713	2156	27376
6. Транспорт	25517	49222	28380	25058	25339	34933	188449
7. Рабочий скот	824	1569	1239	893	1366	1530	7421
8. Прочие средства	18124	32015	20171	13825	14832	20174	119141
II. Жилищного и культурно-бытового назначения	21151	41663	28731	26683	32266	42766	193260
III. Прочие средства	2748	5833	4524	3983	6092	3808	26988
Всего	522552	842792	675064	509955	535780	647670	3733813

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей за 1957 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 1295. Л. 104 об., 194 об. Ед. хр. 1297. Л. 27 об., 63 об., 245 об. Ед. хр. 1298. Л. 233 об.

Приложение 10

Динамика структуры основных средств (основного капитала) производственного назначения МТС Центрального Черноземья в 1951–1957 гг.*

	На 01.01.1951 г.	На 01.01.1958 г.	Изменения (в пунктах)
1. Здания и сооружения	9,2 %	12,9 %	+3,7
2. Оборудование	5,8 %	6,2 %	+0,4
3. Тракторы	35,6 %	22,7 %	–12,9
4. Комбайны	16,7 %	22,1 %	+5,4
5. Двигатели и с/х машины	23,1 %	27,1 %	+4,0
6. Транспортные механизмы	7,2 %	5,4 %	–1,8
7. Транспорт гужевой	0,2 %	нет сведений	–
8. Рабочий и продуктивный скот	0,2 %	0,2 %	0
9. Прочие средства	2,0 %	3,4 %	+1,4
Всего	100 %	100 %	–

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 и 1957 гг., а также Белгородской и Липецкой областей за 1957 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 311. Л. 19. Ед. хр. 314. Л. 19. Ед. хр. 373. Л. 153. Ед. хр. 347. Л. 17. Ед. хр. 1295. Л. 104 об., 194 об. Ед. хр. 1297. Л. 27 об., 63 об., 245 об. Ед. хр. 1298. Л. 233 об.

Приложение 11

Сельскохозяйственная техника, поступившая
в МТС Липецкой области в 1955 г.*

Название машин	Минимальная потребность (заявка)	Выделено техники	
		Единиц	В процентах
Тракторы «ДТ–54»	300	75	25
Тракторы «КДП–35»	400	–	–
Тракторы «Беларусь»	100	200	200
Тракторы «Универсал – 2»	300	100	33
Тракторы «ХТЗ–7»	150	–	–
Комбайны зерноуборочные	400	150	38
Культиваторы пропашные	800	580	73
Сеялки зерновые	400	–	–
Сеялки свекловичные	200	50	25
Картофелесажалки «СКГ–4»	350	200	57
Сенокосилки самоходные	77	–	–
Стогометатели	300	200	67
Подборщики	400	–	–
Волокуши	500	250	50
Приспособления к комбайнам для уборки подсолнечника	300	200	67
Свеклокомбайн «СКЕМ–3»	150	10	7
Зерноочистительные машины	200	36	18
Веялки и сортировки	1000	50	5
Зерносушилки	100	20	20

* ЦДНИЛО. Ф. 34. Оп. 4. Ед. хр. 75. Л. 158–160.

Приложение 12

Численность агрономов и механиков МТС Центрального Черноземья в 1940–1946 гг.

Область	На 01.01.1941 г.		На 01.01.1947 г.			
	агрономы	механики	агрономы	в % к 1940 г.	механики	в % к 1940 г.
Воронежская	1039	824	703	68	940	114
Курская	1120	911	573	51	684	75
Орловская	639	649	272	43	331	51
Тамбовская	479	426	374	78	493	116
Всего	3277	2810	1922	59	2448	87

* Таблица составлена по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1940 и 1946 гг. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 6. Ед. хр. 206. Л. 227. Ед. хр. 209. Л. 9, 34. Оп. 14. Ед. хр. 47. Л. 101 об. Ед. хр. 48. Л. 60 об. Ед. хр. 116. Л. 30. Ед. хр. 150 об. Л. 135 об.. Ед. хр. 255. Л. 115 об.

Приложение 13

Укомплектованность МТС Воронежской области кадрами руководителей и специалистов (на 01.04.1948 г.)*

	Требуется	Имеется	Недостает	Распределение по образованию		
				Высшее	Среднее спец.	Практики
Директора МТС	165	165	–	69	79	17
Заместители директора МТС по политчасти	165	165	–	21	78	66
Старшие агрономы	165	165	–	39	126	–
Старшие механики	165	165	–	3	32	130
Заведующие МТМ	165	160	5	2	39	119
Участковые механики	1037	1012	25	–	–	1012
Участковые агрономы	1176	905	271	35	870	–
Заведующие нефтехозяйством	165	160	5	1	7	152
Главные бухгалтеры	165	165	–	3	4	158
Всего	3368	3062	306	173	1235	1654

* Таблица составлено по: ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 672. Л. 54. Ед. хр. 673. Л. 68.

Приложение 14

Распределение агрономов МТС Курской области по уровню образования (по состоянию на 01.12.1948 г.)*

	Всего	С высшим образованием	Со средним специальным образованием	С курсовой подготовкой
Старшие агрономы	162	31	129	2
Энтомологи	86	8	55	17
Участковые агрономы	687	60	587	40
Агрономы по кок-сагызу	75	3	67	5
Агролесомелиораторы	89	9	21	59
Всего	1093	111	859	123

* РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 6. Ед. хр. 209. Л. 9.

Приложение 15

Привлечение специалистов в МТС и колхозы Центрального Черноземья в сентябре 1953 г. – январе 1954 г.*

Специалисты	Воронежская область	Курская область	Орловская область	Тамбовская область	Всего
Агрономы и зоотехники	2828	2063	840	1367	7098
Инженеры и техники	271	726	376	424	1797
Всего	3099	2789	1216	1791	8895

* Таблица рассчитана по: ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 7. Ед. хр. 1789. Л. 3, 8–9, 16, 155.

Приложение 16

Распределение специалистов, направленных в МТС Орловской области в соответствии с решением сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС*

Наименованиедолжности	**Всего**	**В том числе с образованием:**	
		высшим	**средним специальным**
Директор	34	33	1
Главный инженер	89	87	2
Заведующий МТМ	86	59	27
Инженер-механик по сельскохозяйственным машинам	20	9	11
Инженер-механик-контролер	15	4	11
Старший механик по трудоемким процессам в животноводстве	51	6	45
Механик	89	3	86
Главный агроном	28	28	–
Главный зоотехник	80	36	44
Старший ветврач	72	46	26

* ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 7. Ед. хр. 1789. Л. 68.

Приложение 17

Изменение качественного состава специалистов МТС Орловской области в 1953–1955 гг.*

Наименование должности	1953 г.				1955 г.			
	Всего	Образование			Всего	Образование		
		Высшее	Среднее	Практики		Высшее	Среднее	Практики
Директор	83	13	41	29	79	56	16	7
Гл. инженер	83	13	11	59	77	65	5	7
Гл. агроном	83	31	51	1	76	57	19	–
Гл. зоотехник	69	29	39	1	76	50	26	–
Ст. ветврач	57	32	25	–	80	62	18	–
Зав. МТМ	83	1	2	80	80	36	18	26

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Ед. хр. 88. Л. 47. (В табл. не учитываются сведения по МТС, расположенным на территории районов, вошедших в 1954 г. во вновь образованную Липецкую область).

Приложение 18

Численность агрономов и зоотехников Центрального Черноземья, перешедших из МТС в колхозы в 1955 г.*

Область	Подлежит переводу	Переведено	Отсеялось
Белгородская	1033	851	47
Воронежская	1374	1222	152
Курская	1393	1102	95
Липецкая	1075	990	40
Орловская	Нет сведений	933	Нет сведений
Тамбовская	1311	1196	91
Всего	6186	6294	425

* Таблица рассчитана по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Ед. хр. 65. Л. 10, 40, 54, 97, 114, 136–137.

Приложение 19

Среднесписочная численность работников МТС Центрального Черноземья в 1946 г.*

	Область				Всего
	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская	
I. Аппарат МТС(агрономы, механики, служащие,шоферы л/а и прочие работники)	4592	3734	1882	2393	12601
II. Производственные рабочие:					
Трактористы	11093	7821	3152	5324	27390
Бригадиры тракторных бригад	1732	1472	612	1027	4843
Помощники бригадиров	1168	445	–	448	2061
Комбайнеры	695	355	229	730	2009
Весовщики при комбайнах	411	194	114	413	1432
Машинисты-весовщики молотилок	551	646	94	263	1554
Прочие работники	–	17	255	15	287
Итого	15650	10950	4456	8220	39276
III. Аппарат МТМ и прочие работники					
Механики, нормировщики, служащие	339	211	32	105	687
Ремонтные рабочие	5440	3668	1406	2484	12998
Ученики, занятые на ремонте	142	159	2	81	384
Прочие работники (шоферы г/а, работники культурно-бытовых учреждений, подсобных предприятий, строители)	1199	1289	424	499	3411
Итого	7120	5327	1864	3169	17480
Всего	27302	20013	8202	13782	69357

* Таблица составлена по годовым отчетам МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 14. Ед. хр. 47. Л. 101 об. Ед. хр. 48. Л. 60 об. Ед. хр. 150. Л. 135. Ед. хр. 255. Л. 115 об.

Приложение 20

Численность производственных рабочих МТС Воронежской области (на 01.01.1947 г.)*

	По плану	Фактически	В том числе женщин	Среднесписочная численность за 1946 г.
Трактористы	17549	13394	3637	11093
Бригадиры тракторных бригад	2238	2674	39	1732
Помощники бригадиров тракторных бригад	1891	1752	46	1168
Комбайнеры	2078	1782	345	695
Весовщики при комбайнах	2053	1276	694	411
Машинисты-весовщики на молотилках	2195	1814	418	551
Итого	28004	26692	5079	15590

* РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 101 об.

Приложение 21

Оплата труда трактористов МТС Воронежской области в 1947 г.*

Численность трактористов на 01.01.1948 г.	18183
Среднесписочная численность трактористов за 1947 г.	11585
Всего начислено трудодней	5593908
Приходится трудодней на одного среднесписочного тракториста	483
Начислено зарплаты – всего (тыс. руб.)	13985
Приходится на одного среднесписочного тракториста (руб.)	1207

* Таблица составлена по материалам сводного годового отчета МТС Воронежской области за 1947 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 29. Л. 91–91 об.

Приложение 22

Штрафы за пережог горючего, начисленные трактористам, бригадирам тракторных бригад и их помощникам в МТС Центрального Черноземья в 1947 г.*

Область	**Начислено зарплаты всего (тыс. руб.)**	**Начислено штрафов всего (тыс. руб.)**	**Штрафы в процентах к зарплате**
Воронежская	18647	5877	31,5
Курская	13132	3387	25,8
Орловская	5790	2439	42,1
Тамбовская	9095	2497	27,5
Всего	46664	14200	30,4

* РГАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 4715. Л. 130–131.

Приложение 23

Оплата труда комбайнеров МТС Воронежской области в 1948 г.*

Численность комбайнеров на 01.01.1949 г.	2036
Среднесписочная численность комбайнеров в 1948 г.	845
Начислено зарплаты – всего (тыс. руб.)	3894
Приходится зарплаты на одного среднесписочного комбайнера (руб.)	4608
Выдано зерна комбайнерам – всего (центнеров)	15111
Приходится зерна на одного среднесписочного комбайнера (кг)	1788

* Таблица составлена по материалам сводного годового отчета МТС Воронежской области за 1948 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 86. Л. 7 об., 9.

Приложение 24

Среднегодовая численность работников МТС Центрального Черноземья в 1954–1957 гг.*

	1954 г.	**1955 г.**	**1956 г.**	**1957 г.**
Постоянные производственные рабочие	91171	97909	107656	112989
в том числе было занято:				
а) на тракторных и других механизированных работах в колхозах	59530	62519	65193	65824
б) в МТМ при МТС	29019	29955	31480	29987
в) на строительстве, механизации работ в колхозах на животноводческих фермах	2622	5435	10983	17178
Сезонные производственные рабочие	42070	45464	42331	34909
Шоферы	6284	6900	6615	7337
Инженерно-технические работники	21797	19312	11490	11644
Служащие	7462	6257	6602	6876
Младший обслуживающий персонал и прочие работники	6189	6217	6429	6869
Всего	174973	182059	181123	180624

* Таблица составлена по материалам годовых отчетов МТС Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей за 1954–1957 гг. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 1204. Л. 7, 25, 135, 153, 171, 244. Ед. хр. 1241. Л. 7, 25, 98, 151, 169, 241. Ед. хр. 1275. Л. 7 об., 25 об., 115 об., 150 об., 168 об., 243 об. Ед. хр. 1295. Л. 25 об., 61 об., 102 об., 192 об., 231 об., 243 об.

Приложение 25

Оплата труда механизаторов МТС Воронежской области в 1954–1957 гг.*

	1954 г.		1955 г.		1956 г.		1957 г.	
	Денег (руб.)	Зерна (ц)	Денег (руб.)	Зерна (ц)	Денег (руб.)	Зерна (ц)	Денег (руб.)	Зерна (ц)
Тракторист	3108	12,593	5757	21,491	5516	13,100	5018	17,651
Бригадир тракторной бригады	5287	22,126	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	8244	27,957
Комбайнер	3098	14,716	5013	25,145	3816	16,449	3579	19,770
Учетчик-заправщик	1970	15,10	Нет св.	Нет св.	4609	18,150	2887	20,345

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской области за 1954–1957 гг. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 1204. Л. 25–25 об. Ед. хр. 1241. Л. 25–25 об. Ед. хр. 1275. Л. 7 об.–8. Ед. хр. 1295. Л. 192 об.–193.

Приложение 26

Группировка МТС Курской области по числу обслуживаемых колхозов (на 01.01.1957 г.)*

Группы МТС по числу обслуживаемых колхозов	Число МТС	В процентах к общему количеству
4–5 колхозов	13	13,4
6–10 колхозов	75	77,3
11–20 колхозов	9	9,3
Итого	97	100,0

* ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 2725. Л. 25.

Приложение 27

Оплата трудодня в колхозах Курской области в 1940–1953 гг.*

Выдача на 1 т/д	**1940 г.**	**1951 г.**	**1952 г.**	**1953 г.**
Зерна (кг)	1,90	0,86	0,91	1,11
Картофеля (кг)	0,34	0,04	0,03	0,03
Денег (руб.)	0,40	0,72	0,39	0,73

* ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 2196. Л. 33.

Приложение 28

Основные показатели производственной системы «колхозы – МТС» Центрального Черноземья в 1946 г. (на 01.01.1947 г.)*

	Область				**По Центральному Черноземью**
	Воронежская	**Курская**	**Орловская**	**Тамбовская**	
Количество МТС	165	166	90	87	508
Число обслуживаемых колхозов	4320	4887	3776	2913	15896
Приходится колхозов на 1 МТС	26,2	29,4	42,0	33,5	31,3
Пахотных земель колхозов (тыс. га)	3859	3347	2159	2162	11527
Приходится пахотных земель колхозов на 1 МТС (тыс. га)	23,4	20,2	24,0	24,9	22,7
Посевная площадь колхозов (тыс. га)	2104	1433	722	962	5221
Приходится посевной площади колхозов на 1 МТС (тыс. га)	12,8	8,6	8,0	11,1	10,3

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1946 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 14. Ед. хр. 47. Л. 101 об., 107. Ед. хр. 48. Л. 60 об., 65. Ед. хр. 150. Л. 131, 135 об. Ед. хр. 255. Л. 115 об., 120.

Приложение 29

Соотношение объема работ, выполняемых тракторами и машинами МТС и живым тяглом колхозов Тамбовской области в 1946–1950 гг. (в процентах)*

Основные виды работ	1946 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.		1950 г.	
	МТС	Колх.	МТС	Колх.	МТС	Колх.	МТС	Колх.	МТС	Колх.
Боронование зяби	100	–	100	–	100	–	100	–	100	–
Боронование озимых	–	–	–	–	100	–	52,3	47,7	72,6	27,4
Весновспашка	80,9	19,1	87,5	12,5	82,8	17,2	91,3	8,7	100	–
Предпосевная культивация	76,3	23,7	84,0	16,0	78,5	21,5	90,3	9,7	89,6	10,4
Сев яровых	40,8	59,2	39,2	60,8	44,7	55,3	69,6	30,4	68,4	31,6
Культивация пропашных культур	1,9	98,1	20,9	79,1	27,3	72,7	39,6	60,4	52,3	47,7
Вспашка ранних паров	83,3	16,7	85,6	14,4	88,0	12,0	95,4	4,6	99,7	0,3
Культивация пара	87,5	12,5	90,0	10,0	94,1	5,9	98,0	2,0	100	–
Уборка	57,0	43,0	55,0	45,0	62,8	37,2	64,4	35,6	53,3	46,7
Сев озимых	46,2	53,8	45,7	54,3	53,9	46,1	82,0	18,0	90,0	10,0
Подъем зяби	74,0	26,0	69,2	30,8	81,3	18,7	93,2	6,8	100	–
Вспашка черного пара	7,5	92,5	2,7	97,3	11,9	88,1	100	–	100	–

* ГАТО. Ф. Р – 3443. Оп. 1. Ед. хр. 1188. Л. 22.

Приложение 30

Механизация полевых работ в колхозах Орловской области в 1940–1950 гг. (по сопоставимому кругу)*

Показатели	1940 г.	1950 г.	1950 г. в % к 1940 г.
1. Количество условных тракторов	6536	5697**	87
2. В них НР	98040	85450	87
3. Количество живого тягла:			
а) рабочих лошадей	124300	36040	29
б) рабочих волов – всего	400	34170	8543
в) рабочих волов в переводе на лошадей	280	23920	8543
г) живого тягла в лошадях	124580	59960	48
д) из них принимает участие в полевых работах	80980	38970	48
е) живого тягла в НР (работающего в полеводстве)	60730	29230	48
4. Всего механических НР	158770	114680	72
5. Общий объем работ в переводе на условную пахоту (тыс. га)	6621	6426***	97
6. Выполнено работ тракторами МТС	2271	3410	150
7. Уровень механизации (в процентах)	34,3	53,1	–
8. Нагрузка на единицу тягла по всем видам работ	42,0	56,0	133
9. Нагрузка на единицу тягла по весеннему севу	6,2	7,4	119

* ГАОО. Ф. 1200. Оп. 1. Ед. хр. 625. Л. 66.

**Из общего количества тракторов в 1950 г. исключены тракторы, занятые в машинно-мелиоративных отрядах.

*** Объем выполненных в 1950 г. работ принят без землеройных работ.

Приложение 31

Объемы и сроки выполнения основных видов полевых работ МТС Воронежской области в 1949 г.*

Основные виды полевых работ	Фактически выполнено (га)	Процент выполнения плана	В том числе работ, выполненных в срок по договорам с колхозами	
			Всего (га)	%
1. Раннее весеннее боронование зяби и пара	468592	117,1	440770	112,4
2. Раннее весеннее боронование озимых	289227	82,6	266151	77,0
3. Предпосевная культивация	1282027	111,1	1122236	102,1
4. Весновспашка	670876	103,2	571762	88,0
5. Сев яровых	1043039	104,1	905510	108,0
6. Подъем паров	993826	105,7	874720	98,6
7. Культивация паров	2645030	110,2	2387703	97,3
8. Культивация пропашных культур	272900	45,5	261618	42,0
9. Уборка зерновых	815888	107,7	750051	99,3
10. Уборка подсолнечника комбайнами	131819	87,9	118757	78,8
11. Уборка свеклы	15836	31,7	15649	32,2
12. Силосование	3149	6,3	3149	7,3
13. Лущение стерни	109865	36,6	102058	35,3
14. Вспашка черного пара	18666	18,7	18052	20,0
15. Сев озимых	773137	103,1	683151	89,6
16. Подъем зяби	1273215	101,9	1070255	85,8
Всего работ (в переводе на мягкую пахоту)	7194003	100,9	6413739	90,0

* РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 201. Л. 9 об.

Приложение 32

Основные показатели производственной системы «колхозы – МТС» Центрального Черноземья на 1.1.1951 г.*

	Область				По Центральному Черноземью
	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская	
Количество станций	173	175	105	96	549
Число обслуживаемых колхозов	1643	1662	1671	1027	6003
Приходится колхозов на 1 станцию	10	10	16	11	11
Пахотных земель колхозов (тыс. га)	3950	3328	2235	2248	11761
Приходится пахотных земель колхозов на 1 станцию (тыс. га)	22,8	19,0	21,3	23,4	21,4
Посевная площадь колхозов (тыс. га)	2769	2275	1379	1493	7916
Приходится посевной площади колхозов на 1 станцию (тыс. га)	16,0	13,0	13,1	15,6	14,4

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей за 1950 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 311. Л. 2–2 об., 19. Ед. хр. 314. Л. 1–1 об., 19. Ед. хр. 347. Л. 1–1 об., 17. Ед. хр. 373. Л. 137, 153.

Приложение 33

Основные показатели производственной системы «колхозы – МТС» Центрального Черноземья в 1957 г. (на 1.1.1958 г.)*

	Область						По ЦЧР
	Белгородская	Воронежская	Курская	Липецкая	Орловская	Тамбовская	
Количество МТС	75	132	95	72	70	96	540
Число обслуживаемых колхозов	457	773	726	443	524	734	3657
Колхозов на 1 МТС	6	6	8	6	8	8	7
Пахотных земельколхозов(тыс. га)	1637	2774	1904	1588	1622	2002	11527
Пахотных земельколхозов на 1 МТС (тыс. га)	21,8	21,0	20,0	22,1	23,2	20,9	21,4

* Таблица рассчитана по материалам сводных годовых отчетов МТС Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей за 1957 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 1295. Л. 96, 104 об., 186, 194 об. Ед. хр. 1297. Л. 19, 55, 237, 27 об., 63 об., 245 об. Ед. хр. 1298. Л. 225, 233 об.

Приложение 34

Уровень механизации работ в колхозах Тамбовской области в 1950–1953 гг. (в процентах к общему объему работ)*

Виды работ	1950 г.	1952 г.	1953 г.
Посев яровых	68,4	91,3	95,2
Вспашка ранних паров	99,7	96,3	99,0
Вспашка черного пара	100	93,0	100
Посев озимых	90,0	98,3	100
Лущение стерни	Нет сведений	100	100
Вспашка зяби	100	97,3	97,3
Уборка комбайнами зерновых	53,3	90,6	94,0
Уборка комбайнами подсолнечника	Нет сведений	91,2	92,3
Копка сахарной свеклы	Нет сведений	86,2	92,0

* ГАТО. Ф. Р–3443. Оп. 1. Ед. хр. 1188. Л. 22.

Приложение 35

Производство и урожайность зерновых культур в колхозах Воронежской области в 1947–1953 гг.*

Годы	Уборочная площадь зерновых (гектар)	Сбор центнеров с гектара	Валовой сбор (пудов)
1947 г.	1086356	9,80	64961657
1948 г.	1230762	6,97	52389984
1949 г.	1210209	6,30	46464587
1950 г.	1194881	7,05	51480394
1951 г.	1271776	8,70	68041892
1952 г.	1229002	8,20	61738137
1953 г.	1208386	7,52	55482307

* ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 33. Ед. хр. 59. Л. 10.

Приложение 36

Валовое производство зерна и технических культур в колхозах Липецкой области в 1953–1957 гг. (тыс. т)*

Культуры	1953 г.	1955 г.	1957 г.	1957 г. в % к 1953 г.
Зерно	431,2	722,7	760,3	176
Сахарная свекла	210,9	280	534	253
Картофель	148,4	162,2	225,4	152
Махорка	33,7	43,0	51,7	153

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Ед. хр. 150. Л. 47.

Приложение 37

Производительность труда в сельском хозяйстве РСФСР в 1954–1956 гг.*

	Произведено на одного работника за год (в сопоставимых заготовительных ценах – руб.)				Рост по сравнению с 1954 г в %	
	В колхозах		В совхозах		В колхозах	В совхозах
	1954 г.	1956 г.	1954 г.	1956 г.		
РСФСР	2078	2550	4128	5264	22,7	24,8
Районы:						
Севера	1503	1762	3192	2881	17,2	–9,7
Северо-Запада	1598	2585	3490	3479	32,4	–
Нечерноземной полосы	1530	2148	3228	3383	40,4	5,0
Черноземной полосы	1584	2138	4487	4412	35,0	–1,7
Поволжья	1924	2413	3527	5829	25,4	65,3
Северного Кавказа	2944	3453	5000	6449	17,3	29,0
Урала	1861	2247	4237	7456	20,7	75,7
ЗападнойСибири	3671	3678	4687	5443	0,2	16,1
ВосточнойСибири	2356	2764	4000	5475	17,7	36,9
ДальнегоВостока	3788	3842	4368	4568	3,1	4,6

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Ед. хр. 201. Л. 17–18.

Приложение 38

Структура заготовок и закупок хлеба в СССР в 1950–1955 гг. (тыс. т)*

	1950 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Всего поступило хлеба:	36445,8	34700,0	31106,7	34601,2	36823,5
в т. ч. от колхозов	28454,2	30460,7	27294,4	30345,4	31217,7
из этого кол-ва:					
по обязательнымпоставкам	8811,5	8504,9	7038,5	6161,7	6596,7
по натуроплате заработы МТС	15951,5	18503,8	15812,4	14870,5	16291,3
По возврату ссуд	1664,4	1024,0	844,3	1126,6	2723,4
государственныезакупки	–	–	1401,5	7013,4	4491,6
другие поступления от колхозов	2026,8	2428,0	2197,7	1173,1	1114,7
От совхозов	3541,7	4065,7	3676,6	4255,8	5605,8
От индивидуальныхсдатчиков	315,2	173,6	135,7	–	–

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Ед. хр. 150. Л. 14.

Приложение 39

Затраты МТС РСФСР на центнер натуроплаты в 1956 г. (в руб.)*

Наименование продуктов	Производственные затраты без амортизации	Производственные затраты, включая амортизацию и 10 %-е накопление	Цены, сложившиеся в 1956 г.	
			Заготовительные	Закупочные
Зерно	72,79	91,52	22,14	76,41
Подсолнечник	80,15	100,77	17,40	263,60
Картофель	30,60	38,47	34,60	51,90
Овощи	40,36	50,74	56,10	87,60
Сахарная свекла	10,31	12,96	25,00	–
Мясо	730,77	918,79	137,00	397,00
Молоко	158,07	198,84	54,00	134,00
Шерсть	2432,60	3058,61	2271,20	3490,00

* РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Ед. хр. 1258. Л. 149.

Приложение 40

Расчет стоимости зерна, поступившего в государственные закрома в 1955 г.*

	Затраты государства (на 1 т в руб.)	В том числе		
		Затраты МТС, совхозов и транспорта	Заготовительная цена	Издержки обращения в системе Минзага
Обязательные поставки колхозов	413,00	–	247,08**	165,92
Натуроплата заработы МТС	865,92	700,00	–	165,92
Возврат ссуд колхозами	165,92	–	–	165,92
Государственные закупки у колхозов	943,83	–	777,91**	165,92
Натурудержания	674,92	509,00	–	165,92
Поставки совхозов	571,32	480,00	–	165,92
Всего (в среднем)	703,19	–	–	165,92

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Ед. хр. 150. Л. 59.

**Включая сортовые надбавки.

Приложение 41

Выручка совхозов и колхозов СССР и РСФСР в 1956 г. от сдачи и продажи государству мяса (руб. за центнер живого веса)*

	Себестоимость в совхозах		Фактическая выручка в совхозах		Выручка по закупочным ценам в колхозах		Средняя выручка колхозов от сдачи и продажи государству	
	СССР	РСФСР	СССР	РСФСР	СССР	РСФСР	СССР	РСФСР
Крупнорогатый скот	699	726	403	401	413	407	240	235
Свинина	986	1032	851	865	871	840	674	610

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Ед. хр. 185. Л. 70.

Приложение 42

Затраты на 1 га мягкой пахоты в МТС Воронежской области в 1946 и 1957 гг. (руб.)*

	1946 г.		1957 г.	
	По плану	Фактические	По плану	Фактические
Горючее	16,72	16,27	5,79	5,29
Ремонт техники	8,37	10,35	7,19	6,48
Доплата производственным рабочим	4,83	4,62	6,31	5,45
Зарплата персоналу	6,49	5,83	4,50	4,18
Административно-хозяйственные расходы	0,95	1,06	0,69	0,78
Капитальный ремонт зданий, сооружений и оборудования	–	–	0,91	0,72
Премии за экономию горючего	–	0,23	–	–
Итого	36,92	38,06	25,39	22,90

* Таблица составлена по данным сводных годовых отчетов МТС Воронежской области за 1946 и 1957 гг. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 14. Ед. хр. 47. Л. 102. Оп. 15. Ед. хр. 1295. Л. 190 об.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрамов В.А. – 39, 349
Абрамов Ф. – 238
Аброськин С.В. – 345
Аверин – 201
Аврех Л.И. – 41, 349
Агарков Н.А. – 76
Адерихин П.Г. – 358
Азарин М. – 13, 37, 350
Алексеев В.А. – 90, 91, 350
Алексеев В.В. – 356
Алипов Н.Д. – 200
Алтайский И. – 22, 38, 73, 145, 147, 204
Амелин – 257
Амосов А.И. – 350
Ананьев И.К. – 347
Анашин – 265
Андреев А.А. – 43, 99–102, 136, 345, 349
Андропов Ю.В. – 347
Анисимов Н.И. – 350
Анисков В.Т. – 354
Арутюнян Ю.В. – 17, 18, 21, 22, 39, 40, 90, 245, 350
Архипова Т.И. – 44, 347
Афанасьев Ю.Н. – 42, 353
Ашанин В.Я. – 350

Б

Барабина – 312
Баранов П.П. – 44, 347
Барсенков А.С. – 42, 353
Басюк Т.Л. – 38, 242, 331, 350
Бахарев А. – 334
Бахвалов – 304
Безнин М.А. – 30, 31, 42, 142, 183, 242, 350
Белавцев – 85
Белокопытова – 222, 231
Бельских Н.Н. – 358
Беляев Н.И. – 133
Беляк К.Н. – 350
Бенедиктов И.А. – 38, 44, 129, 139, 140, 176, 347
Берия Л. – 43
Берхин И.Б. – 140, 354
Бессдин – 217
Бобрышев – 223
Богдашкин П. – 207, 350
Богденко М.Л. – 350
Богомолов О.Т. – 349
Борзиков – 290
Борисов – 234
Борисов Ю.С. – 21, 22, 40, 350
Боффа Дж. – 29, 42, 351
Бресв – 199
Брежнев Л.И. – 125
Брюханов Н.П. – 63
Бугаев И. – 39
Буденный С.М. – 85, 271
Буздалов И.Н. – 140, 349
Булганин Н.А. – 128, 131
Булочникова Л.А. – 38, 351
Бураков М.Е. – 41, 351
Бурков И.И. – 254
Бурлацкий Ф.М. – 347
Бурцев – 319
Бутенко А.М. – 351
Буянов П.С. – 39, 349

В

Вайнер М.Т. – 37, 351
Ванин М. – 76
Василенко И. – 38
Васильева Г.Н. – 345
Ватипко Б. – 39
Вдовин А.И. – 42, 353
Венжер В.Г. – 16, 19, 20, 38, 40, 112, 351
Вербицкая О.М. – 28, 42, 95, 138, 351
Верт Н. – 351

Вствицкий Б. – 186
Викентьев А.И. – 351
Виноградов В.А. – 353
Винокурова Р.Ф. – 351
Вишневский А.Г. – 351
Волков – 248
Волков И. – 150
Волков И.А. – 227, 299
Волков И.М. – 23, 37, 40, 41, 93, 95, 105, 135–137, 183–185, 242, 277, 333, 351, 352, 354, 357, 358
Воронин – 161
Воронкова С.В. – 42, 353
Вурдуков – 200
Вылцан М.А. – 17, 18, 20, 21, 24, 39–41, 90, 92, 136, 137, 184, 242–245, 251, 331, 350–353

Г

Гальперин И. – 37, 352
Гармаш Д.М. – 44
Георгиев В.А. – 42, 353
Георгиева Г.Н. – 42
Георгиева Н.Г. – 353
Герасимов – 203
Гладков И.А. – 137, 358
Глазков – 290
Глотов – 160, 352
Глубоков – 254
Глухов А.А. – 41
Голодников – 317
Голубев В. – 334
Голубин – 217
Голубятников – 293
Гомозов Д.Г. – 358
Горбатов – 293
Горбачев М.С. – 44
Горбачев О.В. – 352
Горошников Н.Г. – 252, 305
Горшков М.П. – 37, 351, 352
Горюшина Е.М. – 230
Гриднев – 170, 199, 263
Гриценко Н. – 76
Гришин В.В. – 44
Губенко М.П. – 19, 39, 93, 352

Д

Данилов А.А. – 352
Данилов В.П. – 90, 92, 347, 352, 358
Денисов В.В. – 43
Денисов Ю.П. – 352
Димитров Г. – 76, 266
Димони Т.М. – 30, 31, 42, 142, 183, 242, 350, 352
Долгов В.С. – 19, 40, 352
Донгарова Т.С. – 24, 40, 352
Доронин П.И. – 83, 84, 254, 255
Дорошенко П.Е. – 352
Дроздов В.В. – 42, 352
Дронов – 199
Дубоносов Д.И. – 352
Дубров Б.И. – 352
Духанин Д. – 307

Е

Евтеев А.И. – 352
Егураздов С. – 236
Ендовицкая А.И. – 88
Еремеев К.И. – 38
Ермаков – 144
Есиков С.А. – 242, 354, 359
Есипов В.Е. – 349
Ефанов – 224, 249

Ж

Жданов А.А. – 88, 263
Жуков К.П. – 166, 178, 179, 280, 320
Журавлев В.В. – 40

З

Завьялов – 290
Запольский – 203
Заруцкий – 275
Зверев А.Г. – 115, 133, 138, 347
Зеленин И.Е. – 24, 27, 40, 41, 90–92, 98, 112, 135, 138–140, 346, 350–353
Зима В.Ф. – 87–89, 95, 96, 137, 353
Злобина – 269
Золотухин – 256, 301
Зубков И.А. – 94
Зубкова Е.Ю. – 43, 346, 353

И

Иванов – 296
Иванов Н.С. – 28, 42, 353
Игнатов Н. – 177

Игнатовский П.А. – 18, 39, 353
Измайлов К. – 38
Ильин И. – 39
Ильин М.А. – 17, 39
Ишков – 279

К

Кабанов П.А. – 72, 93, 347
Каверин В.Я. – 75
Каганович Л.М. – 43, 63, 131, 138–140, 346
Кажаринов В.В. – 292
Казаков – 260
Калинин – 217, 268, 297
Канищев – 144
Канунников – 217
Канцеляристов П. – 38
Каравасв А.А. – 39, 349
Карпенко Ю.М. – 93, 354
Карташов Р.Н. – 38, 354
Карякин – 286
Касторный – 231
Каторгин Н.И. – 354
Кашаринский Н.А. – 76
Квашонкин А.В. – 43
Кикин Б. – 38, 354
Ким М.П. – 90, 351, 352, 354, 356–358
Кистирева Т. – 80
Климов П.И. – 39, 354
Клюев А. – 38
Ковалев Е.М. – 44
Ковалева Н. – 43, 138, 346
Ковалевский – 257
Коваль Т.А. – 358
Коган П. – 330
Кознова И.Е. – 354
Колесников П.А. – 357
Коновалов – 234
Конюшков С.В. – 38
Коркоценко Д.И. – 39, 354
Корн М.В. – 347
Корнеев В. – 177
Корнисц Л.Р. – 125
Корнилов Г.Е. – 25, 28, 40, 42, 242, 354, 359
Коровин А.А. – 220
Корольков Н.В. – 39, 349
Коротаев Г.М. – 169, 172
Коротких А. – 80
Коротков А. – 43, 138, 346
Косыгин А.Н. – 44
Кошелева Л.П. – 43, 346
Кошкин В.Н. – 39, 354
Кравченко П.Ф. – 302
Краев М.Э. – 354
Красникова Т.Я. – 220
Красюков П. – 38
Крахмалев – 284, 315
Крстинин – 229
Криводед В.В. – 39, 355
Кривошей – 265
Крылов – 284
Кузнецов А.А. – 43, 191
Кузнецов Г.А. – 346
Кузнецов И. – 38
Кулагин Н.А. – 39, 349
Куликов – 268
Куликов В.И. – 39, 354
Куликов Г.Б. – 356
Кульбацкий – 250
Кунова – 269, 270
Курильчик – 292
Кучумов П. – 38, 218, 240, 355

Л

Лазарев – 144
Лактионов И.Д. – 355
Лапаев П.С. – 38
Лапина – 310
Лаптев – 131
Ларионов А. – 37, 352, 355
Лаушкина – 271
Лежепсков – 264
Лейбович О.Л. – 355
Ленин В.И. – 345
Летенко А.В. – 138, 355
Лобанов П.П. – 178
Ловков Я. – 39
Логунов В.И. – 41, 357
Лосев А.В. – 26, 41, 93, 94, 136, 137, 241, 245, 332, 335, 353, 355, 357, 358
Лоскутов В.И. – 347

М

Магомедов А.К. – 42, 355
Макколей М. – 30, 42, 355

Малашенко Л.Н. – 43
Малеиков Г.М. – 43, 99, 113, 116–118, 127, 128, 131, 138–140, 218, 345, 346
Малыхина М.Я. – 76
Малышев И. – 38, 41
Мальцев – 171, 297
Мамячеиков В.Н. – 355
Маннинг Р. – 92
Марейкова А.Д. – 229
Маричев – 234
Маркс К. – 12, 37, 116, 318, 346
Маров В. – 38
Марсавин Б. – 336
Мартынов – 160
Маршутин С.Ф. – 238
Мастеров Н. – 328
Матвеев А.П. – 70
Мацкевич В.В. – 39, 131
Машкова И.Н. – 220
Медведев Н.В. – 220, 311
Мельчин С. – 43, 138, 346
Мещерина М.К. – 40, 355
Микоян А.И. – 44, 104, 133, 136, 347
Миллер Р. – 29
Милов Л.В. – 10, 37, 42, 353, 355
Милосердов В.В. – 39, 355, 356
Милосердов К.В. – 356
Милохин Д.В. – 31, 42, 356
Минеико – 217
Минюк А.И. – 346
Минюк Л.И. – 43
Митьков – 296
Митюшкин Т. – 16, 38
Митяева О.И. – 24, 40, 356
Михайлова – 293
Михалев – 269
Михалев Г.М. – 41
Михальченко – 220
Молотов В.М. – 43, 124, 125, 131, 138–140, 279, 290, 346
Моргунов – 310
Морозов В.О. – 356
Морозов Н.Г. – 272
Морозов П.Ф. – 149, 219, 223, 312
Мотревич В.П. – 25, 40, 356
Мошков Ю. – 347, 356
Мошков Ю.А. – 90–92
Мыларщиков В. – 328

Н

Назаров – 256
Наухацкий В.В. – 27, 41, 91, 356
Негодяев Н.Е. – 40, 356
Немцев А.Н. – 220
Никитин Н. – 38
Никитин П. – 334
Никонов А.А. – 28, 42, 110, 137, 356
Никонов П.А. – 256
Никулихин Я. – 13, 37, 356
Новиков – 282

О

Оболенский К.П. – 358
Объедков Г. – 38
Овечкин В.В. – 160, 186, 238, 256, 347
Олейник Д. – 202
Ольшевская Г.К. – 19, 39, 40, 352, 356
Орлов А.С. – 42, 353
Островский В.Б. – 39, 42, 355–357

П

Павлов Д. – 328
Панеевин А.С. – 40, 245
Панников В.Д. – 358
Парфенов – 258
Пархоменко Ф.А. – 222
Паршин П.Н. – 351
Пашкова Н. – 80
Пейрс А. – 29
Перов Г. – 328
Пешехонов – 278
Пихоя Р.Г. – 139, 357
Платонов – 228
Плотников – 203
Поздняков – 257
Полищук В.Д. – 42, 355
Поляков Е.М. – 41, 357
Поляков Ю.А. – 39, 356
Полякова Е.М. – 93
Пономарев Д.И. – 75
Пономаренко П.К. – 125
Попов В.П. – 44, 92, 93, 96, 137, 138, 345, 346, 357
Постригань – 200
Потапов – 171
Пральников А. – 75

Пугин В.И. – 222, 228
Пузанов А.М. – 116
Пчелкин – 52
Пыжиков А.В. – 139, 352, 357

Р

Рабинович Я.И. – 201
Распутин В. – 238
Растяпин В.М. – 39, 358
Резванов В.М. – 39, 358
Рогов А. – 38
Роговая Л.А. – 43, 346
Росовский – 192
Ростиславский В. – 38
Руденко Л.В. – 43, 358
Руденко Л.Д. – 32
Русинов И.Б. – 140, 358
Русинов И.В. – 139
Рыбальченко – 292
Рыжикова Н.В. – 230

С

Сабуров М.З. – 113, 138
Салманов – 266, 267
Санина А.В. – 20, 112
Свенская – 223
Селихов Н.И. – 229
Снявский С.Л. – 37
Сивохина Т.А. – 42, 353
Сигаев Ю. – 43, 138, 346
Сидоров – 258, 268
Симуш П.И. – 245, 358
Симчера В.М. – 358
Синюков М. – 38
Сланов И.А. – 32, 43, 358
Сметанин А.Ф. – 31, 42, 356
Смирнов Е.И. – 88
Сойфер В.Н. – 136, 358
Соколов – 230
Соколов Н. – 166
Соколова О.В. – 32, 43
Солженицын А.И. – 357
Сопин – 155
Сталин И.В. – 20, 34, 40, 42–44, 54, 83–85, 88, 95, 96, 98, 99, 106, 112, 113, 115, 116, 122, 135, 138, 139, 159, 237, 258, 303, 346, 347, 351, 357
Старков – 179, 252
Стародубровский К.А. – 202
Степанков – 85
Степанов А. – 43, 138, 346, 358
Столыпин П.А. – 30
Стрельцова Т.П. – 33, 43

Т

Талдыкин Н.Н. – 272
Таубман У. – 30, 42, 140, 358
Твардовский В.П. – 37, 351
Тельпуховский В.Б. – 354
Тимашова М. – 38, 358
Тимошенко – 278
Тишков И.А. – 358
Ткачев С.И. – 229
Ткаченко – 152
Токарев Ф.И. – 310
Толмачев – 278
Толмачева Р.П. – 25, 41, 358
Томилин В.Н. – 359
Тонких – 271
Тонких А.И. – 220
Трапезников С.П. – 39, 359
Трембачев – 219
Трофимов Н.П. – 38, 359
Тулупников А. – 39
Тюрина А.П. – 22, 23, 40, 103, 136–138, 240, 351, 359
Тюхов П. – 37, 93

У

Удачин С. – 38
Улупова Е.М. – 220
Урюпин Ф. – 328
Утенков А.Я. – 359

Ф

Филатов – 261
Филипенко – 314
Филиппов А.И. – 347
Фицпатрик Ш. – 359
Флоренсньев Л.Я. – 90, 358
Фоменко И.Л. – 199
Форманян – 319
Фраер С. – 37, 352, 355, 359
Фролова – 293

Х

Халтурин В. – 38
Хахалев – 275
Хесин С.С. – 137, 356
Хисамутдинова Р.Р. – 32, 43, 184, 185, 359
Хлевнюк О.В. – 43
Холмовой Т.И. – 302
Хрущев Н.С. – 7, 9, 12, 17, 19, 27, 30, 34, 41–44, 95, 99, 100, 115, 118, 120–136, 138–140, 176, 179, 194, 195, 201, 202, 239–241, 246, 308, 328, 337, 343, 344, 347, 351–353, 355, 358–360
Худяков П.Т. – 40

Ц

Цимберов Г.Е. – 200, 201

Ч

Чайкин П. – 328
Частушкина Р.И. – 220
Чекменев Е. – 328
Челинцев А. – 10, 37, 359
Челядин – 225
Чернявв – 192
Чесноков – 250, 292
Четырин – 307
Чикин – 217
Чинчаков М.А. – 39
Чинчиков А.М. – 39
Чинчиков М.А. – 19, 359
Чистяков В.Б. – 28, 42, 137, 203, 241, 359

Ш

Шанин Т. – 37, 359
Шарапов Ю.П. – 356
Шарова В.Н. – 360
Шарова П.Н. – 22, 40
Шаталова – 161
Шаяхметов Ж. – 124
Шварц Г. – 29
Шевченко Т.Г. – 46
Шедеркин – 52
Шепилов Д.Т. – 131, 347
Шеповалов – 257
Шестаков В.А. – 137, 356, 360
Шестопалов В.К. – 272
Шипилова Е. – 80
Шишкина - 267
Шиянов - 258
Шмелев Г.И. – 360
Шрабштейн Г. – 38, 360
Шуляковский Е.Г. – 41, 93, 357

Э

Энгельс Ф. – 12, 37, 346, 350

Ю

Юрков – 293
Юров А.Т. – 39, 360
Юрьев – 258

Я

Яковлев А.Н. – 43, 138, 346
Якунин – 288
Ярцев – 221

B

Bergson A. – 350
Berry M.J. – 350

C

Cohen S.F. – 42, 355
Crummey R.O. – 42, 354

L-M

Levin M. – 355
McCauley M. – 42, 355, 358
Millar J.R. – 42, 355
Miller R.F. – 42, 355

N-R

Nove A. – 42, 356
Rostow W. – 358

S

Schapiro L. – 359
Schwartz H. – 42, 358
Smith G.A.E. – 42, 358

Y

Yanov A. – 42, 354

АИРО в 2008–2009 гг.

2008

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В. Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г. А. Бордюгов, Т. М. Горяева.

С. В. Константинов. «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О. В., Касаев А. Ч., Молодяков В. Э.

Леонид Козлов. В диалоге с прошлым.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г. А. Бордюгов.

Стивен Коэн и Советский Союз/Россия. Сост. Г. А. Бордюгов, Л. Н. Доброхотов.

Е. В. Суровцева. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).

А. А. Куренышев. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера.

Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э. В. Молодякова.

Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.

Роберт Эдельман. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.

А.Г. Тепляков. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

Иван Родионов. Забытый путь. Из архивов писателя: письма, дневниковые записи, воспоминания, проза. Поиски материалов, обработка, комментарии, справочный аппарат журналиста Галины Стукаловой.

Стивен Коэн. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина / Пер. с англ. Ирины Давидян

Е.И. Щербакова. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). («АИРО – Первая монография»)

Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД №00447

С.Б. Веселовский. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия.

2009

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»)

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»)

Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.

Эрик Кулевиг. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР / Перевод с англ. С. Иванова. (АИРО — Первая публикация в России).

Н.И. Бурнашева. В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).

Подробнее об этих, и других изданиях АИРО Вы можете узнать, посетив наш сайт http://www.airo-xxi.ru/,
а также заказать заинтересовавшие Вас издания в нашей книжной лавке http://www.airo-xxi.ru/magazin.htm

Научное издание

Виктор Николаевич ТОМИЛИН

НАША КРЕПОСТЬ.
Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России
в послевоенный период: 1946–1958 гг.

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 5-91022-108-6

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП издательство «Новый хронограф»
Контактные телефоны в Москве: (095) 466-16-35, 671-00-95
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Интернет: http://www.novhron.info

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 29.03.2009
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 25,0
Тираж 500 экз. Заказ № 138т.